

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000044513078

*Людмила
Улицкая*
Бумажный
театр
НЕПРОЗА I

18+

НОВАЯ КНИГА

Издательство
Современный мир

Людмила
Улицкая
Бумажный
театр
НЕПРОЗА I

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
У48

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В оформлении переплета использована картина АНДРЕЯ КРАСУЛИНА

Фото автора на переплете Като Лейн (*Cato Lein*)

Книга публикуется по соглашению с литературным агентством
ELKOST Intl.

Улицкая, Людмила Евгеньевна.

У48 Бумажный театр : непростоза / Людмила Улицкая. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 540, [4] с. — (Улицкая: новые истории).

ISBN 978-5-17-132615-9

Свою новую книгу Людмила Улицкая назвала весьма провокативно — непростоза. И это отчасти лукавство, потому что и сценарии, и личные дневники, и мемуары, и пьесы читаются как единое повествование, тема которого — жизнь как театр. Бумажный, не отделимый от писательского ремесла.

“Реальность ускользает. Всё острее чувствуется граница, и вдруг мы обнаруживаем, как важны детали личного прошлого, как много было всего дано — и радостей, и страданий, и знания. Великий театр жизни, в котором главное, что остается, — текст. Я занимаюсь текстами. Что из них существенно, а что нет, покажет время”. (*Людмила Улицкая*)

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ISBN 978-5-17-132615-9

© Улицкая Л.Е.
© Бондаренко А.Л., художественное оформление
© ООО “Издательство АСТ”

СОДЕРЖАНИЕ

“Из ученичества не выплыву...”	7
Непроза	9
ЦЕЛИТЕЛЬНАЯ МАГИЯ ТЕАТРА	15
<i>Полупродукт — несчастный случай</i>	49
<i>Сестрички Либерти. Сценарий</i>	51
<i>Семья сегодня</i>	123
<i>Юбилей. Дубль два. Пьеса</i>	125
БЛИЖНИЙ КРУГ	189
<i>Из дневника</i>	193
<i>Пепел и алмаз. Всё про Ароньча</i>	194
<i>Продолжение темы: друзья</i>	203
<i>Любовь без взаимности</i>	205
<i>Инвалиды</i>	223
<i>Четыре судьбы</i>	230
ПЕРЕСЕКАЯ ГРАНИЦЫ	249
<i>Босховы детки. Сценарий</i>	253

К РУССКОМУ КОСМИЗМУ	359
Чао, ЧАУ! Пьеса	363

НОВАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ	427
Чума. Сценарий	431

ЭПИЛОГ

Чтение как подвиг: интеллигенция и неподцензурная литература	519
---	-----

* * *

Из ученичества не выплыву вовек,
школяркой, девочкой
стареющей пребуду.
Всё понедельник, чистый лист
и первый снег
надеждами мне полнятся,
покуда
не гаснет свет всеобщей мастерской,
и не кладут крестом на руку руку,
и с губ слетит комочек золотой,
покинув обнищавшую старуху.

1978

Непроза

С тех пор как я научилась писать, я писала. Ужасным, надо сказать, почерком. Точнее, несколькими разными плохими почерками. Что писала? Записочки, письма, детские дневнички. Дневники пишу до сих пор. Целая куча разноформатных книжечек, года с 76-го сохранились почти все. Более ранние развеялись. Когда удастся разобрать — интересно. Я ли писала или другой человек? Ответ на этот вопрос двойственный: да, конечно я, но я стала другим человеком... Что писала в дневниках — не проза. Но проза в них завязывалась. Эта книжка так и будет называться — “НЕПРОЗА”.

Сюда включено много чего неопубликованного: пьесы, сценарии, эссе. И дневниковые записи. Они уж точно непроза.

Нашла недавно запись в дневнике, сделанную больше сорока лет тому назад. Улыбнулась.

18 июля 1978. Ай-Даниль

...Если бы Бог дал сил написать большую книгу — о голоде, о жажде, о “семейных связях”, о ближних, о метаморфозах любви, о (бабочка ночная села на палец, когда писала) разных сортах ее, о возрастании, созревании, расширении, преодолении ее, о том, как любовь становится безымянной и безадресной, направленной просто “вовне”, и объект ее — ближний в пространственном смысле, тот, кто сейчас рядом, кто сегодня в тебе нуждается. Когда стираются грани — и родительская уже не отличается ни от дружеской, ни от свирепой страсти: то есть преобразование любви. И страшно подступиться, так много про это знаю. Слишком. Не могу в уме связать всех нитей... В память Марии Петровны, моей бабушки, у которой как раз этого не получилось. “На половине своей длины коридор выкидывал колени и тек на криво срезанную кухню, которую Мария Петровна ненавидела...” — и закончить сумочкой под подушкой, в которой морские камешки. Подбирает, крадет сумочку соседка в больнице, уже у мертвой...

Сдам детей в сад и сяду. Уже пора.

Большую книгу я в конце концов написала. И не одну. Но до выхода первой книги, небольшого сборника рассказов “Бедные родственники”, оставалось еще ровнехонько двадцать пять лет... Она вышла совершенно чудесным образом на французском языке в издательстве Gallimard в 1993 году. И было мне в тот год пятьдесят...

До выхода сборника я много чего произвела: сценарии для мультфильмов, несколько детских книжек, несколько песен, из них некоторые даже были поставлены в детских театрах. Но сколько же всего не было

никуда представлено, не напечатано, даже никем не прочитано. Это у меня обыкновение и по сей день: поставила точку — и считаю, что дело сделано. Но сделано-то оно на самом деле, когда потрачены время и силы на публикацию. Про пьесы и сценарии и говорить нечего — самая беготня начинается, когда речь заходит о постановке... Вот на это меня не хватало тогда, не хватает и теперь...

Ноябрь 2019

Однажды мне было тридцать пять. В жизни все переменилось... Нет, не так. Однажды мне было тридцать три. В жизни все переменилось. Я смертельно влюбилась в совершенно неподходящего человека. Он был супермен, а я до этого времени вблизи эту brutальную породу живьем не встречала. И уж конечно не догадывалась, что нет на свете ничего глупее, чем быть суперменом. Это решительным образом изменило мою жизнь: я развелась с мужем, преобразовалась в одинокую "разведенку" с двумя малолетними сыновьями, одновременно сообразила, что за годы довольно безрадостного брака потеряла свою замечательную, но слишком быстро убежавшую вперед биологическую профессию. С суперменом, между прочим, тогда же и рассталась. И осталась на руинах. Терять было уже нечего... И почувствовала я себя свободной как никогда в жизни. И новенькой. Кроме двух детей и маленькой разменянной с бывшим мужем "двушки", ничего не было. Но тут отец подарил мне свою старую машину, "пятерку", и жизнь моя пошла на новых скоростях, с нулевой точки.

Нет, вру. Машину отец отдал мне гораздо позже. Просто время тогда летело со страшной скоростью, как в окне поезда мелькали картинки, и все новые, прежде невиданные.

Итак, возникла новая жизнь, и я немного нервничала, много читала и немного писала. Всего разного. Я до сих пор люблю делать то, чего не умею, а уж тогда фронт у меня был очень широкий: ничего не умела и за все бралась. Почти за все...

В тот год, когда мне исполнилось тридцать пять лет, я решила поступить на Высшие сценарные курсы. Туда принимали как раз таких, как я, — с высшим образованием и не старше тридцати пяти. Я подала заявление вместе со свеженеписанным сценарием “Чума в городе” Валерию Фриду, прекрасному мастеру, он набирал курс. Он мне позвонил через пару дней и сказал: я вас не возьму. Я расстроилась, но не сильно, потому что не особо и рассчитывала... А Фрид продолжает: нет смысла вам учиться, вы уже всё умеете.

Сценарий этот “Чума в городе” никогда не был поставлен. Я недавно его нашла в шкафу, прочитала и думаю: а Фрид-то был прав, хороший сценарий. А что он меня в учебу не взял, может, большое везение.

С тех пор я и осталась расстригой — бывшим генетиком. Называть себя писателем язык не поворачивался. Да и генетиком невозможно: за те пятьдесят лет, что прошли с окончания биофака, та генетика, которую я изучала, находится теперь в школьных учебниках. А та, что сегодня называется генетикой, стала главной наукой человечества и располагается на стыке биологии, физики, химии, математики, информатики...

С того же времени я знаю, как прекрасно быть никем.

Нет, я нисколько не жалею о трудностях жизни. Я просто вспоминаю сегодня, как прекрасна иногда бывает “точка нуля”. Дети выросли, нарожали внуков. Я давным-давно замужем за тем самым бывшим суперменом, который прекрасный старик, с самой легкой тенью суперменства, над которым сам и посмеивается. И мне сто лет в обед.

За эти годы я написала много книг. Книги переведены больше чем на сорок языков. Карьера удалась, хотя я об этом и не мечтала. Вообще, многое удалось. Но сегодня я хочу поговорить о том, что не удалось: не напечатано, не поставлено и даже никем не прочитано. И занимаюсь я сейчас почти исключительно стариковской работой — архивом. Очень интересно.

Занимаясь своим архивом, то есть шкафом, в котором сложена вся моя писанина за всю жизнь, я обнаружила, что многое из того, что я производила, напрочь забыла. Перечитала пьесы и сценарии. Кое-что — просто даром переведенная бумага. Кое-что мне нравится и даже, кажется, нисколько не устарело. Как хорошо, что есть бумага. Скоро ее вообще не будет, а техника современная так быстро стареет, что уже невозможно прочитать то, что было написано на наших первых в жизни кассетах, дискетах и флешках. Только археологи смогут. Слава бумаге! Но не о бумаге речь.

“Бумажная архитектура” — раньше так называли архитектурные проекты, которые нарисовать на бумаге можно, а построить нельзя. По разным причинам — техническим, эстетическим или идеологическим.

Я занимаюсь текстами. И живем мы во времена, когда тексты в большой степени остаются “бумажными”. Что из них существенно, а что мусор, показывает только время.

ЦЕЛИТЕЛЬНАЯ
МАГИЯ ТЕАТРА

К театру тянет. Бабушка Мария Петровна, неудавшаяся актриса марджановского Московского свободного театра (моя мама на этом месте поджимала губки и говорила: “Погорелого театра!”), существовавшего всего один сезон 1913–1914 года, всю жизнь чувствовала себя “причастной”. И меня вовлекла. МХАТ. Год, наверное, 1948-й. Мне лет пять. “Синяя птица” Метерлинка. Актер Хлеб задирает рубаху и ножом вырезает из своего живота ломоть хлеба бедным деткам... Такого за всю жизнь не забудешь!

Помню, как в 1955 году бабушка привела меня, двенадцатилетнюю, на московские гастроли, где играли “Гамлета” в постановке Питера Брука с Полом Скофилдом в главной роли. Такое случается раз в жизни. Не так уж много людей осталось на свете, кто помнит этот спектакль. А я помню с тех самых пор: *To be, or not to be, that is the question...* А сколько разных “Гамлетов” видит человек за свою жизнь! Второго “Гамлета” я видела в том же театре, который еще назывался театром Революции — он был охлопковский, — несколько лет спустя. Гертруду играла бабушкина тогдашняя соседка по коммунальной квартире, актриса Вера Гердрих. История была очень интересной: Вера должна была играть Гамлета, репетировала, но в последний момент в роли Гамлета вышел все же Евгений Самойлов — актриса в роли Гамлета была слишком революционна даже для театра Революции. Слова “гендер” тогда еще не знали. Но, вероятно, бабушка взяла меня на генеральную репетицию, потому что

я отчетливо помню рослую женщину с плотными ногами в мужском костюме... Нет, все перепутала, и теперь уже не распутать: и бабушка умерла, и Вера Гердрих. Кажется, именно этот спектакль с Верой Гердрих был мой первый “Гамлет”, а в постановке Питера Брука — уже второй.

* * *

В 1979 году я и сама попала в театр. Работать! На этом месте придется сделать глубокомысленное заявление, что судьба человеческая — большая затейница... Итак, я развелась, детей отправила в детский сад на целую смену и размышляла, куда идти работать: генетика — наука стремительная и за эти годы улетела очень далеко, до нее уже было не достать... И тут в доме моем отключили горячую воду. Неделю я мылась холодной водой, а потом, соскучившись по горячей, поехала к подруге Гале Охримец, у которой к этому времени воду уже включили. Галя — художник, в то время начала работать в новом, недавно образовавшемся Еврейском театре. И тут как раз к ней в дом приехал режиссер. Он тоже был новый, как и театр. Состоялась наша первая встреча.

Теперь об обстоятельствах времени.

Годы были те самые, когда евреи отчаянно боролись за право репатриации в Израиль, сидели “в отказе”, и власть решила продемонстрировать миру, что с еврейской культурой все в порядке, никто евреев не преследует за их желание “свалить” из страны, и для поддержания этой легенды был создан в Биробиджане этот самый театр. Местом его временной прописки назначена была Москва. В этом был резон:

в Еврейской автономной области к тому времени оставалось полтора еврея. Как мне объяснил один из оставшихся в Хабаровске молодых евреев, все евреи уехали на Запад. “Какой Запад?” — удивилась я. “Ну, кто в Новосибирск, а кто и в Москву...” — объяснил он. О другом Западе они и не мечтали.

Вот с режиссером этого самого Еврейского театра, который сразу после организации театра отвалил на разрешенный Запад, то есть в Москву, мы и познакомились. Сидели, пили чай. Разговаривали. Режиссер сообщил, что собирается ставить спектакль о Бар-Кохбе. Был такой еврейский революционер, поднявший восстание против римлян в 137 году нашей эры... Я была осведомлена. Начитанная была девица, к тому же мой тогдашний муж, зная о моем интересе к еврейской истории, подарил к рождению первого сына “Еврейскую энциклопедию” издания Брокгауза и Эфрона. Впервые, вероятно, встретив человека, которому имя Бар-Кохбы было известно, режиссер немедленно предложил мне идти к нему в завлиту. Это было легкомысленное предложение, и я его, после небольших колебаний, легкомысленно приняла. Это был новый поворот. Я начала театральную жизнь!

Нелишним будет упомянуть, что новый театр собирался играть на почти выветрившемся за время разнообразных гонений XX века языке идиш. Актеров, знающих этот язык, практически не было. Хотя евреи были в достаточном количестве. Режиссер тоже языка не знал. Были наняты два педагога, Александр Гордин и Мария Котлярова; они и преподавали нашим актерам этот почти вышедший из употребления язык. Они были бывшими актерами ГОСЕТА, Московского Еврейского театра, разогнанного в 1949 году.

Михоэлс, его руководитель, был убит и сброшен под колеса грузовика. Многих актеров тогда посадили. Для актеров ГОСЕТА идиш был родным языком. И это был не усеченный язык местечка, лавочки, домашнего застолья, а язык небольшой локальной культуры.

Я на уроки идиш не ходила. Но выучила второй раз в жизни еврейский алфавит. Первый раз эти древние загадочные буквы показал покойный прадед, но я успела их забыть. В те годы я прилично знала немецкий язык, что было большой подмогой.

С самого начала работы театра стало ясно, что играть драматические произведения на идиш актеры не смогут никогда, а вот песню спеть смогут. Так театр стал камерным и музыкальным. Первым спектаклем, который был уже поставлен, когда я попала на должность заведующего литературной частью, была опера “Черная уздечка белой кобылицы”. Признаться, либретто было чудовищно плохим. Для того чтобы это понять, совершенно не надо было быть специалистом. Но первое задание, которое я получила как завлит, — выпуск пластинки с этой полуоперой. На пышном конверте к пластинке предполагался текст, для написания которого я должна была взять интервью у художника-постановщика спектакля, у самого Ильи Глазунова! И я притащилась к нему домой, в дом Моссельпрома у метро “Арбатская”, в квартиру, увешанную первоклассными иконами северного письма по одной стене и немецкими барельефчиками техники “бисквит” — по другой. Он их тоже собирал. “Широкий русский человек...”, как говорил Достоевский. Насколько широкий, Глазунов сообщил мне в нашей беседе. На мой вопрос, почему он решил вы-

ступить в роли художника-постановщика в еврейском театре, он ответил: “Я за чистоту искусства! Пусть русское искусство будет русским, а еврейское — еврейским. Я готов помочь становлению еврейского театра, еврейского искусства, но принцип мой в том, чтобы искусство сохраняло свою национальную чистоту”. Подтекст был вполне понятен: лишь бы вы, евреи, в русское искусство не лезли...

Пластинка вышла — обложка на трех языках: русский, английский, идиш.

И больше о Блазунове ни слова: *De mortuis aut bene, aut nihil*.

Второй художник, с которым я познакомилась в еврейском театре, — Сергей Бархин. Он был художником-постановщиком знаменитого американского мюзикла “Скрипач на крыше”, который сильно видоизменился на нашей сцене, начиная от нового названия — “Тевье из Анатовки”... Именно Сергей Бархин и открыл мне восхитительную тайну театра, которая существует только в личной “передаче”, как дар целителя или шамана. Научиться этому ни в каком учебном заведении нельзя. Учитель, Мастер в этой передаче — фигура решающая.

У меня над столом висит большой бархинский эскиз к нашему единственному спектаклю. Это шедевр: рисунок, композиция, остроумие и юмор. В минувшем году была огромная выставка Бархина, и я была поражена не только фантастическим разнообразием его работ, в которых всегда присутствовала твердая рука архитектора и человека наследственной художественной культуры, но и их несметным количеством.

В советские времена Бархин был если не из числа вполне гонимых, то уж точно из числа “нежелатель-

ных” в столице театральных художников, и он многие годы мотался по огромной российской провинции и поставил такое количество спектаклей, которое и сам сосчитать не может. Именно с того момента, как мы стали работать вместе, я и поняла, что значит такой великий профессионал в театре. Наш “Тевье” был решен не режиссером, а художником: трижды меняющиеся занавеси, обрамляющие сцену, и финал, когда с колосников спускается лестница, и все жители Анатовки поднимаются вверх, в небеса, под замечательный зонг композитора Джерри Бока с чудесными восклицаниями: “А сковороду не забыли? А веник? А одеяло? А половичок?”

Тут я должна, вздохнув, совершить признание: я приложила руку к тексту. Его пришлось несколько перелопатить, приблизив к первоисточнику, к Шолом-Алейхему, и привести его к тому общему знаменателю, который требовали условия времени и места. Наивности и тщеславия во мне было так много, что я не постеснялась вынести свое имя на афишу. Это один из двух постыдных поступков в моей жизни. Корыстолюбия во мне не было, да и этот идиотский жест денег не принес нисколько, но чего хотелось, так это профессиональной реализации...

Между “Кобылицей” и “Тевье” выпустили очень обаятельный спектакль “Ломир але инейнем”, в переводе “Давайте все вместе”. В сущности, концертная программа из еврейских народных песен с легкими следами драматургии. Евреи на него валом валили, особенно в провинции. Публика была душераздирающе трогательная — это были “выжившие”, люди пожилого и среднего возраста, многие прошедшие через гетто и концлагеря. Они плакали, слушая песни своего детства на “маме лошн” — родном, мате-

ринском языке. А я сопела носом, глядя на них. Почти все эти евреи рвались в Израиль, но их не выпускали...

Я очень плохо понимала стратегию советской жизни тех лет — например, что театр наш представляет собой декорацию для Запада, что никогда не разрешат нам поставить те еврейские пьесы, которыми прославился театр Михоэlsa, что библейская тема вообще под запретом, что про Бар-Кохбу можно забыть, а уж тем более про Моисея. Спустя несколько лет я написала киносценарий именно об Исходе из Египта, но в центре его был не Моисей, а его сестра. Ох, я много тогда прорыла! В мире поставлен не один фильм на эту тему, но в Советском Союзе такого фильма быть не могло. Его и не было. Писала я сценарий по заказу одного симпатичного продюсера-армянина. Армяне — двоюродные братья евреев по изгнанию, во многом и по судьбе, по гонениям и геноциду, который до сих пор прогрессивное правительство Турции отказывается признавать...

Очень малая часть того, что я тогда написала для театра и кино, было реализовано. Тем не менее, три года работы в театре были очень интересны для меня во многих отношениях. Да и люди, с которыми я в те годы пересеклась, а с некоторыми и подружилась, были разнообразно яркими.

Возвращаемся к театру. За три года работы в Еврейском театре я научилась всему, что должен уметь завлит: писать письма начальству — вести так называемую деловую переписку, — представлять театр в прессе и читать пришедшие в театр самотеком пьесы. Если до той поры я читала пьесы отличные и хоро-

шие, мировую классику и советских профессионалов, то теперь я ознакомилась с тем, что такое плохая пьеса. Это тоже было довольно поучительно. В некотором смысле плохие пьесы так же полезны для обучения, как и хорошие...

А потом я ушла из театра. Быть безработной или “фрилансером” в те годы было невозможно, это называлось “тунеядство”. Именно за это самое тунеядство и осудили Иосифа Бродского. И я, уйдя из театра, сразу же поступила в существующую и поныне организацию, которая называется “Профком драматургов”. Принимают не всех, а исключительно тех, кто может заработать литературным трудом “минимум” — по тем временам 80 рублей. Это приблизительно полторы зарплаты уборщицы. Я к этому времени уже могла условно-литературным трудом эти деньги заработать. И меня приняли! Через пару лет я случайно узнала, что моя бабушка Мария Петровна в давние годы тоже была членом этого самого профкома. После серии неудач с театром она стала заниматься журналистикой, писала в журнал “Игрушка” и еще в какие-то травоядно-нейтральные издания. Но на работу не ходила. У нее было много в жизни страхов, но более всего она боялась “переворачивать номерок”, то есть ходить на государственную работу с утра до вечера.

Три года работы в театре тоже были последней моей службой, с тех пор я никогда “номерок не переворачивала”.

Когда в те годы возникали перебои с заработками и алиментов не хватало, проходя мимо метро “Аэропорт”, я все поглядывала, висит ли еще объявление “Требуется ночная уборщица”. Оно висело, и это меня успокаивало: эта работа мне подходила — уложу де-

тей спать, побегу на полезную и чистую работу, полы в вестибюле мыть. Но обошлось без швабры. До сих пор, когда вижу объявление “Требуется уборщица”, понимаю, что это спасение не только для таджикских женщин.

На этом можно было бы и закончить рассказ о моей работе завлитом. Осталось сказать только самое важное, что я поняла за десятилетия разнообразной литературной работы. Открытие, может, и незамысловатое, но чрезвычайно важное: когда пишешь прозу, то собственной головой отвечаешь за произведенный “продукт”. Когда пишешь пьесы и сценарии, за конечный “продукт” полностью ответственен режиссер. Я отвечаю за свои слова: одну и ту же написанную мной пьесу видела в двух разных постановках: одна была плохой, другая — великолепной. Текст один и тот же, как вы понимаете. Я очень люблю театр, и мне нравится писать пьесы — заводить некую музыкальную шкатулку и наблюдать, как она почти без твоего участия начинает играть свою мелодию в зависимости от того, как придуманы твои герои, какой ритм и тон ты задал. Но все же предпочитаю прозу. Эта такая степень независимости, которой не дает никакое другое развлечение.

* * *

Театральные радости. Их было множество. Но в последние годы стало очевидно, что вместе со всей нашей шатающейся цивилизацией и театр вступил в совершенно новую полосу. Он вышел за те границы, которые ему много лет предписывались, и наблюдать этот процесс безумно интересно. Наблюдать

исторические эволюции театра — занятие увлекательное.

Лет двадцать тому назад я чудом попала в самый древний в мире, сохранившийся и поныне театр в Эпидавре. Построен он был в IV веке до нашей эры, а попала я туда двадцать четыре века спустя, в начале девяностых годов XX столетия. Находится город Эпидавр в северо-восточной части Пелопоннеса. Всех археологических артефактов и музея древностей я не видела, сосредоточена была на театре и сильно торопилась.

Мы приехали в Эпидавр из Афин на машине, и этот колоссальный амфитеатр произвел неизгладимое впечатление. Самое смешное, что он казался грандиозной декорацией для съемок голливудского фильма из жизни древних греков. Я пребывала в высочайшем волнении — еще бы! В этом самом Эпидавре в IV веке до нашей эры играли этот самый спектакль, и Софокл был еще жив или недавно помер...

Я уселась в каменном амфитеатре. На этих камнях сидели зрители за два тысячелетия до меня. И тут как раз, при свете дня, как и полагалось у древних греков, и начали спектакль. Труппа из Сицилии играла “Царя Эдипа” на итальянском языке.

Такого жалкого спектакля свет не видывал. Сицилианская труппа недотягивала даже до уровня школьной самодеятельности: бродили по большой сцене актеры на котурнах, время от времени их теряя, орали слова. Хор подвывал, я страдала. Постановка была неопишимо плохая. В конце спектакля на сцену вышел царь Эдип с красной марлечкой на глазах, избравшей жестокое ослепление... Самое сильное впечатление от спектакля получила моя задница, сидящая на древних каменных сиденьях, когда-то согретых покойными древними греками.

Позади сцены стояло очень большое старое дерево, которого и в помине не было, когда до Рождества Христова последний раз играли здесь “Царя Эдипа”. Не так уж много в мире пьес, которые не сходят со сцены два с лишним тысячелетия...

А спустя лет двадцать пять я смотрела “Царя Эдипа” в Москве, в театре Вахтангова, в постановке Римаса Туминаса, одного из лучших современных режиссеров. Это почти не умещалось в сознании: история все та же, и она не перестает волновать нас спустя две с половиной тысячи лет.

Это была выдающаяся постановка. На сцене, почти во всю ее длину, лежала огромного диаметра темная труба с маленькими прорезями для актерских ступней. Поначалу она скромно лежала, а когда начала двигаться, то становилось понятно, что это сам рок. Труба выкатывалась на авансцену в ответственных местах, сминая людей с их страданиями, и катила прямо на зрителей.

Вообще, всё на высочайшем уровне: сценография, труба эта самая, костюмы, музыка. Древнегреческий хор в котелках и в черных костюмах был подозрительно похож на евреев. Пели они на древнегреческом, и, как выяснилось, это был хор Афинского национального театра. Премьера этого спектакля была годом раньше как раз в Эпидавре.

Начало прекрасное: две девочки, дочки Эдипа и Иокасты, играют в жмурки. Это и есть главный знак судьбы — она со всеми играет в жмурки. В городе мор, тьма и бедствие. Музыка работает; появляется Креонт с фибровым чемоданчиком. По теперешним понятиям — не то гей, не то трансвестит... Поиск убийцы Лая — для культурной публики никакого детектива нет, за тысячи лет этот миф, кажется, впитался в куль-

турное подсознание. Фрейд всем объяснил про эдипов комплекс. Заранее ясно, что убийца — Эдип. Однако миф хоть и впитался, но не совсем — от зала впечатление такое, что люди смотрят детектив, разгадывая загадку: кто же убийца? И Людмила Максакова — влюбленная жена, у нее куча детей, а Эдип все еще нежно гладит ее по животу. Сыграна любящая пара. И Добронравов-Эдип — прекрасный актер, к тому же и акробат, его акробатический проход великолепен, полон смысла: в этом ум древнего грека, он в нерасторжимой связи интеллекта с телесностью, и это вовсе не загогулина роли. Это уже Римаса прочтение. И саксофонная партия Эдипа несколько не лишняя — это грек, для которого и высшее образование, и воспитание дает один гимнасий с тремя предметами: грамматика, гимнастика и музыка.

Это все Римасовы размышления — и фигура женская с огромными крыльями, то белыми, то черными. Мне кажется, что здесь какое-то вторичное попадание: греки не знали такого театра, он был у них другой, без сценографии совсем, да и музыка а капелла, и мы даже не знаем, пел ли хор или произносил речитативы. Режиссерских записей не сохранилось...

Финал. Все наматывается на темную трубу рока. Первым — царь Эдип. И, что самое для меня интересное, главные события финала — самоубийство Иокасты и ослепление Эдипа, и они проговариваются, а не отыгрываются. Мне понятно почему — очень трудно это показать. А то получится красная марлечка на глазах. То есть уступка и красивый обход сложной задачи. Хотя и Софокл в пьесе о совершившихся несчастиях тоже только рассказывает... Мне показался несколько невнятным уход Эдипа. Но сцена двух па-

стухов, последнее доказательство убийства Лая Эдипом, хороша.

· Это глупое бурчание мое, возможно, от большого моего расстояния от театра. Я ведь, в сущности, человек из “публики”, а не из “закулисья”. Благодаря этому могу плакать. Хочу плакать. Мне искусство более всего для того и нужно.

Впрочем, высокие античные страсти обмелели, отыграны. А Максакова, наверное, так хорошо играла роль Иокасты, потому что наблюдает эту почти античную драму в своей жизни...

* * *

Писать о театре в России, не упомянув имени Чехова, невозможно. А судьба всех театралов — смотреть десятками “Трех сестер” и сравнивать всех Маш, Ольг и Ирин... Сколько их разных! Дешевка и убожество, мастерство и новаторство. Собственно, с Чеховым всегда так: попробуй сделать, чтобы публика не дремала!

С Чеховым-драматургом у меня никакого романа не получилось. Но рассталась я с ним самым театральным образом — написала пьесу “Русское варенье”, в которой соединила “Вишневый сад” с “Тремя сестрами” и перенесла эту историю в 2004 год. Теперь уже продают не имение с садом, а дачный участок, один из тех, на которые когда-то разбил Лопахин дворянскую усадьбу Раневской. Сюжет — тот же самый, с поправкой на время. То есть собственности поменьше, а люди всё те же и мечтания всё те же... Довольно смешно. Очень хорошо поставил эту пьесу Анджей Бубень в Питере несколько лет тому назад.

Вот так работа драматурга отличается от работы прозаика: текст пьесы один и тот же, а получаются совершенно разные истории, в зависимости от дарования режиссера и прочих обстоятельств. Драматург делает полуфабрикат, а окончательный продукт — режиссер.

Я много посмотрела чеховских пьес, перечитывала их бесчисленное количество раз и с Антоном Павловичем прочно рассталась. Всем трем сестрам я предпочитаю “Кармен”. Заявление это делаю в здравом уме и твердой памяти. И вообще, я обнаружила, что драма современной жизни — будь то Чехов, Островский или даже Толстой — меня занимает гораздо меньше, чем театр-мистерия, театр-буффонада, театр кукольный и даже театр теней. Оторванный от повседневности. А если уж драма, то пусть будут “Гамлет”, “Король Лир”. В крайнем случае “Кармен”. К ним я с детства привыкла.

* * *

Последнюю “Кармен” я видела в театре Карло Феличе в Генуе в 2017 году, в постановке режиссера Амедео Амодио. Пошли мы с моей подругой Таней Гориной и внучками — моей Марьяшей и ее Анной. И я весь спектакль подробно записала, возможно, для Вовочки Радунского, который в это время конструировал сценографию и костюмы для балета Минкуса “Дон Кихот” в Риме...

Наши девочки прильнули к оркестровой яме, откуда как раз и вырывались сильные нестройные звуки, всхлипы скрипок, взревы труб и плач флейт. Я испытала этот восторг предвкушения — через этот му-

зыкальный шум. Вот сейчас музыканты заиграют, и я узнаю, “где сидит фазан”...

Это одно из моих первых ярких музыкальных впечатлений — проход с бабушкой по коридору музыкальной школы на площади Пушкина, где теперь стоит здание “Известий”. Мне шесть лет. Музыкальный хаос — праздничный, случайный, складывающийся из музыкальных реплик, которые рвутся из каждого класса. Нет ничего знакомого в этих звуках — это космос. Ошеломляющий.

С тех пор я испытываю этот минутный восторг, когда слышу, как музыканты перед концертом настраивают инструменты. Да все равно, с какой точки начинать это исследование. Пусть “Кармен”.

Вот музыка Бизе, не первоначальная, а сильно переработанная, другая, выстроенная теперешними музыкантами по другим законам. И отлично выстроенная, начиная с увертюры. Темы известные, затертые до уничтожения: “...Меня не любишь, но люблю я, так берегись любви моей”. Вдох-выдох. Не может это работать. Все умерли давно. Однако...

Первая партия — дуэт Кармен и Хосе на увертюре. Хосе довольно табуреточный, подставка. Танцуют двое, а на белой стене — три тени. Какая-то лишняя фигура крутится в виде бестелесной тени. Фиктивная тень — намек на будущие большие возможности. Они не были использованы, надо сказать... Я люблю театр теней. В каком-то смысле это идеальный театр. Метафора театра...

Вместо канонической первой сцены у табачной фабрики — закулисье. Актрисы переодеваются, провозят штанкеты с костюмами, труппа разминается. Спешит девица со скрипичным футляром, налетает на прохожего. Это Кармен и Хосе. Играет Кармен балери-

на из Генуи, последние 12 лет солистка Венской оперы *Alice Firenzo*, Хосе — кубинец *Amílcar Moret*, мулат, ему бы Отелло играть безо всякого грима. Хосе извиняется, но футляр почему-то уносит. Кармен заканчивает партию на полу — очень причесанный брейк-данс.

Прелестная сцена в казарме: солдатики спят, просыпаются, умываются, отряхивают уши, делают зарядку. Руководит некто в фуражке. Не помню имени этого персонажа из Мериме, но он там имеет место, начальник Хосе. Дуэт Хосе с Фурагой — с отсылкой к Дягилеву, к Стравинскому.

Смена темы — Матильда, невеста Хосе в окружении солдат, несколько шаловливо. Массовка, о которой Марьяша спрашивает у меня: фламенко?

Я в восторге! Чуткая девочка.

Очень трогают ребрышки и ключицы балетных. Не только сейчас — всегда. Наверное, упитанные люди не могут быть такими душевно тонкими, как это требуется для смертоубийственной любви?

Тема Кармен — “У любви как у птички крылья”... Рисунок сцены: шлюха на работе, Хосе с невестой милуются на окраине сцены, все солдатики в ногах Кармен, она их слегка топчет, потом Кармен подходит с сигаретой (привет сигарной фабрике!), просит закурить и кидает красный цветок.

Дуэт Матильды и Кармен, и тут видно, что Матильда ее переигрывает: и общего места в ней меньше, и лицом слегка на Плисецкую походит. Словом, она хороша настолько, что Кармен надо сильно поработать, чтобы отбить мулата.

Далее мало мотивированная ссора — балет все-таки, с мотивацией трудно; Хосе должен вести Кармен в участок. Он связывает ей своим красным галстуком руки, и здесь все сделано исключительно точно: цве-

ток, галстук, наручники из галстука, и уже непонятно, кто кого и куда ведет. Хосе — в красных узах. В конце первого акта нам танцуют сексуальный акт, технично и неэротично...

Во втором акте декорация минималистичная и вполне удачная: два подвижных блока, внешняя сторона которых — белая стена, а внутренняя — металлические, удобные для всяких трансформаций прутья.

Массовка. Кармен флиртует с Фурагой. Появляется Тореадор в белой жилетке на голом теле с педерастическими оттенками пластики. Не могу сказать, режиссерская ли это идея или не поддающаяся дрессуре природная склонность. Да и не важно! Тем временем Хосе убивает Фурагу, и следующая сцена — прекрасная и смешная — в логовище контрабандистов. Они в блекло-малиновых лапсердаках и с рук на руки передают приблизительно фибровый интригующий чемоданчик с драгоценностями — нам их демонстрируют Хосе и Кармен. В контрабандистах есть что-то неуловимо еврейское, и все время ожидаешь мелодии “Семь сорок”. Но нет. Все по Бизе. Умора!

Кроме прочего, мелькают и часы на цепочке! И это уже Мериме — тот, кто писал либретку, произведение Мериме читал внимательно... И снова “Тореадор, смелее в бой!” — в белой жилетке, вихляя задом.

Кое-как, медлительно, не без мучительства, развивается сюжет. Появляется Матильда, но ей уже не светит.

И тут выезжает большое кривое и мутное зеркало, чтобы Тореадор мог раскрыть свою ничтожную породу. Здорово, вот тут здорово. Запахло Гойей. И одновременно “ананасами в шампанском”! Очаровательно-старомодно! Привлекательно-старомодно! Нарочито? Или так получилось? Это останется для меня загадкой.

И вот перед кривым зеркалом на Кармен натягивают белое условно-подвенечное платье, лицо покрывают белой прозрачной тканью — фата-саван, и она мирно ложится на пол, потому что Хосе как-то тихонько и совершенно незаметно ее прирезает. Зал рукоплещет, мы с девочками тоже. Кричат “брави!”.

Возникает смутная догадка: культурное пространство, в котором мы постепенно оказались, тотально и окончательно цитатно. Сегодня мастерство режиссера, писателя, художника связано почти исключительно с умением манипулировать цитатами. Но цитаты, будучи блоками, клише, кирпичами, обладают своей собственной жизнью. Когда-то это были великие открытия, прорывы: Гете, Вольтер, Платон, Ницше — всем известные кирпичики, — а потом оказалось, что их можно перезарядить, с ними можно и поиграть.

“Если бы треугольники создали себе бога, он был бы с тремя сторонами”, — сказал Вольтер, и поначалу это было откровение для интеллектуалов, потом это высказывание стало задачей для теологов, которые увязывали это высказывание с идеей Троичности, а пару лет тому назад мой внук спросил у меня: а у треугольников бог треугольник? Просто Вольтер, а не ребенок! Так свежепридуманная три столетия тому назад гениальная мысль постепенно овладевает человечеством, спускаясь “в массы”. И теорию относительности теперь проходят в школе...

Вот об этом мне бы и хотелось подумать. Хотя вряд ли я смогу надумать что-нибудь умное. Конец истории, кажется, отменили, а вот про конец искусства еще никто не объявлял...

А под конец я вспомнила, что и сама написала больше тридцати лет тому назад пьесу “Кармен, Хосе

и Смерть”, по просьбе Жени Гимельфарба, — для студенческого спектакля, который должны были играть в куклах, на столе, но в конце концов его поставил Виктюк с Апексимовой в главной роли. Стихотворный текст я написала вполне ничтожный, но придумано было не очень плохо: Хосе был представлен двумя экземплярами — Солдатом и Любовником, и один из них был черный актер из труппы Виктюка, а Смерть была одновременно и Карменситой. Когда она (Смерть) приходит в сцене казни к Хосе, то оказывается, что она и есть Кармен. Это ближе к Мериме, и его “Кармен” я очень люблю, особенно загадочную главку об истории цыган, которая ну совершенно не пришей кобыле хвост!

* * *

Одна из последних больших театральных радостей, года три тому назад, — постановка Сокурова спектакля “Go, go, go” по мотивам пьесы Бродского “Мрамор”.

Происходило это в городе Виченце, городе Палладия. Я никогда высоко не ставила его как мастера. Но тут поняла: это совершенно особый облик города — переход от готики к классицизму, минуя барокко и рококо. И все вычислено до копейки, вся гармония проверена строжайшей алгеброй, а через некоторую сухоту проступают очертания прекрасные, античные. Они потом выродились в муссолиниевскую и сталинскую архитектуру. Причем в этой сухости и даже твердолобости дремлет крупная мысль. Ну, про шкатулку базилики Палладия и говорить нечего — чудо со всеми ее метрами, которые укрывают

находящиеся внутри произвольные колонны, двери и проемы... Вообще же это тот случай нарушения эволюции, которые я так люблю и всегда отмечаю: в искусстве, как и в биологии, случаются такие забегающие вперед, которые отрабатываются лишь позже, — в искусстве речь идет о столетиях, в редких случаях о тысячелетии; в эволюции такие биологические казусы наблюдаются в другом масштабе — в миллионах лет. Появились млекопитающие очень рано, но прошли миллионы лет, прежде чем природа опомнилась и обратила внимание на их огромные преимущества...

В спектакле “Go, go, go” следов Бродского я не уловила, но Бродский наряду с Феллини был главным героем пьесы. Пьесу от начала до конца придумал сам режиссер. Ни в каком другом театре мира эта пьеса не прозвучала бы так, как она прозвучала в этом палладиевском театре “Олимпико”. Он с 1547 (или около того) года здесь стоит...

“Мрамор” я перечитала перед отъездом и ужаснулась: как можно будет это высидеть, да еще и на итальянском... Даже подумала — прозорливо! — что, может, и лучше, что на итальянском...

Дух захватило при входе в партер: спектакль как будто еще не начался, но на очень глубокой сцене происходил уличный эпизод с гимнастами, зеваками, сидящими за столиками кафе посетителями, среди которых мелькали, постепенно занимая все более внимания, двое бродяг в замечательных масках Янусов: два лица — одно обычное и на обычном месте, второе на макушке. Постепенно понимаешь, что лицо на макушке воспроизводит живое лицо партнера. Сама сцена поражает не только своей шириной, но и необыкновенной глубиной: как будто на аван-

сцену втекают три улицы, центральная и боковые, а между ними — дома в палладианском стиле. Перспектива — не фальшак, а действительно невероятная для сцены глубина. Второй взгляд — от сцены на собственно театр — и снова дух захватывает! Это амфитеатр, украшенный мраморными скульптурами, многоярусный, не очень большой, сплошь деревянный и очень высоко поднимающийся к балконам. Думаю, что пятьсот лет тому назад, когда глаз человеческий не был избалован высотками, зрелище это было еще более ошарашивающим.

Пока мы вертели головенками и хлопали глазами, как-то постепенно начался спектакль. О чем было объявлено на латыни... Главная улица сцены заполнилась зрителями, сидящими спиной к залу. При дальнейшем рассмотрении именно эти зрители оказались каким-то световым фокусом, проекцией, которая развеялась к концу представления.

Вообще, этот спектакль совершенно правильно называть представлением: с самого начала на сцене — та самая улица, которая существует снаружи в итальянском городе, а точнее, как потом начинаешь понимать, — в Риме. Это очень тонко построенное переливание театра в жизнь и жизни в театр. И спроецированные во всю высоту сцены цветущие глицинии, и дуновение ветра от слабого до сильного, и падающие листья именно связывают внутренность театра с внешним миром.

Бродяги просят подаяния, просят поесть. Слово “манжаре”, одно из немногих мне знакомых, звучит все навязчивей. Справа на сцене стоит нечто вроде мышеловки, в которой огромный кусок сыра. Нищие, которые называют друг друга “крысами”, пытаются стащить сыр, но они заранее знают, что это мышелов-

ка... На этом много всякой игры, понятной лишь частично и благодаря переводам подруги на ушко...

Площадь живет своей жизнью: здесь распорядитель, полицейский, женщины и мужчины. Гимнасты постепенно перестают ходить на руках и растворяются в толпе. Все ожидают Маэстро, и Маэстро появляется. Это Феллини — облик, красный шарф, журналисты и поклонники. Все они рассаживаются спиной к залу, и начинается просмотр. Экран располагается в конце центральной улицы, образуя торец, наверху, но изображение отражается также в луже воды, которая на авансцене. Бродяг не пускают к публике — и они смотрят обрывки фильмов в луже... Зрителю театра видны и экран, и лужа (дополнительный экран на авансцене).

Показывают отрывки из феллиниевских фильмов: “Рим”, “Сладкая жизнь”, “Амаркорд” и — что особенно драматургически важно — тот эпизод, который посвящен строительству в Риме метро, где видно, как открывают древние фрески и они исчезают перед глазами строителей от соприкосновения с воздухом.

...Анна Маньяни прощается около двери с Федерико Феллини...

Уму непостижимо, как Сокуров смог создать такую ткань, насквозь пронизанную культурными ассоциациями, намеками, переключками, как смог он, человек русский, с сильным советским импринтингом, со сложными и несколько путаными идеями, иногда поражающий странными и наивными высказываниями, работать на таком высочайшем культурном уровне. Гений, и это все объясняет. Ну, я не говорю о том, что я не поняла, не расшифровала значительной части этой криптограммы, но и то, что я поняла, свидетельствует о гениальной работе.

Фильм на сцене заканчивается, Феллини в своем красном шарфе, окруженный поклонниками, беседуя с Анной Маньяни, двигается к выходу. Бродяги все время присутствуют, барахтаясь около мышеловки с сыром. Анна Маньяни даже вытаскивает оттуда по кусочку сыра, угощает их... Их все гонят, но актриса общается с ними естественно, как равная с равными. Вот тут-то я и заметила появившегося на сцене Бродского...

Надо сказать, что всё это зрелище носит тотальный характер, действие происходит одновременно в разных местах сценической площадки, иногда кое-что я упустила из-за медлительности реакций. Поэтому сама встреча Феллини и Бродского как-то не зафиксировалась. Словом, Бродский читает стихи Бродского на итальянском. Это узнаваемая без всякого перевода "Римская элегия". Гениальность перевода в том, что по-итальянски стихи Бродского звучат как стихи античные, как Гораций или Катулл. Каким образом переводчик этого достигает?

Сцена пустеет; теперь отыгрывается большой фрагмент разговора Бродского с бродягами — и снова эта интонация равного разговора. Бродяги, Туллий и Публий — что и есть единственная связка, как мне показалось, с первоисточником, — надо сказать, замечательные актеры. Но у Сокурова все замечательно играют, даже часть волонтеров, которых он набрал просто на улицах Виченце. В спектакле задействовано, кроме труппы, еще десятка два людей. На сцене до семидесяти человек.

К финалу Туллий и Публий влезают в мышеловку, она захлопывается — механический звук. Подбегают полицейские и вытаскивают из мышеловки два мешка, в которых — останки размолотых бродяг.

Бродский еще читает стихи. Потом в луже возникает отражение фотографии его и Марии, Соццани — он к ней обращается (вот эта сцена вызывает некоторое сомнение — единственная, пожалуй!) со словами незначительными, типа, вот мы и увиделись...

Финал. Бродский подходит к сидящему на корточках у стены мальчику — он встает, и это его встреча с самим собой молодым; такой же сюжет мелькает и у Феллини.

Собственно, это и есть конец спектакля. Потрясение совершенное. Детали этой работы неописуемо неуловимы, хотя свет, декорации, движение, музыку будут изучать в художественных академиях.

После оваций вышел Сокуров и объявил, что он благодарен театру, который дал возможность и т.д. и это был последний спектакль, который больше никогда играть не будут.

Потом мы пошли ужинать в какой-то ресторанчик неподалеку... Было долгое сидение и очень интересные разговоры. Но это уже другой сюжет, внетеатральный...

* * *

С Кириллом Серебренниковым меня познакомила подруга Катя Гордеева, которая в школьные годы жила с ним в одном дворе в Ростове-на-Дону, и даже родители их дружили. Довольно много спектаклей “Гоголь-центра” я видела. Не могу сказать, что мне всё у них нравится. Несколько первоклассных, некоторые восторга не вызвали. Но талант несомненный. Вся эта скандальная история вокруг него, затеянная мсти-

тельными недоумками, в конце концов — и уже! — послужит его мировой славе.

Так случилось, что мы общались с Кириллом в Питере накануне ареста. Нашла дневниковую запись от 22 августа 2017 года. Как хорошо, что не полагаюсь на свою память, записываю...

22 августа 2017

Только что появилось сообщение о “задержании” — это скромное слово обозначает арест — Кирилла Серебренникова. 19 и 20 августа я провела в тесном общении с Кириллом. Пожалуй, самом тесном за последние годы. Это была компания моих молодых друзей, и разговоры шли почти исключительно об искусстве, и более всего о кино. Мне было безумно интересно: эти люди по возрасту мне годятся в дети, и я радовалась и восхищалась зрелостью их суждений, их прекрасным образованием и, что самое существенное, я видела в них людей, перешедших тот цивилизационный шов, который так трудно мне дается. Вот они, люди будущего, говорила я себе, они нас умнее, они нас талантливее, и какое это счастье. Проблема “отцов и детей” вошла в новую фазу: отцы учатся у детей...

Все это происходило в Петербурге, где Кирилл снимал фильм о Викторе Цое. В день отъезда я пошла на съемки, что было вовсе не запланировано. Просидела там пару часов и еще раз порадовалась: за Цоя, за Кирилла, за себя... Излишне говорить, что я наблюдала работу мастера, видела, как он ведет тему “маргинального” искусства, превратившегося на наших глазах в “мейнстрим”...

Прощание наше, собственно, произошло накануне вечером. Шел дикий ливень, уже подъехало такси, и, перед тем как вынырнуть на дождь, мы поцеловались. Он стоял по

одну сторону ворот, в проходе во двор, я — по другую. Нас разделяли кованые чугунные ворота, и через эту чугунную решетку мы и поцеловались.

Вообще-то такое может присниться во сне — такая метафора, от которой дух захватывает. И эта картинка меня не оставляет. Вот он, “твоих оград узор чугунный...”.

Спустя три с половиной месяца не где-нибудь, а в Большом театре был поставлен спектакль “Нурев”. Режиссер Кирилл Серебренников сидел под домашним арестом, и последние репетиции шли уже без него. Судебный процесс против него только разгорался. И в голову никому не могло прийти, что больше двух лет он будет находиться взаперти.

На прогон “Нуреева” я попала благодаря Бергману, художественному руководителю “Геликон-оперы”, который через пресс-секретаря Большого добыл мне приглашение. В том году пошла у него в театре опера “Доктор Гааз”, либретто к которой я и написала. На следующий день, чудом, попала я еще и на премьерный показ. Два раза посмотреть такой спектакль на самом деле мало — он очень сложно устроен, с первого раза невозможно уловить огромной сложности и богатства работы всей этой замечательной команды. Спектакль этот — одно из самых сильных впечатлений последнего времени. Он, конечно, балет, но формально. Потому что содержательно выходит далеко за рамки того, что мы привыкли называть балетом, в том числе и того, в котором прославился сам Нурев. Это тот самый театр, который выходит за пределы самого себя. По крайней мере, того, что в прошлом веке называлось театром.

Кирилл Серебренников придумал этот спектакль от начала до конца — придумал его тексты, создал драматургию, которая вся построена на тончайшем монтаже. То, что это Большой театр с его потрясающей труппой, и выучкой, и традицией, само собой разумеется, большая удача. Но и материал, предоставленный театру, уникальный. Сценографию и костюмы тоже делал Кирилл. Это суперпродукт. Очень многое от меня ускользнуло — не хватило театральной культуры. Ощущение раздвинувшегося пространства, которое происходит от соприкосновения с большим талантом. Впервые в жизни я поняла это в юности, когда прочитала “Дар” Набокова, — я увидела, как на моих глазах целая область, прежде не имевшая словесного воплощения, его обрела, а то, что прежде оставалось в области ощущений, эмоциональных догадок, оказалось выражено точными словами и таким образом расширилось. Это подвиг искусства, это его смысл и назначение. Кирилл это сделал. Прекрасная, точная музыка Демущего, который оказался вполне молодым человеком. И тоже не случайность: этот спектакль — дело рук молодых. Хореография Юрия Посохова — тончайшая, он как будто никуда не уходит от классического балета, я даже не увидела в нем никакого особенного модерна, движения в сторону современного танца, и непонятно, за счет чего получается такое насыщенное гротеском, остротой и новизной зрелище.

Через весь спектакль идет аукцион — распродажа изысканных, роскошных вещей покойного Нуреева, от его дирижерской палочки до последнего из его многочисленных домов на каком-то острове. В последнем эпизоде, смерти Нуреева, этот дом возникает в виде огромной металлической конструкции, на которой происходит действие. Дамы и господа в аукци-

онном зале раскупают лоты, текст звучит по-английски, бежит строкой. Иногда текст по-русски — строка английская. Я не все успеваю прочитать, но это и не так важно. Первый эпизод аукциона заканчивается появлением уборщицы и распорядителя, который меняет портрет Николая Второго на портрет Ленина. А справа женский портрет, я не узнала чей. Какой-то великой балерины, кажется. Он остается на протяжении всего действия. Портреты вождей постепенно меняются: Ленин — Сталин — Хрущев — молодой Брежнев.

Балетный класс. Снова лоты. Нуреев в белом, в окружении балерин; соло Нуреева. Программки, кстати, у меня не было, имен солистов так и не узнала. Там, вообще-то, три состава, но в этот вечер танцевали Светлана Захарова и их лучший солист, фамилию забыла, конечно... И вот уже хор поет советские песни. Танцевальный номер, слегка отдающий знакомой самодеятельностью; красные сарафаны. Огорожено металлическими решетками. Это не пародия, а какой-то пересказ эпохи, с полным вниманием, точностью и улыбкой к прошлому, какое может быть, когда прошлое так давно прошло и перестает ранить.

Побег Нуреева, соло. Какая-то большой точности диагональная композиция. Партсобрание. Подлинные тексты! Стенограммы! Портфели. Чиновники. (В зале, между прочим, сидит министр культуры Мединский, что придает дополнительный шарм истории!) Сочетание подлинных текстов времени с классическим балетом — гротеск и сарказм.

Нуреев в Булонском лесу, в окружении проституток всех возможных и невозможных полов. Роскошная сцена. И сразу же — письмо к Нурееву от партнера-любовника. Текст. Вообще, писем несколько по

ходу спектакля; кажется, некоторые подлинные... Нуреев позирует. Раздевается. Обнажается, впрочем, довольно целомудренно. Он нарцисс, наслаждающийся собой, своим телом, жестом. Толпа папарацци. Надевает черный бархатный халат. Вазы, цветы, фотографии. Танцует на столе. Он в славе, в упоении от самого себя. Дуэт с партнером — фантастический.

Появляется пожилая дама с цветами, садится на стуле. Это мать героя. Она появляется несколько раз — садится с цветами на венский стул и наблюдает...

Дуэт с балериной. Весь классический балет как будто только для того и создан, чтобы наконец могло проговариваться внесловесное сложное содержание. Это непереводаемо и исключительно содержательно. А ведь казалось, условная форма на это не способна. Прочерчивается линия теснейшей дружбы Нуреева с балериной Макаровой, как и он, сбежавшей из России.

Сцена с кушеткой. Балерины в черном — фрагмент из “Лебединого озера”. Такое “Лебединое” тоже вообразить невозможно. Как это балетные критики пишут об этой материи, когда она так далека от словесного описания? Это Нуреев ставит балет как режиссер-постановщик — груб и мощен: ругает балетных. Он в славе, жестокий психопат и гений. “Что вы показываете свои толстые жопы, смотрите на меня!” — кричит он в бешенстве на актеров.

Сцена с Аллой Осипенко: слава богу, что мы остались русскими. Нежная и любовная сцена. Фрагмент Демона.

Аукцион продолжается. Справа дымятся какие-то тени. Из этого мутного пространства вырастает карнавал. Опера в балете — Король-Солнце. На стене рас-

пльвчатые и фокусирующиеся граффити — невероятно, и это тоже Кирилл?

Мощный финал — железные конструкции, ремонт очередной, последней его виллы на острове. Нуреев умирает.

Звучит колыбельная песня на татарском языке. На сцене опять мать с цветами. Нуреева переодевают в черный фрак и какую-то странную белую чалму. Живой он или мертвый? Он спускается со сцены к оркестру с дирижерской палочкой. Это финал. Описание совершенно невозможно — хотелось бы взглянуть на сценарий Кирилла. А может, вообще ничего описать невозможно? Живем в неопишемом мире. Этот роскошный, клубящийся пластическими и самыми отвлеченными образами, острыми воспоминаниями, мыслями, пригодными для завтрашнего дня, спектакль сделал Кирилл Серебренников, который все еще сидел под домашним арестом.

* * *

Как же я люблю театр! Какой в России последние годы интересный театр! Мне кажется, что ничего сравнимого по качеству нет сегодня ни в литературе, ни в изобразительном искусстве. Объяснения этому у меня нет.

Точнее, есть одно, но я на нем не настаиваю: театр — самое религиозное из всех искусств. Лучший из театров тот, где происходит строительство мира, и тогда Режиссер становится Господом Богом, актеры — апостолами, зрители — паствой. Одновременно искусство театра и самое антирелигиозное. Театр предлагает разные модели устройства мира, конку-

рирует с официальной религией, всегда предлагающей единственно верное решение... Театр разоблачителен, насмешлив, саркастичен, иногда убийственен. И бесстрашен. Порой он освобождает зрителей от предрассудков, предвзятости, узости зрения, расширяет пространство, включает эмоциональную сферу, которая у современного человека оказалась сильно подавленной.

Не зря средневековая церковь относилась к театру с такой неприязнью, даже запрещала актеров хоронить на кладбищах — только за оградой. Театр укрепощал человека, побуждал к самостоятельной мысли. Тему карнавала и смеховой культуры в театре, которая лежит тут же рядышком, не рассматриваю. Это лучше всех сделала моя дорогая подруга Ирина Уварова*.

Древние греки этого конфликта между культурой и религией не знали. Напротив, город Эпидавр славился не только огромным театром на 14 тысяч мест. Здесь жил и создал школу один из древнейших врачей, Асклепий, вокруг имени которого сложился религиозный культ.

В город Эпидавр стремились не только любители театра, но и толпы паломников, жаждущих исцеления от болезней у знаменитого врача. После смерти Асклепия на месте его служения возник храм, куда стекались молящиеся о выздоровлении. Да и не только храм, а, говоря современным языком, медицинский центр имени Асклепия, потому что там жили

* Ирина Павловна Уварова (род. 1932) — уникальный человек, филолог и искусствовед, автор нескольких книг, в том числе — об искусстве керамики и о культуре (театр, литература, живопись) Серебряного века. Редактор, театральный художник, постановщик спектаклей. Вдова Юлия Марковича Даниэля.

его сыновья и последователи. Врачи. К тому же древние греки считали — и современные психологи могут с ними согласиться, — что лечить больных могут не только порошки и травы, но и театральные представления, которые дают зрителям чувства восторга, благоговения, страха... Театр участвовал в религиозном обряде исцеления. Эти два проекта — медицинский с храмовым служением и театральным — работали в ту пору совместно. Древние греки считали, что лечебный эффект театрального действия происходит благодаря катарсису, который испытывает зритель.

Мне кажется, что древние греки были правы. Театр не только дает нам наслаждение. Хороший театр обладает мощным целительным действием. Попробуйте взглянуть на театр с этой точки зрения. Того стоит.

Полупродукт — несчастный случай

Когда я с грустью говорю, что работа драматурга — производить полупродукт, у меня есть для этого основания. Больше тридцати лет тому назад я написала киносценарий “Сестрички Либерти”, по которому был снят фильм. С первого же кадра снятого фильма я поняла, что это вообще не моя история. Речь даже не о том, хорош или плох был тот фильм. К первоисточнику он имел весьма отдаленное отношение. Чтобы реабилитировать сценарий, привожу его в первоначальном виде.

Сестрички Либерти

Сценарий

Позднее зимнее утро высвечивает огромное трехстворчатое окно. Прихотливо вырезанное окно стиля модерн. Высокие потолки, остатки лепнины и панелей. Обои, кое-где свисающие и вздутые пузырями. Бедность и отсутствие воображения. Раскрытая кабинетная машинка фирмы “Зингер”. Засыпанный лоскутами пол.

Над столом склонились две очень молоденькие светловолосые девушки, совершенно одинаковые сестры-близнецы, Люба и Вера. Играют в карты. У одной в руках две карты, у второй — длинный веер карт, чуть не в полколоды.

— Ну, вмасти, вмасти! — поддразнивает Люба.

— Красненькие у тебя, — задумчиво говорит Вера. Замирает и начинает грызть ноготь большого пальца.

— Ну, давай, чего думать-то... Да уж ты его совсем отгрызла, — с насмешкой, впрочем, вполне добродушной, говорит Люба.

Вера бросает две карты — бубновую и червовую.

Люба кроет старшей, смеется:

— Нематёха...

— Больно ты везучая, — обижается Вера.

В дверь стучат, всовывается соседка.

— Вы когда уборку будете делать? О! С утра в карты расселись... Имейте в виду: в воскресенье я дежурство принимать не буду! Сегодня не уберете — еще неделя будет ваша...

— Мы сейчас, тетя Лид, — отвечает Вера.

Соседка ушла. Вера потянулась.

— А чего тебе вчера Генка всё говорил?

— Ой, дурак такой! Говорит, ты меня ждать будешь, когда я в армию пойду... Больно нужен, — вскинула бровки Люба.

— А он вообще-то ничего, — слабо возразила Вера.

— Тёка сита, — усмехнулась Люба — у сестер был свой язык.

— Пошли коридор мыть, — предложила Вера.

...Посередине коридора стоит таз. С двух сторон, спиной друг к другу, девочки, с тряпками в руках, приближаются к тазу. Моют умело, по-славянски, на чуть согнутых ногах. Сблизились. Одновременно склонились над тазом, окунули тряпки, отжали их точным движением, одна с правой руки, вторая — с левой. Поправили челки предплечьем и разошлись от таза в разные стороны. Тетя Лида высунулась в коридор, осмотрела инспектирующим взглядом.

— А вечером на Пушкин пойдём? — спросила Вера сестру.

— Ты что, Вер, завтра за куртками приедут, — напомнила Люба сестре.

— Забыла я... это нам до ночи сидеть... — вздохнула Вера.

...Сидят, работают. Одна строчит, вторая гладит.
— В девятой группе и в восьмой, там мастера все же...
А у нас сучка старая... Может, на тот год перейдем? —

предложила Вера, поднимая утюг левой рукой. Она левша.

Люба покачала плечами.

— Да хер с ней. Чего она может нам... Ведь не выгонят же...

Люба встряхивает работу, закрепляет нитки.

— Все. Эту закончила. Дай лейбл.

Вера протягивает из коробочки маленький фирменный знак. Подделка... Сидят рядом. Шьют. Одна левой, другая правой...

За окном свистят, Вера подходит к окну.

— Генка...

— Ну и пусть, — пожимает плечами Люба.

— Тебя зовет, — поясняет Вера.

— Да ну его. Не пойду, — отказывается Люба.

— Почему? — удивляется Вера.

— Да неохота, — отвечает Люба.

— А я б пошла, — отзывается Вера.

— Хочешь, так и сходи. Заместо меня, — предлагает Люба равнодушно.

— Может, правда... — неуверенно говорит Вера.

— Да сходи, если хочешь... Он на день рождения звал. К Куцему... Он и не заметит, — советует Люба.

...Лохматый парень с мордой дурацкой, но не злой, зажимает Веру между двумя дверьми парадного.

— Пошли, Люб, там компания... Пошли, — просит он. — Серега музыку приволокёт... — Расстегивает на Вере пальто, влезает под кофточку... Вера мелко хихикает.

— Пусти, чёрт, щекотно...

— Тебе же нравилось, ну... — идет в атаку Генка. — Пошли, что ли... — Потянул ее за руку, вывел из парадного. Темная, почти ночная улица.

...На двуспальной кровати с гнутым изголовьем спит Люба. Вольготно разлеглась посреди кровати между двух подушек.

В дверь стучат. Встрепенулась, выскочила из-под одеяла. Она в толстых штанах до колен, в коротенькой рубашке и кофточке поверх.

— Сейчас! — натягивает байковый халат. В голове надо лбом бигуди. — Подождите!

Открывает дверь. И обмирает. За дверью — высокий человек с прекрасно-восточным лицом, длинными волосами, собранными в хвост, бородатый, вальяжный.

— Доброе утро! Вы Вера? — спрашивает приветливо; голос богатый, бархатный.

— Ну Вера, — поджимает губы девочка, словно заранее ожидая чего-то неприятного для себя в столь раннем посетителе.

— Мне Тамара Васильевна дала ваш адрес. Сказала, что вы можете спать рубашку.

— Ну можем, — уже не напряженно, повеселее отвечает она.

А посетитель тем временем вынимает из забавной кожаной сумки, похожей на патронташ, сверток ткани и расправляет его на столе. Отодвинув грязные чашки, он кладет на стол старенькую рубашку-образчик.

— Вот видите, любимая рубашка была. Старая американка. Батничек. Пуговицы на воротнике...

Он прост и обаятелен, но глаз — зоркий, охотничий.

— Точно такую, один в один, и швы, и расстояние между пуговицами, можете? — со вниманием спросил он.

Девчонка кивнула.

— Славная, славная у вас кроватка. — Остановил-ся глазами на гнутой спинке. — Тоннет, отличный мастер.

— Старье, — презрительно говорит девочка, — от соседки досталась.

Посетитель ласково гладит большими породистыми пальцами изголовье кровати. И тут открылась дверь и вошла Вера в коротком пальтишке, с батоном в сетке. Вошла, удивленно остановилась у двери.

— Вер, от Тамары Васильевны заказ, — объяснила Люба.

Посетитель засмеялся:

— Два экземпляра?.. Кто же из вас Вера?

— Вообще-то Вера я, да нас все путают, так что не важно, — сказала вошедшая.

Посетитель сел на стул, сплел свои пальцы, выставив вперед большой мрачный перстень, закусил слегка ус, помолчал, пристально и тяжело разглядывая девочек, и спросил:

— Вы учитесь, работаете?

— В ПТУ, швея-мотористка специальность, — ответила Вера.

— Знаете, девочки, когда сошьете рубашку, приходите ко мне в мастерскую. В любой день, до девяти вечера. Я думаю, что я вам сделаю одно интересное предложение, — сказал он и положил на стол визитную карточку. Потом встал, кивнул приветливо и ушел.

— Ну ты даешь... — с раздражением обращается Люба к сестре. — И ночевать не пришла. Я без тебя знаешь как замерзла...

Вера хихикает:

— Люб, а этот твой, он ничего... Очень даже ничего...

— Не догадался? — поинтересовалась Люба.

— Не-а, — покачала головой Вера. Взяла со стола визитную карточку, рассматривает.

— Ну и бери его совсем, — засмеялась Люба.

— Серде... Серже... не по-русски, не по-английски... по-французски, наверно, — замечает Вера.

— Если по-французски, то Серж. Овца ты, Вера, — поправляет сестру Люба. Переворачивает карточку: — Вот, по-русски написано: Сергей Оганов, фотоживопись, фотографика, дизайн.

— А дизайн — это что? — спрашивает Вера.

— А кто его знает, — пожимает плечами Люба.

— Да, дядечка. Пень с горы... с кольцом, — неодобрительно оценивает его Вера.

— А мне понравился, не старый еще, — отозвалась Люба.

— Шикарный. Интересно, что предложит?

— Что, что? Полы помыть или портки починить. Разбежалась! Любовь крутить... — довольно зло сказала Вера.

— Да ну тебя, Вер. Чайник лучше поставь, — советует Люба, отламывая от батона большой кусок и засовывая его в рот.

Вера берет чайник и выходит.

...Сестрички стоят у двери небольшого дома старой постройки в не вполне еще разрушенном московском переулке. Парадное выходит на улицу. Входная дверь заперта. Звонок выведен на улицу.

— Чудно как-то, — говорит одна.

— Номер вроде правильный, — отвечает вторая.

За их спинами раздается крик:

— Женя! Женя! Выходи!

Оборачиваются.

Стоит паренек приличного вида, с овчаркой.

— Женья! — кричит он, задрал голову. На последнем этаже дома напротив открывается окно, высовывается мальчишеская голова.

— Сейчас! Подожди!

Дом высокий, не теперешней постройки. Над окном мальчика, чуть наискосок, полубашня с чердачным окном.

Люба решительно нажимает на звонок. Открывает Серж.

— А, сестрички пришли. Проходите, пожалуйста, — гостеприимно приглашает он.

...Две маленькие взъерошенные птички, в кудельках, бедно и плохо одетые, растерянные сестрички сидят в высоких креслах с прямыми спинками. Разглядывают диковинную обстановку: мебель, светильники, развешанные по стенам костюмы и старинные ткани. На асимметричной этажерке — золоченые корешки старинных книг. В мастерской царит стиль модерн. Вдоль стены — большие щиты с подкрашенными фотографиями. Модель — юноша на тонком переходе, когда фигура уже имеет мужские очертания, но тело еще не огрубело плотными мышцами. Лицо безволосое, девичье. Фавнёнок. Стоит на коленях, держит на уровне бедер медный кувшин.

Серж мелет на ручной мельнице кофе и не торопясь рассказывает:

— Говорят, кофе по-турецки! Да кофе по-турецки готовят двадцатью разными способами — в Александрии, в Стамбуле и в Афинах совершенно по-разному. Я сварю так, как варил мой дед.

Он высыпал кофе из нижней части медного цилиндра, снял с полки три джезвы и вышел со словами:

— Сейчас, несколько минут. Вот, посмотрите пока альбом.

Девочки раскрыли альбом, но смотрели не в альбом, а друг на друга.

— Тёка ситá. Акéна, — говорит Вера непонятные слова на их детском, никому на свете не понятном языке.

— Наматёка, — укоризненно отвечает Люба.

— Люб, давай убежим? — предлагает Вера.

— Ты что? Того? — удивилась Люба.

— Акéна очень, — призналась Вера.

— Бутенькая ты, ситá. Интересно же. Как ты думаешь, кто он? — задала вопрос Люба.

— Написано же, фото... это... дизайн, — отвечает Вера.

— Нет, Вер, я думаю, он князь... или писатель.

— Скажешь тоже, Люб, писатель! Разве писатели такие бывают? Помнишь, в школе еще учились, в восьмом классе, писатель приходил. Фамилию забыла... Разве сравнить? Тот замухрышка, от земли не видать... простой такой, — с осуждением сказала Вера, — а этот, может, правда, князь. Но уж точно не писатель.

— Ты посмотри, ткани-то какие... ручные, наверное...

— Откуда ручные?

— А какие же? Не помнишь, что ли, по материаловедению проходили.

— Богатство как в музее... откуда деньги берут?

Входит Серж с подносом. На подносе крохотные фарфоровые чашечки в медной оправе, расписные бокалы, прихотливая вазочка с печеньем.

— Так вот, девочки, что я хотел вам сказать... Я много лет занимаюсь стилем модерн. Было такое

направление в искусстве на рубеже XIX–XX веков. Его по-разному называют: ар-нуво, ар-деко, либерти... не важно. Посмотрели альбом? В нем архитектура стиля модерн. В Москве осталось довольно много зданий этого времени. Дом, в котором вы живете, тоже модерн. Русский модерн. Модерн — изумительная линия, изгиб, плавные повороты, прихотливость.

Девочки переглянулись. Это было очень интересно, но непонятно: к чему он клонит? А Серж продолжал:

— Линии и формы модерна пронизывали всю жизнь начала века: мебель, посуда, одежда существовали в этих формах. В литературу, в театр, в музыку — всюду проникал модерн. И сложился определенный женский тип, определенный стиль, тонкий, изысканный. Вот, посмотрите. — Он перебил себя, положив перед ними несколько журналов и толстых книг.

Девочки склонились над иллюстрациями.

— Вы мне интересны как модели. Я хочу сделать серию, то есть ряд фотографий в стиле модерн. Я хочу вам предложить попробовать сняться в качестве моделей.

Девочки опять переглянулись.

— Голяком? — жестко спросила догадливая Люба.

Серж зевнул нарочито, потом отодвинул журналы и резко, совсем другим голосом сказал:

— Слушайте меня внимательно. На сегодняшний день вы шавки, полное говно. И жизнь ваша — полное говно. И говном будет всегда. Я даю вам шанс. Я готов для вас кое-что сделать. Кое-что в вас вложить. Лично меня не интересуют ваши сиськи-пиписьки, но если я скажу, что надо раздеться, значит, надо раздеться.

Вера тронула верхнюю пуговицу кофты.

— Не надо, — остановил её Серж. — Пойдите в ванную и намочите волосы, но не сильно. По коридору направо.

И вот они, с мокрыми, прилипшими к маленьким головкам волосами, голые, вышли из ванной.

— О господи! — засмеялся Серж. — Я же сказал: только волосы намочите!

Достал два халата, накинул на них.

И вот они сидят перед Сержем на табуретках, и он скручивает из бедных жидких волос маленькие пучочки на макушке, остригает ножницами пряди и накладывает завитки на щеке. А потом кладет пальцы на лоб Любе, на то место, где начинают расти волосы, и с нежностью говорит:

— В середине века женщины подбривали себе лбы в поисках этой линии. А вам природа подарила... Ну, и отчасти последствия рахита.

...На столе — газета, на газете — металлическая подставка, на подставке — сковородка с жареной картошкой. Над сковородой — сестрички. Одна с вилкой, вторая с ложкой. Едят. Разговаривают:

— А если обманет?

— Да как обманет-то? За рубашку заплатил.

— Нет, вообще!

— А чего он нам должен-то? Подумаешь, посидели, кофе попили, щелкнул три раза...

— Ой, а кофе-то этот, едрит его, меня чуть не сорвало...

— А мне понравилось. И вообще, живут же люди... красота...

— Чудно всё же.

— Ой, ситá, босява... Мне чудится, влипнем мы, — пророческим тоном говорит Вера.

— А ты не босявай! Не хочешь, не ходи. А я пойду. Мне понравилось. Интересно ж!

• Зазвенел звонок. Три раза. Девочки встрепенулись.

— Генка, небось, с Куцым, — предположила Люба.

— Ой, на что они нужны... Открой поди, а то Лидия заругается.

Вера идет открывать, Люба лениво доедает картошку.

Входит Генка с Верой.

— Привет.

В комнату заглядывает соседка, без стука, уверенно.

— Имейте в виду: если после одиннадцати хоть что — сразу и отцу, и в милицию.

— Когда же это мы после одиннадцати? — вздрючилась Люба.

— Мы тихо, тетя Лид, — смягчила Вера.

— Знаю я вас, из молодых да ранних! — фыркнула соседка. — Имейте в виду: чуть что — я к отцу!

— Что — к отцу? К отцу? Мы совершеннолетние! — вдогонку уходящей соседке сказала Люба.

— Дался ей отец! — хмуро сказала Вера.

Пришедший вытаскивает две бутылки портвейна.

— Стаканы дай, Люб! Вер!

— Еще чего? Забирай! Здесь не распивочная, — отрезала Люба.

— Да брось, Люб, Вер, чё? — бубнит Генка.

— Да пусть его, — примиряюще говорит Вера, — пусть! — И ставит на стол стакан.

— Разляжется потом, не вытолкаешь, — буркнула Люба.

— Да я на полу, хошь, на коврике, Вер, ляжь со мной на коврике, а? — полушутил он.

— А чего Куцый не пришел? — поинтересовалась Люба.

— А чё тебе Куцый? Я не хуже, всё при мне! — ёрничает Генка.

— Эт ты такой храбрый, пока Куцего нет, — поджимает губки Люба.

— Да что ж он, с двумя зараз? — изумляется Генка.

— А хоть бы и так, не твое дело, — неожиданно сердится Вера.

Но стаканов на столе уже три. Генка заглывает как удав. Девочки тянут лениво, потихоньку.

— И как вас мать различает? — спросил Генка. — Похожи вы, аж жуть.

— Умерла мать. Она различала. А отец путает, — отвечает Вера.

— Бантики разные вязали, — дополнила Люба.

— А куда? — шутит Генка.

— А туда! — довольно гнусно кривляясь, смеется Люба.

...А, пришли, — встречает сестричек Серж, — раздевайтесь, прошу вас!

Он как-то преувеличенно любезно снимает с них жалкие пальтишки.

— Прошу вас! — распахивает дверь в большую комнату, как и в прошлый раз заставленную по одной стене щитами. Щит с юношей отъехал в сторону, в центре — их крупные портреты. Они не сразу это поняли. Остановились, остолбенело уставившись.

— Мы? — спросила хрипло одна.

— Мы? — повторила другая.

Слезы хлынули у Любы из глаз. Она забилась в угол, затряслась в плаче.

— Мадемуазель, что с вами? — растерянно спросил Серж.

— Нет, нет! — всхлипывала Люба.

Вера стояла возле фотографий и грызла ноготь большого пальца. Фотографии были прекрасны. Одна анфас, вторая в профиль, немного совмещенные лица. Тонкие шеи, маленький рот приоткрыт, и блестят атласно два детских зуба. А на другой — почти всё выгравлено, только графическая линия, абрис удивительного лица. И ещё... И ещё...

Серж казался страшно довольным. Он гордился своей работой, эффект — и слезы, и столбняк — был ему чрезвычайно приятен.

— Вот такие пробы! — улыбнулся он. — Ну что, будете работать? Я буду вас звать Любочки, чтоб не путаться! Ну как, Любочки? Вот так, девочки, вот так, мои мышки! Ну, работаем? Почему мы молчим?

— А мы правда такие? — спросила Люба.

— Вы можете стать такими. Женщинами от кутюр, и даже больше того. Но! — Он поднял свой длинный палец. — Если будете работать как африканские рабы! Бросайте к черту ваше ПТУ. Если вам надо будет работать, я сам вас устрою в пошивку, в театр. Поняла, Любочка? — обратился он к Вере.

— Я Вера, — поправила она.

— Я сказал, вы Любочки. Любочки, и всё. Поняла? Вера кивнула.

— У вас природные данные, а все остальное в стиле строится извне, с поверхности, вот так возникает подлинная линия: давление изнутри, давление извне и выстраивается... — Он говорит это не им, а обращаясь к юноше на щите, к портретам сестричек, ведя пальцем вдоль щеки фотоизображения. А потом перевел взгляд на девочек и стал сухим, деловым.

— Как я понял, вы живете одни? Вам никто мешать не будет? — спросил он.

— Матери нет, отец — он у жены живет, у него семья другая, — получил ответ.

— Прекрасно, прекрасно. — Он слегка задумался. — Пока мы вот что сделаем. Будете ходить в студию к Олегу, моему приятелю. Он даст вам движение. Предупреждаю: поломает. Но в Союзе лучше специалиста по движению нет. Научит ходить по земле как по небу. Даст форму. Да, брови сбрить, — словно вспомнил важное.

— Как сбрить? — удивилась Вера.

— Взять бритву и сбрить, — объяснил он. — Начисто. Брови надо поискать.

Они испуганно смотрели на него, растерянно — друг на друга. Он улыбнулся неожиданной улыбкой, и лицо его стало еще более привлекательным.

— Понимаете, Любочки, брови — самый сильный акцент лица. Они во многом определяют характер. Я буду рисовать вам разные брови, пока не найду правильные. А потом, когда брови станут отрастать, вы будете пинцетом их подправлять, чтобы правильно росли. Поняли?

Они молча кивнули.

— Волосы надо отпустить подлиннее, мне нужен маленький пучок. Руки, ноги, ногти — это мы потом поговорим. Пока работаете так: у меня студия, рисованию учу ребят, вы будете позировать, по очереди или одна из вас, мне все равно, два раза в неделю, понедельник, четверг, с шести часов до девяти вечера. За это и буду платить.

Они переглянулись, кивнули одновременно. Он встал, выгасил из крохотного, в цветных стеклышках, шкафика затейливый графин, маленькие металлические рюмки, налил и сказал торжественно:

— Я хочу выпить за моих новых учениц, за ваш успех! — И, вложив каждой в руку по рюмке, поднял

свою, и опять улыбнулся победоносно: — За новую жизнь! Ну, вита нова!

• Выпили. И вдруг Серж добавил строго:

— И рекомендация: друзья, подружки — всех-всех гнать. Будут мешать.

...Сестрички принимают гостей; сидят за столом рядышком, в одинаковых блузках, в кудельках, возбужденные.

— Ну что, пора? — спрашивает одна у другой.

— Нет еще!

А гости — дворовые ребяташки, пэтэушники и подружки по швейному делу. Неблагополучные... Здесь Генка и длинная Людка. Гомон, Куцый с гитарой. Поет:

Мне говорят, она же грязная,
И глаз косой, и ноги разные.
Мне говорят, она наводчица,
А мне плевать, мне очень хочется...

Генка пыгается рассказать анекдот, но его плохо слушают.

— Эт-та... двое поспорили. Он говорит: можешь в три глотка плевательницу выпить, — а тот говорит: могу. Ну, говорит, давай! Этот — раз! — и выхлебал. А тот ему говорит: ты проиграл, мы договаривались в три глотка, а ты разом! Ну и что, этот говорит, такая сопля попалась, перекусить не мог! — и заржал, сам собой довольный.

— Ой, чего смешного-то? Ничего смешного! — пожал плечами подружка.

— Соплю перекусить не мог! — смеется Генка.

Сестрички переглядываются.

— Пора?

— Сейчас, погоди немного, — шепчет Люба сестре.

— А мне плевать, мне очень хочется! — надрывается опять Генка.

— Да хватит тебе, надоело! — Подружка пихает музыканта в плечо. Не рассчитала. Он грифом задевает за что-то, пихает ее, та отлетает.

— Ты что, оборзел?

Генка встал, опрокинул бутылку с пивом. Лужа на столе. Газеты, пустые бутылки... рюмка падает со звуком.

— Одиннадцать, — говорит Вера. — Пора.

— Давай! — кивает Люба и поднимается над столом. — Эй, вы! Попили? Поели? А теперь давайте отсюда!

Застолье замирает. Длинная подружка подхватывает:

— Давайте, давайте отсюда!

Вера ее окорачивает:

— А ты-то кто? И ты уваливай! Ну, всё! Давайте отсюда!

— Да вы что, обалдели? — возмущается Куцый.

— Уходите и дорогу забудьте, поняли? Прощальный бал вам был! Всё!

Люба вскочила на стул и стала стребать всё со стола.

— Убирайтесь! Убирайтесь!

Оторопевшие гости попятились к двери. Людка разъярилась:

— Ах, так? Пожалеете ещё! Ой, пожалеете!

— Проваливайте! Все проваливайте! До свиданья! Приветик!

Гости ушли, а хозяйки не могут успокоиться; прогнав гостей, они изгоняют теперь и самый дух своей прежней жизни.

— Скатертью дорога! — кричит Люба зло и весело. Никому кричит.

• — Катитесь колбаской! — подхватывает Вера.

— К чёрту! К чёрту всё! — Люба сгребаёт со стола стаканы, пустые бутылки, обрывки газет, остатки еды. Куча растёт. В нее летят картинки со стен, старые тетради, фарфоровые статуэтки собаки и петуха. Даже фотография матери, висящая в рамке на стене, летит в кучу.

— И занавески! — кричит Люба. — Занавески эти дурацкие!

Рванула занавески с окон. Они не поддались сразу, отлетели вместе с карнизом.

— И обои! — подхватила Вера и схватила за слегка отошедшую от стены полосу. Полоса съехала вниз.

И всё, что оказалось под силу, было сброшено, сдернуто, сломано, опрокинуто.

— Бритва! — закричала Вера. — Где бритва?

И бросилась на поиски.

Через мгновение она принесла откуда-то помазок, бритву, стакан с водой и сбрила брови. Тоненькая кровавая полоска пролегла через бровь.

— И я! И я! — визжала Люба от нетерпения.

Сбрила. Зализала Вере кровь на порезанной брови.

И запрыгали на куче хлама, как два бесенка, крича:

— К черту! К черту! Новая жизнь!

Хрустят черепки битых чашек и рюмок.

...Девочки — перед Сержем. Их разделяет небольшой столик. На столике коробка грима, круглое зеркальце на подставке. Бровей у девочек нет, краски тоже. Несколько листов бумаги, на которых тушью нарисованы женские лица. Серж ищет грим.

— Ну хорошо, — произносит Серж, — рисуем брови.

Он хмыкает, напевает, кладет тени, перекрывает. Когда доходит до губ, говорит:

— Посмотри-ка у Бёрдслея. Я уверен, что это его открытие — более темная верхняя губа и опущенный вниз уголок рта, впечатление надменности и очень холодной чувственности...

Люба заглядывает в зеркало — на неё смотрит странное лицо. Грим лежит только на одной его половине. То же и у Веры.

— Это надо зафиксировать, — говорит Серж и устанавливает свет. Он доволен и разговорчив. — У вас очень хорошие веки, без единой складочки, плотно прилегают к главному яблоку, а само глазное яблоко очень выпуклое. Чтобы это подчеркнуть, вы кладете тень на веко довольно высоко, а потом проводите темно-серым или даже черным резкую границу, а выше кроете белым. То есть не чисто белым, светлым. Это очень грубый театральный грим, я закажу, мне привезут хороший. А сейчас это будет наша маленькая игра.

Он что-то подправил в лицах и, достав камеру, сделал несколько снимков.

— Ну хорошо, — говорит Серж, — на сегодня мы с этим закончим. А вам дам вот такую работу. Надо чулан разобрать, я туда лет пять не заглядывал. Возьмите стремянку в коридоре и всё оттуда вытащите, потом меня позовете. Когда пол там вымоете, назад всё складывать вместе будем. Чтоб я знал, где что стоит. Понятно?

— Понятно, — кивнули девочки.

— Вы голодные? В холодильнике сыр, колбаса, масло...

Зашумела вода, хлопнула дверца холодильника, Вера вошла в комнату с бутербродами. Целую кучу

кривых толстых бутербродов настрогала. Серж смотрит из глубины комнаты насмешливо.

— Детка, забери свои бутерброды, я сам сделаю...

И вот они уже сидят за столом. Девочки скованны. Серж разглагольствует:

— Вы можете натрескаться на кухне капустой с кашей, это никого не волнует, но за столом женщины вашего типа вообще не едят. У них, понимаете, аппетита нет... Ну, ломтик сыра, глоток вина... кусочек пирожного... да, глоточек, щепотка, чуть-чуть... Но только самого лучшего... Сами посудите, ну? Могут ли такие изысканные женщины набивать рот селедкой с луком? Они созданы для любви... нет, для обожания! Вот так, Любочка, ты делаешь мне одолжение. Исключительно чтобы доставить мне удовольствие, ты съешь этот крохотный бутерброд. Лениво и без всякого удовольствия. И всё — только самое лучшее.

Он посмотрел на часы.

— До шести еще много времени, так что занимайтесь чуланом. О'кей?

...Как обезьянки лазают по стеллажам и антресолям чулана, спускают вниз старые лампы, связки книг, поломанную мебель. Пыль столбом. Они чихают, кашляют, восхищаются, немного играют...

— Смотри, Люб, коробочка какая! Чего в ней?

— Открой да посмотри!

— Шляпа! Умереть можно! — Вынимает из футляра цилиндр.

— Цилиндр это! — догадывается Люба, надевает его.

Входит Серж.

— Ну, кто сегодня работает? Класс собрался! — И ушел.

- Вер, попозируй ты, а? — просит Люба.
- Твоя же очередь! — удивляется Вера.
- Ну прошу тебя!
- Ладно, — соглашается она.

...Сидит одна из сестричек на подиуме, с прямой спинкой, опершись рукой. Человек восемь учеников. Серж ходит между ними, склоняется над очкастой девушкой.

— Ксения, что ты делаешь? Ну что ты штрихуешь? Остановись, подумай немного, что ты хочешь сделать?

— Без рук! Вперед! — приказывает черно-густоволосый человек; из глубины маленького зала на него идут десятка полтора учеников. Присев на корточки, разведя колени и ступни, нелепым и странным ходом. Дверь открывается, появляются Вера и Люба в купальниках. Черноволосый резко оборачивается.

— В чем дело?

— Нас Серж прислал! — робко говорят сестры.

— Почему опоздали? — строго спрашивает он.

— Искали долго. Номеров-то нет, — оправдывается Люба.

— В задний ряд, быстро. Босиком, босиком! — уже не глядя в их сторону, говорит он. Девочки снимают носки и тапочки, ставят в угол. — Ничего сейчас не объясняю. Потом. Делайте как все, — бросает руководитель.

Девочки становятся в последний ряд и пытаются подключиться к этому странному занятию.

— С руками! — командует руководитель. Ученики добавляют к своему странному ходу не менее странные движения руками.

У девочек ничего не получается, все слишком сложно.

— Коврик, — командует руководитель; все расстилают коврики и ложатся. — Кленовый листок!

. Девочки жмутся к стенке, ковриков у них нет. А ученики, подняв ноги, описывают ступнями немислимые зигзаги... И всё это в темпе сильном, быстро меняющемся.

Руководитель меняет кассету и снова... и снова... Все в мыле. Он сам вытирает пот со лба.

— Маша, Гуля, Витя, Саша, — командует он, — номер седьмой!

Все мгновенно разбегаются к стенам, четверо остаются в центре. Пластическая композиция большой сложности, непривычная глазу.

— Закончили, — прерывает руководитель. — Новенькие, на середину! Друг к другу спиной! — приказывает девочкам. — Сейчас вы услышите музыку, минуту слушаете, потом по моему сигналу включаетесь. Сами будете делать то, что в музыке услышите. — Поднял палец, улыбнулся. — Чувствуйте себя свободно, здесь все свои. Просто подвигайтесь! Друг к другу спиной!

Грохнула музыка. Девочки стоят, прислонившись друг к другу спиной. Руководитель махнул рукой:

— Пошли!

Сначала робко, потом смелей, начали они танцевать. Стояли они спинами, друг друга не видели, но движения их были синхронны.

— Дают! — сказал кто-то из учеников. Руководитель махнул рукой. Все замолчали. Когда музыка кончилась, он поднял большой палец.

...Девочки лежат в своей постели, разговаривают: — Ни рукой, ни ногой... я не могу. Люб, мы с девяти до девяти, хуже, чем на заводе.

— Ну хорошо. Что ты предлагаешь? Что?

— Ну, можем сказать, что мы так не можем. Не согласны.

— Вер, но мы-то не больше его работаем. Ты посмотри, он сам-то с утра до ночи, с утра до ночи, и ночью работает. И когда спит?

— Это его дело. Он на себя работает. Как думаешь, сколько он получает?

— Не знаю. Наверное, много. Рублей тысячу или пятьсот.

— А сколько ему лет, как думаешь?

— Не совсем еще старый, лет сорок или шестьдесят.

— Дура ты!

Совсем почти заснули девочки, но, хоть глаза закрываются, губы еще двигаются.

— У тебя, он сказал, колени, как Тинторетто писал... он сказал...

— А кто это?

— Художник старинный, в альбоме у него, он показывал.

— А как писал? В смысле, что хорошие?

— Наверное...

— Устала, тэка ситá... — закрыла глаза Вера и поцеловала Любу в плечо.

— Кукуля, — отозвалась Люба.

...Вера гладит мужскую рубашку. Люба чистит картошку. Входит Серж:

— Спасибо, девочки. Любочка, порежь соломкой, и всё. Спасибо. Вы мне больше сегодня не нужны.

Девочки переглядываются. Одна кивает другой, спрашивает:

— Серж, нам надо ремонт в комнате сделать.

— Ремонт? Уже ремонт захотелось? Быстро вы! — усмехается он.

— Мы хотим, чтоб красиво, — говорит Вера.

— Как у вас, — подтверждает Люба.

Серж становится серьезным. Чешет лоб, трет щеку — такие у него знаки работы мысли...

— Любочки, у вас очень красивая комната. Строго говоря, её можно красиво сделать. Но понимаете, у вас такой хлам... — задумчиво говорит он.

— У нас ничего нет, кроме кровати и швейной машинки, — поправляет его Вера.

— Мы всё выбросили. Давно, — добавляет Люба.

Серж смотрит на них, качает головой.

— Ей-богу, вы мне нравитесь! Правда всё выбросили?

Они кивнули.

— Да.

— Ну а как же отец, родственники? — поинтересовался он.

— Наплевать! — пожала плечами Люба.

— Да он бывает-то у нас раз в год! — сказала Вера.

Серж уже что-то соображает.

— Слушай, Люб, а у вас, кажется, панели сохранились?

— Ну, такие штуки на стенах? Да, — отвечает Люба.

— Помогу, — соглашается Серж, — только обои не покупайте. Покрасим. А панели я, может, распишу... Пряткие вы девочки, вот что я скажу!

Вера сложила рубашку.

— Ну, мы пошли.

— Идите. Завтра к двенадцати, возможно, будет большая съемка. Придет мой приятель, хочу продать вас в рекламу. Чтобы были в полном порядке.

— А что надеть? — спросила Вера.

— Наверное, те синие блузки... И захватите с собой черные платья. На всякий случай...

...Поздний вечер. Девочки возвращаются домой. Идут через проходной двор мимо помойки. Видят старую выброшенную мебель.

— Люба, кресло-то старинное, как у Сержа, смотри-ка, — говорит Вера. — Возьмем, что ли?

— Нет, у него какие-то другие, — возражает Люба.

— Возьмем, — предлагает Вера.

— Больно старое. Чинить надо.

Тащат через двор громоздкое псевдовольтеровское кресло, временами присаживаясь на него. Втаскивают в парадное...

Из парадного выходит соседка — гулять с собачкой.

— Здравсьте, тетя Лида! — здороваются девочки.

Соседка смотрит на них с удивлением:

— Девчонки, да вы что? То всё выбрасываете на помойку, то с помойки в дом тащите?

Девочки смотрят друг на друга, начинают хохотать.

— Ох, посмотрела бы на вас мать! — пожимает плечами соседка.

...Девочки одеты, накрашены, собраны. Сидят. Молчат. Говорит Серж:

— Имейте в виду: сдаю вас напрокат. На раз. Вижу в глазах вопрос. Отвечаю: получите десятку за съемку, вне зависимости от того, пойдет работа или нет.

Девочки молчат. Вид несколько обиженный.

— Мы недовольны? Всё справедливо, мышки. Нет никакой уверенности, что вы вообще подойдете для рекламы, а пробы стоят денег. — Он хлопает в ладоши. — Любочки! Что случилось? Выражение лица может быть надменным, но ни в коем случае не кислым!

Фыркнула машина под окном. Этаж полуподвальный, машина остановилась рядом.

— Приехал. Человек он профессиональный, фотограф. Искусством не интересуется. Деловой, — сказал Серж и пошел открывать.

Вошел толстый светловолосый человек, с аппаратурой, с кофром, бросил:

— Привет!

Вышел. Потом принес ящик с какими-то продуктами, банками-склянками.

Серж свистнул.

— Откуда?

— Из лесу, вестимо. Роскооперация, — сбросил ящик, сел на стул. Посмотрел на девочек внимательным глазом, сказал: — А вы мне не очень-то подходите, девчата. Серж! Мне бы какую-нибудь телку килограмм на девяносто! Внешпосылторг заказчик. Мед, брусника, грибки сушеные, грибки соленые...

— Ты совсем без фантазии, Вадик. Не понимаю, как ты свой миллион делаешь? — удивился Серж. — А девушки — голубушки. Душеньки-подруженьки! Ты что? Трогательная девчушка в платочке...

— Ну, тогда уж совсем наив... — согласился Вадим.

Серж притащил деревянную ложку. Повязал девочкам платочки. Одной — красный, другой — белый. Поправил грим, и пошла работа.

— Никаких улыбок! — крикнул Серж на Любочку. — Убью! Застрелю! Зарэжу! Смотри в миски, на грибы смотри!

Щёлк! Щёлк! Щёлк!

...Ушли девочки, стоят натюрморты из банок, грибов, орехов. Серж и Вадим пьют коньяк.

— Ну хорошо, а что Внешпосылторг? — спрашивает Серж.

— Я сворачиваю, Серж. Дженнифер меня вполне устраивает. Я говорил тебе, бумаги подали, — отозвался Вадим.

— Ах, вот как? Я не знал, — слегка удивился Серж. — Молодец.

— Да что молодец? Риска нет. Никакого. Слушай, а славные у тебя девчушки. Не поделишься? — поинтересовался Вадим.

— Тебе которую? — уточнил Серж.

— Да они ж одинаковые. Любую, — рассмеялся Вадим, — которая с краю.

— Чего я в тебе не одобряю, Вадик, это отсутствия фантазии. Я бы на твоём месте подписался сразу на двух. Пикантно, по крайней мере.

— Ладно, разберусь. Так как, даешь?

— Нет. Я с ними работаю.

— Понятно. А кстати, не собираешься отдать должок? — как бы невзначай поинтересовался Вадим.

— А, ты так ставишь вопрос! Грамотно! — Серж качает головой. — Чёрт с тобой. В субботу поведешь куда-нибудь. В хорошее место, сам выберешь.

— С удовольствием, сэр, — согласился Вадим.

— Ты прост, Вадик. — Серж поднял рюмку, выпил.

— Да, — охотно согласился Вадим. — Я человек простой. Как грабли.

...Бедра Веры обмотаны тканью полосато-цветочного рисунка. Там, где кончается рисунок, по голой коже спины и груди Серж наносит кисточный узор, поднимающийся к соскам и вползающий в плечи.

— Там, где подсохло, — обращается он к Любе, — ты пройди масляным тампоном. Ткань-то шелковая, а кожа совсем не блестит. Подфактурить надо.

Люба касается тампоном Вериной груди.

С улицы слышен крик:

— Женья! Ты идешь? Жень!

Серж подходит к окну, поднимает занавеску и говорит Любе:

— Пойди-ка сюда!

Из противоположного подъезда выходит мальчик с сеттером. Худой, рыжеволосый, лет шестнадцати, с тонким лицом. Его ждет приятель с овчаркой.

— Видишь? Я хочу, чтобы ты с ним познакомилась и пригласила ко мне в гости. К дяде в гости...

— Он здесь живет? — спросила Люба.

— Да, каждое утро и каждый вечер гуляет с собакой в том скверике на углу. Я его порисовать хочу... — объясняет Серж.

— Хорошо, — равнодушно соглашается Люба.

Вера подходит к окну, любопытствует.

— Да мы его здесь сто раз видели.

— Ну, тем лучше, — отзывается Серж. — Интересное лицо. Но как-то неудобно мне на улице подходить...

— ...Нет, мы не здесь живем. Здесь дядя наш. У него там мастерская. Мы ему помогаем, — объясняет Люба рыжеволосому мальчику, стоящему возле двери Сержа. Мальчик с другом. Люба нажимает на звонок.

— А удобно, что мы к вашему дяде такой компанией завалимся? — спрашивает приятель.

— Конечно удобно, — уверяет Люба мальчиков, — он человек гостеприимный. — И жеманно улыбается.

— Сварит кофе и поставит хорошую музыку, — обещает Вера.

— А какая у него музыка? Какие группы? — оживляется рыженький.

— Да какие группы! У него целый шкаф специальный пластинок, американских и всяких там... — хва-

стает Вера с выражением полной причастности к этому богатству.

Дверь открывается, предстает Серж в стёганом шелковом халате.

— О, какие люди! — неопределенно приветствует Серж. — Проходите.

В комнате Серж обращается к рыженькому:

— А вы хозяин моего знакомого сеттера, не так ли?

— Да, мой... — кивает мальчик.

— Старенький уже, но собачка хорошая, хорошая, — улыбается Серж, — и ваше лицо мне знакомо.

— Так я же в доме напротив живу, — объясняет мальчик.

— О нет, совершенно иным образом, — улыбается Серж и, изогнувшись, снимает с полки большой альбом, раскрывает его на середине и показывает длиннолицего ангела с музыкальным инструментом, напоминающим саксофон. — Большое сходство...

Все склонились над альбомом, а Серж включил свой изумительный джаз и вытащил ручную мельницу.

— Да вы садитесь, садитесь. Любочки, сейчас я сварю вам кофе. Этот инструмент, — указал пальцем на ангельскую трубу, — больше всего похож на саксофон, не правда ли? Мне это представляется более чем естественным. Истинный ангельский голос, конечно же, не трубный, а именно саксофонный, с этим изумительным оттенком, который дает металл инструмента в сочетании с деревом мундштука.

Этот старик Сакс был гений, гений...

Рыженький таращил на Сержа прозрачные глаза. Он почти забыл про милую девочку, которая так неожиданно возникла, смотрел по сторонам, восхищал-

ся. А Серж ставил на стол кофе, и коньяк, и металлические затейливые рюмочки... Фыркнула машина под окном — Верочка тихо скользнула к выходу. Вадим за ней заехал.

В кресле патриархом сидит Серж, подливая коньяк и подбадривая хилое веселье. Рыженький Женя танцует с Любочкой что-то блюзовое, томительное, вприжимку и чуть покачиваясь. Приятель его засыпает в кресле. Серж встал в дверном проеме и отозвал Любу:

— Детка, забери того парня и уходи. Поняла?

Люба кивает.

...И вот Люба с пьяным кавалером уже идет по переулку. Он держит ее за руку и просит, чуть не плача:

— Я тебя прошу, понимаешь... Ты будешь моя девушка. Мы так договорились. Только позвоню. Только ты не уходи. Мы так договорились: в зеленом — Женькина, в синем — моя. Ты моя девушка. Я только позвоню, извини, мне надо домой позвонить... Понимаешь...

Он пытается одновременно открыть тугую дверь телефонной будки и удержать около себя Любочку. Люба захлопывает дверь, вырывается и бежит по переулку. Парень вываливается из будки и бросает ей вдогонку:

— Эй, погоди! Я прошу тебя, не уходи...

...Серж держит рыженького за плечи. Оба склонились над унитазом. Женю рвёт. Серж его утешает:

— Ничего, ничего, всё нормально... Сейчас умоешься, примешь душ, через пятнадцать минут будешь в полном порядке.

— А где она? Куда она? Вера была... — бормочет мальчик.

— У тебя чисто арийское строение головы, — говорит Серж Жене. Он умывает его, в зеркале отражаются крупная черно-седая голова Сержа и рыжая, продолговатая — Женина. Серж положил на плечо юноши руку — с нежностью, превышающей чисто дружеское участие. Прижал к себе.

— Здорово заметно, что мы выпили? — слегка шарахнулся Женя.

— Ерунда. Примешь душ, и всё будет о'кей. — Серж помогает Жене расстегнуть пуговицы на рубашке.

...Дома у девочек — пошивочная мастерская. Лоскуты на полу, ткани разложены на газетах. На кровати лежат два одинаковых вечерних платья и одно легкое пальто. На полу сидит Люба, в руках ее — журнал "Линейта Италия".

— Мы могли бы эти плечи сделать... напрасно он сказал, чтоб японку делали, — заметила Люба, разглядывая картинку.

— Да здесь лекал-то нет. Мы и так еле успеваем, — подшивая подкладку пальто, отвечает Вера. — Ну надо же, чтоб из мебельной ткани, а вышло первый класс!

— Гениальный мужик потому что... — задумчиво говорит Люба.

— Вкус потрясающий, — соглашается Вера.

— Сказал, экзамен. Как ты думаешь, кто-нибудь будет? — спросила Люба сестру.

— Не знаю, Люб. Мне кажется, там будет прием, много народу и танцы.

— Нет, если бы танцы, он бы велел другие платья шить. В таких не потанцуешь. Узенькие больно.

— А давай разрез подыдем, — предложила Вера.

— Так это до самой жопы надо, — сказала Люба.

— Нет уж, оставь, как велел. Между прочим, женщины либерти не задирают ноги! — заключила Вера.

• — Олег сказал, что наш танец — танго, — подтвердила Люба.

Вскочила и, напевая танго, обхватила сестру, и они стройненько прошлись по комнате в самом изысканном, салонном танго...

...Они вошли в ресторан втроем: Вера, Люба и Серж. Все головы повернулись в их сторону. Таких элегантных девушек здесь не часто видят. Прошли в кабинет. Навстречу поднялся Вадим. Приём, как оказалось, был небольшой, но по-купчески богатый.

Стол заставлен закусками, всё сверкает.

— Добрый вечер, — почтительно сказал Вадим, целуя девочкам руки.

— Мы с вами уже встречались, — светски улыбнулась Люба.

— И даже вместе работали, — добавила Вера.

Серж гордо улыбнулся.

...Люба сидит на кровати, злая, сторбленная. Вера носится по комнате полуодетая и тараторит:

— Любочка, не обижайся, ну прошу тебя! Я сначала хотела тебе позвонить, ну ты же знаешь, как Лидка злится, когда звонки поздние. Конец света! Ты себе не представляешь! Это вообще другая жизнь, всё-всё другое! Кукуля ситá! На полу ковер вот такой толстый. А музыка — обалдеть! А Вадим как с королевой со мной. По лестнице на руках внес. Вот честное слово! Не веришь? А потом... это вообще не передать. У нас такого еще не было...

— Ты что, к нему уходишь? Дома жить не будешь? Да? — тихо спросила Люба.

— Я бы ушла, если б позвал, — весело отвечает Вера.

— А я как же? — спрашивает Люба, — Я что, здесь останусь? Да?

— Любочка! Я же на дачу с ним, на пару дней только. На несколько. Мы же теперь принцессы! Принцессы! — трещит Вера. — Люб, а поесть ничего нет?

— На кухне каша на сковородке, — сухо говорит Люба. — Он что, и не покормил тебя?

— Нет, просто есть не могла. У него холодильник набит, чего только нет, и всё банки, банки заграничные и бутылки всякие. Из “Березки”, точно. А он говорит: мне всегда нравились крупные рослые девушки, у меня первый раз такая птичка, прелесть такая.

— Он сначала меня пригласил танцевать, — сухо сказала Люба.

— Ну, сначала тебя, потом меня. Да ты себе еще лучше найдешь, — оправдывается Вера.

— Он тебя замуж не звал? — ревниво спрашивает Люба.

— Нет еще. Но мне кажется, он в меня ужас как влюбился, — глупо хихикает Вера. — Он сказал, что я его с ума свела! Так и сказал.

— Вер, но если по-честному, то теперь моя очередь, вот что, — сказала Люба.

Вера замерла.

— Люб, у нас всё с тобой общее. Только... в этот раз... прошу тебя... оставь его мне.

— Ладно, Вер, ну хорошо. А как с Сержем будет? Работа и всё такое? — строгим голосом спросила Люба.

— Любань, да ты что? Обалдела, что ли? Всё как было, так и будет. По очереди позируем, а уборка, шитьё,

всё по мастерской как было, так и будет. Я от Сержа уходить не собираюсь. Ты что? — изумилась Вера.

. — Тогда ещё ладно. А то я подумала, ты меня совсем бросаешь. Тебе Вадим, а мне Генка, Куцый, шваль всякая. Да? — зашмыгала носом Люба.

— Ну ты даёшь! Ну скажешь! Когда это они у нас были, Генки эти? Сто лет прошло! Забыли давно, чем они пахнут! Да у тебя ещё лучше моего будет, вот увидишь! Может, тебе сам Серж достанется! Вот!

— Ага! Достанется! Как же! Карман пошире! И еще Янковский, Филатов и этот, как его, Абдулов! — И Люба бросилась в подушку рыдать.

Вера легла рядом с ней, обняла, поцеловала в тонкую бледную шею... Объятия их, как всегда, успокаивали. Отревевшись, Люба подняла зарёванное лицо и деловито спросила:

— Вер, слушь... А Серж — он ведь ужас какой шикарный, а?

Вера кивнула...

...Танцующей походкой, с букетом цветов Люба подходит к двери Сержа, звонит. Открывают.

— В чем дело, Люба? Что случилось? — удивленно спрашивает Серж.

— Я шла мимо, — игриво заявляет Люба. Серж хмыкает.

— Ты же знаешь, я после девяти не работаю.

— А я просто в гости... можно? — вертится Люба.

— Хорошо. Заходи, — довольно сухо принимает ее Серж. — Хотя должен тебе сказать, что интеллигентные люди без звонка не ходят в гости. Звонят предварительно.

Личико Любы слегка вытягивается, но она не отступает. Усаживается в кресло, играет букетом, нюха-

ет его. Серж отодвигается от своего рабочего стола, где лежат лупа и крупная старинная медаль, которую он рассматривал...

— Красивые цветы, правда? — совсем уже натужно пытается поддержать общение Люба.

— Красивые, — осторожно отвечает Серж.

Люба подходит к нему, перегибаясь через него, кладет цветы на стол, обнимает его за плечи:

— Серж, а из меня получилась женщина либерти?

Серж кивает.

— А тебе нравятся женщины этого типа? — спрашивает она, заглядывая ему в глаза снизу.

Он смотрит на нее со странным выражением, кладет себе на колени, переворачивает лицом вниз, засовывает руку под платье, поднимает его и, взяв в руки рассыпавшийся букет, довольно сильно стегает ее по ягодицам.

— Ой! — вскрикивает Люба от неожиданности.

Серж легко удерживает ее одной рукой, продолжая стегать. Потом оправляет платье, поднимает ее на руки и несет к двери.

— Иди, женщина либерти. И не забудь: завтра жду вас к двум. Всё поняла?

Закрывает дверь, улыбаясь, берет растрепанные цветы и выбрасывает в круглую корзину для мусора под столом.

— ...Воды дай, — просит Вадим, и Вера выскальзывает из-под одеяла и идет за водой. Открывает холодильник, столь поразивший ее воображение, достает бутылку минеральной воды, наливает в стакан и несет его осторожно, держа в обеих руках.

— Вадим, вода. — Подает стакан. Он выпивает, она забирает из его рук стакан, становится на колени ря-

дом с тахтой, не отпускает его руки, прижимает руку к себе, целует.

— Попроси еще чего-нибудь, — шепчет Вера.

— Спать ложись, — отвечает Вадим.

— Ты не понимаешь, не понимаешь... Мне все время хочется для тебя делать что-нибудь такое... невозможное... чтоб тебе кровь мою перелили... я бы для тебя всё могла, не знаю чего. — Рука его толстая, мускулистая, Верка вся как эта мощная рука.

Он подхватывает её, сажает себе на грудь. Просыпается.

— Ты меня любишь?

— Очень, Вадим, — выдыхает воздух Вера.

— И для меня на всё готова?

Она кивает.

— И всё для меня сделаешь?

Она опять кивает.

— Завтра утром уйдешь отсюда и не придешь, пока я тебя не позову...

— Как? — изумляется Вера. — Почему?

— Приезжает завтра моя невеста, англичанка. Я женюсь, Вера.

Вера смотрит на Вадима непонимающими глазами.

— Я женюсь на англичанке и уезжаю, — повторил он.

Вера обхватывает голову, как будто защищаясь от удара.

— А я? — неживыми губами говорит она. — А я?

— Детка, у меня есть хорошая мысль: ты поедешь на юг. В Ялту или в Сочи. Снимешь квартиру и будешь меня ждать. А я недели через три, как закончу все дела, к тебе подскочу, а? — Вадим гладит Веру по голове.

— А она... вот сюда придет? — Вера касается рукой тахты, на которой лежит Вадим. Вадим молчит. — А-а! — кричит Вера, взметнув вверх кулаки.

— Иди, иди сюда, не кричи! — Вадим подминает Верку, зажимает ей рот, а она всё продолжает кричать, впивается ногтями в его шею.

...Мчится по улице, по самой середине машина скорой помощи. Улица пустая, час предраассветный. Машина сворачивает в переулок, останавливается возле знакомого дома стиля модерн. Выскакивают двое молодых мужчин — в парадное, по лестнице. Быстро, движения точные. Бригада реанимации.

Любочка в вечернем платье встречает их у дверей открытой квартиры.

— Сюда, — открывает дверь в комнату.

На кровати, поверх одеяла, лежит Вера. На вид — мертвая. Тонкая белая рука свесилась вниз.

Врач поднимает веко. Рука на пульсе.

— Жива, — констатирует. — Чем она, не знаете?

Люба протягивает две стеклянные трубочки. Пустые. Он рассматривает на свет надпись.

— Понятно, — говорит молодой врач, — дело плохо. Когда она выпила, как вы думаете?

— Не знаю. Я вчера вечером ушла, ее дома не было, а пришла вот час назад из гостей... Думала, она мертвая. Потом вижу — дышит.

Любочка вцепилась в руку врача.

— Спасите! Спасите!

Врач устало стряхивает руку, обращается ко второму.

— Промоем?

— Пульс нитевидный, Костя. Опасно, — отвечает другой.

— Без тебя знаю. Ставь капельницу.

— Как знаешь...

Потянулись шланги, какое-то стекло, колбы из чемоданчика врачебного.

— Две простыни, два таза, быстро, быстро, — командует врач.

Люба в своем вечернем платье мечется по комнате. В дверях — лицо соседки тети Лиды.

...Перед дверью, на которой написано “Реанимация”, сидит на стуле Люба. Всё в том же вечернем платье. Тушь потекла, лицо размазано, глаза в одну точку. Выходит крупная врачиха, садится рядом с Любой.

— Как тебя зовут? — спрашивает.

— Люба, — безучастно отвечает.

— Любочка, жива твоя сестра. Она в очень тяжелом состоянии. Не знаю, сможем ли её выгтащить.

— Господи... — шепчет Люба, — что делать-то? Может, принести ей лекарства какие... я всё достану... икру...

— Какая икра, — покачала головой врачиха. — Ей повезло, что она к нам попала. У нас единственное место в Москве, где есть хорошая аппаратура. Ее подключили к аппаратам, они ей кровь гоняют, чистят. Теперь от врачей ничего не зависит. Мы, что могли, сделали, а ты иди домой, жди. Не надо тебе здесь сидеть. Родители уже знают?

— Нет у нас. Матери нет. Отец — алкаш, — всё так же безучастно отвечает Люба.

— Вот ты пойди к отцу, побудь с ним. Всякое бывает. Она молодая, организм... — врачиха запнулась, — организм крепкий...

...Люба выходит из электрички, всё в том же вечернем платье, в босоножках на высоких каблуках, ступает на деревянный настил. Доходит до лестницы, сходит

на тропинку, снимает босоножки и, держа их в руках, идет по дороге. Ее обгоняют мотоцикл, тетки с хозяйственными сумками. Она сворачивает с тропинки, идет через помоечный нечистый кустарник, выходит к оврагу, спускается, поднимается вверх и выходит к покосившемуся неряшливому дому в три окна, с разваливающимися хозяйственными постройками. Идет через двор, заросший сорняком, подходит к незакрытой двери, стучит, входит.

— Дед! — кричит Люба. — Дед! Василий Федорович!

Никто не отзывается. Темная внутренность дома. Грязь и бедность. Незаправленная кровать с кучей тряпья, вместо одеяла — тулуп. Бутылки, грязные кастрюли на столе.

Дед появляется из-за Любиной спины. Некрасивый кривой старик с приплюснутым носом.

— Чего орешь? — спрашивает дед.

Люба вздрагивает, пугается.

— Я, вот, приехала, — наклоняет голову Люба. — Здравствуй.

— Ой, радость моя! — кривляется дед. — Внучка приехала! Щас за соседями побегу, праздник гулять будем!

Замолчал дед. Молчит Люба. Долго молчит.

— Ну, чего надо? Говори, чего приехала-то? Чай, не в гости.

— Верка отравилась. Плохо очень, — заплакала Люба.

— Как мать ваша померла, ни разу я вас здесь не видел. Чего теперь-то вдруг прискакала? — сердито выговаривает дед.

— Помоги, — через слезы просит Люба. — Помоги.

— О, помоги! У вас свои помочи! Что я, лекарь, что ли? У вас тама всего полно, пусть и помогают, — всё сердится дед, — я-то при чем?

— Помоги, — всё твердит Люба. — Ты можешь...

— Отравилась! И пусть помирает! Бляди! У-у! Блядская порода! — зло хрипит старик. И тут стало видно, что он нетрезвый.

Сказал и вышел. Помочился возле двери. Люба сидит на стуле перед грязным столом. Дед проковылял через двор к сараюшке, вошел туда, скоро вышел, неся что-то в руках.

Подошел к Любе, сунул ей в руку большой темный клубок.

— Держи! В правой держи, а на левую мотай. От себя. У, дура... Чего смотришь, как овца? Не понимаешь? Нитку держи крепко и тяни. Чтоб не померла... Изю всех сил тяни... Блядская вся ваша порода...

...Люба сидит на том же стуле возле реанимации, все в том же вечернем платье. В руках клубок. Сидит и мотает. Клубок кончился, она его переложила из руки в руку и снова стала мотать, тянуть. Из-за двери выглядывают две медсестры.

— Всё сидит? — спрашивает одна.

— Третьи сутки, — отвечает другая.

— Может, поесть ей принести?

— Я уже предлагала, она только головой мотает. По-моему, она того... — Сестра крутит рукой возле виска.

— Тань, да кто ж двинется, подумай! Девчонки — сироты, и одна-единственная сестра...

— Думать надо, Валя, вот что... Если из-за таких дел травиться, травилки на всех не хватит...

...В психушку! В психушку! Ее посадят в психушку, вот что! Еще недели две подержат и переведут! — кричит Люба.

Серж молчит.

— Ну сделай же что-нибудь, прошу тебя!

Серж молчит. Перебирает пальцами какие-то бумаги, хмурится. И говорит — впервые за все время вдруг пробивается кавказский акцент:

— Люба, дорогая, я заберу ее под расписку. Заберу, да. Но ты сама говоришь, что она молчит, сама не ест, не хочет разговаривать, смотрит в стенку. Я не умею лечить депрессию. И я хорошо знаю, что это такое. Я сам в вашем возрасте всё это проделал. Смотри, вот!

Он закатал рукава рубашки, и Любочка увидела на обеих руках крупные поперечные шрамы.

— Нельзя быть беззащитным, Люба. Поломайтесь, — вздохнул он. — Бедные мои Любочки...

— Лучше бы она его убила, — шепчет Люба.

— Я не знаю, лучше ли это... Но теперь он уже в Лондоне, — ответил Серж.

...Они выходят из такси: Серж, Вера, Люба. Вера коротко острижена, страшно худа. Она совершенно не накрашена и выглядит маленькой девочкой. Входят в мастерскую, садятся за маленький стол. Стол красиво и грамотно накрыт. Какая-то еда в старинной водяной грелке. Возле одного из приборов лежит круглая коробочка.

— Верочка, это тебе подарок, — говорит ей Серж.

— Мне? Зачем? — равнодушно спрашивает Вера.

— Детка, знаешь, будем считать, что это твой новый день рождения. Ты умерла и родилась заново. Ушла и пришла новая. Маленькая и глупая ушла, а новая — умная, взрослая, совсем другая — пришла.

Вера раскрыла коробочку и вынула старинный гранатовый крест.

— Какой красивый! — вздохнула Вера. Положила крест на тарелку.

— Надень, — попросил Серж.

Люба надела на Веру крест.

— Надо бы платье открытое, — заметила Люба.

Серж поднял крышку грелки, понюхал, завел глаза.

— Никто не посмеет сказать, что умеет готовить долму лучше меня.

Раскладывает еду по тарелкам. Замер, глядит на Верку.

— Ты, Вера, будешь носить жемчуга и изумруды, как флорентийка, а ты, Люба, алмазы и черные агаты. — Он поднял вверх палец. — Но что для этого нужно, а?

Вера улыбнулась.

— Я знаю, Серж. Работать, работать и работать.

Серж поцеловал ей руку.

— У меня гениальные ученицы.

— А я? — подняла нарисованные брови Люба.

— Я же сказал — ученицы! — подчеркнул Серж. — С завтрашнего дня, Верочка, ты будешь ходить к моему другу. Он психолог, умнейший человек, у него потрясающие методики анализа. Он поможет тебе... К тому же это будет тебе очень интересно — поработать с ним немного... Кроме того, у меня есть для вас сюрприз: вчера я заключил договор на оформление большой ювелирной выставки во Франции. Вы будете моими моделями, я оговорил это в договоре.

— Мы поедем во Францию? — ахнула Люба.

— Нет, — засмеялся Серж, — не торопитесь так. Пока поедут во Францию ваши фотографии. Но очень крупные...

...Утро в комнате девочек. Люба одета, накрашена. Вера сидит в постели неприбранная, в рубашке.

— Вставай и одевайся, Вер, — просит ее Люба.

Вера качает головой, грызет ноготь.

— Сколько можно в постели лежать? Не надоело?

Вера молчит.

— Мне уже надоело на тебя смотреть. Серж сердится. Говорит, ты ему всю работу срываешь. Пошли, Вер, ну пошли, — просит Люба.

— Ну, хорошо, хорошо, я приду сегодня к Сержу. Попозже, к вечеру. Люб, я сейчас встать не могу. Не хочу я сейчас вставать, — опустила голову Вера.

...Люба сидит у деда. На этот раз привезла ему продукты. На столе колбаса, печенье, бутылка красного вина, уже початая. Дед, довольный, сидит за грязным столом. И обстановка всё та же, как будто и не прошло времени. Кровать раскрыта, и тулуп на ней.

— Дуры вы, девки... Дуры... А чего Верка не приехала? — спрашивает дед.

— Она всё болеет, дедушка. Так-то она здорова. Откачали. Только молчит и ничего делать не хочет. Лежит, и всё, — жалуется Люба.

— А ты думала как? Кто туда заглядывает, надолго запоминает, — отвечает дед.

— Чего же она, всегда теперь такая будет, да? — спрашивает она.

— Так у ту сторону, Люб, ох, тянет, ох, засасывает, как ты думаешь-то? — объясняет дед.

— А я думаю, — с неожиданной яростью, привстав над стулом, говорит Люба, — я думаю, ему надо отомстить!

Дед мелко засмеялся.

— Не смейся! Научи! — крикнула Люба. — Слышишь, научи!

Дед перестал смеяться, протрезвел и строго сказал:

— Научи тебя! Это свою силу надо иметь, а ты — “научи”!

. — А ты дай! Дай! У тебя же есть, я знаю, — потребовала Люба.

Дед налил себе стакан вина, выпил, пожевал колбасы, а Люба всё смотрела на него, не спуская глаз.

— А чего ты сама-то приехала, пусть бы она и приехала, — вильнул дед.

— Я сама хочу, — хмуро сказала Люба.

— А не забоисси? — спросил дед.

Люба покачала головой.

— Пошли, — велел ей дед и вышел. Люба пошла следом. Он привел ее к сарайчику, откуда в прошлый раз доставал ей темный клубок. Снял завязанную узлом проволоку с проушины и сказал: — Входи.

Вошли в темноту. Когда глаза привыкли, ничего интересного и особенного там не оказалось. Старый хлам сваленный, крестьянские обиходные вещи, давно вышедшие из употребления: деревянная борона, прялка, ухват. В углу, в большом решете лежала темная кошка с подросшими уже котятками. Старик нагнулся над кошкой, взял одного котенка, потом положил его, выбрал другого, сунул Любе в руку.

— Ну-ка, задуши его, — сказал дед. — Задуши рукой-то, левой.

— Да ты что, дед? — ужаснулась Люба. — Зачем его душить-то?

— Клади и валяй отсюда, — сказал дед. — Не можешь.

— Могу! — взвилась Любка. — Могу!

И стала сжимать свой маленький кулак вокруг шеи котенка. Котенок пискнул и замер. Люба разжала руку — котенок был мертв. Дед взял его и бросил в сторону. Кошка встревоженно высунулась из решета.

— Пошли, что ли! — рявкнул дед, и они вышли на яркое солнце. — Ну всё, прощевай пока!

— Дед, ты обещал! — взмолилась Люба, чувствуя себя обманутой.

— Чего я тебе обещал, дура?! — рассердился дед.

— Ну, это... силу... — промямлила Люба.

— Иди, иди, всё у тебя есть, — всё больше сердился дед.

— Дедушка, я же отомстить ему хочу, пойми ты! — опять умоляет она старика.

Он сел на чурбачок, закурил дешевую сигарету и, глядя в землю, сказал:

— Если тебе чего надо, ты думай, что уж оно так и есть. Всё, как ты и задумала. Много чего есть. А сильнее этого ничего нет, девка.

...Вера всё-таки пришла к психоаналитику. Белая маленькая комната. Немолодой человек в круглых очках, кудрявый, седой, западного образца. На стенах — репродукции странных геометрических картин. На одной Эшер, на другой мандала. Вера сидит напротив. Разговор начался уже давно.

— Я говорил не о той истории. Сейчас — о том, что сегодня, вчера — самое мучительное, самое неприятное — сейчас. Надо подумать и назвать: что? — спрашивает мужчина.

— Стыдно, — отвечает Вера. — Стыдно перед Сержем, перед сестрой.

— Вот, вот! Отлично! Стыд! — обрадовался человек. — Стыд! Это правильно. Он такой тяжелый, душит. Вот здесь, да? — показывает рукой на шею. — Надо его весь собрать и снять с себя. Снимите ваш шейный платок, да. Это ваш стыд. Вы снимаете его и бросаете. Бросайте, бросайте!

Вера отбрасывает платок.

— Очень хорошо. Сейчас, сразу же станет легче. Сейчас вы почувствуете облегчение. А чуть раньше — мы живем обратно, в ту сторону, назад. Что раньше? Какое самое тяжелое чувство там, раньше? — Он требовательно смотрит на нее.

— Я его ненавижу. Ненавижу... — шепчет Вера.

— Правильно. И это очень тяжело. Чувство сильнее вас, больше вас, его невозможно вынести, такое оно огромное и тяжелое. Правда? — Вера кивает. — Надо его снять. Надо освободиться. Надо избавиться, выбросить. Как снимают с себя рубашку. Как старье с себя сбрасывают. Ну, сама, сама...

Вера медленно расстегивает пуговицы блузки.

— Молодец, правильно. Снимай и выбрасывай, освободи себя. Вот так. И сразу же легче, легче. Задышала по-другому.

Блузка летит на пол.

— Еще немного назад, еще немного назад, — с давлением говорит он.

Вера начинает плакать.

— Ну что там, что? Говорите, пожалуйста. Надо всё сказать, чтобы освободить себя, — внушает он. — Это огромный груз, тебе не под силу его тянуть. И не надо. Сейчас ты будешь новая, легкая...

— Я люблю его, я ужасно его люблю. Я ничего не могу поделать, — жалобно говорит Вера.

— Глупости, глупости. Ерунда. Лишнее. Снять, снять, убрать. Этого и не было ничего. Не должно быть. Не любишь. Толстый, старый. Пахнет плохо. Нельзя его любить. Ошибка какая-то. Заблуждение. Совсем не любишь. — Он подходит к ней, расстегивает пуговицы на юбке, спускает молнию. — Снимайте. Это старая одежда. Старая грязная одежда. Никакой любви.

Надо освободить себя. Верх мы уже освободили. Ты дышишь так хорошо, так легко. Сейчас освободишь низ. И вся тяжесть эта ужасная уйдет. Ну снимай же, снимай!

Вера медленно снимает юбку, бросает на пол.

— Ну вот, видишь, как хорошо. Ты свободна, свободна, и тебе хорошо. И мы опять назад, назад двигаемся. Вспомни, что там тебе мешало, вспомни. Почему плохо, ну? — настаивает он.

— Отец женился на Тоньке, на мачехе. Мы там жили. Она нас ненавидела. Колготки рваные вечно. В школе издевались. И учителя... Отец не понимает ничего, пьяный всегда... — произносит Вера как во сне.

— Обида. Очень большая обида. Отец перед вами виноват. Обиду надо снять. Время пришло. Всё давно прошло. Обиду снимаем, девочка. И учителя твои идиотские, и одноклассницы, и рваные колготки, и отца — снимай! — требует он.

Вера сбрасывает с ног туфли. Стоит перед ним в трусиках и лифчике.

— Еще немного назад, попробуем. Там было... что? Что?

— Мама! Мама! Мама! — кричит Вера. — Мамочка!

...Щит с юношей отъехал совсем в угол. Вдоль стены — новые щиты. На них — съемка бижутерии, фрагменты оформления выставки. Серж ходит мимо щитов и говорит:

— Ваше ушко, мадемуазель, в масштабе один к двадцати. В количестве десяти экземпляров. Будет основным элементом оформления, модулем, так сказать. Все части вашего юного и прекрасного тела, за очень небольшими исключениями, будут представле-

ны на выставке. К сожалению, изделия, которые мы представляем, недостойны столь прелестной модели. К тому же эти сволочи меня ободрали как липку. Чего и следовало ожидать. В конверте двести рублей, детка. Это тебе. Завтра к шести позировать. И прошу, пусть придет Вера.

Люба взяла конверт, положила его в сумку, села.

— Хорошо сидишь, — отметил Серж. — Знаешь, есть такой забавный винт у длинноногих людей.

Он сел и закрутил одну ногу вокруг другой.

— Ну-ка! — попросил он.

Люба закрутила ногу. Серж поморщился.

— Нет, некрасиво. Вам не идёт, мадемуазель.

Люба, раскрутив одну ногу, закрутила другую, подтянула их и села в причудливой позе. Закурила. Серж смотрит на нее почти с восторгом.

— Серж, скажи, а если бы тебе надо было убить человека, как бы ты его убил? — спросила Люба.

Серж оторопел.

— Надо подумать. Я б его съел, — со зверским выражением сказал он.

— Я серьезно, — строго сказала Люба.

— Любочка, я человек эмоциональный. Я бы мог это сделать только в состоянии аффекта. Ударил бы тем, что под руку подвернулось. Не дай бог...

— А я бы задушила... — страстно сказала Люба.

— Кого? — удивился Серж. Задумался. — Нет, Люба, я думаю, что женщины твоего типа должны пользоваться ядом, который они хранят в перстне. — Поднял руку, мелькнул перстнем.

Тень раздумья мелькнула на ее лице.

— А можно застрелить из пистолета, или задавить машиной, или зарезать ножом, или отрубить голову... — продолжала она.

Серж подошел к ней, взял на руки и посадил на невысокий шкаф.

— Остынь немного, женщина либерти!

...Ненакрашенная, белесая Вера сидит в скомканной постели в своей комнате. Комната девочек преобразилась. Кое-какая мебелишка, с покушением на антикварную. Панели в комнате расписаны какой-то изысканной китайщиной, всё в том же стиле либерти. Видно, Серж руку приложил.

Люба вытряхивает из комода вещи.

— Всё время валялась, всё время под руки попадалась, куда задевалась... — шипит она.

— Зачем тебе? — тихо спрашивает Вера.

— Нужно! Нужно! — закипает Люба. — Вот она, сволочь!

Люба торжествующе подняла белую кепку с козырьком.

— Вот она!

— Ездили на дачу. Он дал, чтобы голову не напекло, — невесело сказала Вера и отвернулась.

— Так это его кепка? Его? — жгуче интересовалась Люба.

— Его, чья же ещё, — вяло ответила Вера.

— Ну, гад, держись! — зашипела Люба и швырнула кепку под ноги.

Козырек хрустнул и переломился. Люба, растаптывая острыми каблуками кепку, приговаривала:

— Так тебе! Так тебе! Так тебе!

Вера посмотрела из-за плеча и накрыла голову одеялом.

Люба подняла кепку и стала ее выкручивать, но этого было как-то недостаточно. Она бросила ее на стол, пронеслась по комнате вихрем и, выгтащив отку-

да-то ножницы, вонзила их в измятую, потерявшую свой празднично-летний вид кепочку. Ткань затрещала. Люба вытащила ножницы и, держа кепку на весу одной рукой, вонзала в нее ножницы, как в живого лютого врага, и постанывала:

— Так! Так! И ещё!

А потом швырнула кепочку прочь и кинулась к Вере:

— Всё! Вставай! Вставай же! Я с ним расправилась! Вера повернулась к сестре:

— Ты сумасшедшая? Это он со мной... расправился...

...Серж показывает большие фотолисты, на которых изображены московские здания стиля модерн. Их внимательно, с улыбкой рассматривает черноволосый молодой человек в роговых очках, в лиловом шейном платке, в шелковой рубашке. Итальянец, красавец, симпатяга.

— Мне очень нравится, Серж. Это как-то обработана пленка, специально, да?*

— Да, — кивает Серж, — мой секрет.

— Тре бьен, тре бьен, — улыбается Гвидо, — еще есть?

— Конечно, — пожимает плечами Серж. — Я сделал полный каталог московского модерна.

— Опубликовано? — спросил Гвидо.

— Нет, были переговоры с издательством. Ничем не кончились, — ответил Серж.

— Мне это очень нужно. Я хочу купить, Серж, — просит Гвидо.

— Пожалуйста, без негативов, — легко соглашается Серж.

* Разговор идёт то по-русски, то по-французски.

— Я предпочитаю больше заплатить и иметь негативы, — предлагает Гвидо.

— Это будет дорого стоить, — предупреждает Серж.

— Я понимаю. Я хотел бы взять эти фотографии как иллюстрации в мою книгу, — объясняет Гвидо.

Серж перебирает фотографии.

— Ты предполагаешь вынести мое имя на обложку? — спросил Серж.

— Конечно. Если это не создаст тебе трудностей в жизни. Как ты захочешь, Серж, — отвечает Гвидо.

— Полторы тысячи, — сказал Серж.

— Тебе наличные? Как тебе удобней? — спросил Гвидо.

— Нет, пусть пока побудут у тебя. Пока мне нужен только хороший проигрыватель. Сможешь привезти в следующий раз? — спросил Серж.

— Хорошо, конечно, — согласился Гвидо.

Серж тем временем доставал еще одну папку.

— Посмотри мои работы в интерьере, Гвидо.

Перед Гвидо раскинулся большой веер фотографий, на которых сестрички позировали среди стильной мебели, обряженные в шляпки, перья, шелка прекрасной эпохи.

— Боже! Какая женщина! Какая женщина! — ахнул Гвидо.

Итальянец забегал по комнате, не выпуская фотографии из рук. В это время распахнулась дверь и вошла сестричка. Это была Вера. Она была коротко острижена, тонка, бледна и серьезна.

Итальянец бросил фотографии на стол, перепрыгнул через всю комнату и встал перед Верой на колени. Зазвучало, что-то итальянское, длинное, звучное и певучее. Он был прирожденный актер, этот италья-

нец. В лице его одновременно были и восхищение, и патетический восторг, и лукавство, и юмор...

· — Серж! Что он говорит? — с бледной улыбкой спросила Вера.

— Он говорит, — сказал Гвидо, целуя руку, — он говорит: я вас люблю!

Вера вытянула из рук Гвидо пальцы и устало сказала Сержу:

— Кобели, все кобели...

А Гвидо подошел к Сержу, подтащил его к окну и сказал по-французски что-то, чего Вера не поняла. А фраза была такая:

— Серж, я умоляю, оставь нас одних. Послезавтра я уезжаю. На этой женщине я должен жениться.

— Хорошо, Гвидо, я тебя понимаю. Это изумительная женщина, — грустно сказал Серж и вышел.

...Вера сидит в кресле. Гвидо подходит к ней.

— Вера, я говорю серьезно. Я хочу, чтобы ты... — он запнулся, подыскивая слова, — станешь моей женой. Хорошо?

Вера смотрит непонимающими глазами.

— Ты моя жена. Сегодня, сегодня. Послезавтра я уезжаю. Виза кончена. Я приеду опять для брак. Скоро...

Вера молчит.

Гвидо говорит ей какие-то итальянские слова, жаркие и звучные, целует волосы, шею... Со слабой улыбкой Вера расстегивает пуговицы блузки, той самой, в которой была у психоаналитика, и блузка падает на пол.

...На низком подиуме голая сестричка. Ученики Сержа рисуют. Серж останавливается за спиной толстухи.

— Тамара, эта детализировка никому не нужна. Ты просто убиваешь весь рисунок. Мы уже говорили об этом сто раз...

Смотрит на часы.

— Всё. Заканчиваем. Люба, вы свободны. Я хотел подвести некоторые итоги. Сегодня у нас последнее занятие, мы с вами расстаемся. Не могу сказать, что я очень доволен вашей группой. Откровенно говоря, кое-чему я научил только Наташу и Витю. Ближе к экзаменам я устрою одну-две консультации...

Ребята расходятся. Люба пошла одеваться.

Вынырнула из-за выгородки, уже одетая. Серж взял ее за локоть.

— Послушай, молодая ведьмочка, сегодня мне позвонила мать Вадима. Он в лондонском госпитале с тяжелым инсультом. Паралич. И неизвестно, выживет ли...

— Правда? — взметнулась Люба. — Это правда?

— Какие уж тут шутки, — скривился Серж.

— Боженька — он всё видит! — подняв указательный палец, провозгласила Люба.

— Да при чем тут... Ты ведьма, Люба, — хмуро сказал Серж.

...Детским почерком выводит, нажимая на тупой карандаш: на панихиду, об упокоении Вадима...

Священник стоит перед кануном. На столике перед ним горит множество свечей, стоят кутья, пряники, печенье в мисках. В руке его кипа листочков; скучным голосом, перебирая листки, он читает:

— Федора, Евдокии, Ивана, Ивана, младенца Александра, Марии, Марии, Ольги, Вадима...

Певчие поют: "...яко земля еси и в землю отыдеши, аможе вси человецы пойдем, надгробное рыда-

ние творяще песнь: аллилуйа”. Человек восемь старух, два пожилых мужичка и светленькая, торжественная Любочка в глубоко повязанном платочке...

...В подъезде дома, где живут сестрички, стоят бывшие их поклонники — Генка, Куцый. С сигаретками в зубах. Генка жалуется приятелю:

— А другой раз подошла с таким голосом, бля: я вас слушаю! Я охуел просто. Говорю, выйди на минутку, а она, бля: забудь номер!

— Да рыло начистить, и всё тут, — советует Куцый.

— Да нахуй она нужна, бля, руки пачкать, гнида, — с глубокой обидой отзывается Генка. Смотрит на часы.

— А может, она и не заявится, — рассуждает Куцый.

— Такая сука, — убивается Генка...

Фырчит машина. Любочку привез домой кавалер, немолодой, с пузцом. Вышел из машины, проводил к подъезду.

— Шпана какая-то толчется, проводи, пожалуйста, наверх, — просит Люба, и они вдвоем входят в подъезд, проходят мимо парней.

— Нет, надо всё же рыло начистить. Мне-то всё равно, но если тебе обидно, так уж чего... — соображает Куцый.

Парочка поднялась к лифту, Люба звякнула ключом от почтового ящика.

— Слушай, да это же была она! — запоздало догадывается Генка.

— Иди ты! — удивляется Куцый.

В роскошной этой сучке, разодетой в пух и прах, они не узнали сразу своей бывшей подружки.

Толстый мужик спустился вниз и вышел из подъезда.

Мальчишки ткнули сигаретами в дверь и вышли следом.

— Вот блядь, — сказал один.

— Но всё же рожу ей надо начистить, — заключил второй.

...Вера, как всегда, в кровати. Горит маленькая лампочка. В руках у нее учебник итальянского языка. Входит Люба с письмом в руках.

— Смотри-ка, Шишова Вера, тебе, из Италии, — и надрывает конверт. Вера вылетает из постели. Летит на пол учебник. Она выхватывает из рук сестры письмо.

— Отдай!

— Послушай, что это значит? — интересуется Люба. — Учебник этот дурацкий, письмо. — Она пинает учебник, лежащий на полу. — Ты что, итальянца завела, что ли?

— Не твое дело, — машинально, не поднимая головы от письма, отвечает Вера, — не лезь. Тебя не касается.

— Ах, не касается? Когда ты подыхала, то меня касалось! Как я тебя с того света тянула, так касалось! А теперь уже не касается! — взрывается Люба.

Но Вера вся в письме.

— Отстань.

— Ах, отстань? Сдох твой Вадим! Слышишь? В земельку теперь пойдет! Слышишь? — кричит Люба.

Вера опускает руку с письмом.

— Что? Что ты сказала?

— А вот то! — торжественно выкрикнула Люба. — Что слышала!

— Это ты! Ты! Я не хотела! Это ты его убила, Люба! Зачем? Я знаю, это ножницами... Зачем ты его убила? — выронив письмо, говорит Вера.

— Как — зачем? Для тебя! — сошедшим на шепот голосом отвечает сестре Люба. — Я же для тебя... — Она пятится.

— Я тебя не просила, — подбирая письмо, говорит Вера, — я тебя ни о чем таком не просила... Какая же ты страшная, Люба...

— Страшная? Ах ты, сволочь! — заорала диким голосом Люба.

Вырвала из рук Веры письмо и стала хлестать им её по лицу.

— Отдай! Отдай! — вопит Вера.

И они сплелись в клубок, как две маленькие кошки, царапаются, хватают друг друга за волосы. Замерли. Вера поднимает с полу смятое письмо.

— Я замуж выхожу! За итальянца! Поняла! И уеду отсюда к ебени матери...

Люба вытаращила на неё глаза — не ожидала.

— И мне ничего не сказала? — только и смогла из себя выдавить.

...Прекрасный город Рим за окном. Комната любителя ар-деко. Перед окном — Гвидо, за большим столом, заваленным бумагами, фотографиями, корректурой. В тонкой витой рамке на столе — фотография Веры. Из тех, что делал Серж.

Стук в дверь, всовывается служанка.

— Синьора Скарпи приехала.

Гвидо встает навстречу матери. Очень красивая полная дама, сильно в годах. Прошла, вынула папирсочницу, закурила, села в кресло.

— Мама, я не ждал...*

— Что происходит, Гвидо? Вчера ты не приехал к дяде Бруно... Ты приехал из России больше месяца назад, я тебя совсем не вижу... Что происходит?

— Мама, я кончаю книгу, у меня очень ограниченный срок, ты же знаешь, — оправдывается Гвидо.

* Разговор по-итальянски, субтитры.

— Вчера у дяди Бруно была Клара. — Мать замолкает, ожидая какой-то реакции, но Гвидо молчит. Мать продолжает: — От Клары я узнала, что, приехав из России, ты ей даже не позвонил.

— С Klarой всё кончено, мама, — тихо сказал Гвидо.

— Клара — твоя невеста. Вы помолвлены. Если этот брак не состоится, это большой скандал, Гвидо. Я этого не могу допустить, — холодно и твердо говорит мать.

— Я женюсь на другой женщине, мама. О Klаре забудь. — Он протягивает ей рамку с фотографией. — Зовут Вера. Русская.

Мать мельком взглядывает на фотографию. Она явно не производит на неё впечатления, которого ожидал Гвидо.

— Ты понимаешь, Гвидо, что в этом случае, — она ткнула пальцем в фотографию, — ты вряд ли можешь рассчитывать на поддержку семьи.

Гвидо вскакивает:

— Мама! Я не могу жениться на Klаре!

— Тогда, по крайней мере, скажи ей об этом сам! — Мать выходит из комнаты, оставив дверь открытой. Гвидо вылетает вслед.

— Да встречусь я с Klarой! Занят я, в конце концов!

...Мастерская Сержа.

— Ты сам теперь видишь, Серж, какая она... сука, — тянет Верочка, подставляя расцарапанное лицо и опухшую губу. — Помнишь, я тебя просила ей про Гвидо ничего не говорить? Права была я! Она как узнала, прямо очумела совсем...

Серж смотрит на Веру жестко, презрительно. Как всегда, когда он бывает в крайнем раздражении, пробивается кавказский акцент.

— Вы обе мне противны, Вера. Сколько времени я на вас потратил! Если бы ты была моя дочь, я бы сейчас тебя выдрал. Слушай! Пойди умойся, приведи себя в порядок, не хочу с лахудрой разговаривать! Гвидо на такой мандавошке не женится! Он на другой женщине женится! Я гордился вами, думал, я сделал что-то красивое. А ты обезьяна только, не можешь человеком быть!

Он встал, отвернулся. Пошарил в столе, вытащил фотографию. Сестрички — одна фас, другая в профиль, слегка совмещенные, лица ангельски-бесплотные, созданные художником.

— На, посмотри...

Вера вышла. Серж закурил свою затейливую трубочку, сел, рассматривая фотографию, проводя пальцами по линии вытянутых щек, вдоль шеи, груди... Потом встал, подошел к щиту с юношей, совместил лица — они были в одном масштабе... И поразительно чем-то схожи...

Вошла Вера — умытая, причесанная. Села напротив, положив перед собой сложенные вывернутые в замок руки.

— А теперь всю сцену сначала, но правильно, — попросил Серж.

Вера вздохнула и начала заново. Теперь это выглядело так:

— Серж, у меня к вам большая просьба: я хочу пару месяцев пожить не дома. Поселиться у кого-то или снять. И еще: мне бы хотелось работать здесь с Любой по очереди, через день.

— Отлично, — кивнул Серж. — А теперь — что с Гвидо?

— Гвидо заказал необходимые бумаги, но пока они не готовы. Как только они будут готовы, он при-

едет, чтобы подать заявление. И в этой связи, — Серж восхищенно покачал головой, — у меня вторая просьба: я бы не хотела, чтобы сестра Люба узнала об этом преждевременно.

Серж встал, погладил Веру по голове.

— Вера, милая, я думаю, ваши проблемы можно разрешить другим способом. Мой друг собирается сейчас в киноэкспедицию в Крым, я попрошу его взять тебя с собой... ну, скажем, в качестве костюмера...

— А как же письма? — вскочила Вера. — Их же в мой почтовый ящик ложут?

Серж засмеялся и поцеловал Веру в макушку.

— Кладут, детка, кладут... Оставь заявление на почте, чтобы всю корреспонденцию на твоё имя переправили на меня...

...Сидят в кафе Гвидо и Клара. Клара почти красивая, чуть мужского склада, в очках, просто одета. Гвидо, как всегда, одет изысканно, но выглядит несколько помятым. /Субтитры/:

ГВИДО: Ты понимаешь, Клара, возникли обстоятельства...

КЛАРА: Неужели ты думаешь, что я не догадывалась о твоих новых обстоятельствах?

ГВИДО: Я страшно виноват перед тобой...

КЛАРА: Я не об этом. Подожди. Кроме обстоятельств, есть еще и обязательства... перед семьей...

ГВИДО: Ах, о чем ты говоришь... какие обязательства! Ты говоришь не о том! Это рок! Рок! Ты изучала античный театр, неужели ты не понимаешь? Ты близкий человек, мы знаем друг друга с детства. Вероятно, мы с тобой были бы счастливы... Но я встретил женщину, которая держит мое сердце, голое сердце, в руках. Я знаю, что это безумие,

но я ничего не могу поделывать... Все рухнуло в одну минуту... когда я ее увидел...

Клара встала, поправила очки и сказала:

— Мне пора, Гвидо. Прости...

Он пошел за ней.

— Клара, подожди, я отвезу тебя...

— Спасибо. Я поставила машину за углом. Не надо меня провожать.

И они пошли в разные стороны по пустынной площади.

...В мастерской у Сержа.

— Знаешь, Женя, я не очень внимательно слежу за этими группами. Хотя несколько имен ничего... Но это мне совсем не нравится. Ни с какой точки зрения. Ни музыка, ни тем более текст. У них совершенно другие задачи. Послушай вот Чарли Паркера. — Серж встал, положил перед мальчиком его кассету и поставил пластинку с Чарли Паркером. Томительно заныл гениальный саксофон...

Раздался телефонный звонок. Серж выключил проигрыватель.

— Междугородний, — извиняющимся тоном сказал Женя и снял трубку. — Да, да, здравствуй, дорогая... Двадцать седьмого, да. Приезжай! Телеграмма. Жду, жду... А-а, всё будет в порядке, не волнуйся.

Повесил трубку.

— Это племянница ваша звонила? — спросил Женя.

— Племянница? — недоумевающе переспросил Серж. — А-а... нет, нет, а, да... дорогой мой... Девочки мои уехали... — И Серж снова включил проигрыватель.

...Возле старой части “Националя” останавливается белая интуристская “Волга”. Из нее выходят Гвидо и Вера, загорелая, с отросшими, но еще довольно ко-

роткими волосами. Шофер несет за ними два чемодана, большую коробку. Минуют швейцара. Останавливаются возле администраторши, грубо намазанной тетке.

Гвидо улыбается.

— Здравствуйте. Я Гвидо Скарпи. Номер заказан. — Он вынимает документы. — Ключ, пожалуйста.

— Сначала оформление, — поджигает губки дама и начинает шуршать бумажками. Гвидо улыбается, кладет руку Вере на плечо.

— Сегодня ты совсем другая. Новая. И волосы... — Он шевелит пальцами прядь на затылке.

— Не нравлюсь? — тихо спрашивает Вера.

— Очень, очень, очень, — шепчет Гвидо. — Ты не знаешь, как очень.

Администраторша положила на барьер карточку и ключ и прошипела:

— Простите, с вами дама...

— Моя невеста, — улыбнулся Гвидо.

— Когда она будет вашей женой, мы поселим ее с вами. Правила нашей гостиницы запрещают пребывание в номере посторонних, — важно говорит администраторша.

Гвидо кривится.

— Но подняться со мной она может?

— С предъявлением паспорта, — кивнула тетка.

— Вера, паспорт, — попросил Гвидо у Веры, едва сдерживая раздражение.

— У меня с собой нет, — подняла глаза Вера.

— Прекрасно, — жестко сказал Гвидо. — Попрошу этот чемодан... — он потерял слово, — положить в мой номер. Шофера, пожалуйста.

— Шофер уехал, кажется, — изменившимся тоном сказала администраторша.

— Не уехал. Я плачу “Интуристу” за автомобиль. Просите отнести эти вещи в машину. — Он кивнул на коробку и оставшийся чемодан и, взяв Веру под руку, вышел.

...В мастерской у Сержа Гвидо дал волю своему итальянскому темпераменту:

— Какая страна! Какая страна, Серж! Самые интеллектуальные, самые тонкие, самые лучшие люди. Но как это?

— Хамство, — подсказывает Серж.

— Империя хамства! — восклицает Гвидо.

— Изумительная по точности оценка! — усмехается Серж.

Встал, раскрыл новенький, только что распечатанный проигрыватель, подключил его и, бережно вынув из конверта пластинку, поставил ее.

— Андрей Волконский. Качество звукозаписи не лучшее. Зато хорошая музыка и уж наверняка хорошее воспроизведение...

И зазвучала бесплотная музыка Возрождения.

Гвидо и Вера сидят друг против друга и смотрят друг на друга — так долго, как будто забыли о Серже, о музыке, обо всем. Серж встал и, обернувшись у двери, сказал:

— До свидания, дети мои.

Хлопнула дверь. Гвидо и Вера встают из-за стола и, как во сне, двигаются навстречу друг другу.

— Здравствуй, душа моя, — говорит Гвидо.

...Вера в белом изысканном платье, Люба его подкалывает. Платье чуть широко.

— Тот зеленый костюм, классный. Балансиягá. Ты мне его оставишь, когда уезжать будешь? — спрашивает Люба.

Вера кивает.

— Слуш, ну и как твой италиано, он лучше Вадима? — продолжает Люба.

— Он лучше всех, Люб. И не вздумай пикнуть ему про Вадима, — с жалким каким-то оттенком просит Вера.

— Ты же меня с ним не знакомишь, как я могу говорить или не говорить? — пожимает плечами Люба.

— Завтра увидишь, когда расписываться будем, — обещает Вера.

— Вот и спасибочки хотя на этом, — хмыкает Люба. — Отца не позовешь?

— Да я сказала, что его и нет, — отвечает Вера.

— И правильно, — соглашается Люба.

— У меня просьба к тебе, Люб, — задуманным голосом вдруг говорит Вера.

— Ну?

— Дай слово, что сделаешь... — просит Вера.

— О-о, мало ли чего ты запросишь...

— Люб, я хочу, чтоб ты была другая... На меня не похожа...

— Ты чё, Вер? Того? Как это?

— Как хочешь, Люб, покрасься. Или парик черный надень. Чтобы мы были разные, поняла?

— Ты совсем того, — махнула рукой Люба, — звезданулась, вот чего...

— Я так хочу... Я так хочу... — настойчиво, с каким-то безумным оттенком говорит Вера.

— И чего ты так боишься, чего боишься-то? Не пойму! — фыркнула Люба.

...Втроем — Гвидо, Вера и Серж — поднимаются по лестнице Дворца бракосочетаний.

— А цветы в автомобиле! — вспоминает Гвидо и выбегает на улицу, где послушно сидит в машине шофер, всё тот же, интуристовский.

— Вера, что с тобой, ты как неживая? — спросил Серж, взяв её за локоть.

— Сейчас Люба придет, — испуганно отвечает Вера.

— Ну и что? — удивляется Серж.

— Ты не понимаешь. Ты не знаешь. Я боюсь, — прошептала Вера.

— Ты? Тебе-то чего бояться? — удивляется Серж.

— Не знаю. Сама не знаю. Она его сейчас в первый раз увидит. Я всё тянула, боялась их знакомить...

Они встретились у входа — Гвидо с цветами и Люба с цветами.

Одинаковые длинностебельные розы. Люба сдержала слово, она и впрямь не была похожа на Веру. Как и обещала, в черном кудрявом парике, в плотном гриме, в устрашающем черно-красном платье. Выглядит старше и грубей.

Серж, увидев Любу, только руками развел...

А дальше всё шло тем комически-непристойным официальным манером — с толстой дамой, завершающей свою речь казенным пируэтом:

— ...мы надеемся, что вы будете свято хранить достоинство советского гражданина.

После чего поставили подписи Вера и Гвидо, а на отдельной странице — Серж и Люба, свидетели.

Тётка отдирижировала обмен кольцами под известный марш Мендельсона. Гвидо сдерживал улыбку, Вера едва держалась на ногах.

Впечатление было такое, что она вот-вот упадет в обморок.

Наконец вышли в коридор, и тут только Гвидо заметил, что Вера еле жива.

— Вера, Вера, душа моя, что ты? Тебе плохо? — забеспокоился он. Отвел в сторону, они пошептались о чем-то, потом Гвидо повернулся к Сержу и Любе: — Друзья! Прошу прощения. Я заказал обед для нас, но Вера плохо себя чувствует, а у меня осталось мало времени до рейс. Мы едем сразу в гостиницу и проведем там несколько... Вы простите, пить будем в “Шереметьево” перед самолетом. Мы заедем за вами по дороге в аэропорт. Я не хочу, чтоб Вера была сегодня одна, — закончил он.

...Гвидо и Вера подходят к администраторше — сидит уже знакомая. При виде Веры ощеривается. Гвидо швыряет на стол паспорт.

— В восемь уезжаю, — лучезарная улыбка, — прошу автомобиль. Старая сука!

Он с Верой проходит к лифту. Администратор кричит вслед:

— Господин Скарпи! Здесь у вас не всё уплачено, вернитесь, пожалуйста!

Гвидо оборачивается.

— Я провожу мою жену и буду у вас, — всё с той же неугасимой улыбкой.

— ...Ложись, ложись, радость, душа моя, девочка! — Гвидо укладывает Веру. — Сейчас приду...

Выходит. Вера мечется, поднимает трубку, кладет, снова поднимает.

— Алло! Позовите, пожалуйста, Гену... — просит она.

Возвращается Гвидо. Вера лежит на кровати.

— Старая сука. Она хотела, чтобы я оплатил два раза счет, — смеется Гвидо. Он всегда смеется. — Ты немного живая? Ты действительно моя жена? Я буду требовать доказательство. — И снял пиджак. — Да, забыл

сказать: Луиджи, ты знаешь, из посольства, тебе поможет. Как только будет паспорт, он сделает визу немедленно и сам тебя отправит. Недели через две, я думаю...

...Люба сняла парик, смотала узелок на макушке, накрасилась заново — высокие брови, уголки губ вниз, на щеках тени. Надела Верин костюм. Потом сняла. Взяла колоду карт. Понюхала зачем-то, вытащила несколько карт наобум, кинула веером, рубашками вверх. Полезла в чемодан, который привез Гвидо для Веры. Тряпки отодвинула, на дне нашла пачку писем, фотографии. Вытащила — фотография Гвидо, цветная, нарядная. Гвидо с трубкой в руке, в кепке, вид немного шутовской. Другая — из фотоателье, серьезная. Причесанный, аккуратный, собранный... Профессор... Люба водит пальцем по его лицу. Смотрит на часы. Уже восемь. Выглядывает в окно. Машины нет. Прячет всё на место.

Звонок в дверь. Люба идет к двери, но соседка тетя Лида уже открыла. Входит Куцый.

— Привет!

— Ты чего заявился? Я ухожу сейчас! — говорит Люба.

Не успели отойти от двери — опять звонок.

— Как это? Ты ж к восьми звала, — удивляется Куцый.

— Я? Тебя? — в свою очередь удивляется Люба. Открывает дверь. За дверью улыбается Генка:

— Здорово!

В руках бутылка. Он двигается прямо в комнату, подмигивая на ходу Куцему.

— Послушай-ка, а тебя я тоже приглашала? — спрашивает Люба у Генки.

— Ты что? Пьяная, что ли? Сама же звонила!

Они уже в комнате.

— Ладно. Шутка была. Пошутили, не понимаешь? Нет у меня времени! — говорит Люба.

— Чё? — вдруг разозлился Генка. — Ну ты, бля, даёшь! С тобой по-хорошему... да тебе знаешь ещё когда рожу-то начистить надо было! Паскуда! Правда, Валер? — обратился он к Куцему. Но Куцый и не думает дискутировать. Он уже запер дверь изнутри и, улыбаясь, идет на Любу.

— Не будем ссориться! — Он легонько смазал Любу по щеке. Не больно, но оскорбительно.

— Что вам надо? — жестким голосом сказала Люба.

— Чего всем, того и нам, — усмехнулся Куцый, а Генка только смотрел на старшего друга с восхищением. — Ты сама сымать будешь, или тебе помочь? Ну, чего стоишь?

...Серж играет в нарды с гостем — белобородым рослым восточным стариком вида благородного и экзотического. Старик выбрасывает кости и говорит:

— Никогда Айказуни не были княжеского рода, они царского рода. И летописи сохранились... Тигран Четвёртый, сын Артабаза, сначала жил в Риме, потом его сделали царем вместо Артксиаса, а сын Артксиаса, Тигран Пятый, армянами не был признан... И род Арсакидов в Армении прервался, а Тигран Шестой был внук Ирода Великого... Вот так, дорогой мой, Айказуни был царского рода, а ваш Астауров — никто!

И тут раздался звонок — пришла Люба.

— Что так поздно? — удивился Серж.

— Ты не знаешь, где Вера? — как бы невзначай спрашивает Люба.

— Как — где? Я последний раз ее видел на свадьбе, — удивился Серж.

— А ты в аэропорт провожать не ездил? — спросила Люба.

— Нет. Гвидо позвонил, попрощался, сказал, что не стоит мне ехать. А ты провожала? — поинтересовался Серж.

— Нет. Я была занята, — сухо заметила Люба. — Вера неделю дома не ночевала. С того самого дня, — задумчиво сказала Люба. — Если узнаешь что-нибудь о ней, скажи мне...

...Вера собирает чемодан. Входит Люба. Вера замерла, стоит над чемоданом.

— Пришла, сестра? — спрашивает Люба, стоя на пороге.

Вера подняла голову.

— Я завтра улетаю. Всё. Прощаться пришла.

— Прощаться, когда меня дома нет? — подколола Люба.

— Я тут тебе костюм зеленый оставила, Люб, — примирительно говорит Вера. — Может, еще чего выберешь?

Люба надела на себя черный кудрявый парик.

— Нет, Верочка, спасибо. — Повернула парик на голове задом наперед. Еще раз крутанула его: — Идет, да? — Помолчала немного. — А ты меня хорошо угостила в тот раз. Спасибо тебе. Угостила напоследок.

Вера замерла над чемоданом.

— Вещи собрала?

Вера кивнула.

— И документы?

Вера кивнула.

— Да.

— Отлично! — Люба спрыгнула с кровати, на которой сидела, поджав ноги. — Отлично!

Она пронеслась по комнате, возникла прямо перед Верой с ножницами в руках. Сорвала с себя парик. Вынула из кармана фотографию Гвидо, бросила ее на столик.

— Смотри! Хорош? Итальяно? Да? Муж? Да? А поеду к нему завтра я! Я поеду!

Она распустила узелок волос и стала состригать пряди всё теми же ножницами.

— Чего уставилась? Я поеду!

— Как — ты? — переспросила Вера. — Куда — ты?

— В Италию! Вот так! Я поеду, а ты останешься! — сбрасывая отрезанные пряди, подтвердила Люба.

— Нет, нет... — медленно выговорила Вера. — Нет!

— Да! — выкрикнула Люба.

Она взяла фотографию Гвидо и нацелилась в неё ножницами.

— А если не я, то никто!

Она приблизила ножницы к фотографии.

— Отдай! Отдай! Не трогай его! — завопила Вера.

— Так кто едет? Кто едет? — спросила Люба с улыбкой.

...В мастерской Сержа — Женя. Уютно сидит. У ног Жени — собака.

— А брат тебя на охоту брал? — спрашивает Серж.

— Сколько раз, я и стрелял. Только никого не убил. Он обещал, как из армии вернется, ружье подарит.

— А я давно не охотился... Так, говоришь, нет у тебя ружья? — переспросил Серж и вышел. Женя погладил собаку.

Вернулся Серж — в руках коричневый кожаный чемоданчик странной формы и двустволка. Женя протянул руку, взялся за ствол.

— Э-э, кто же так ружье берет! — усмехнулся Серж и ласково взвесил ружье на ладони: — Нравится?

— Еще бы... У брата тоже хорошее, — сказал Женя.

— Это “Зимсон”. Очень неплохое ружье. А я охотился вот с этим. — Серж раскрыл чемоданчик; в фигурной выемке лежало ружье. — Это “Джеймс Пердей”.

Ружье легко вынулось из замшевого покая. У Жени глаза заблестели.

— С ним мой дед охотился во Франции и в Испании. Он родился в Африке, жил во Франции, а потом вернулся на родину... Ружье с биографией. — И снова Серж погладил ружье. — Возьми себе одно, Женя.

Серж хотел положить руку на голову, нагнулся. Рука замерла.

— У тебя волосы пахнут травой...

Женя смотрел непонимающе.

— Возьми, возьми ружье, — повторил Серж.

— Как? — изумился мальчик. — В подарок?

— А что же? Это хороший мужской подарок, не правда ли? — улыбнулся Серж.

Мальчик молчал.

— Выбирай: какое больше нравится? — Серж подвинул к нему оба.

Женя взял в руки сначала одно, потом другое.

— Это. — Он указал на второе.

— Твое, — сказал Серж.

— Правда? — вспыхнул Женя.

Серж махнул рукой.

— Нет проблем. У меня есть охотничий билет, куплю лицензию на кабана... Я раньше хорошую охоту знал в предгорьях Кавказа... Егерь приятель был... Давно, правда, — медленно произнес Серж, искоса поглядывая на Женю, который всё глаза не отрывал от ружья.

Раздались истерические трели звонка — Серж вышел. Собака залаяла.

В прихожей — совершенно обезумевшая Вера.

— Серж! Серж!

— В чем дело? Ты не уехала? — Серж загораживает вход в комнату. Из-за портьеры выскакивает Женина собака, лает. — После девяти я не принимаю, — резко говорит ей Серж.

— Серж! Серж! Там Люба... она его убьет... Ужас что такое, Серж, Серж! — лепечет Вера.

— Я занят. Я занят сейчас. Немедленно уходи, — резко говорит Серж.

Вера прислонилась к двери.

— Занят? Занят, да? — Она указывает пальцем на собаку. — Я знаю, знаю, кем ты занят... У тебя игрушка новая... игрушка новая... — Руки Веры трясутся. — Да сделай что-нибудь, ты же можешь...

— Вон отсюда. Немедленно. Вон. — Серж выпихивает Веру плечом, запирает за ней дверь.

За дверью Вера прижимается к стене и бьет кулаками по кирпичной кладке. Потом поворачивается и бежит в подъезд напротив. Бегом поднимается по лестнице, минует последний этаж и останавливается возле окна в последнем пролете, ведущем на чердак. Она садится на широкий подоконник и прижимается к стеклу.

— Всё. Всё. Конец. Всё.

...Открывается парадная дверь Сержа: Выходит Женя с ружьем, собакой на поводке. Его провожает Серж. Держит руку на худом плече.

— Ступай, мальчик.

Улыбается. Рвется из раскрытой двери соло из "Хоти блюз" Чарли Паркера.

Счастливым мальчик переходит дорогу и входит в свой подъезд. Поднимается по лестнице на последний этаж, останавливается у двери, ищет ключи.

— Женья! — слышит голос сверху. — Женья!

Поднимает голову. Цепляет конец поводка за перила и поднимается. На широком подоконнике, подобрав под себя ноги, сидит Вера, кусает ноготь.

— Ты? — удивился Женья. — Я думал, ты уехала... — растерянно говорит Женья.

— Иди сюда, — зовет его Вера. Она пододвигается, освобождая место рядом. Вера обнимает его за шею. Мальчик ставит ружье в угол. Он растерян. Он рад.

Легкая блузка распахивается.

— Ну, иди сюда, иди же. Я тебя так долго ждала.

Скулит собака. Мальчик на подоконнике. Вера целует его, тянет к себе. Запускает руку ему в волосы. Второй рукой поднимает щеколду. Нажимает спиной на стекло. Тянет мальчика к себе. Окно медленно раскрывается.

...Блюз еще не кончился, когда раздался звон разбитого стекла и звук, как будто на землю выплеснули сразу много воды...

Серж отодвигает занавеску, бросается на темную ночную улицу.

На середине неширокого переуллка, на проезжей части лежат Вера и Женья... Лает наверху собака. Серж отворачивается от лежащих на земле. Прислоняется к двери...

...Квартира Гвидо в Риме. Балконная дверь открыта. На балконе — Гвидо и его молодая жена. Мерцают цветные стекла в карнизе балкона. Прелестная девушка.

— Вера, как удивительно, радость моя. Ты всегда новая. Всегда другая. Как будто не одна женщина, а много...

Входит служанка, вносит телеграмму.

— Для синьоры...

Синьора берет телеграмму и читает. Латинскими буквами написан текст: "Люба покончила самоубийством. Тетя Лида".

Синьора комкает телеграмму, прикусывает знакомым жестом большой палец правой руки. Смотрит на Гвидо. Улыбается.

— Поздравление... Нет, нет, Гвидо. Я одна. Я одна...

Они счастливы. Они молоды. Они красивы. Они сидят на балкончике, а перед ними — прекраснейший город мира...

Семья сегодня

Википедия определяет понятие “семья” как социальный институт, базовую ячейку общества. То есть союз мужчины и женщины, добровольно вступивших в брак, связанных общностью быта, стремлением к рождению и воспитанию детей.

Сегодня, кажется, в живых осталась только добровольность вступления в брак. Все остальное сильно покосилось. Мы наблюдаем огромное число семей, где один из супругов уезжает на работу в другой город или в другую страну для того, чтобы содержать оставшуюся на родине семью. Будем ли мы считать семьей те пары, которые не хотят заводить детей? Как относиться к гомосексуальным бракам? Они существуют, нравится это нам или не нравится.

Мир стремительно меняется, с ним меняется и семья.

Прекрасная модель христианского брака: юноша и девушка, не имеющие добрачного опыта, с благословения родителей венчаются в церкви, выполняют все оговоренные в процессе венчания условия — “да убоится жена...” и прочее. Лично я ни одной такой пары, прожившей супружескую жизнь в хрустальном христианском браке, не встречала! Собственно говоря, это вполне соответствует моей дав-

ней догадке: христианство — концепция великая, но нереализуемая.

Но как решать проблемы семейной жизни людям, недотягивающим до совершенства, которые нарушают и святость брака, и даже прочие заповеди: то солгут, то украдут... Что делать нам, беднякам... Ответов как минимум два: первый — взять на себя лично труд самосовершенствования и терпения, и второй — разводиться. Немедленно разводиться, потому что ничего разрушительнее, чем плохой брак, на свете нет. Если получилось пройти по первому пути, это и есть семейное счастье. Если вам удалось развестись, не травмировав детей, не оскорбив и не унизив бывшего партнера, — это победа. Я знаю пару, где один ребенок приемный, второй внебрачный, а потом уже в браке были рождены еще двое детишек. Все в порядке, все друг друга любят, правда, родителям тяжело приходится. Дети еще маленькие. Но ничего, вытягивают... Я вовсе не посягаю на “традиционные ценности”. Желаю счастья всем, кто видит семейное устройство неизблемым, непоколебимым, даже не возражаю против использования в быту написанного в XVI веке протопопом Сильвестром прославленного труда “Домострой”. Там есть указания и рекомендации на все случаи жизни. А жизнь тем временем идет со страшной скоростью, и никто сегодня не может сказать, сохранится ли семья в ее сегодняшней форме через сто лет... Но любовь-то сохранится! На это и будем надеяться. В это и будем верить.

Юбилей. Дубль два

Пьеса в двух действиях

Действующие лица

НИНА ВИКТОРОВНА, актриса, 80 лет

ГЕОРГИЙ, ее сын, 40 лет

МАША, жена сына, 40 лет

ВАДИМ, сын Георгия, 19 лет

НОННА, дочь Георгия, 16 лет

ЛИДИЯ ВИКТОРОВНА, сестра Н.В.

ВЕРА, дочь Лидии, 42 года

КСЮША, дочь Веры, внучка Лидии, 22 года

КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, актер, 80 лет

Призраки

НИКОЛАЙ ГЕОРГИЕВИЧ, муж Нины Викторовны

ВИКТОР, отец Нины Викторовны

АЛЕВТИНА, мать Нины Викторовны

ФЕДОР, ее дед

Время действия — 2018 год

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Большая столовая в прекрасной квартире советских времен. На стенах портреты хозяйки в разных ролях и старые афиши. Стол, на котором стопки тарелок и стая рюмок и фужеров. Видна часть прихожей. Нина Викторовна провожает свою помощницу Марину. Слышны их голоса.

НИНА ВИКТОРОВНА: Спасибо, Мариночка! Замечательно все сделала. Умница.

МАРИНА: Водка и холодец в холодильнике, не забудьте на стол поставить, когда придут.

НИНА ВИКТОРОВНА: Не забуду, не забуду.

МАРИНА: И посуду прямо на столе оставьте, ничего не относите, не мойте. Я завтра утречком приду, всё перемою, перечищу.

НИНА ВИКТОРОВНА: Спасибо, деточка. Палочка-выручалочка моя. И сумку большую завтра захвати, все остатки из дому вынести.

МАРИНА: Да съедят всё! Вкусотища-то какая! Хорошо вам погулять, Нина Викторовна! *(Идет к двери, возвращается.)* Может, я все же приборы расставлю?

НИНА ВИКТОРОВНА: Спасибо, деточка, не надо! Ничего не расставляем. Фуршет! Чтоб не засиживались... Что за старомодная манера за столом сидеть! Не в ресторане же!

Хлопает дверь. Нина Викторовна входит в комнату и оглядывает стол.

Звонок домашнего телефона.

НИНА ВИКТОРОВНА *(берет трубку)*: Алло!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Поздравляю, Ниночка! Ты живая, я живая! Кто мог подумать, что мы столько протянем.

НИНА ВИКТОРОВНА: Наташка, я уж думала, ты забыла.

НАТАША: Как это я могу твой день рождения забыть? Это как свою собственную жизнь забыть. А у меня склероза нет. Я всё помню.

НИНА ВИКТОРОВНА: Да, нам есть чего вспомнить.

НАТАША: Да... Кой-чего можно и не вспоминать...

НИНА ВИКТОРОВНА: Да-да, а кой-чего можно и забыть. Даже хочется забыть...

НАТАША: Ладно, Нинка! Здоровья тебе... Долгих лет.

НИНА ВИКТОРОВНА: Спасибо, Наташенька. Будь здорова.

НАТАША: Да подожди. Ты скажи, как в театре-то? Организовали? Поздравили? Ну, вообще? Шестьдесят лет в строю?

НИНА ВИКТОРОВНА: Я три года почти не играю. Почетный покойник. Тень... отца Гамлета, приблизительно... Ну, прислали корзину цветов. Наверное, после вчерашней премьеры оставалась.

НАТАША: Да ты что?

НИНА ВИКТОРОВНА: Ну, Наташа, они собирались устроить какое-то чествование, но я этого ничего не хочу. Знаешь, это новое начальство... да я видеть их не хочу. Отказалась категорически. Театра нет, нет больше театра! Только домашний праздник, никого кроме семьи не жду. В самом узком кругу... Да. Спасибо, что поздравила, Наташка. Целую, дорогая... *(Кладет трубку. Сразу же раздается новый звонок.)* Алло!

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Нина Викторовна! Михаил Алексеевич беспокоит. Звоню вас поздравить с юбилеем.

От имени коллектива театра и от себя лично... Мы все огорчены, что не можем вас чествовать в театре, поздравить лично. Вся труппа хотела лично... Сегодня пришло от Министерства культуры поздравление на адрес театра. Завтра пришлем вам с курьером. Ну, еще раз поздравляю вас. Любим, любим, любим.

НИНА ВИКТОРОВНА: Благодарю вас, Михаил Алексеевич. Очень ценю ваше внимание, очень.

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ: Не бросайте нас, дорогая Нина Викторовна! Вы... наш золотой фонд, наша гордость... всегда... всегда... наш дом... ваш дом...

Нина Викторовна кладет трубку, сидит, подперев рукой щеку. Звонок в дверь, она открывает. Входят сын Георгий, невестка Маша и двое внуков, Вадим и Нонна, с цветами и подарками.

ВСЕ (*поют, шумно приветствуют*): Хеппи бёрсдэй ту ю...
Мамочка, поздравляю! Ба Нина, поздравляем! Ты наша классная Ба Нина! Самая лучшая Ба Нина! Это же охренеть: тебе восемьдесят лет!

НИНА ВИКТОРОВНА: Ну куда, куда вы столько всего нанесли?! Я же говорила, все у меня есть. А чего нет, того мне уже никто не подарит.

НОННА: Я вот тоже им говорю: какие подарки! Брюлики у Ба Нины самые лучшие, одета тоже лучше всех... для своего возраста... Машину уже поздно...

НИНА ВИКТОРОВНА: Да-да, машину поздно, а в гроб рано.

ГЕОРГИЙ: Ну, мать, ты всегда так, палец в рот не клади. Да ты только слово скажи, куплю тебе машину. А что, действительно? Всю жизнь с водителем ездила, а теперь сдашь на права, сама рулить будешь...

НИНА ВИКТОРОВНА: При чем тут водитель? Это у твоего отца был водитель, а у меня он сам был водителем.

НОННА: Пап, пап! А правда, надо Ба Нине машинку купить. Как у Вадима. Как у тети Веры. “Мини Купер”.

ВАДИМ: Да, классная машинка. Ба Нина, давай! Ты за рулем будешь прикольно выглядеть. Ты лучше проси у папы не “Мини Купер”, а какой-нибудь кабриолет. Представляешь: ты сидишь седая, в красном костюме, в белом кабриолете, за рулем!

ГЕОРГИЙ: Это точно! Мать, ты бы шикарно выглядела. А что? В кабриолете! *(Смеется.)* Моя мать за рулем в кабриолете! И все движение будет останавливаться. А я помню, как отец тебя всегда на дачу возил. На “Москвиче”. А когда стал директором института, у него была служебная “Волга”. Он уже к рулю и не прикасался. Водитель был дядя Гриша Коваленко. И как отец с ним общался гениально! Всегда на “вы”, почтительно: Григорий Иванович, доброе утро! За руку здоровался. Утром машина приходила, а я как раз в школу шел. Отец меня в школу ни разу не подвез, считал, недемократично.

НОННА: У тебя, пап, школа во дворе была, а мне через весь город в лицей тащиться. Чего же не отвезти. Если б твой шофер меня не возил, я бы только к третьему уроку успевала.

НИНА ВИКТОРОВНА: Да, Николай всю жизнь себя вел исключительно скромно. Как аристократ...

ГЕОРГИЙ: Да ты что, мам! Аристократом отец ни разу не был. В нем было такое здоровое народное начало. Он же из крестьян. Из простой крестьянской семьи.

НИНА ВИКТОРОВНА: Ну, это я слышала. Николай рассказывал. Обычная крестьянская семья, из Тверской губернии. Раскулаченная. Но отец твой, Гоша, был человеком благородного поведения...

ГЕОРГИЙ: Это сейчас модно стало — искать благородные корни... Вот у Машки действительно корни были...

МАША: Корешки, я бы сказала. Только вырвали...

НИНА ВИКТОРОВНА: Ну вот, открыли вечер воспоминаний. Давайте к столу... Берите тарелки, приборы...

ГЕОРГИЙ: Э-э-э... Я бы присел...

НИНА ВИКТОРОВНА: Кто ж мешает? Вот кресло, диван есть... У нас сегодня фуршет.

Ставят цветы в вазы, берут тарелки, кладут еду. Бродят с тарелками по комнате несколько растерянно. Нина Викторовна открывает коробку с подарком.

НИНА ВИКТОРОВНА: Всё же интересно. Я как раз думала, что такое мне теперь можно подарить, чтобы я обрадовалась... Боже мой, компьютер! Ребята, вы с ума сошли! Зачем мне это?

ГЕОРГИЙ: Мать, это не компьютер, это планшет. Ребята тебя научат, будешь музыку слушать, читать что захочешь, старые пьесы слушать по радио "Культура".

НИНА ВИКТОРОВНА: Спасибо, сынок. Но пьесы я иногда по телевизору смотрю, по радио слушаю, у меня есть эти... аудио... Вставляю в эту штуку, как ее... Не могу сказать, что обрадовал... Озадачил. Удивил. Это что же, я теперь должна новую технику осваивать? Я еле с мобильным телефоном справляюсь.

НОННА: Прекрасно справляешься. Ты мне вчера позвонила, а у меня свидание... в самом разгаре. Думаю,

• не буду подходить. Смотрю: ты звонишь. Подошла.
НИНА ВИКТОРОВНА: Спасибо, что подошла. Не помню, зачем я тебе звонила?

НОННА: Вот в этом самый прикол: спросила у меня, на каком канале искать какой-то спектакль "Ромео и Джульетта"... Мы с Игорем чуть не лопнули от смеха... "Ромео и Джульетта"!

Вадим делает неприличный жест перед ее носом, все смеются.

НИНА ВИКТОРОВНА: Не понимаю, чего смешного... Мне Наташка Сиверская позвонила, сказала, что по телевизору старый спектакль Эфроса должны показать... Скажи, Маша, тебе тоже смешно? Не понимаю: чего тут смешного?

МАША: Не смешно, Нина Викторовна. Давно уже не смешно.

НОННА: Ага... У наших родителей с чувством юмора... не очень...

ГЕОРГИЙ: Рюмки давайте! Наливаю! Кого ждем?

НИНА ВИКТОРОВНА: Ну как кого? Как всегда: Лида, Вера, Ксюша с Ньюшей...

ГЕОРГИЙ: Господи, все святое семейство явится? С малышкой? А ты малышку-то уже видела?

НИНА ВИКТОРОВНА: Не видела еще. Это святое семейство, как ты говоришь, Гошенька, сплошь одни девчонки... Я все надеялась, что у них мальчик для разнообразия появится...

Звонок в дверь. Открывают, входит Лидия, сестра Нины Викторовны, опирается на палку, хромот; за ней ее дочь Вера и внучка Ксюша со спящим младенцем, завернутым в большой камбинезон.

ГЕОРГИЙ: О, с прибавлением! *(Целуются.)* Девочки наши пришли! Поздравляю, Ксюшенька... Поздравляю, Верочка. Бабушка теперь... Надо же! Теть Лид, дай поцелую. Сто лет не виделись. Покажи-ка, Ксюша, свое сокровище.

КСЮША: Потом, когда проснется, покажу... Ба Нина, можно я ее в спальню к тебе положу?

НИНА ВИКТОРОВНА: Ну покажи, покажи девочку. Ой, сопелочка-то в нашу породу, ноздрями вверх смотрит. Ах ты господи... эта мелочь сладкая... как же я их не люблю... Устрой ее там. Давайте, давайте, берите тарелки, вас ждали...

Ксюша выходит и возвращается без ребенка.

ГЕОРГИЙ: А я не знал, что ты младенцев не любишь...

НИНА ВИКТОРОВНА: Люблю, люблю, пошутила...

ЛИДИЯ: Ниночка, поздравляю... хотя с чем поздравлять, не знаю... восемьдесят... и мне семьдесят...

НИНА ВИКТОРОВНА *(перебивает)*: Остановись, сестричка! Мне эти цифры противно слышать.

ВЕРА *(вынимает из сумки домашний торт, разворачивает, слегка смущена)*: Теть Нин, а я тут тебе кремом написала... но можно ножиком снять, это... восемьдесят...

НИНА ВИКТОРОВНА: Смешная ты, Веруня. Ну снимешь ты этот крем, мне от этого меньше лет не станет. Ни восемнадцать, ни двадцать восемь... Я своего возраста не скрываю, даже по "Эху Москвы" передали, сколько мне лет. Я просто не желаю эту отвратительную цифру слышать.

НОННА *(Ксюше)*: Чё? Чё? Почему восемьдесят — отвратительная цифра?

КСЮША: Ба Нина наша ужас какая суеверная, она цифру восемь ненавидит. Никогда в жизни в спек-

таклях восьмого, восемнадцатого и двадцать восьмого не выходила. Она сама мне рассказывала.

НОННА: Нифига...

ВЕРА (с тортом): Мне нож какой взять? И тарелочку мне нужно...

НИНА ВИКТОРОВНА (целует ее в голову): Ладно, дурында. На кухню отнеси, к чаю подашь.

ГЕОРГИЙ: Давайте, давайте! Третий звонок. Начинаем.

Все собираются вокруг Нины Викторовны.

ГЕОРГИЙ: Дорогая Нина Викторовна! Мама, бабушка, отчасти и прабабушка!

НИНА ВИКТОРОВНА: Нет-нет, Лидочка — прабабушка, а я не тороплюсь...

ГЕОРГИЙ: Я продолжаю. Мама, бабушка — это всего лишь роли в твоей творческой биографии. И ты их играешь прекрасно, как и все остальные роли, которые ты играла. Я тут списочек подготовил, два списочка... один — твоих ролей, второй — твоих наград, дорогая Нина Викторовна!

НИНА ВИКТОРОВНА: Ой, Гоша! Ради бога! Вот только не это. Вот это как раз то, чего я вообще не хочу слышать.

ГЕОРГИЙ: Мам, да ты что? Я целый день потратил, с пятьдесят шестого года, с первого студенческого спектакля всё собрал... Ведь наши балбесы не знают, что ты у нас великий человек. Я и сам не знал, что ты в пятьдесят шестом первый раз вышла на сцену в восемнадцать лет... вот, "Вечно живые", спектакль гремел...

НИНА ВИКТОРОВНА: Вот и вся история так создается. Я вышла на сцену в массовке, у меня там ни одного слова не было. Первокурсница! Статист. Пер-

вый мой спектакль с Мастером... В пятьдесят шестом! А ты перестань, Гош. Перестань, прошу тебя.
МАША: Нина Викторовна! Но ведь это не вам, это всем нам важно. Нашим детям важно...
НИНА ВИКТОРОВНА: Детям? Да им важен только этот... рэп... *(Поет.)*

В Ростове шикарные плюхи,
Размером с большую печать,
В Москве охуительно нюхать,
В Челябинске лучше торчать.
А в Питере — пить,
В Питере — пить,
В Питере — пить...*

Внуки подпевают, смеются. Все хлопают, только Лидия сидит с отстраненным видом.

НОННА: Ну ты даешь! Кайфово! Откуда ты знаешь Шнура?

НИНА ВИКТОРОВНА: Какого еще Шнура?

НОННА: Вот это я понимаю!

НИНА ВИКТОРОВНА: Вот и я понимаю, что вы только это и понимаете. Ксюшка, а ты эти новые куплеты знаешь?

КСЮША: Их все знают. Это Шнур.

НИНА ВИКТОРОВНА: Какой еще Шнур?

НОННА: Ну, автор, исполнитель...

НИНА ВИКТОРОВНА: Ну, этого я знать не обязана.

ГЕОРГИЙ *(целует ее)*: Вот и отец говорил, что ты лучшая хулиганка в мире.

* Цитируются строки из песни "В Питере пить" (автор слов — Сергей Шнуров).

НИНА ВИКТОРОВНА: Отец много чего говорил.

ГЕОРГИЙ: Да. Ну, мам, если ты не хочешь, чтобы
• я твой послушной список читал, давайте... никаких цифр не произносим... за твое здоровье! Живи до ста лет нам на радость!

НИНА ВИКТОРОВНА: А себе? Я хочу себе на радость жить. Но как-то плохо получается последнее время...

Застольный шум, возгласы.

— Мамочка!

— Ниночка, поздравляем!

— Ба Нина, ура!

— Здоровья вам, Нина Викторовна, хорошего настроения!

— Счастья! Лично я — за счастье!

ГЕОРГИЙ: Какое вино хорошее! *(Рассматривает бутылку.)*

Бароло, действительно хорошее... итальянское...

НИНА ВИКТОРОВНА: А я — за ваше здоровье! Признаюсь, мои дорогие, что здоровье у меня всю жизнь было хорошее, и теперь я все чаще размышляю о том, что очень хорошо, когда хорошее здоровье заканчивается в один момент.

ГЕОРГИЙ: Что ты имеешь в виду, мама?

НИНА ВИКТОРОВНА: Гошенька, я имею в виду, что хорошо помереть здоровой. Бедный Николай последние полгода жизни так страдал, что лучше бы ему до этого не дожить...

ЛИДИЯ: Ниночка, не говори так, может, эти последние полгода жизни, несмотря на то что тяжелые, были важны для него... Происходят с человеком какие-то вещи, которые мы, живые и здоровые, оценить не можем.

НИНА ВИКТОРОВНА: Лидочка! А ты с годами становишься философом. Я прежде не замечала...

ГЕОРГИЙ: Да, тетя Лида. Отец тоже был великий человек. В своем роде... скоро три года, как отца нет. Мамочка, помянем папу. И дня не проходит, чтобы я о нем не вспомнил. Самый великодушный человек на свете.

НИНА ВИКТОРОВНА: Вот-вот. Остроумно. В день моего рождения помянем Николая.

ГЕОРГИЙ: Но ты же про себя ничего не хочешь слушать, у меня вон целая речь была заготовлена.

НИНА ВИКТОРОВНА: Вот уж нет. Не надо про меня никаких речей, прошу вас...

ГЕОРГИЙ: Тогда я про папу скажу.

НИНА ВИКТОРОВНА: Отлично! Говори.

ГЕОРГИЙ: Отец был... такой человек. Второго такого я не встречал. Все его любили, уважали. Государственный человек. И при этом на всех его хватало. Сколько же он всего для людей делал — и для служащих, для учеников, и для домашних. Взять Веруню. Как же я в детстве ревновал отца! Он Верочке столько внимания всегда уделял. Больше, чем мне. А кто она ему? Не такое уж близкое родство. Прости, тетя Лида, если я что-то не так скажу. Но я хочу, чтобы они понимали, какой человек был их дед. Они же ни черта не понимают.

НОННА: Давай, давай! Мы идиоты, ничего не понимаем. Ни в чем. Мы что, деда своего не знали, что ли? Отличный был дед. В музей геологический нас водил... и в этот... дарвиновский?

ВАДИМ: Тимирязевский...

ВЕРА: Да что музей? Конечно, он нас с Гошей тоже по музеям водил. Но разве в этом дело? Я своего родного отца никогда не видела — он разбился еще

до моего рождения. А дядя Коля мне отца заменил. Они с тетей Ниной каждое лето брали меня с собой отдыхать, маленькая была — на дачу, потом я подросла, он брал четыре путевки — на всех: он, тетя Нина, мы с Гошей — в самые лучшие санатории возил меня. В Ялту, в Сочи... А подарки? Какие он мне всегда подарки привозил! Все девчонки из класса завидовали.

ГЕОРГИЙ: Конечно, подарки. Он вообще был щедрым. Но главное, он был настоящий ученый. Мирового класса.

ВАДИМ: Слыхали.

В соседней комнате запищал ребенок. Ксюша, на ходу расстегивая кофту, быстро выходит.

НИНА ВИКТОРОВНА: Ксюша грудью кормит? Молодец!

ЛИДИЯ: И мама наша нас до года грудью кормила. Без всяких этих бутылочек, смесей, ничего не было. Ниночка! Уж ты-то помнишь. Мама меня выкормила — и Ниночке на руки... Мама всегда говорила: "Если бы не Ниночка, я бы тебя не подняла..." Первое лицо, которое я запомнила, было Ниночкино. Старшая сестра, меня всюду с собой таскала. Я уже была довольно большая, а она меня всё на ручках носила. Такое детство благодаря Ниночке... *(Подходит, целует ее.)*

НИНА ВИКТОРОВНА: А я тебя, Лидка, обожала до дрожи в коленках. В корыте купала, кормила, косички всё плела, когда у нее волосики выросли... и переодевала... Кукла была моя, Лидочка... Моя материнская страсть на нее ушла... Два годика было, когда она заболела. Полиомиелит. Еле отхо-

дили. Ходить заново научилась только к шести годам. Я ее на себе таскала все годы. Не расставалась.

Сестры обнимаются.

ГЕОРГИЙ: Так вот, я хотел про отца... У него была школа. Десятки учеников по всей стране. Литологию в нашей стране создал отец. Его интересы были потрясающе широкими — понятно, осадочные породы вообще никто лучше него не знал, но он первым стал заниматься геокриологией.

ВАДИМ: Пап, ты без научных подробностей. Кому это интересно?

ГЕОРГИЙ: Да что ты меня одергиваешь! То мама меня затыкает, теперь ты... Послушай лучше. Ученики его обожали. Когда он умер, все разбежались кто куда. Копылов сразу уехал в Америку, а Саша Петров теперь работает в Перигоре, в пещере Ласко. Геохронология — фантастически интересно. И опять-таки, в нашей стране — первый! Он вообще был потрясающий человек. Как он всю жизнь помогал тете Лиде и Верке. А кто она ему? Племянница жены. Я не сразу это понял, в детстве даже обижался. А потом отец на Веру дачу переписал, когда она Ксюшку родила. Не на меня, не на маму — на мамину племянницу. Потому что понимал, что им она нужнее...

НИНА ВИКТОРОВНА: Гоша, нам тогда как раз госдачу дали... и эти шесть соток уже никакого значения не имели...

ГЕОРГИЙ: Мам, но не это важно! Он всем всегда помогал, сколько я себя помню...

НИНА ВИКТОРОВНА: Всё. Хватит. Налить и выпить!

ЛИДИЯ: Пусть земля будет ему пухом. Царствие небесное!

Георгий и Вера осеняют себя крестным знамением, все выпивают.

НИНА ВИКТОРОВНА: С каких же это пор все стали такие верующие? Коля был атеист... Я тоже вроде того. Как он говорил про меня? Суеверная атеистка!

ГЕОРГИЙ: Мам, конечно, отец в церковь не ходил, партийным это вообще запрещено было, как я помню. Но он был правдивым и честным человеком. Все бы верующие были такие, как он.

ВЕРА: Но все же дядя Коля крещеный был.

НИНА ВИКТОРОВНА: С чего ты взяла? Он тридцать восьмого года рождения. Какие крестины, какая церковь... В те годы уже и забыли про это думать.

ВЕРА: Он мне сам говорил. Его бабушка крестила во время войны. Ему было лет пять, он запомнил: привела прямо в дом священника знакомого, и крестили его дома. Тайно!

НИНА ВИКТОРОВНА: Да что ты? Вот какие интересные вещи вдруг открываются. А мне он не говорил... В каждой семье свои тайны...

ВЕРА: Теть Нин, может, он тебя боялся? Потому и молчал. А мне сказал. Он мне доверял...

НИНА ВИКТОРОВНА: Да что ты говоришь, Верочка? Он тебе доверял, а мне нет?

ВЕРА: Да, он мне говорил, что к старости стал на небо с большим вниманием поглядывать... В общем, он под конец, когда заболел, совсем уж верующим стал. Ты уехала на гастроли в Новосибирск, он попросил меня священника привести, он исповедался и причастился.

НИНА ВИКТОРОВНА: Исповедался? Интересно, в чем это он исповедался?

ВЕРА: Тетя Нина, это же исповедь! Тайна исповеди!

Ну не знаю я, в каких он там грехах каялся...

НИНА ВИКТОРОВНА: Лидочка, ты тоже знала, что он исповедовался?

ЛИДИЯ: Знала...

НИНА ВИКТОРОВНА: Что же вы мне не сказали, что он священника призвал? Вот сюда, в эту квартиру, пригласили попу?

ЛИДИЯ: Да. Очень хороший священник, отец Алексей...

ВЕРА: Ну, честно говоря, может, я немного настояла... повлияла... Он тогда совсем уже не вставал. И вообще, слабый был, как его довести-то? Я и привела сюда. Дядя Коля не велел рассказывать. Никому. И тебе не велел рассказывать! Он уже совсем плох тогда был. Это за месяц до смерти... И он хотел, чтобы отпевание было. Мы обещали... хотели... Ты же сказала тогда, что это глупости. И мы заказали отпевание... заочное. Только про это молчали...

НИНА ВИКТОРОВНА: Интересные какие вещи открываются! Значит, он молчал, Лида молчала, ты молчала? На старости лет уверовал, значит... А больше он ничего тебе не говорил? Маме твоей, мне? Только священнику? Про грехи? Молчать иногда хуже, чем лгать. Как же мне эти тайны надоели! Вот теперь и мой час настал. Теперь меня выслушайте. Николай был человек благородный, слов нет. Он много кому помогал, и своим, и чужим. И тебе, Верочка, помогал всю жизнь. Но в данном случае он помогал своей дочери. Потому что ты, Верочка, его родная дочь. Потому что Лидочка, сестричка моя, во время моих гастролей немного

меня замещала по хозяйству... Так что ему было в чем исповедаться...

Лидия встает, идет к двери.

НИНА ВИКТОРОВНА: Нет, Лидочка, не уходи, пожалуйста! Ну что ты, Гоша, смотришь на меня как баран на новые ворота? Такое бывает. Случается такое в жизни. А уж в театре чего только не случается: и король Лир, и леди Макбет, и Медея... Но театр — особое дело. Там предают на сцене, убивают, отравляют, а в конце — катарсис. Там искусство делают люди талантливые, иногда даже гениальные, там плачут, смеются, сердце переворачивают. И довольно часто на сцене — гений, а грим снял — и уже не гений, а человек обычный, иногда вполне даже так себе. И это большая загадка, почему на три часа спектакля человек преобразается, и чувства в нем высокие, неподдельные, и зрители плачут, страдают, очищаются от житейской накипи. А закончится спектакль — и он уж не царь Эдип, не Гамлет, не князь Мышкин, а капризная и тщеславная сволочь... И я за Николая замуж выходила, потому что от актеров устала. Я в молодые годы дважды была замужем за актерами. И поняла: для мужа это не профессия. И вышла за Николая — потому что считала, что за ним как за каменной стеной... Ошиблась. И Верочка тебе, Гоша, сестричка не двоюродная... Единокровная. Она Коле дочка родная. Лидочка, не уходи. Не уходи! Верочка уже большая девочка, может, она и сама догадалась? А вот теперь можно и вслух сказать. Вы все такие верующие сделались... но все молчат. Покаялся Николай перед вашим отцом

Алексеем, перед Господом Богом. А передо мной? Лидочка! Но ты-то знала, что я все знаю... И он знал, что я знаю. И вы все знайте. Мы в те годы в одной коммуналке жили. И когда я узнала, у кого моя “каменная стена” ночует, когда я на гастролях, я была, как бы так выразиться деликатно, несколько задета. Шокирована, можно сказать. Но я тоже, как и ваш папа, человек великодушный. И тоже молчаливый.

Лидия стоит, отвернувшись и закрыв лицо.

НИНА ВИКТОРОВНА: Театр, знаете, такое место, где опыт приобретается быстро. Актерские нравы вольные... И специфический опыт. Знаешь, где сказать, где промолчать. Родилась у моей любимой сестры Лидочки дочка. Что делать... Да я и не спросила, от кого родила. Мы люди воспитанные. Я промолчала. Она промолчала.

Входит Ксюша с ребенком.

НИНА ВИКТОРОВНА: А у нас такая семья — все умеют молчать. Эмоции только на сцене. Конечно, мы с Колей Лидочке помогали. Одной трудно ребенка растить. Чудная девочка Верочка, всей душой ее полюбила, привязалась... И своего-то ребенка не было. Но захотелось. Вроде и поздно, уже под сорок... Да и страшновато. Но вот появился у нас Гошенька... А вскоре нам квартиру дали, в академическом доме, от нашей родной Басманной далеко... Разъехались... Всё. Больше ничего не знаю. Верочка, слава богу, выросла, в институт поступила и родила Ксюшеньку. Наверное, тоже от очень

благородного человека, вроде твоего отца, Гошенька.

ВЕРА: Тетя Нина, но ты же знаешь, как всё у меня было...

НИНА ВИКТОРОВНА: Знаю, знаю, Верочка. Я же не в осуждение тебе. Просто тайны вдруг надоели до смерти. Мне восемьдесят лет; имею я право, наконец, сказать то, что я думаю? И вот какая история: Ксюшенька тоже выросла, родила Нюшеньку. То же, надо думать, от благородного человека. Такая наследственность, ничего не поделаешь.

ГЕОРГИЙ: Мам, зачем ты все это нам рассказываешь? Зачем?

НОННА: Прикольно!

ЛИДИЯ: Ниночка! Всю жизнь я прожила с чувством вины. И любви. Пощади ты меня... Я годами думала о самоубийстве. Но я слишком слаба для такого поступка. И Николай... Николай меня удержал. И я его любила. А тебя — еще больше...

НИНА ВИКТОРОВНА: Да, да. Любовь — страшная сила. Слышали. Читали. Играли...

НОННА (*Вадиму*): Слушай, это же просто мексиканский сериал.

ВАДИМ: Какой?

НОННА: Ну, были такие, мексиканские или бразильские, что ли, в нашем детстве были, про дикие страсти...

ВАДИМ: Ты что, я эту бодягу никогда не смотрел.

НОННА: Ну да, ты другую смотрел...

ГЕОРГИЙ: Мама! Зачем ты все это нам рассказала... Вера, а ты знала? Тетя Лида, ну скажите же что-нибудь!

Лидия молчит.

ВЕРА: Какое это теперь имеет значение? Знала, не знала...

ГЕОРГИЙ (*закрывает лицо руками*): Все это надо пережить... пережить. Это какая-то другая версия жизни.

НИНА ВИКТОРОВНА: Ничего, ничего. Это полезно. Если не переживать ничего, то и жизнь бессмысленна.

КСЮША: Почему бессмысленна? Ничего не бессмысленна. Интересно же, день правды. (*Хочет.*) День сурка! Прикол!

МАША: погоди, Ксюша! Нина Викторовна! Но мы сегодня собрались по другому поводу. Мы все вас любим, гордимся, любим, как вы идете по жизни — нестибаемая, честная. И смелость поразительная. И письма подписываете... эти... за режиссера этого... Вы как будто крупнее всех мелочей... всей мелочности жизни, всех секретов, секретиков. Вы для меня, Нина Викторовна, настоящий идеал женщины... Мы хотим выпить за вас, за ваш талант, ум, за ваше изумительное бесстрашие...

ГЕОРГИЙ: Понятно, Маша. У тебя тоже свои тайны есть, только признаться страшно...

МАША: Гоша! Ты бы помолчал.

ГЕОРГИЙ: Молчу... Мам, а у тебя водки нет?

НИНА ВИКТОРОВНА: О господи! Забыла. Есть, конечно. В холодильнике. Вадим, принеси, пожалуйста. Да там еще холодец, я все забыла.

ВЕРА (*Лидии*): Мама, ну скажи что-нибудь. Что ты молчишь?

ЛИДИЯ: Я уже сказала...

ГЕОРГИЙ: Выходит, всю жизнь... нет, не понимаю... и отец знал, что ты знала?

НИНА ВИКТОРОВНА: Сейчас уже не имеет значения, кто что знал... кто кого любил сорок лет тому назад. Кто кого кому родил...

ВЕРА: Для меня это ничего не меняет: я его и так любила как отца... меня скорее поражает, как вы, мама с тетей Ниной, друг друга не возненавидели... Ни ссор, ни скандалов, ни выяснения отношений. Я живой свидетель. Вот что самое поразительное в этой истории... Я бы точно не смогла. Думаю, никто бы не смог. Нет, не понимаю, как это.

НИНА ВИКТОРОВНА: Чего же тут не понять? Я Лидочку с первой минуты полюбила, как ее из роддома принесли. И тебя, Верочка, с первой минуты вот так же полюбила... А что у наших с Лидочкой деток один отец, это уж я попозже узнала. Очень я мужу своему доверяла... Он не актер какой, бабник, ветродуй, а человек солидный, ученый.

ГЕОРГИЙ: Мам! Это же... черт знает что... У меня просто мир перевернулся. Ну, отец!

КСЮША: Теть Нин, мне эти разговоры вообще-то надоели. О чем вы? Бабушка захотела и родила. И мама тоже. Кому какое дело? И я вот захотела и родила. Это никого не касается. Это вы в старое время — лишь бы замуж выйти. А всё у вас тайна, кто кого трахал. Тоже мне, важная тайна. А у нас ничего такого нет. Любовь отдельно, дети отдельно. И вопроса такого нет. У меня, например, профессия есть, я мастер, ребенка своего могу и сама прокормить. У меня уже две подруги тоже без всяких мужей родили. Вы просто от жизни отстали. Вот встречу нормального мужика, тогда, может, и замуж выйду. Или вообще не выйду. Я еще не

разобралась, зачем оно вообще нужно, это замуж...
И вообще-то это отдельно — ребенок, любовь и замуж.

НИНА ВИКТОРОВНА: Ай да Ксюша! Всем нос утерла.
Эмансипация! Молодец. Нонка, а ты тоже замуж не собираешься?

НОННА: Я? Ба Нина! Мне шестнадцать лет. И парню моему... Какой замуж?

НИНА ВИКТОРОВНА: Так-так... Интересно с вами!
Ксюша, что там у тебя на шее? Подойди поближе.
КСЮША: Татушка у меня на шее.

Нина Викторовна рассматривает ее, надев очки.

КСЮША: Поцелуй там у меня набит. Крупным планом. Нравится? Плеб мне впендюрил.

НИНА ВИКТОРОВНА: Интересно... А кто это — Плеб?

КСЮША: Бойфренд.

НИНА ВИКТОРОВНА: А-а-а...

ВАДИМ: А еще у тебя есть или только на шее?

КСЮША: А ты как думаешь? Я третий год в тату-салоне работаю. *(Задирает рукав.)* Здесь орхидея. И еще кое-где...

НИНА ВИКТОРОВНА *(разглядывает)*: Интересно!

ВАДИМ: Круто! А дорого?

КСЮША: Надумаешь сделать — скидку тебе дам...

НИНА ВИКТОРОВНА: Потрясающе! Раньше в тюрьме, в армии татуировки делали, а теперь дети приличных родителей себя так разукрашивают. Модно?

КСЮША: Ба, что ты говоришь? Это не модно, это прикольно.

ВЕРА: Тетя Нина! Мы все перессорились из-за этих татушек. В конце концов мы с мамой решили: ее

тело, пусть что хочет, то и делает. Бог с ней. Все живут как хотят. Правда, Гоша?

ЛИДИЯ: Ты думаешь, Ниночка, я из-за этих картинок не переживала? Но что тут поделаешь? Но ведь на всю жизнь!

Ксюша задирает штанину, показывает ногу. Нина Викторовна с большим интересом разглядывает ее татуировки.

КСЮША: Вот, браслеты на ногах! А здесь ангелочек. Первая моя татушка. Но она мне не нравится, если честно, портак, я ее перекрою...

ГЕОРГИЙ: Да, Верочка, живем как можем. Мы с Машей молча живем и каждый день от них неожиданно ждем. Наши дети в принципе хорошие, но такое себе позволяют... дети теперь рано взрослыми становятся... мы молчим. А уж какие их дети будут? Они, наверное, с татушками этими уже родятся.

НИНА ВИКТОРОВНА: Но чертовски интересно. Чем дальше живешь, тем все интереснее...

ГЕОРГИЙ: Да, мам, а уж правнуки твои такие будут интересные... мало не покажется.

НИНА ВИКТОРОВНА: Правнуки?

МАША: Не переживайте, Нина Викторовна, правнуки вам пока не грозят.

НОННА: Да уж, на меня точно можете не рассчитывать! Я вообще буду чайлд-фри. Мне вот это на фиг не нужно. *(Кивает в сторону Ксюши.)*

КСЮША: Не хочешь, и не надо. А я вот захотела.

НИНА ВИКТОРОВНА: Нонка, а я подумаю, что ты тут наговорила... чайлд-фри, говоришь? Во времена моей молодости женщины рожали, когда залетали, а не в соответствии с какими-то принципами. А не хотели — аборты делали...

нонна: Ба, ты что? Аборты — гадость какая! Сейчас контроль этой... рождаемости. Ваще все под контролем!

лидия: Ниночка, младенец в доме — радость большая...

НИНА ВИКТОРОВНА: Знаю, знаю... Мама наша тоже про радость говорила. Это важно — позитивное отношение к жизни. У мамы был легкий характер. И тяжелая жизнь. И у меня легкий характер... Я думаю, это наследственное. Отец наш всю войну прошел без единого ранения, а после войны попал под электричку, пьяненький был. Мама осталась одна с двумя детьми. Мне двенадцать было, а Лидочке двух не было. Она его и не помнит. А он был ласковый, симпатичный, очень меня любил. Аккордеон у него был трофейный, с перламутром, шикарный. Отец в подпитии во двор выходил, "Амурские волны" играл, тетки вокруг него стеной стояли. Мужиков после войны мало было. А бабам замуж хотелось. За каждого свободного мужика воевали. Так наша мама вдовой и осталась, другого мужа уж себе не навоевала. А красавица была... Но с отцом нашим — не думаю, чтобы она очень счастлива была. Пил он здорово. В пьяном виде был особенно милым, веселым...

Пока она говорит, появляется Виктор, в тельняшке, садится на табурет, играет. Его не замечают.

НИНА ВИКТОРОВНА: Он очень музыкальный был. Артистичный. Как-то юбилей мой пошел в таком направлении... странном.

лидия: В странном... Помянем, детки, нашего с Лидой отца Виктора и мамочку нашу, Алевтину. Царствие небесное!

Появляется Алевтина.

АЛЕВТИНА (*уводит пьяного Виктора*): Идем, идем, Витя!

От людей стыдно. Ну что ты так назюзюкался-то?

ВИКТОР: Девочки наши, ты, Аля, посмотри, сколь прекрасны... Лидочка вся в тебя пошла, а Ниночка — в меня, в меня, а характером — в бабушку мою, уж та какая была актриса, уж какие частушки напридумывает... обоссешься.

АЛЕВТИНА: Идем, идем, Витя! Смотри, а хорошо они живут, лучше нашего...

Виктор и Алевтина исчезают.

НИНА ВИКТОРОВНА: Как вы говорите? Царствие небесное... Выпили, выпили, деточки...

ЛИДИЯ (*крестится*): Царствие небесное. Пухом земля нашим родителям Виктору и Алевтине.

ГЕОРГИЙ: Царствие небесное... (*Выпивает.*) Мам, что-то у нас праздник куда-то не туда пошел. Мы хотели тут... это... Мы хотели за тебя, за твое здоровье...

НИНА ВИКТОРОВНА: Оставь, Гошка. И не перебивай! О чем это я? Хочу всем вам пожелать счастья. И такого, которое с неба падает, как дождь, и такого, которое мы сами своими руками строим. Вот ведь какая история вопроса. Счастливых женщин в нашей семье, может быть, и не было никогда. Только мы с Лидой. Правда, Лидочка? Мы с тобой ведь счастливые, правда? А мама счастливой не была.

ЛИДИЯ: Нет, счастливой не была. В молодости не была. А перед смертью говорила: "Какая же я счастливая! Какие у меня дочки золотые. Смотри, Лидочка, Нина клубнику с рынка принесла, это ж

сколько она сейчас стоит? Какие дочечки у меня... Золотые мои дочечки..." Шестьдесят восемь лет ей было. Я уже ее на два года старше.

НИНА ВИКТОРОВНА: А я на двенадцать...

ЛИДИЯ: "Держитесь друг за дружку, дочечки мои, любите друг дружку, помогайте друг дружке, не ссорьтесь..."

НИНА ВИКТОРОВНА: А мы и не ссорились.

ЛИДИЯ: Это правда, Ниночка, правда. Я запомнила, как ты ко мне в больницу приходила. Ленточки были красные в косичках...

НИНА ВИКТОРОВНА: Лидок, Лидок, а я ведь тоже этот день запомнила. Нас тогда первый раз к тебе в палату пустили. Удивительно, что ты, малышка совсем, запомнила.

ЛИДИЯ: Все детство ты меня на спине таскала. Я так привыкла на твоей спине ездить, что, когда в школу пошла, только тогда и поняла, что я не такая, как все...

НИНА ВИКТОРОВНА: Ой, а какие девчонки были жестокие! Знаешь, Лидочка, я думаю, что они так тебя дразнили из-за меня. Я как раз в училище поступила в театральное, ходила в юбке фестивальной, широченной, с нижней юбкой из марли накрахмаленной, а талия тонкая. Мне завидовали, а на тебе отыгрывались. Я не понимала тогда, что женская жестокость хуже мужской, но потоньше, я бы сказала. И уже тогда было чувство, что все эти злые девчонки очень несчастные. Ах, какой же счастливой я себя тогда чувствовала, и мне хотелось, чтобы все вокруг были счастливые. Лидочка, конечно, первым делом. Такая у меня была страсть — быть счастливой. И так все завертелось! И работа, и карьера, и любовь... одна, другая, тре-

тя... А Лидочка одна. Подрастает — и всё одна... Но при том не могу сказать, что несчастная. Скорее, несчастливая. Всё одна, с книжечкой, с книжечкой. Так в библиотеке всю жизнь и проработала... И тут Верочка родилась. И сестричка моя стала такая счастливая! У нее дочка, и ничего-то ей больше не нужно. Плядя на Лидочку с ее дочкой, я так радовалась... А кто этого ребеночка отец, я как-то не сразу разобралась... Постепенно разобралась. *(Пьет понемногу, постепенно все больше пьянея.)* Мы, девочки мои, живем в стране несчастных женщин. Мы-то счастливые. Готовы были всю жизнь последним поделиться. Всю жизнь так прожили. Друг дружку поддерживали, помогали. Гоша родился. Поздний ребенок. В школу пошел. Как я на гастроли, Лидочка через всю Москву едет к нам семью мою поддержать, покормить, Гошеньку спать уложить... Всем хорошо... Конечно, и мама наша Алевтина, и бабушка Капитолина счастливыми, как мы, не были. Но посмотрите, какая она была красавица. Лидочка на нее похожа. Здесь бабушка уже не так молода — это фотография года тридцать пятого, наверное. Оба хороши, и дед такой фактурный. Федор Алексеич.

Появляются старики. Федор держит перед собой вытянутые и согнутые в локтях руки, а Капитолина распускает шерсть и наматывает ему на руки.

НИНА ВИКТОРОВНА: Военный. Шофером был, генерала возил. В тридцать седьмом генерала расстреляли, а деду двадцать лет на всякий случай дали. Он из лагерей не вернулся. Там и сгинул. Известно только, что умер в пятьдесят шестом году, в ла-

гере. Посмертно реабилитирован. Как миллионы других... А мы и не понимали, что бабушка все плачет, плачет... тоже молчать хорошо умела. Никто из нас этого деда не видал, бабушка про него ничего не рассказывала, какой он был человек. Хороший, наверное... И тоже все несчастные. Гош, наливай. И будьте все счастливы! Это в наших руках и зависит только от нас самих. А ты, Ксенька, права, права, будьте вы счастливы, девочки мои, и в замужестве, и без всякого мужа. За ваше счастье!

Гоша наливает, все пьют, но как-то несколько робко.

НИНА ВИКТОРОВНА (*тыянея все больше*): Вы все эмансипированные. Это тоже вроде как дорога к счастью. Но какое-то оно сомнительное... неполноценное. И вообще, на что он вам, мужик? Есть — хорошо, а нет — вон у нас на задах, в подвале, секс-шоп. Я зашла как-то взглянуть, чем молодежь тешится. Боже мой! Да там тебе и мужика электрического, и бабу надувную дадут, недорого, я бы сказала. Со всем недорого, и без всяких душевных мук. Свобода! Может, правда, скучновато немного... Зато безопасный секс...

ГЕОРГИЙ: Ну, мать, ты даешь!

НИНА ВИКТОРОВНА: А что, Гошенька, во времена нашей молодости всякого безобразия было не меньше теперешнего, и девочки бедные по абортариам корячились. А теперь у вас, девочки, счастливый секс, без страха. Ну что ты так вытарацилась, Лидочка? Я же правду говорю?

ЛИДИЯ: Ниночка, ты про деда нашего не всё знаешь. Я про деда Федора кое-что узнала, совсем недавно... Не знала, надо ли говорить... детали...

НИНА ВИКТОРОВНА: Что же не сказала? Тайна? Еще одна тайна?

ЛИДИЯ: Не успела просто. Это недавно было. Мы с Верой перед Ксюшиными родами комнату для нее с ребеночком освобождали — Вера теперь ко мне перебралась, а Верину комнату для Ксении с Нюшей приспособили. Всё вытряхивали. У меня дома хранится мамина папочка с документами, письмами. Там и бабушкины старые какие-то бумаги, справка о реабилитации тоже... Я раньше эти бумаги не смотрела, папочку не открывала. А тут, когда всё разбирали, мы побольше барахла хотели выбросить, очистить дом от старья, я в бумажки заглянула, выбросить хотела. Вот там я нашла письмо старое, без даты, без конверта, от какого-то человека, который с дедом сидел. Письмо бабушке. Но я не поняла, получила она это письмо или успела умереть к тому времени... Из письма следует, что деда в лагере убили заключенные во время восстания. Всех стукачей поубивали... И деда убили... стукача.

Старики, которые все время молча мотали шерсть, заговорили.

КАПИТОЛИНА: Получила я это письмо. Но я уже знала, что он умер в лагере, когда бумага пришла.

ФЕДОР: Мне один год оставался. Кум вызвал, говорит: “Подписывай, отчеты будешь мне сдавать, кто что там говорит”. Я говорю: “Да я малограмотный, куда мне писать”, а он: “Срок тебе прибавим...” Ну, хоть в петлю... ну я и подписал бумагу-то... да я и не успел послужить им, ничего не успел... Тут восстание произошло, и парень один моло-

дой указал на меня, он видел, что я из оперчасти выходил. Значит, стукач. Ну и убили. В тот день пятнадцать стукачей убили. Это в Казахстане, в федоровском лагере было восстание заключенных...

КАПИТОЛИНА: А я уже знала, что умер... и на что оно мне было, письмо это... я уже и не помнила, как он выглядит, этот Федя...

Оба исчезают. Нонна и Вадим постоянно пишут эсмэски...

ЛИДИЯ: Ниночка, да я сразу хотела сказать, но не по телефону же... и вообще не до того было... Нюша родилась, хлопоты, первое время трудно очень, сейчас наладилось... просто не успела сказать.

ГЕОРГИЙ: Многовато для одного дня... *(Наливает водки себе и матери.)*

НИНА ВИКТОРОВНА: Такое знание... Без него жить легче. И помалкивать. Но помалкивать иногда надоедает.

ГЕОРГИЙ: Жалко деда... ни за что стигнул...

НИНА ВИКТОРОВНА: Получается, что надо нам еще помянуть нашу с Лидочкой бабушку Капитолину и несчастного деда Федора.

ГЕОРГИЙ *(снова наливает)*: Помянем Федора и Капитолину. *(Пьет.)*

К нему присоединяются Нина Викторовна и Лидия.

НИНА ВИКТОРОВНА: Ох, хорошенький вечер получился... Лидочка, споем, как в детстве пели?

Появляется Виктор с аккордеоном. Сестры, взявшись за руки, поют.

- Плавно Амур свои волны несет,
Ветер сибирский им песни поет.
- Тихо шумит над Амуром тайга,
Ходит пенная волна,
Пенная волна плещет,
Величава и вольна.

Виктор исчезает.

НИНА ВИКТОРОВНА: Все! Все! Закончили вечер воспоминаний. А теперь — чай. К чаю торт, Верочка испекла. А пирожные из “Праги”. Сама поехала и купила. Представьте, все поменялось, Арбат — это сущий кошмар. Кажется, одна только “Прага” и осталась от старых времен. Все перестроили. Роддома Грауэрмана нет. Нас с Лидочкой оттуда принесли. Гошу я там рожала. Нет, нет, долго жить тошноватенько. Глаза закрою — вижу старый Арбат. Там был антикварный магазин, шикарный. Директор там был... забыла, Исаак Соломоныч или Исаак Абрамович его звали. Мы слегка разбогатели в конце семидесятых, я там много чего покупала, и мебель оттуда. Он вкус мой знал. Звонил. “Карелочка, — говорил, — пришла, приезжайте, Нина Викторовна, для вас подержим. Очень породистая”. Вон и стол этот, и кресло у него купила. И александровский фонарь у меня в спальне... Нонка, ставь чашки, возьми в буфете. Да-да, и буфетик этот оттуда. Стоило грош. В одну цену с гэдээровскими этими... как их называли, Лид?

ЛИДИЯ: Хельга.

НИНА ВИКТОРОВНА: Хельги, точно, точно!

Вера и Нонна заваривают чай, режут торт.

ВЕРА: Теть Нин, а чашки белые или синие ставить?

НИНА ВИКТОРОВНА: Белые, белые!

Все молча рассаживаются, разливают чай.

НИНА ВИКТОРОВНА: Устала я, дорогие мои. Устала. Малышка какая у тебя удобная, Ксюша. Смотри-ка, спит который час подряд.

КСЮША: Зато она ночью такие концерты устраивает. Такой ребенок наша Нюша — днем спит без просыпу, ночью концерт.

НИНА ВИКТОРОВНА: Нормальный режим. Я всю жизнь только так и жила. До полудня спала, а к ночи концерт. Спектакль. Ночью самая жизнь и началась. Да и сейчас то же самое... Днем кой-как ползаю, все в сон клонит, а ночью — ни в одном глазу.

ЛИДИЯ: Да, Нина, я уж давно без снотворного не засыпаю.

НИНА ВИКТОРОВНА: О! И я. Без снотворного не засыпаю... А ты что принимаешь?

ЛИДИЯ: Называется... не припомню. Продается без рецепта...

ВЕРА: Мелаксен ты принимаешь.

НИНА ВИКТОРОВНА: Да это же ерунда. Неужели помогает? Я покрепче беру.

ЛИДИЯ: Покрепче — с рецептом, надо к врачу идти.

НИНА ВИКТОРОВНА: Чего же ты раньше не сказала? Дам я тебе рецепт, ко мне врач домой приходит, выписывает всё, что попрошу.

ГЕОРГИЙ: Да, всем пора. Собирайтесь, ребята. *(Встает, целует Нину Викторовну.)* Хороших снов, мамочка.

Все устремляются в прихожую с прощальными репликами.

- Пока-пока!
- Будь здорова.
- А ты бы позвонила. Может, заехала бы?
- Обязательно!
- Теть Лида, вы про нас не забываете.
- Ксюша, а где твой салон?
- На Ленинском. Приходи.

Уходят.

НИНА ВИКТОРОВНА (*возвращается к столу, наливает себе рюмочку, медленно выпивает*): Пожалуй, обойдусь сегодня без снотворного... (*Смотрит на портрет.*) Ну что, Николай Георгиевич? Хорошо тебе?

Появляется Николай Георгиевич.

НИКОЛАЙ: Неплохо, наверное. А тебе? Хорошо? Теперь тебе лучше? Душу излила? Легче стало? Ты прости меня, Ниночка. Жизнь длинная, кривая. Я любил тебя всю жизнь, с первой минуты до последнего часа. Восхищался тобой, преклонялся перед тобой. Всю жизнь, Нина... Как тебя не любить? Ты же прекрасная... талантливая, сильная. Но... ты к жалости не располагаешь. А вот Лиду жалко было. Всю жизнь Лиду жалко было. Она тебя любила больше всех на свете. И завидовала... Она красавица, ей от отца чудная красота досталась... но и слабосильность. А тебе, мышка моя любимая, талант и ум. И почему-то тебя все любили, даже кошки-собаки... а ее — никто, при всей ее красоте. Уж не знаю, чего в нее не доложили. Ну и ножка, конечно... А я ее жалел. Всю жизнь жалел. Ты прости меня, Нина.

Я знал, что ты знала... И оба мы знали, что знали, что знали... что знали... Да ты ведь давно простила?

НИНА ВИКТОРОВНА: Простила, простила, Коля... но ведь как тяжело было. Как там у вас, у верующих? Бог простит.

НИКОЛАЙ: Ниночка, это неправильные слова. Бог, конечно, простит, но пусть люди лучше думают, что Он может и не простить... Живи, Ниночка, живи сколько отведено... и радуйся. Все, все хорошо... *(Исчезает.)*

НИНА ВИКТОРОВНА: Подожди, Коля. Не уходи! Я хотела тебе сказать... Где ты, Коля? Та-ак... Николай! Николай Георгиевич! Ты где? *(Смеется.)* Да не больно хотела... Пить нельзя. Совсем нельзя. Наследственность плохая...

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Нина Викторовна провожает свою помощницу Марину. Из прихожей слышны их голоса.

НИНА ВИКТОРОВНА: Спасибо, Мариночка! Замечательно все сделала. Умница.

МАРИНА: Водка и холодец в холодильнике; не забудьте на стол поставить, когда придут.

НИНА ВИКТОРОВНА: Не забуду, не забуду.

МАРИНА: И посуду прямо на столе оставьте, ничего не относите, не мойте. Я завтра утречком приду, всё перемою, перечищу.

НИНА ВИКТОРОВНА: Спасибо, деточка. Палочка-выручалочка моя. И сумку большую завтра захвати, все остатки из дому вынести.

МАРИНА: Да съедят всё. Вкуснотища-то какая! Хорошо вам погулять, Нина Викторовна. *(Идет к двери, возвращается.)* Может, я все же приборы расставлю?

НИНА ВИКТОРОВНА: Спасибо, деточка, не надо! Ничего не расставляем. Фуршет! Чтоб не засиживались... Что за старомодная манера за столом сидеть! Не в ресторане же!

Хлопает дверь. Нина Викторовна входит в комнату и оглядывает стол.

Звонок домашнего телефона.

НИНА ВИКТОРОВНА *(берет трубку)*: Алло!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Поздравляю, Ниночка! Ты живая, я живая! Кто мог подумать, что мы столько протянем.

НИНА ВИКТОРОВНА: Наташка, я уж думала, ты забыла.

НАТАША: Как это я могу твой день рождения забыть?

Это как свою собственную жизнь забыть. А у меня склероза нет. Я всё помню.

НИНА ВИКТОРОВНА: Да, нам есть чего вспомнить!

НАТАША: Да... Кой-чего можно и не вспоминать...

НИНА ВИКТОРОВНА: Да-да, а кой-чего можно и забыть. Даже хочется забыть...

НАТАША: Ладно, Нинка! Здоровья тебе... Долгих лет.

НИНА ВИКТОРОВНА: Спасибо, Наташенька. Будь здорова.

НАТАША: Да подожди. Ты скажи, как в театре-то? Организовали? Поздравили? Ну, вообще? Шестьдесят лет в строю!

НИНА ВИКТОРОВНА: Я три года почти не играю. Почетный покойник. Тень... отца Гамлета, приблизительно... Ну, прислали корзину цветов. Наверное, после вчерашней премьеры оставалась.

НАТАША: Да ты что?

НИНА ВИКТОРОВНА: Ну, Наташа, они собирались устроить какое-то чествование, но я этого ничего не хочу. Знаешь, это новое начальство... да я видеть их не хочу. Отказалась категорически. Театра нет, нет больше театра. Только домашний праздник, никого кроме семьи не жду. В самом узком кругу... Да. Спасибо, что поздравила, Наташка. Целую, дорогая. *(Кладет трубку.)*

Сразу же раздается новый звонок.

НИНА ВИКТОРОВНА: Алло!

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Нина Викторовна! Михаил Алексеевич беспокоит. Звоню вас поздравить с юбилеем. От имени коллектива театра и от себя лично... Мы все огорчены, что не можем вас чествовать в театре, поздравить лично. Вся труппа хотела лично... Сегодня пришло от Министерства культуры поздравление на адрес театра. Завтра пришлем вам с курьером. Ну, еще раз поздравляю вас. Любим, любим, любим.

НИНА ВИКТОРОВНА: Благодарю вас, Михаил Алексеевич. Очень ценю ваше внимание, очень.

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ: Не бросайте нас, дорогая Нина Викторовна! Вы... наш золотой фонд, наша гордость... всегда... всегда... наш дом... ваш дом...

Нина Викторовна кладет трубку. Раздается еще один звонок.

ЛИДИЯ: Ниночка, звоню тебя поздравить. Ну что я могу тебе сказать? Здоровья, здоровья. Больше мне тебе пожелать нечего... У тебя все есть, о чем только можно мечтать. Талант, великодушие, красота...

НИНА ВИКТОРОВНА: Какая такая красота? Красавица у нас ты, Лидок... Если уж тебе хочется все эти слова говорить, здесь скажешь.

ЛИДИЯ: Нина, у нас беда... Ксюшку забрали в больницу по скорой. Заражение крови. Три дня высокая температура. Сначала решили, что послеродовое осложнение. Приехала вечером скорая, хотели в больницу забрать, она отказалась наотрез — ребенку две недели, как я могу оставить? Ну, сделали ей укол. А ей все хуже и хуже. Бред, без сознания. Вызвали опять скорую. В общем, забрали сейчас в больницу... Состояние тяжелое, Вера там сидит возле реанимации, туда не пускают. А я с малышкой одна осталась. Я в такой растерянности: то меня к ней вообще не подпускали, а теперь я с ней одна осталась. Она кричит, соску выплевывает. Заснет на пятнадцать минут, просыпается и опять плачет.

НИНА ВИКТОРОВНА: А ты ей температуру измерила?

ЛИДИЯ: Нет. Вот дура старая! Не подумала. Сейчас измерю... Ну конечно, может, у нее тоже заражение...

НИНА ВИКТОРОВНА: Лида, с ума не сходи! Заражение крови не заразно. Это не ветрянка. Но у детей температура поднимается по любому поводу. Откуда у Ксюши-то заражение крови? Это надо ухитриться в наше время...

ЛИДИЯ: Нин, но она же помешанная, наша Ксюша. Сделала себе очередную татушку...

НИНА ВИКТОРОВНА: Что? Что сделала?

ЛИДИЯ: Татуировку! Она же работает в тату-салоне, и приехал какой-то великий мастер из Азии, не помню откуда, и она заказала ему всю спину изрисовать, а тот со своими иглами, красками каки-

ми-то неизвестными. В общем, ужас... Ой, Нюша кричит, я побежала. Позвоню тебе попозже...

НИНА ВИКТОРОВНА: Звони, звони. Я так понимаю, что вас можно не ждать... Алло! Алло! *(Набирает номер.)* Лида, послушай меня. Во-первых, успокойся! Во-вторых, Гоша с семьей сейчас придет, мы посидим пару часов, и я к тебе приеду.

ЛИДИЯ: Что ты, что ты, Ниночка! Еще не хватало, чтоб ты ночью к нам приезжала. В такой день!

НИНА ВИКТОРОВНА: Да выслушай ты меня. Не трещи! Всю жизнь тебе одно и то же говорю: успокойся! Все будет хорошо...

ЛИДИЯ *(плачет)*: Ниночка, ты же знаешь, я всегда о самом плохом думаю.

НИНА ВИКТОРОВНА: А ты думай о хорошем. Девочки у тебя хорошие, Верочка, Ксюшка, все будет хорошо.

ЛИДИЯ: Дай бы нам бог живыми из этой истории выпутаться. Ты же знаешь, какое у Верочки сердце. Я за нее даже больше боюсь, чем за Ксюшу... И малышка кричит не переставая...

НИНА ВИКТОРОВНА: Возьми себя в руки и выслушай меня внимательно. Когда Верка придет, пусть мне позвонит. Обязательно. Это важно. И скажи, в какую больницу положили. И в какое отделение. Надо, чтобы она пошла завтра утром к заведующему отделением и отнесла ему конверт. Я приготовлю... И пусть скажет...

ЛИДИЯ: По скорой помощи увезли в Склифосовского... Отделение... не знаю какое... реанимация... Про какой конверт, Ниночка, ты говоришь? Я не поняла, Ниночка.

НИНА ВИКТОРОВНА: Ты малахольная, Лида! С деньгами конверт. Чтоб лечили и дурака не валяли.

ЛИДИЯ: Да ты что? Ты хочешь взятку дать?

НИНА ВИКТОРОВНА: Тьфу ты, господи! Святое семейство! Пусть Верка мне позвонит. Как вернется, сразу пусть звонит... и сама позвони, когда малышку уложишь... *(Кладет трубку.)* Ну-ну...

Раздается звонок.

ГЕОРГИЙ: Мамочка! Просто не знаю, как тебе сказать... Только что позвонили из Энгельберга...

НИНА ВИКТОРОВНА: Откуда?

ГЕОРГИЙ: Из Швейцарии. Вадим поехал с другом на лыжах кататься. Должен был сегодня утром прилететь, к твоему дню рождения, а его все нет и нет. Мы уже забеспокоились, позвонили в аэропорт узнать: задержка рейса или что? И тут как раз звонит нам его друг, сообщает, что Вадик разбился на лыжах. Черепно-мозговая травма и два перелома. Ему сейчас как раз операцию делают...

НИНА ВИКТОРОВНА: О господи! Бедный мальчик...

ГЕОРГИЙ: В общем, мы с Машей уже в аэропорту, через час вылетаем. Так что твой день рождения будем отмечать, когда вернемся. Если... когда выпутаемся...

НИНА ВИКТОРОВНА: Поняла, поняла, Гоша. Позвони сразу же, как прилетишь в Женеву.

ГЕОРГИЙ: Мы до Цюриха летим. От Женевы это далеко. Я позвоню обязательно. Но, может быть, завтра. Не волнуйся только.

НИНА ВИКТОРОВНА: Жду от вас звонка.

ГЕОРГИЙ: Вот так вот все складывается... Все. Пока. Посадку объявили.

НИНА ВИКТОРОВНА: Подожди минуту. Как у тебя с деньгами? У меня же твои деньги лежат... Достаточно с собой?

ГЕОРГИЙ: Мам, карточка у меня, с собой теперь не надо. Целую, мама.

НИНА ВИКТОРОВНА (*кладет трубку*): Исключительно удачный день. Настоящий юбилей. (*Уносит со стола тарелки, рюмки и закуски; садится за пианино, неуверенно наигрывает "К Элизе" Бетховена, сбивается, снова начинает; встает, закрывает крышку пианино.*)

Телефонный звонок.

НИНА ВИКТОРОВНА (*берет трубку*): Да, слушаю.

НОННА: Ба Нина! Это я! Ты уже знаешь, что тут у нас случилось?

НИНА ВИКТОРОВНА: Да, Нончик, папа мне позвонил. Я знаю.

НОННА: Я хотела с ними поехать, а отец меня не взял. Я так разозлилась! Я тоже хочу на Вадима посмотреть.

НИНА ВИКТОРОВНА: Посмотришь еще, когда они приедут.

НОННА: Да что ты! Думаешь, они скоро приедут? Они там теперь заторчат. Слушай, а можно я сегодня к тебе не приду?

НИНА ВИКТОРОВНА: Приходи, дорогая моя, когда захочешь. Сегодня праздник отменяется. А тебе я всегда рада.

НОННА: Я тогда сегодня в кино, меня тут парень позвал... хорошее кино.

НИНА ВИКТОРОВНА: Конечно, деточка!

НОННА: Ой, я совсем... того... С днем рождения тебя!

НИНА ВИКТОРОВНА: Спасибо, детка.

НОННА: Ну и всякого такого тебе... и чтобы интересно было.

НИНА ВИКТОРОВНА: Целую, девочка. Мне интересно.

Очень интересно! Забегай.

НОННА: На той неделе, о'кей?

Нина Викторовна кладет трубку, включает телевизор: там какой-то политик надрывается. Она выключает телевизор, садится в кресло, закуривает, гасит сигарету, приносит водку из холодильника, наливает рюмку, выпивает, снова закуривает. Раздается звонок в дверь. Она идет открывать.

НИНА ВИКТОРОВНА: Кто там?

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Телеграмма.

Нина Викторовна открывает дверь. В нее просовывается бутылочная голова лошади в натуральную величину.

НИНА ВИКТОРОВНА (кричит): А-а-а!

Голова летит в сторону.

КИРИЛЛ (входит): Ниночка, прости! Ради бога, прости!
(Обнимает ее.)

НИНА ВИКТОРОВНА (отмахивается): Вот дурень! Как ты меня напугал! Идиот. Ей-богу. (Отталкивает его, машет рукой.)

КИРИЛЛ (становится на колени, обнимает ее ноги): Идиот, идиот я. Пошутить хотел.

НИНА ВИКТОРОВНА: Дурак, дурак! И шутки твои дурацкие...

КИРИЛЛ: Ну девочка моя дорогая! Прости студенческие шутки. Помнишь, как в училище...

Нина Викторовна неожиданно плачет, закрывая лицо руками.

КИРИЛЛ: Прошу тебя, не плачь! Ну убей меня!

НИНА ВИКТОРОВНА: Да с лестницы тебя спустить надо... идиот. Как идиотом был, так и остался на всю жизнь.

КИРИЛЛ (*монолог князя Мышкина*): "Я идиот. Так называемое эпилептическое слабоумие. У меня были припадки. Потом я стал идиотом. Я по природной болезни своей женщин вовсе не знаю..."

НИНА ВИКТОРОВНА (*смеется*): Кирилл... Спасибо, милый князь... (*Поднимает лошадиную голову.*) Хороший бутафор делал...

КИРИЛЛ: Из "Дон Кихота". Нинка! Можешь меня выгнать. Не мог не засвидетельствовать... Я помню, какой сегодня день... (*Достает из внутреннего кармана букетик фиалок.*)

НИНА ВИКТОРОВНА: День сегодня у меня выдающийся... Внук на горных лыжах разбился, ему сейчас операцию делают, а Ксюшка, Лидочкина внучка, в реанимации с заражением крови... Вот такой сегодня день. (*Замечает цветы.*) Господи! Фиалки! Где же ты их взял?

КИРИЛЛ: Места знать надо. Прости меня, Нинон... Прости глупую шутку. Нальешь рюмку? Или сразу выгонишь?

НИНА ВИКТОРОВНА: Да заходи, заходи. И налью, и выпью с тобой. Как ты меня нашел? Ты же никогда у меня в доме не был...

КИРИЛЛ: Да, никогда не приглашала... Всех приглашала, кроме меня.

НИНА ВИКТОРОВНА (*приносит вторую рюмку, ставит на стол, наполняет обе*): Были на то причины... Так кто тебе мой адрес дал?

КИРИЛЛ: Ну, в отдел кадров я за ним не ходил.

И в справочное бюро не бегал. Не имеет значения.

• С днем рождения, Нинон!

НИНА ВИКТОРОВНА: Мерси.

Выпивают.

КИРИЛЛ: А закусить нет?

НИНА ВИКТОРОВНА: Как же нет! *(Приносит закуски.)*

КИРИЛЛ *(из "Старосветских помещиков")*: "Это вредно, по ночам кушинькать, небось?"

НИНА ВИКТОРОВНА *(продолжает ему в тон, из своей роли)*:

"Уж и вредно. Очень полезно по ночам кушинькать!.. Очень даже хорошо по ночам кушинькать... Вот! Да, да! Эти грибки с гвоздиками, а солить их меня выучила туркиня в то время еще, когда турки были у нас в плену... Вот эти грибки попробуйте, они со смородиным листом и мушкатным орехом! А вот это большие травянки. Секрет такой: в маленькой кадучке прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потом посыпать перцем с селитрою... Кушинькайте! А вот это пирожки! Это пирожки с сыром! Это с урдою".

КИРИЛЛ: "С бурдою?"

НИНА ВИКТОРОВНА: "С урдою! Кушинькайте, Афанасий Иванович! Наплямкотитесь хоть как следует..."

КИРИЛЛ: "Наплямкотился, Пульхерия Ивановна. Благодарствуйте..."

НИНА ВИКТОРОВНА: Кушайте на здоровьечко, Кирилл Александрович. Закуски и всего прочего приготовлено на всю семью, нас теперь девять человек. Девятая пока не пьющая... сосущая... А с фи-

алками ты меня растрогал... Я эти жирные букеты из красных роз терпеть не могу.

КИРИЛЛ: Погоди, откуда девять? *(Поднимает рюмку, чокается.)* За твое здоровье! *(Выпивает.)* Откуда девять-то?

НИНА ВИКТОРОВНА: Гоша с женой и двумя детьми — четыре, Лида с дочкой, внучкой... и я, грешная. И еще внучка Лидкина Ксюша девочку родила. Вот и девять душ.

КИРИЛЛ: Ксюшка родила? Ты мне не говорила.

НИНА ВИКТОРОВНА: Да мы сколько не виделись? Она родила две недели тому назад. Семейка... четыре бабы.

КИРИЛЛ: Четыре бабы — это серьезно. Я все детство, пока из дому не ушел, с пятью бабами жил: бабушка, мама и три сестры... Барак, двор, веревка натянута, а на ней... трико, синие и лиловые, лиловые, и синие, и белые... Ветер подует, и они колышутся, море колышется, море колышется... как волны морские, эти заплатанные трико... Сейчас смешно вспоминать... Я, Ниночка, женщин с детства боялся как огня... Я еще в училище думал, не голубой ли я на самом деле.

НИНА ВИКТОРОВНА: Да? А я не заметила.

КИРИЛЛ: А как ты могла это заметить, Нина? Ты входила — все вставали! *(Делает непристойный жест и целует ей руку самым галантным образом.)* Ты меня, можно сказать, пробудила... побудила... Понимаешь, есть красивые женщины, и ничего... ничего в них нет. А есть и не особо красивые, а в них — есть.

НИНА ВИКТОРОВНА: Это ты про меня?

КИРИЛЛ: Про тебя? Но ты как раз такая редкость — и красивая, и в тебе есть... *Eblich Wiebliche...**

* Здесь: вечно женственная (измененное нем. *Ewig Wiebliche*).

НИНА ВИКТОРОВНА (*смеется*): Да ну тебя к черту... Актер Актерыч...

КИРИЛЛ: Ну вот, ты засмеялась, Ниночка...

НИНА ВИКТОРОВНА: День такой, что не до смеху, дорогой мой... Внуки в больницах... Такой день рождения, праздник, черт его подери... Лучше бы его не было!

КИРИЛЛ: Да что ты, Нинон! Что с тобой? Все будет хорошо. Никогда я тебя такой кислой не видел. За все эти годы. Ты же всегда... (*воздевает руки*) супер-женщина! Ты же можешь вести класс по этой, женственности...

НИНА ВИКТОРОВНА: Могу! (*Из фильма "Служебный роман"*.) "В женщине должна быть загадка. Голова чуть-чуть приподнята, глаза немножко опущены, плечи откинута назад... Ах! Обувь! Обувь! Именно обувь делает женщину женщиной. Сейчас носят обувь с перепонкой, шузы на высоком каблуке... что касается сапог... голенища приспособы... Неудачные ноги надо прятать под макси... и еще — тут нужна комбинаторность, сочетание: свитерок, батничек, блайзер... Ну и лицо. Колоссальное значение сейчас приобретают брови..."

Кирилл обнимает ее, они целуются, она гладит его по голове.

КИРИЛЛ: Нинон... ты королева!

НИНА ВИКТОРОВНА: Ты мне это говорил, когда я еще играла поросенка в детском театре...

КИРИЛЛ: И вышла замуж за этого бездарного Галицкого. Поросеночку захотелось трахнуть волка...

НИНА ВИКТОРОВНА: Галицкий был хорош собой и подавал большие надежды!

КИРИЛЛ: Большие надежды — не основание для брака.

НИНА ВИКТОРОВНА: Ну чья бы корова мычала! А кто на этой сучке Санниковой женился?

КИРИЛЛ: Это было позже! И к тому же я с ней через год развелся.

НИНА ВИКТОРОВНА: Интриганка какая была — как она меня хотела из театра выжить! Когда-когда ты с ней развелся?

КИРИЛЛ: Когда я развелся, ты была уже замужем за Юрой Китаевым. Он тоже большие надежды подавал.

НИНА ВИКТОРОВНА: Но я с ним через два года развелась. Ты уже был на Татьяне женат.

КИРИЛЛ: Да, это был ужас!

НИНА ВИКТОРОВНА: Ужас! Конечно, ужас. Но ты же на мне не женился.

КИРИЛЛ: Да ты бы за меня никогда не вышла. Ты меня, Нинон, удивляешь. Ты же никогда не была кокеткой. О чем ты говоришь? У нас с тобой никогда настоящего романа не было...

НИНА ВИКТОРОВНА: Как это? Как это не было?

КИРИЛЛ: Дружба у нас была. Настоящая длинная дружба. Я бы сказал, мужская дружба. А то, что мы друг друга утешали иногда в горькие, в пустые минуты, так ведь это было по дружбе. И потом... понимаешь, ты всегда была меня старше... Не просто друг, а старший товарищ.

НИНА ВИКТОРОВНА: Как это, Кирилл? Что ты несешь? Почему "старший?" Мы одного года.

КИРИЛЛ: Это не имеет значения. Ты же меня маленького, восемнадцатилетнего взяла. Воробышка... своими руками воспитала...

НИНА ВИКТОРОВНА: О, взяла маленького! Две недели разницы. Мне и самой восемнадцать было.

КИРИЛЛ: Я даже разволновался. *(Обнимает ее как-то не вполне платонически.)* Взяла и воспитала, конечно.

• Я был мальчик из провинции, уровень самодеятельности дома культуры города, которого сейчас уже нет, да и тогда еле-еле был. Без твоей дружбы, Нинка, ничего бы у меня не получилось. Ты сделала меня партнером, подняла меня с полу, можно сказать. О романе и речи не было...

НИНА ВИКТОРОВНА: Как интересно! Я тоже всю жизнь знала, что ты самый верный мой друг. Но я всегда считала, что у нас такой легкий пожизненный роман...

КИРИЛЛ: Ладно. Только не болтай. Пожизненный роман у тебя был с Мастером

НИНА ВИКТОРОВНА: Длупости... С Мастером не роман. Мастер — это Мастер. Он как Господь Бог, только тот из глины сделал человека, а этот из человеческой глины делал актеров...

КИРИЛЛ: Но роман-то был?

НИНА ВИКТОРОВНА: Не было романа.

КИРИЛЛ: Мне-то не рассказывай. И с тобой, и с Толкуновой, и с Адочкой...

НИНА ВИКТОРОВНА: Да-да! И с Елизаровым, и с Молчанским тоже? Да у него со всеми учениками романы. Он всех нас любил, каждого. И потому вытаскивал из каждого душу, расправлял ее, укреплял. Тьфу ты! У меня нет нужных слов, чушь какую-то говорю. У нас во всей стране только два было режиссера такого уровня — Анатолий Эфрос да Мастер наш... Актерский театр был. Актер — главное лицо. А не инструмент для выполнения режиссерских затей.

КИРИЛЛ: Нин, ты что? Любимов был, Фоменко, да мало ли хороших режиссеров?

НИНА ВИКТОРОВНА: Да не понимаешь ты, о чем я говорю... Знаешь, пошел ты вон, Кирилл! Поздравил, выпил, закусил — и пошел вон. Всё! Уходи. Мудак.

КИРИЛЛ: Ухожу, ухожу! *(Снимает с вешалки свое пальто.)* Только скажи, Нин, а слово “мудак” — оно случайно не от слова “мудрый”? Или тогда должно бы быть “мудрак”? С филологической точки зрения?

НИНА ВИКТОРОВНА: Да в тебе остроумие прорезалось на старости лет.

КИРИЛЛ: Ниночка, это не остроумие. Просто на старости лет я как раз перестал считать себя мудаком. Я вообще перестал считать. Считаться. А точнее, мне стало совершенно все равно, что про меня говорят, что думают... вообще, как ко мне относятся. И какое впечатление произвожу...

НИНА ВИКТОРОВНА: А вот это уже интересно... Ты даже как-то отвлек меня от всех этих несчастий. То, что ты говоришь, для меня столь неожиданно... Я бы сказала, что ты вышел из профессии: актер, который не думает, какое производит впечатление, это не актер. Впечатление! Больше, чем впечатление! Актер обязан покорить всех, всех в себя влюбить, и не важно, играет он царя или цареубийцу, Джульетту или мамашу Кураж. Обязан обольщать. Думаешь, Чарли Чаплин не хотел этого? Раневская? Папанов? Ульянов не хотел? А Костя Райкин в “Ричарде Третьем”? Ведь влюбляешься в негодя! Он заставляет тебя влюбиться... Мастер учил науке обольщения в самом высоком смысле! Наша профессия — обольщение! Помнишь эту сцену? Мы долго исследовали, кто там кого обольщает... *(Роль Марины, “Борис Годунов”.)* “Встань, бедный самозванец”.

Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж по крайней мере ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить
Упорною, глубокой, вечной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд девичий,
Соединить судьбу мою с твоею,
Когда ты сам с такою простотой,
Так ветрено позор свой обличаешь?
Он из любви со мною проболтался!

Телефонный звонок. Нина Викторовна берет трубку.

ВЕРА: Теть Нин... Пришла я из больницы...

НИНА ВИКТОРОВНА: Ну что там, Веруша?

ВЕРА: Как будто немного получше. Врач меня прогнал.

“Идите, мамаша... вы нам только на нервы действуете, — говорит. — Я вам ее покажу, но потом вы уйдете домой”. В реанимацию вообще-то никого не пускают. Надели на меня халат, бахилы, маску... Разрешили посмотреть: Ксюша лежит голая, вся синяя, в проводах, что-то в нее вливают, переливают...

НИНА ВИКТОРОВНА: Как синяя?

ВЕРА: В татушках, ну, в разноцветных, но издали скорее синяя. Мне так страшно стало, она худая, тела вообще нет, даже живот ушел после родов, грудь кормящая... представляешь, струйка молока течет. Лежит красивая, просто произведение искусства... как неживая моя девочка... так страшно стало. Теть, вот мы сидим с мамой и плачем...

НИНА ВИКТОРОВНА: А как Лида?

ВЕРА: Ну что мама? Плачет...

НИНА ВИКТОРОВНА: Веруша! Может, ко мне придете?

Выпьем немного, посидим... Возьмите девочку,
• приходите!

ВЕРА: Нет, тетя, что ты! Никаких сил нет. Да и поздно.

Ты прости, что мы так тебе праздник испортили...

НИНА ВИКТОРОВНА: Да о чем ты говоришь! Какой праздник! Ну хочешь, я сейчас к вам приеду?

ВЕРА: Что ты, что ты! Ни в коем случае. Я, может, посплю немного, если засну... потом в церковь к ранней побегу, а оттуда в Склиф...

НИНА ВИКТОРОВНА: Хорошо. Значит, так, слушай меня. После церкви, перед больницей, заходи ко мне. Я тебе дам конверт, ты с ним пойдешь к заведующему отделением. Скажи, что на него вся надежда...

ВЕРА: Я не смогу. Я это не умею. Я умру...

НИНА ВИКТОРОВНА: Какие вы все хрупкие, черт подери! Ладно. Зайдешь ко мне после церкви, я сама с тобой поеду в больницу. Звони мне, пожалуйста... Утром, пораньше! *(Кладет трубку.)*

Кирилл берет пальто.

НИНА ВИКТОРОВНА: Не стала говорить, что Вадим на горе разбился. Ей своего хватает. И Гоше ничего не скажу. И ему своего хватает... *(Смотрит на часы.)*

И Гоша не звонит. Обещал позвонить, когда операция закончится. Уже сколько? Пять часов прошло, как он звонил... Ты куда?

КИРИЛЛ: Ты же меня выставила вон.

НИНА ВИКТОРОВНА: Дурака не валяй. Кто это тебя выставлял? Наливай, Кирилл!

КИРИЛЛ *(снимает пальто)*: Ты королева, Нина. И на сцене. И в жизни...

НИНА ВИКТОРОВНА: “Королева, королева...” А колготки помнишь?

КИРИЛЛ: Какие колготки?

НИНА ВИКТОРОВНА: Помнишь Прагу? Наши первые заграничные гастроли?

КИРИЛЛ (*смеется*): Помню, я своим сестрам колготок полный чемодан припер! Оказались все маленького размера, сестры плакали, ни одна не смогла на себя натянуть... Ленка потом их на рынке в Рязани продавала. Вся семья с этих колготок год кормилась.

НИНА ВИКТОРОВНА: Ну да, я тоже чемодан колготок привезла. “Королева”! Королевы колготками не торгуют! А я сдала их в комиссионку. И шубу на них купила. Енотовую... королевскую! Мерзнуть перестала. Я до этой шубы была уверена, что на то и зима, чтобы мерзнуть... Тяжеленная шуба была, но теплая... и крепости необыкновенной. Да она и сама была как крепость. Носила ее лет двадцать. А потом в один год шуба моя как умерла — распадаться стала. На дачу ее отвезли. Николай любил ею укрываться зимой на даче... а потом... Когда дачу нашу ограбили, все старье вынесли, и шубу тоже... Я плакала об ней...

КИРИЛЛ: Я помню ее. То есть тебя в этой шубе. Помнишь, ты лодыжку сломала, я тебя на руках из театра выносил... странное такое чувство было: такая толстая большая шуба, а ты в ней маленькая, как девочка... кажется, эта шуба больше тебя весила. А внизу уже Николай с Гошей, сразу же подъехали. Единственный раз, когда я твоего сына видел. Он в клетчатой курточке с капюшоном был.

НИНА ВИКТОРОВНА: Да, да. Дафлкот. Я привезла из Венгрии две пары курток дафлкот для Гошки и Верочки.

КИРИЛЛ: Это какие дафл...

НИНА ВИКТОРОВНА: С капюшоном, с застежками такими, бранденбуры... кожаные. Верочка чуть от счастья не умерла, а Гошка сначала носить не хотел, говорил, девчачья.

КИРИЛЛ: Когда его увидел в этой курточке, я понял, что он мой сын...

НИНА ВИКТОРОВНА: Я это раньше поняла. Твой.

КИРИЛЛ: Одно лицо. Я как будто сам себя увидел мальчиком.

НИНА ВИКТОРОВНА: Это правда.

КИРИЛЛ: Почему ж ты мне никогда об этом не сказала?

НИНА ВИКТОРОВНА: Зачем? У ребенка был отец — мой муж Николай.

КИРИЛЛ: Но почему ты выбрала меня в производители? Ведь были у тебя мужья, были романы. Был у тебя роман с Мастером, в конце концов. А он был гениальный человек.

НИНА ВИКТОРОВНА: Да. Он был гениальный человек. Может, я бы его и выбрала. Только я не выбирала. Это природа выбирала. Я, Кирюша, никогда не беременела. Со мной произошло это один раз в жизни. Природа так распорядилась.

КИРИЛЛ: Природа? А я в шоке, Нинка, был, когда это понял. Увидел в мальчике себя, пожалуй, в подредактированном виде. Передал тебя им с рук на руки и ушел...

НИНА ВИКТОРОВНА: А Николай повез меня с моей сломанной лодыжкой в поликлинику Большого театра, там был ортопед великолепный. Старичок, умер давно. Фамилию до сих пор помню: Ровинский. Рентген, гипс... Гоша тогда меня поразил. Длилось все это долго, часа четыре, и мальчик мой раз десять повторил: "Мамочка, какая неспра-

ведливость! Почему ты, почему не я? Лучше бы я ногу сломал! Я в футбол третий год играю, — а он в секцию тогда ходил, — и ни разу ни одной травмы. Ох, я бы с тобой поменялся...”

КИРИЛЛ: Хороший мальчик... Знаешь, я тоже все детство мяч от зари до зари гонял... Похож и в этом...

НИНА ВИКТОРОВНА: Да, говорят, что нагулянные дети всегда на своих родных отцов похожи. Такая метка... А вас с Гошей никогда и рядом нельзя было поставить. Копия. Потому я тебя никогда к себе в дом не приглашала. А сейчас вы еще больше похожи. И сын его Вадим на тебя похож. *(Пауза.)* Не звонят...

КИРИЛЛ: Нина, а почему ты мне никогда этого не говорила? Получается, ты меня использовала... Лишила сына. И я его совсем не знаю.

НИНА ВИКТОРОВНА: И дальше не знай.

КИРИЛЛ: А знаешь, это жестоко по отношению ко всем: ко мне, к Николаю, к мальчику... Что, Николай никогда...

НИНА ВИКТОРОВНА: Никогда... Зачем было всем жизнь отравлять? Ребенку в первую очередь... Я ведь на сумасшедшую не похожа? Я больше на сволочь похожа, правда? Меня вся труппа так и воспринимала всегда.

КИРИЛЛ: Почему это вся труппа? Ты сама знаешь, как тебя в театре любили. А если б не талант, вообще бы обожали...

НИНА ВИКТОРОВНА: Теперь это уже не важно, кто кого любил, кто кого ненавидел... И даже не имеет значения, кто чей сын. Гоша похож на тебя, это правда, но он все-таки Колин сын, Колин... даже жесты Колины: как он руками разводит, как смеется, голову наклонив, даже профессию отцов-

скую выбрал... поначалу... он Колин... И никогда мы не будем разбивать ему сердце.

КИРИЛЛ: Про Георгия расскажи.

НИНА ВИКТОРОВНА: Чего рассказывать? Гоша добрый, теплый, не особенно умный.

КИРИЛЛ: Про мои умственные способности ты уже говорила неоднократно. У него был шанс унаследовать кое-что и от тебя...

НИНА ВИКТОРОВНА: Не знаю, что там от меня... Спортсмен. Был геологом. Потом геологию бросил, пошел по коммерческой части, машинами торгует. Николай недоволен был... Гоша долго от него скрывал. Он отца почитал... очень почитал...

КИРИЛЛ: Печально это. Для меня печально. У тебя сын и племянница, можно сказать, почти как дочка, внуки, всякие-такие-разнообразные... А я никого не нажил. Впрочем... Но вот тебе восемьдесят лет, и ты сегодня одна, и мне восемьдесят через две недели, и тоже один буду... Какая разница? Дети-то вырастают и уходят. Дети — явление временное. Как времена года... Произвели их по зову природы, и кончено дело. Они вырастают и уходят.

НИНА ВИКТОРОВНА: Открытие твое, Кирюша, немудреное. Две копейки цена. Это всем известно. Уходят.

КИРИЛЛ: Да, всем известно, только все вокруг колотятся из-за них: сначала растят с великими трудами, пестуют-лелеют, потом обучают... У Тани Егорычевой сын в тюрьме, у Феди Преображенского мальчишка от наркотиков погиб... А если доводят до взрослого состояния — где они, дети эти? Сальская — какая актриса! А померла в доме престарелых, дочка на третий день после смерти старухи

приехала... занята очень была. Костомарова Тонька, бедняга: сын пьет, семья его бедствует, старуху дотла, до копейки вычищают. А у меня нет детей, мне рассчитывать не на что. Мне никто не должен, я никому не должен.

НИНА ВИКТОРОВНА: Все ты правильно говоришь. Но ты еще не понимаешь самого главного страха — чтобы они раньше родителей не ушли! Ты говоришь, они уходят. Да, все уходят. Главное, чтобы дети раньше родителей не умирали. Вот где он, закон природы. Чтобы в свой час... *(Поднимает рюмку.)* За здоровье Вадима и Ксении. Дай им бог здоровья!

Выпивают.

НИНА ВИКТОРОВНА: Да, этот денек на всю жизнь запомню...

КИРИЛЛ: Нина, а ты королева...

НИНА ВИКТОРОВНА: Да... была королева... Леди Макбет... Мария Стюарт... Я однажды попыталась считать, сколько раз я убивала на сцене, сколько раз меня убивали и сколько раз, если подбить общий баланс, я вообще умирала... Сбилась со счету! Слушай, а как мы вообще на эту тему съехали?

КИРИЛЛ: Ты про очередность говорила, так я понял? Что дети не должны умирать раньше родителей. А у меня, Ниночка, все сестры моложе меня и все раньше меня померли, и две — Тоня и Варя — умерли при жизни мамы. И теперь мне не надо думать ни о какой очередности. Я тут в больнице лежал, и вот что мне в голову пришло... Смерть моя никого не ранит. Даже и не тронет. Детей почитай что нет. Жены нет. Я сво-

боден, Ниночка, и от временных детей, и от временных жен. Не вижу в этом никакого смысла. Я только про себя говорю. Я не про тебя. Вы с Николаем были редкой парой. Редчайшей! Мир и благодать: никаких ссор, никаких взаимных претензий, даже разногласий — правильно я понимаю? Только все равно в браке кто-то уходит первым. В конце концов оставшемуся все равно достается одиночество. А сколько мы знаем браков, которые просто сплошное одиночество? Я-то уверен, что брак — дело временное и очень ненадежное.

НИНА ВИКТОРОВНА: Ты боишься одиночества?

КИРИЛЛ: Я? Да я бобыль убежденный. Брак — фикция. Если он ради детей, ради производства потомства, то он и заканчивается после того, как дети своих деточек заводят. Ты это лучше меня знаешь. Честно скажи: у тебя брак счастливый был?

НИНА ВИКТОРОВНА: Вопрос дурацкий. Не знаю. Мы друг друга уважали и старались не обижать.

КИРИЛЛ: Получалось?

НИНА ВИКТОРОВНА: Да, в общем.

КИРИЛЛ: А он не обижался, что у тебя всю жизнь какие-то радости заводились где-то сбоку? Я, конечно, не в счет.

НИНА ВИКТОРОВНА: Нет. Не обижался... Впрочем, не знаю. Он мне никогда никаких претензий не предъявлял. А я — ему...

КИРИЛЛ: А мне и претензии предъявлять некому. Я с последней своей супругой развелся лет пятьдесят тому назад. Ничего о ней не знаю. Она вышла замуж за чеха и уехала... Мне раньше нравилось, чтобы теплая женщина была рядом — в постели,

за столом, выйти вместе. Но в небольшой дозировке... лучше два раза в неделю... Пожалуй, раз... А после семидесяти вообще что-то поменялось... начнем с того, что зубы вставные. Я их на ночь снимаю.

НИНА ВИКТОРОВНА: Импланты поставь.

КИРИЛЛ: Ну, во-первых, я хотел, но там что-то уже не получается, во-вторых, дорого... Дальше... С желудком что-то новое: то понос, то запор. И это... метеоризм, извините. Спишь один — пукнул, не просыпаясь... А когда рядом дама... сон стал плохой. И наконец, Ниночка моя дорогая, прыгать стал не так резво... К медикаментам прибегаю, не скрою. Виагру принимаю для поддержания резвости... А начну болеть, помирать, в дом престарелых запишусь. ВТО очень приличный дом для старых актеров держало. Не знаю, он существует еще? Нет, нет, брак в наше время просто бессмыслица.

НИНА ВИКТОРОВНА: Да что ты говоришь? А я-то надеялась, ты мне наконец предложение сделаешь.

КИРИЛЛ: Нинон! *(С фальшивым пафосом.)* Предложение! Да вся жизнь моя положена к твоим ногам! *(Роль Треплева, "Чайка".)* "Нина, я проклинал вас, ненавидел, рвал ваши письма и фотографии, но каждую минуту я сознавал, что душа моя привязана к вам навеки. Разлюбить вас я не в силах, Нина. С тех пор как я потерял вас... жизнь для меня невыносима, я страдаю... Молодость мою вдруг как оторвало, и мне кажется, что я уже прожил на свете девяносто лет. Я зову вас, целую землю, по которой вы ходили; куда бы я ни смотрел, всюду мне представляется ваше лицо, эта ласковая улыбка, которая светила мне в лучшие годы моей жизни..."

Я одинокий, не согрет ничьей привязанностью, мне холодно, как в подземелье, и, что бы я ни писал, все это сухо, черство, мрачно. Оставайтесь здесь, Нина, умоляю вас, или позвольте мне уехать с вами!”

НИНА ВИКТОРОВНА: Напыщенно... фальшиво. Вообще не о том. “Нина, зачем? Бога ради, Нина...” (Роль Нины.) “Лошади мои стоят у калитки. Не прожайте, я сама дойду... Дайте воды...”

КИРИЛЛ (дает ей напиток): “Вы куда теперь?”

НИНА ВИКТОРОВНА: “В город. (Пауза.) Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! (Поднимает голову.) Я — чайка... Не то. Я — актриса. Ну да!.. Ну да... Ничего... Да... Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочной, ничтожной, играла бессмысленно... Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа... Это не то... О чем я?.. Я говорю о сцене. Теперь уж я не так... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или

пишем — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни”.

КИРИЛЛ: “Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание”.

НИНА ВИКТОРОВНА: “Тс-с... Я пойду. Прощайте. Когда я стану большою актрисой, приезжайте взглянуть на меня. Обещаете? А теперь... Уже поздно. Я еле на ногах стою... я истощена, мне хочется есть...”

КИРИЛЛ: “Останьтесь, я дам вам поужинать...”

НИНА ВИКТОРОВНА: “Нет, нет... Не провожайте, я сама дойду... Лошади мои близко... Я люблю его. Я люблю его даже сильнее, чем прежде... Сюжет для небольшого рассказа... Люблю, люблю страстно, до отчаяния люблю. Хорошо было прежде! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства, чувства, похожие на нежные, изящные цветы... Помните? «Люди, львы, орлы и куropатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли. Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах...»”

КИРИЛЛ: Ты, Нинон, лучшая из всей тысячи Нин Заречных...

НИНА ВИКТОРОВНА: Да я ее ненавижу... Да это кошмар моей жизни! Это фарс. Чехов презирает всех, издевается над всеми. Напыщенная безмозглая Нина Заречная. Мастер мне сказал однажды самые важные слова про нашу актерскую профессию: “Актер — термометр. А термометру не полагается знать, какую именно температуру он показывает, ему важно только ее показывать”. Чехов презирает и ненавидит актеров. Да я и Чехова вашего терпеть не могу. И Мастер его не любил. Хотя ставил пьесы и экранизации делал. Он ставил, я играла. В “Трех сестрах” Машу, потом Раневскую в “Вишневом саде”, играла Елену Андреевну... тоска всё смертная. Русская тоска. Знаешь, моя любимая героиня — Шарлотта. И Чехов ее больше всех любил. Пожалуй, единственная героиня... (Роль Шарлотты, “Вишневый сад”.) “У меня нет настоящего паспорта, я не знаю, сколько мне лет, и мне все кажется, что я молоденькая. Когда я была маленькой девочкой, то мой отец и мамаша ездили по ярмаркам и давали представления, очень хорошие. А я прыгала *salto mortale* и разные штучки. И когда папаша и мамаша умерли, меня взяла к себе одна немецкая госпожа и стала меня учить. Хорошо. Я выросла, потом пошла в гувернантки. А откуда я и кто я — не знаю... Кто мои родители, может, они не венчались... не знаю. Ничего не знаю... Так хочется поговорить, а не с кем... Никого у меня нет... Ужасно поют эти люди... фуй! Как шакалы... Вы зеваете, публика. Это скверно. Может, лучше я вам покажу фокус?” (Берет со стола рюмку, крутит в руках, она исчезает.) Где рюмка, Кирилл? (Залезает ему в карман, вынимает оттуда рюмку, ставит на стол; трясет его за пиджак, выни-

мает еще одну рюмку; присаживается на корточки, трясет штанину, вынимает еще одну рюмку, обе тоже ставит на стол.) Оп!

КИРИЛЛ: А сальто-мортале?

НИНА ВИКТОРОВНА (*встает, хватается за левый бок*): Сердце болит...

КИРИЛЛ: Что с тобой, деточка моя?

НИНА ВИКТОРОВНА: Ничего, ничего... Сейчас пройдет. (*Садится на стул.*) Капли из черного шкапчика принеси... сердечные...

Кирилл приносит пузырек с лекарством, капают в рюмку.

НИНА ВИКТОРОВНА (*выпивает, встает, пошатываясь*): Проводи меня, Кирилл, в спальню...

КИРИЛЛ (*поднимает ее на руки*): Ниночка, а где твоя спальня?

НИНА ВИКТОРОВНА: Дверь направо.

КИРИЛЛ: Идем, идем! "Мы отдохнем. Отдохнем..."

Несет ее к спальне; вот-вот начнется любовная сцена. Раздается звонок в дверь.

НИНА ВИКТОРОВНА: Пусти, пусти, Кирилл.

Кирилл отпускает ее. Нина Викторовна идет к двери нетвердой походкой, открывает. Входит Нонна, внучка.

НОННА: Ба Нина! Что у тебя с мобильником? Отец звонит, а у тебя отключен телефон.

НИНА ВИКТОРОВНА: Что там с Вадимом?

НОННА: Отец позвонил, сказал, что операция прошла хорошо. Вадим еще спит, под наркозом. Врачи говорят, что можно надеяться на исход.

НИНА ВИКТОРОВНА: На что?

НОННА: Ну, на благоприятный исход. Отец мне сразу

• позвонил. Я так разозлилась, почему они меня не взяли. Мы, конечно, с Вадимом вечно ругаемся, но знаешь, Ба Нина, я только сейчас поняла, как я его люблю. Вот если переливание крови или что, я первая побегу. А отец сказал, у тебя телефон отключен, не может тебе дозвониться. Ну, мы с парнем моим всё бросили, я думаю, надо к тебе ехать, сказать. Чтоб не волновалась... Но кино, я тебе скажу, отстой, а не кино. Мне так Альмодовар нравился, но всё, всё, теперь всё, я больше его фильмы не смотрю... Главную героиню Адриана Угарте играет, вообще ниже плинтуса. А старую героиню — какая-то там актриса, не помню фамилии, она ничего, ничего играет. Но, я скажу тебе, вот точно твоя роль, просто я представила тебя на ее месте, было бы отлично. Шикарно было бы.

НИНА ВИКТОРОВНА: Спасибо, Нонночка. Спасибо. *(Возится с мобильным телефоном.)* Действительно выключен... Нонна, а ты есть хочешь?

НОННА: Да-а... Очень. А можно я Игоря тоже позову? Он внизу меня дожидается...

НИНА ВИКТОРОВНА: Конечно, веди.

НОННА: Сейчас... *(Выходит.)*

КИРИЛЛ: Как ты, Нинон? Получше?

НИНА ВИКТОРОВНА: Получше. Совсем хорошо.

КИРИЛЛ: Ну я пошел...

НИНА ВИКТОРОВНА: Ну как? Хороша у меня внучка?

КИРИЛЛ: И у меня...

НИНА ВИКТОРОВНА *(прижимает палец к губам)*: Тише, тише. Спасибо, дружок.

Целуются. Кирилл берет пальто, натягивает на ходу и уходит.

НИНА ВИКТОРОВНА: В холодильнике полно еды... полно еды... Нонна любит салат оливье... *(Роемся в холодильнике.)* Вот он... Заливное... Куропатки... гу-си... молчаливые рыбы... и сыр... сыр... сыр... Ой, лошадь! *(Ищет лошадиную голову, бросается к двери, открывает и кричит в подъезд.)* Кирюша! Лошадь! Лошадь забыл! *(Выходит из квартиры на лестницу.)*

КОНЕЦ

Перечитала и подумала: а может, призраков оставить в покое, и без них всё ясно? Мне кажется, что присутствие умерших родственников придает истории большую глубину и объем. Оставляю на усмотрение режиссера.

БЛИЖНИЙ КРУГ

Теперь о более важном — не о пьесах и сценариях, а о людях, которые вокруг меня. О моих потрясающих друзьях. С родственниками у меня дело обстоит несколько хуже. Да, собственно, друзья мне совершенно заменяют родню, хотя и среди кровных есть парочка, которую я приняла в друзья...

Я отлично помню точку, с которой началась моя страстная привязанность к друзьям. В марте 1953 года умер Сталин. Объявили об этом 5 марта, а 6-го собрали всех школьников в актовые залы. И я, десятилетняя, стояла в толпе зареванных детей и учителей. Рыдала директорша с круглой гребенкой на макушке, рыдали уборщицы в платочках, беспартийная мелкота, пионерия в красных галстуках и комсомол с Лениным на значках рыдал. Одна я не плакала. Совершенно не хотелось. Я испытывала ужасное беспокойство: почему все плачут, а мне не хочется? И на меня напало дикое чувство одиночества. Почему я, такой урод, не могу разделить общего чувства горя, слиться с коллективом? Это был первый в моей жизни случай безнадежного одиночества.

Потом так всё и пошло: все плачут, а мне не хочется, все смеются, а мне не смешно... Ужасное душевное неблагополучие.

Мои первые друзья, которых я безумно полюбила, были те редкие люди, которые, как я, не могли, не умели или не хотели сливаться в общественном оргазме. Они освободили меня от отчаянного одиночества. Первым из них был Саша Хелемский, вундеркинд, по своей природе существо одинокое. Он читал тома “Всемирной истории”, когда я еще осваивала “Курочку-рябу”... Дружим по сей день. Саша — единственный, кто помнит моего прадеда, а я единственная, кто помнит его деда и родителей, дядю Яшу и тетю Машу.

Многих друзей уже нет. И каждый ушедший уносит с собой часть моей жизни. И сколько раз это случалось: телефонный звонок, телеграмма, письмо — я срываюсь и лечу прощаться.

Представляю себе такую огромную групповую фотографию: я в центре, а вокруг меня стоят, сидят и лежат мои друзья, живые и мертвые. Каждый может вообразить такую фотографию, где он в центре, а многочисленные лица друзей группируются вокруг — по хронологии жизни, по степени близости... Вообще-то это больше напоминает икону, чем фотографию. Кажется, самая многофигурная икона — “Схождение во ад”. В этом есть некоторый мистический смысл: если мы окажемся там все вместе, то здорово сможем облегчить страдания взаимным участием и поддержкой... как это было при жизни.

Возвращаюсь к своим дневникам. Никакого литературного творчества. Это голый непридуманый рассказ о моем покойном друге Мише Новикове.

Из дневника

2 февраля 2017. Лондон

Получила письмо от N: “Ароньч умер сегодня ночью. Когда похороны, я пока не знаю. Обнимаю. N”.

7 февраля 2017

В поезде “евротрейн” еду из Лондона в Париж. Под Ла-Маншем проскользнули быстро, и поначалу разница между зелеными полями Англии и такими же полями Нормандии была неразличима, а потом различилось: бедность. Но сейчас поезд снова влетел в тоннель на несколько минут, и теперь уж точно Франция. Нет английской упорядоченности и регулярности, и бедность... В чем выражается — не знаю...

Что же Лондон? В нем я чувствую себе еще больше иностранкой, даже деревенщиной, чем в другом городе мира. Это и город, и, видимо, вся страна “правого руля” — такое небольшое смещение от привычной нормы, но оно повсюду: на улице, в транспорте, в кафе. Действительно, как будто убили ту брэдбериевскую бабочку, и вся эта страна чуть-чуть смещена, вот как раз ровно на одну бабочку, и это неудобно: дверь

всегда открывается не в ту сторону, куда ожидаешь, и кран не так поворачивается, и окно открывается и закрывается с помощью каких-то приспособлений, над которыми надо подумать. Наверное, английская эмиграция труднее, чем любая другая, именно из-за этого неуловимого смещения...

За окном светлеет — едем в глубь континента, от дождя только следы в виде луж, все те же зеленые поля. По ощущению — русский апрель: снега нет, деревья голые, но уже наизготовку, небо с весенним светом, трава вполне зеленая — но травы как раз в Подмоскowie в эту пору еще нет.

В Париже у меня два пустых дня, 10-го — похороны.

ПЕПЕЛ И АЛМАЗ. ВСЁ ПРО АРОНЫЧА

8 февраля 2017

Вот так мы всю жизнь дарим себя друг другу: Ароньча мне подарил Бондарев, Бондарева — кто-то из Бруней, то ли Наташа, то ли Марьяна, а я подарила моей подруге и Ароньча, и Бондарева. Еще между нами была Горбаневская, но тут уж вообще невозможно вспомнить, кто кого кому подарил... Наташи нет, теперь и Ароньча нет.

Первая история про пепел

Лет десять тому назад мы с Ароньчем пошли гулять: он мне показывал кладбище Пер-Лашез, знаменитые могилы. Знаменитых там сотни, а незначительных больше миллиона, не считая колумбария (это как раз важно в этом рассказе). Старое кладбище. В то время никаких там знакомых похоронено не было. Теперь двое — Наташа Горбаневская и Миша Новиков, Ароньч.

Я вообще люблю кладбища. В ту первую прогулку мы долго гуляли по всяким знаменитостям — от Оскара Уайльда до Джима Моррисона, от Шопена до Мольера, которого, правда, сюда перевели для увеличения престижа обновленного кладбища в начале XIX века. И тогда Миша мне рассказал историю, которая показалась мне малоправдоподобной, но занятной. Она про кладбищенский пепел. Среди многочисленных и поразительно разнообразных Мишкиных друзей и приятелей был человек, имя которого я напрочь забыла, а должность его была что-то вроде смотрителя этого самого кладбища. Он работал в этой почтенной организации много лет и как раз в это время собрался выходить на пенсию. И призвал Ароньича для важного разговора. И смотритель этот поведал Ароньичу свою тайну: за многие годы своей службы он собрал личную и, по сути дела, криминальную коллекцию пепла тех великих людей, которых перед похоронами кремировали. Такие маленькие капсулки, в которые он отсыпал частицу праха и хранил... для себя лично. Действие, вообще говоря, достойное мага или колдуна, а вовсе не чиновника, которым он был. И теперь, выйдя на пенсию, он не мог найти преемника своей коллекции. И Ароньич именно и показался ему достойным преемником. Ароньич от этого бесценного наследства отказался, к большому огорчению старика. Так я и не знаю, чем кончилась эта история, — вряд ли бывший смотритель вернул пепел, откуда взял, для восстановления целостности праха.

Вторая история про пепел

Вторая история, тоже связанная с Ароньичем, кладбищем Пер-Лашез и пеплом, произошла года два с лишним тому назад, когда я приехала, уже после смерти Наташи Горбаневской, в Париж и Ароньич повел меня на ее могилу. Он шел

уверенно — кладбище он знал, как свою квартиру, где что стоит. История Наташиной могилы сама по себе удивительна: ей по ее статусу человека бедного и не вполне французского полагалось какое-то общенародное кладбище довольно далеко от Парижа, тем более что знакомый министр, необходимый для рекомендации, чтобы быть похороненным на Пер-Лашез, по причине субботы был вне досягаемости. И пока растерянный сын Ясик размышлял, как же поступить, позвонил муж покойной Ирины К., Наташиной подруги, и предложил место на Пер-Лашез. Дело в том, что, когда умерла его жена, он купил там два места, но прошли годы, он женился и совершенно не собирался ложиться в купленную двадцать лет тому назад могилу со старой женой. И Наташу похоронили в эту подаренную могилу. Вот мы с Мишей там постояли, выпили по рюмке кальвадоса, который был у него заготовлен на этот случай, и пошли прочь.

День был светлый, самое начало лета, трава на газонах свежая, молодая. И на ней я заметила в нескольких местах странные светло-серые полосочки, кое-где даже как будто параллельные.

“Что за полосочки?” — спросила я. И Миша мне объяснил, что в последние годы люди всё чаще выражают желание, чтобы прах их был посмертно развеян. Эти полосочки — рассыпанный после кремации пепел, который здесь лежит до первого дождя. А пройдет дождь, и пепел уйдет в землю...

Это вторая история, связанная с пеплом и Ароньчем.

Про Ароньча и Наташу. Он друг был многим людям, и другом он был прекрасным. У Наташи он был накануне ее смерти. Наташу Горбаневскую хоронили по-старинному — с гробом, с отпеванием. Я не была на ее похоронах, потому что были у меня какие-то неотменимые обязательства. Но последнее, что я могла для Наташи сделать,

я сделала — собрала книгу воспоминаний о ней. И Ароньча попросила написать. То, что написал он, было лучшими страницами в той книге. Она опубликована. Называется “Поэтка”^{*}.

Похороны. Третья история про пепел

10 февраля 2017

Похороны. Приехала на Пер-Лашез, встретившись по дороге с Бондаревым и Таней Рахмановой. Таня с камерой. Ароньч дней десять тому назад просил ее отснять его похороны. Распорядился, чтобы пепел его здесь развеяли. Народу собралось очень много, почти все мои парижские знакомые: Ясик Горбаневский, Оскар Рабин, Жанна, Афоня, Наташа, Копейкин... Поскольку люди русские, то раскол повсеместный и на кладбище: не все друг с другом здороваются... Много приехавших на похороны из разных стран: Алёша Расторгуев из Москвы, пара из Голландии, с собачкой, друг Миши из Израиля, врач из Реховота, русские, французы, черный парень из интерната, бывший воспитанник, еще один, тоже воспитанник, Петя Стерлигов, теперь в Иностранном легионе служит, друг-парашютист и друг-клоун, друг-певец и друг-моряк.

Большая толпа ждала у крематория. Было холодно, подул холодный ветер и начал падать снег. Привет с родины. Вышла предыдущая партия, богатые французы в шубах, какое-то кино из жизни высшего общества, но немного потрепанного, в мехах, в шляпках... Потом запустили нас. Расселись в небольшом зале. Народу втрое больше, чем сту-

* Улицкая Л. Поэтка. Книга о памяти. Наталья Горбаневская. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014.

льев. Гроб закрытый, в изножье покрыт красно-синим парашютом — парашютист положил. Дама в черном пиджаке открывает “церемонию”.

Господи боже мой! Как плохо уходить в безбожное небо! Правда, стоял в толпе Мишин друг доктор Некрич, в белой кипе и с сидуром, читал про себя... Евреев в этой толпе на миньян точно набралось бы, только все по-еврейски неграмотные. Словом, тоска. Отпевание Мишке не полагается, но я остро почувствовала, что не хватает ритуала. Надежного ритуала, с прекрасными молитвами и пением...

Вышла Мари-Элен в клетчатом шарфике на голове, вся в слезах, обращалась к Мише со словами благодарности, что десять лет, которые они вместе прожили, были самые счастливые годы ее жизни. Потом дочери Мишины говорили — они были крепкие, светлые, без слез, — то ли уже пережили свое горе, то ли такие же крепкие, каким Миша был.

Потом показали маленький фильм, который смонтировала Мишина дочка, — там он во всех своих мальчишеских радостях: в тельняшке на мачте яхты, в шлеме с парашютом, с гитарой у себя дома, во всяких других местах, с разными друзьями, и все это под бардовскую музыку, узнаваемую и неизвестную. Такая позднесоветская романтика. Потом все попрощались с закрытым гробом. В нем Миша лежал в тельняшке — так он распорядился.

Вышли из этого зала, и я ощутила физически, что это “веселые похороны” — то самое чудо, когда после ухода человека — не страшная дыра, а облако любви, которое он пробуждал к себе, а когда его не стало, то оно повисло в воздухе. Олег, который бывший клоун, налил рюмочку кальвадоса из фляжки, и это был Мишкин жест и Мишкин напиток.

Потом все пошли в кафе, выпили, потолпились.

Незнакомая женщина Алена пригласила к ней. Ее мать оказалась из прихода Космы и Дамиана, а это вроде как одноклассники или однополчане. Поскольку к ней ехал Оскар

Рабин, то и я поехала. Наверное, это меня тянул невыполненный ритуал — за столом посидеть после похорон. Выпили там водки. Копейкин, который в мою сторону никогда лица не поворачивал, вдруг оказался приветлив. Оскар просто человек из моей прошлой жизни, хотя в России я с ним знакома и не была, только в Париже познакомились. Удивительно, удивительно, как Ароньич дружил с такими разными, несмешиваемыми людьми. Он был совершенно “поверх политики” и в друзья, как я вдруг поняла, принимал таких, кто может с парашютом прыгнуть, то есть не обязательно с парашютом, но способных на сильный поступок. Почему и в любимчиках у него всегда были хулиганы. Крым “наш — не наш” совершенно не был ему интересен. Естественно, как в любой русской компании, разговор свернул на политику — здесь-то и обнаружилась разношерстность, разнородность людей. Те, кто левее, — сдержаннее и скромнее; те, кто правее, вроде Николая, тоже Мишкиного друга, который возил его в особенности в последнее время на все эти парашютные и корабельные подвиги, подошли к тонкому льду — Трампу, исламскому терроризму — и остановились... Очень условная расстановка — правые, левые. Умные и глупые. Образованные и темные. Любовь к Мишке всё отменила...

Разговор за столом шел все-таки больше об Ароньиче, но ничего не добавлялось к тому, что я о нем уже давно знала. Очень скульптурный портрет возник: твердый материал, полнейшая определенность черт и некоторая черно-белость. В мире, где все мельчат, торгуются с жизнью, разными страхами пропитаны, он, конечно, был как скала. И мальчишеская увлеченность его тем, что он делал, что бы ни делал, всех захватывала. Он жить совершенно не устал, его бы на многие десятилетия еще хватило.

...И снова выпили, и снова по той же дорожке разговоры, и снова я погоревала, что ушел он без попа и без равви-

на... Эта сверху протянутая рука отправляет по тому пути, по которому Данте шел... Вот загадка: как можно столько лет так пристально и глубоко заниматься культурой и не почувствовать, что без этого магнита в небе ничего бы никуда и не двинулось. Так бы и сидели, даже без пещер Ласко, потому что первые рисунки на стенах и “макроны” на глине и были вызовом небес...

Сегодня, через два часа после кремации, должны были отдать урну. В понедельник 13 февраля, когда меня уже в Париже не будет, пепел из этой урны развеют на кладбище Пер-Лашез, на том самом месте, мимо которого мы с ним проходили три года тому назад. Это и есть третья история с пеплом.

Последняя история, парашютная

Эту историю лучше бы рассказала наша общая подруга. Она живой свидетель, и участник, и организатор. У нее есть свой отдельный приятель. У отдельного приятеля сын с тяжелейшим ДЦП. Мальчик никогда не ходил, всю жизнь в инвалидной коляске, сложный подросток... Ароньч, уже будучи совершенно больным, взял себе в голову, что мальчику надо прыгнуть с парашютом. Никто, кроме Ароньча, не видел в этой идее ничего хорошего. Да и мальчик совсем не рвался к такому подвигу. Но Ароньча, когда он что-то задумывал, трудно было остановить. Совершены были какие-то сверхусилия: договорились с тренером, отец привез сына во Францию, и в один прекрасный день на специальном полигоне его вытащили из коляски, надели на него все обмундирование и подняли в небо. Он с тренером совершил этот подвиг — прыжок с парашютом. И все были счастливы,

в первую очередь сам Ароньч. А мальчик после прыжка преобразился. Он впервые в жизни совершил поступок, героический поступок, преодолел страх. И даже самостоятельно сделал впервые в жизни несколько шагов. Остались удивительные фотографии того дня: полуживой Ароньч, искудавший до последнего предела, счастливый, сидит за столиком. Мальчик, которого тащат после прыжка к его коляске. Подруга, тоже один из дирижеров этого события, сияет. Все сияют. Все...

Это было 24 сентября. Мишке оставалось жить несколько месяцев.

12 февраля 2017

Как это Саша Бондарев сказал: мертвый Мишка был похож на Христа.

Не понимает: живому еврею трудно быть похожим на Христа, а мертвому — ничего не стоит.

Рассматривая мои записи тех дней, нашла замечательные Мишкины высказывания. Вот одно из них: “Сегодняшние поколения всё менее достойны той европейской культуры, в которой живут незаслуженно, беспечно и бездумно, и всё потеряют”.

Тогда я еще не понимала, насколько он прав.

Продолжение темы: друзья

Как мы выбираем друзей? Да и выбираем ли? Они случаются в жизни, иногда сильно меняя ее траекторию. Конечно, дружба — это всегда любовь, но без примеси сексуальной страсти, хотя иногда с присущими страсти ревностью, чувством собственности и разочарованиями. Любовь же без дружбы живет только до тех пор, пока не испаряются страсти.

Я собрала за жизнь великую коллекцию друзей, частью уже ушедших. Удивительно и прекрасно, что список открыт и до сих пор появляются новые. За всю мою жизнь я теряла не только мертвых, но и несколько вполне живых. Грущу об этих потерях. Боюсь, невозполнимых.

С молодых лет я тянулась к старшим. Мои ушедшие “старушки-подружки” были моими учителями и лучшими собеседниками. Сегодня я и сама стала для более молодых моих друзей такой “старушкой-подружкой”. Я улыбаюсь, потому что понимаю, что мне-то повезло больше: мои старушки были куда как качественнее меня...

Друзьями мы делимся, и таким образом образуются дружеские круги — пересекающиеся. Сегодня, ко-

гда для меня настало время воспоминаний, я понимаю, что советские времена, трудные и темные, были освещены именно этими уникальными дружескими отношениями. Друзья были нужны не для развлечения, а для выживания. В бесчеловечной советской системе мы остро нуждались в сердечном общении, извлекали человечность почти исключительно из дружеских связей. Делились временем, книгами, едой, деньгами... Эти отношения — один из двух даров, полученных моим поколением от нелюбимой власти. Второй дар — особое и уникальное чтение. Об этом — отдельно.

Как будто работала грандиозная невидимая центрифуга, разделяя вещества по плотности. На слои. Были в обществе слои непересекающиеся, были и смежные. И, как правило, внутри каждого дружеского кружка стояла какая-то харизматичная фигура. Я знала несколько таких центролюдей: Вадим Борисов, Виктор Новацкий, Юра Соболев-Полев... Каждый из этих людей заслуживает отдельной книги воспоминаний. Вадим Борисов, друг, помощник и первый издатель Солженицына в послеперестроечной России, диссидент, как тогда назывался почти каждый мыслящий человек, историк, автор замечательных статей о судьбе России... Утонул в 1997-м в холодном Балтийском море... Виктор Новацкий, который был талантлив, образован и ленив, сам ничего не писал, но к нему ходили за советами и консультациями множество людей, начиная от Дмитрия Покровского и кончая мною... Юра Соболев-Полев, замечательный художник, обладающий невиданной для художника эрудицией и в науке, и в истории искусства... Юра и Виктор были друзьями и умерли в один день... Александр Асаркан, всеобщий гуру, потрясающий

знаток театра, к которому бегали за консультациями и советами десятки людей. Потом уехал в Америку и там исчез не востребовавшимся...

Были и далекие от нас, недостижимо высокие круги: Гельфанда, Мамардашвили, Копелева...

Круги образовывались и по семейным принципам, это важная черта старомосковской жизни: круг Шаховских, круг Бруни, круг Поливановых. В основе — семейные кланы, к ним приросшие родственники и друзья. Я знала многих, меня принимали, но я оставалась сбоку, с краю... Об этих московских кругах отчасти написал покойный Владимир Кормер — математик, философ, писатель — в своем последнем романе “Наследство”. Мне кажется, что он лучше всех, кто описывал время семидесятых–восьмидесятых годов, воссоздал жизнь, атмосферу и людей “застойного” времени.

ЛЮБОВЬ БЕЗ ВЗАИМНОСТИ

Одним из таких харизматичных людей, центром довольно обширного дружеского круга был Дмитрий Шаховской по прозвищу Князь. Он был и вправду отчасти князь — мать Димы была княжной. Отец — священник о. Михаил Шик, один из новомучеников российских, расстрелянных на полигоне в Бутове под Москвой в 1937 году.

Дима носил фамилию матери, вернее, тетки, усыновившей двоих младших детей после ареста отца и смерти матери. Приговор “десять лет без права переписки” означал расстрел, но об этом семья узнала много позже, а мать Димы и умерла, надеясь на то, что муж ее жив. Без упоминания о родителях, отце

Михаиле Шике и матери Наталье Шаховской, рассказ о Диме будет неполным. Архив писем, который сохраняют потомки Шаховского, — это не только история семьи, в которой соединилась кровь русских аристократов, декабристов и потомков раввина, ставшего православным священником; это история страны воюющей, уничтожающей своих лучших детей, загоняющей в тюрьмы и в ссылки ни в чем не повинных людей, тех самых, кто создавал ее культуру. Семья Шаховских — одно из свидетельств истории страны*.

Вот отрывок из письма Дмитрия Ивановича Шаховского, деда Димы, к дочери Анне, сестре Диминой матери, в Бутырскую тюрьму. Написано в декабре 1920 года: “Радуюсь Твоему бодрому настроению и был уверен, что Ты так отнесешься к тюрьме. Я считаю, что без тюрьмы образование русского гражданина не может считаться законченным, а так как я всегда изо всех сил желаю Тебе и гражданства, и законченности образования, то не могу огорчаться, что судьба послала тебе это испытание...”

Судьба послала семье Шаховских все испытания времени: ссылки, аресты и расстрелы, эвакуацию, голод, непосильный труд для выживания.

В 1925 году отец Димы Михаил Шик принял сан диакона, начал служение и уже в 1926 году был сослан в Турткуль, в Узбекистан. К тому времени в семье было трое детей.

В 1927-м Наталья Дмитриевна навещает мужа в ссылке, а в 1928 году рождается Дима.

В 1931 году семьей Шаховских был куплен дом в Малоярославце. Там и прошло Димино детство. Жизнь

* См. кроме прочего: Малахеева-Мирович В. Маятник жизни моей... 1930–1954. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016.

семьи до сих пор связана с этим домом. Недавно я встречалась с Наташей, старшей дочерью Димы, и она рассказала, что после пожара, уничтожившего две пристройки, но пощадившего дом, надо чинить крышу, чтобы не погибло это чудом сохранившееся семейное гнездо. И речь идет вовсе не об усадьбе князей Шаховских, а о небольшом мещанском доме, в котором жила большая семья, в одной из пристроек расположилась домовая церковь. В ней тайно служил отец Димы, Михаил Шик, к тому времени ставший священником. В 1931 году он вернулся из ссылки и должен был жить за 101-м километром. Малоярославец и был за 101-м километром, и в те годы в нем жило множество таких же, как он, пораженных в правах людей.

Эти годы можно назвать семейной идиллией: любящие родители, пятеро детей, огород, корова, — то есть не голодали, но много работали для выживания.

От 1936 года сохранилось письмо Натальи Дмитриевны к матери: "...если Миша уедет, мне придется колоть и носить дрова, ходить за коровой и т. д., а при нем мне дела очень мало и я не устаю. Притом же Мише надо продвинуть свою работу над переводом Гёте, раньше чем ехать в Москву".

Перевод окончен не был. В 1937 году в этот дом снова пришли сотрудники НКВД. Отец Михаил был обречен, но никаких прямых доказательств его противозаконной деятельности не было. Но когда о Михаила уже уводили, спросили паспорт, который хранился в пристройке, поначалу сотрудниками НКВД не замеченной. Они вошли в пристройку и обнаружили там священническое облачение. Расстреляли его на следующий день...

Жил Дима в Малоярославце многие годы. Там же пережил и оккупацию. Ему было 13–14 лет, на плечи

его и семнадцатилетней сестры Маши легли заботы о пяти старухах, которые оказались в этом доме. Вот отрывок из письма Натальи Дмитриевны Шаховской от января 1942 года к сестре Анне:

19 января 1942

...Ты уже знаешь, если получила наше первое письмо, что дом был полуразрушен во время первой сильной бомбежки, под Покров, 13 октября и мама была слегка поранена. После того мы пережили еще несколько жестоких бомбежек, артиллерийский обстрел, грабеж и длительный постой немецких солдат, угрозы гестапо в связи с Гизеллой Яковлевной, наконец новую, оч. жестокую и длительную бомбежку, артиллерийский обстрел, пожары (все были дома, потому что опыт показал, что уходить хуже, мы все время бегали назад и вперед), но дом уцелел, хотя крыша пробита и 4 раза вылетали рамы (а мороз был 35); под конец, недавно, 4 янв<аря> увели у нас корову.

Но самое тяжелое испытание — это пять бабушек, оставшихся на нашем попечении, которым мы должны были уступить лучшие места в уцелевшей половине дома (сами спим в маленькой столовой и в большой комнате на полу), для которых я отнимаю у детей добытый ими с большим трудом хлеб, которые все время ссорятся между собой (и с детьми), постоянно недовольны, боятся холода и голода и во всех отношениях больше дети, чем мои взрослые дети.

Дети же здоровы и довольно бодры, особенно Маша, она не теряла равновесия и даже хорошего настроения в самые трудные минуты, бегала под обстрелом от бабушки к бабушке, таскала вещи, заколачивала окна, устраивала "уют", зарабатывала нам хлеб стиркой, спит все время на полу, без угла, и ни разу не жаловалась. Лиза же и Дима,

хотя много работали и сейчас работают (на них снабжение дровами, добыча конины и т.д.), и Дима меня неизменно сопровождал в самых трудных экспедициях...

“Пять бабушек”, проживавших в это время в доме, — мать Натальи Дмитриевны и две ее сестры, а еще свекровь Гизелла Яковлевна, Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович. Всем за семьдесят. Две старушки за время оккупации умерли...

Не могу не привести отрывок из незаконченного и неотправленного письма, написанного Натальей Дмитриевной Шаховской своему мужу, о. Михаилу Шику, которого к тому времени уже пять лет как не было в живых, из больницы, за несколько дней до смерти:

16 мая 1942

Дорогой мой бесценный друг, вот уже и миновала последняя моя весна. А Ты? Все еще загадочна, таинственна Твоя судьба, все еще маячит надежда, что Ты вернешься. Если Ты и вернешься, мы уже не увидимся, а так хотелось Тебя дождаться. Но не надо об этом жалеть. Встретившись, расставаться было бы еще труднее, а мне пора. Я знаю, милый, что, если бы Бог судил нам провести старость вместе, мы бы жили с Тобой хорошо... Весной 39-го года я вышла в сад и с тоской подумала: зачем все так цветет, когда друг мой этого не видит. Лучше уж бы везде была пустыня. И точно накликала беду. В следующую весну уже ничего не цвело...

...Миша, какие хорошие у нас дети! Этот ужасный год войны раскрыв в них много, доразвил, заставил их возму-

мать, но, кажется, ничего не испортил. Дима за последний год вырос в сознательного, глубоко убежденного христианина. Я очень с ним сблизилась. Никогда он, верно, не забудет, как мы сидели в убежище, когда с воем, с визгом летела с неба бомба... Он помертвел: "Мама, к нам, к нам". Я сказала: "Молись, Дима", — и он снял шапку и долго истово крестился. "Ну, Дима, — живы..." Бедный мальчик, сколько ему пришлось пережить... (Письмо не окончено.)

Я познакомилась с Димой Шаховским в семидесятых годах прошлого века. Ему было около пятидесяти... Людей этой редкой породы я до тех пор не встречала.

С отрочества он рос мужчиной — тянул весь дом. Земля, вода, дерево, глина — деревенская жизнь была ему близка, с этой материей сроднился. Городской человек навсегда упрячивает в себе эту природную жизнь, но Дима с ней никогда не расставался. И чувствовал себя лучше всего на свободе — в деревне Акатово, в лесу, на речке... возле земли и воды. Все знал и умел: наловить рыбу рано утром — не для мальчишечьей забавы, а семье на обед, — наколоть дров, управиться с огородом...

Выглядел Дима всегда так, как будто ему легко жить. Без натуги. Насмешливый и неосуждающий, строгий к себе и терпимый к окружающим, окруженный выводком детей, своих и соседских, он обладал всеми качествами, которые так ценятся мальчишками: ловок, быстр, рукаст — мог все починить и все построить. Никогда не видела его верхом на лошади, но у него были ухватки и движения всадника. Словом, настоящий джигит.

В Крыму, в Судаке, где наша большая компания летом пасла детей, случалось большое счастье, когда

приезжал Шаховской. Он украшал собой ночные посиделки с местным портвейном и расстроенной гитарой, и все это в воздухе крымской легкой любви, детских карнавалов, завязывающихся на глазах браков и адюльтеров. А поутру Дима, не знающий похмелья, с кучей ребят поднимался на гору Георгия, на Таракташ или совершал пешеходный бросок на мыс Меганом. Как легко и красиво он ходил, и все подтягивались под его экономный и ловкий шаг.

Шаховского все любили. Самые разные люди. Кто не любил, тот уважал, но вообще-то он был в своем кругу патриархом, советчиком и безусловным моральным авторитетом. Легко общался и с мастеровым, и с интеллигентом, и с аристократом, и с крестьянином — наверное, потому, что все эти социально читаемые свойства в нем сошлись редким образом. Впрочем, к интеллигентам Шаховской относился несколько настороженно. Так, по крайней мере, мне казалось. МОСХовское начальство его как раз сильно не любило и побаивалось. Говорил он всегда что ду мал — и лично, и публично. Не обличал никого, но называл вещи своими именами. Андрей Красулин как раз вспоминает, как на какой-то МОСХовской конференции, когда обнаружилось чье-то мелкое жульничество, он назвал прилюдно всё своими именами, и от стен торжественного зала, опекаемого ГБ, отделились как тени топтуны и забегали... Докладывать куда надо? Независимость — вообще редкое качество, особенно для художника, особенно в России, особенно для сына расстрелянного священника.

И был он христианин. Его христианство было с детства впитанное, семейно-домашнее, совершенно не натужное, как у нас, новообращенных шестидесятих годов. И было в Диме еще одно качество, которое

очень трудно определить: легким движением руки он мог отвести удар, неприятность. Ему была дана какая-то маленькая и таинственная власть над обстоятельствами. А может, это и не власть вовсе, а способность к мгновенной мобилизации? Трудно пример привести. Ну, пьяный приятель бросает Андрею в голову табурет, а Дима подставляет руку и табурет летит мимо. На Диминой руке огромный синяк. Но голова Андрея цела...

Мне Шаховской очень нравился. Но он не был моим другом. Более того, Диме я определенно не нравилась. Он был ближайшим другом Андрея. В те далекие семидесятые Андрей не был мне мужем. Он был любовником, и не мне одной. Шаховской неодобрительно относился к такой вольности нравов и отношений, но никогда ни словом, ни взглядом этого не демонстрировал.

Длилось это лет двадцать. И все эти годы я решала эту тонкую задачу, поставленную Димой: как любить человека, который тебя не любит. В те времена мне еще нравилось нравиться. Но, в конце концов, бывает же на свете любовь без взаимности. Решила, что это надо "принять как факт". Чувствуя Димино прохладное отношение, я и не приближалась к нему на близкое расстояние. Но это не мешало моему восхищению Князем. Так мы и жили, изредка встречаясь в основном у Андрея в мастерской, общались по касательной много лет. Да и с Андреем в те годы отношения были сложными и неровными. Всем было трудно.

Как пишут в старомодных романах: и прошли годы. Однажды Дима позвонил мне и сказал: Люська, мне надо с тобой посоветоваться...

Я совершенно не помню, о чем он хотел со мной посоветоваться, но запомнила мое восторженное изум-

ление... может, Дима не так уж плохо ко мне относился? Может, за эти годы он ко мне переменялся? Мои психологические судороги закончились; с тех пор наши отношения с Димой были самыми теплыми. Но какой урок я получила! Я научилась любить без взаимности... совершенно бескорыстно и без всякой надежды.

Наверное, с того момента я и перестала его побаиваться и смогла ближе узнать. И работы его узнавала. Он с ними нисколько не носился, не особенно показывал. Был в работе немногословен. Сообщение свое делал один раз: один раз "Свадьба", один раз "Рождение", один раз "Прощание". Дерево было его любимым материалом, и он был с деревом в близких отношениях, со взаимным, я бы сказала, пониманием. Он его тронет топором, и оно сразу отвечает. Андрей совсем иначе работает: входит в какую-то тему и в ней проживает довольно долго. Высказывание Андрея не единичного характера, как у Димы, а разговор на тему... А у Димы — одно касание, и все. Между ремеслом и творчеством не было никакой разницы. То есть ремесло и было его творчеством. И теперь, когда Димы уже три года как нет, эти работы его становятся всё значительней и мощней.

Осталось несколько больших заказных скульптурных работ, некоторые всем известные: часы на Кукольном театре Образцова (совместно с Павлом Шимесом), памятник Мандельштаму совместной работы с Леной Мунц. Замечательная памятная доска Мандельштаму на здании Литературного института на Тверском бульваре, где Мандельштам жил недолгое время.

Были у Димы и совместные с Андреем Красулиным работы. Когда-то оба они строили деревянных

ангелов — возникла в те годы потребность в вертикали, которая существует между небом и землей и порой страшно ослабеваает. Советское время было плоское, с утраченной вертикалью, и те, кто это чувствовал, искали эту связь разными путями: стучались кто в христианство, кто в буддизм или в разного рода эзотерику.

Поставили Дима с Андреем памятный крест погибшим на строительстве канала “Москва — Волга”. Лестница в небо.... И еще настроили из щепок и палок целую армию деревянных ангелов, курьеров утраченного измерения. В каждом доме друзей стояли или висели эти маленькие скульптуры, а сейчас и в Русском музее остались эти ангелы: огромные, деревянные, без всякой способности к полету...

Наташа Шаховская, старшая дочь Димы, и по сей день вырезает каким-то ловким движением ангелов из бумаги, второго поколения существа.

Эти ангелы, деревянные и бумажные, остались теперь для всех нас памятью тех лет, когда православие было полукатакомбным и не утратило черт того раннего христианства, которое к власти не стремилось и к ней не подлаживалось.

30 июля 2016

Перемена планов: 28 июля умер Дима Шаховской; я узнала через час после того, как он умер, — позвонил Ника Борисов из Латвии. И я заторопилась... лечу в М-ву на два дня раньше, чтобы попасть на похороны. И лечу через Рим, в бизнес-классе, других билетов не было. Он ушел раньше, чем умер, — весь последний год уже не присутствовал здесь, смотрел в другие места, нездешние. Написала о его смерти

Вовочке Радунскому и Грише Фрейдину. Обоих касается: Гришка прислал письмо с фотографией восьмидесятых годов — “когда мы были молодыми...”.

Дима, Андрей и их друг Володя Кормер были “великолепной семеркой” в московской среде того времени. Когда эта “великолепная тройка-семерка” появлялась в застолье, все прочие мужчины могли уходить: центр общения мгновенно смещался в сторону остроумных блестящих “волхвов”, как их прозвали в то время. Но главным “волхвом” был Шаховской.

Что там они приносили в подарок? Золото, смирну, ладан? Водку? Нечто большее — радостное чувство единения и дружества. И почему-то — защищенности.

Дима Шаховской — свидетель нашей жизни и более ранней Андреевой, и нет теперь “трех волхвов”, которые пришли в дом Борисовых, когда принесли из роддома Нику... Давно умер Кормер, теперь — Димка, и остался последний из троих — Андрей.

3 августа 2016

В Москве — московское время, в десять раз быстрее, чем где бы то ни было. Так странно, что я всего три дня как в М-ве. Ожидание дня похорон Димы Шаховского. Это притча от ДШ, который говорил, что “никуда опоздать нельзя”. Он действительно не заботился о времени и приходил не к назначенному времени, а когда получалось. В этом был отчасти отказ от общественных ритуалов — он соблюдал другие, собственные. Другое его высказывание, не менее важное, — “Оставьте себя в покое”. Андрей мне иногда, когда я особенно себя загоняла, напоминал об этом Димкином суждении. И на этот раз именно об этом все события мне и напомнили.

Долго не могли утрясти с кладбищем: на Донском, где лежат все Шаховские, уже не хоронят новых покойников, только Солженицына “приняли”, Дима и поставил крест на его могиле. И на Ваганьковском, где место у Фаворских, тоже давно не хоронят. Договорились на Троекуровском. Но во вторник! То есть вчера. То есть — опоздать мне было никак невозможно, приехала бы по своему имеющемуся билету и как раз попала бы на похороны.

...В Москве жара, та же самая, что и в Италии. 32 градуса. Но моря нет. Духота. Тяжко. В церкви на Красносельской отпевание, конечно, у отца Валентина Асмуса, прохладно и много народу. Народ всё знакомый, все целуются не только потому, что в церкви, а потому, что давние друзья и видимся теперь редко. Дети подросли, неузнаваемы, но читаются родовые знаки Шаховских потомков.

Отец Валентин, смолоду стилизованный под патриархального батюшку XIX века, наконец достиг момента, когда стилизация закончилась: он стал ровно тем, чем хотел казаться. Служил он долго, без купюр, и две певчие были чудесные. Одна регентовала, махала тонкими ручками так, как будто перед ней большой хор, а у нее всего одна певчая. Стоял в толпе Боря Пастернак, дед которого дружил в давние годы с дедом Асмуса, переделкинские друзья-соседи и собеседники.

Было человек сто, но храм огромный, так что толчеи никакой не было. Коля Наседкин все снимал — он теперь стал фото- и киноменам.

На лавочке у гроба сидели самые близкие: Лёля Мурина, Вика Корноухова (приехала специально из Тбилиси, это сванская линия в Димкиной жизни, он очень любил Ордывана, отца Вики), вдова Димочкина Маша Фаворская, хрупкая, тонкая, совершенно отстраненная... Долгий непростой брак.

В этом православном кругу всё было как у других людей — только эти на исповедь ходили и калялись на Страстной неделе. Но сейчас в церкви, где стоят люди, прожившие эту жизнь, всё не то что прощено, а полностью растворено, смыто временем и усилием сохранять человеческие отношения. Синоним — “возлюбите ближнего”. И это чувство прощения и любви просто переполняет церковь...

Потом поехали в Новогиреево, в дом Фаворского, который на самом деле не только Фаворского, а еще и Голицына, Ефимова и многих художников-потомков.

“Красный дом”. Вокруг была военная часть, до сих пор, кажется, еще существующая, деревянные домики. Деревня. Тогда это было “далеко от Москвы”...

Четыре мастерских, четыре квартиры. Двор, каких теперь нет. Сохранился... Сад с настоящими яблонями, которые в этом году отдыхают. Сарай. Мастерские... Собаки, которые сменились на моей памяти раз пять. Сейчас милейшая коричневая толсто-плюшевая полупородистая тварь и всегдашняя волчатого цвета дворняга. Кошки. На этот раз вышла роскошная черная, других видно не было.

Дом стоит как остров в океане новостроек, уже старых новостроек. Когда-то этот краснокирпичный дом был загородным, два с половиной этажа, большой участок, сад, качели, сетка для игры не знаю во что, керамическая мастерская, скульптурный сарай, где Андрей однажды чуть не разбился. Монтируя рязанский рельеф, упал с лестницы, которую Димка плохо “связал”. А там метров восемь высоты. Благовещенский его чудом поймал.

Дом вполне живой, жилой, только в нем живет теперь народу раз в десять больше, чем в давние времена. Внутри — не “пять звезд”. Эти роскошные люди, которые в нем жили — и Фаворский, и Димка, и Илларион Голицын, да и теперешние, — отказались от всякой “пятизвездочности”.

Дима любил всяческую русскую жизнь, косил он не хуже крестьян, мог избу построить, понимал дерево и, всякий “бросовый” материал. Андрей много от него получил в юности, а в более поздние годы и Дима мог от него получить немало.

Когда — сколько лет прошло! — узнали, что отец Димы, священник Михаил Шик был расстрелян на Бутовском полигоне, Дима поставил там большой крест, а потом и деревянную церковь новомучеников XX века...

Кажется, именно с тех пор Дима и перестал заниматься скульптурой. Рисунки же его были прекрасны. Один, на античную тему, подаренный им, висит у меня. Женская фигура, Федра, кажется...

Лёля Мурина на поминках говорила о том, что Димка был немногословен как художник, и это правда. Они из семидесятых–восьмидесятых. Этим немногословных тогда называли “суровый стиль”... Последние годы Дима почти не работал. Андрей считает, что Димке надоело работать, что он вообще мог и без этого жить, что это лень. Значительно сложнее, конечно. Кто знает, какая работа проходила в душе и не важнее ли она любых деревянных изделий...

Вчерашняя картина: во дворе, параллельно стене дома, стоял длинный, сколоченный по этому случаю стол. Рядом была прорыта дренажная канавка — по той причине, что в день Ильи-пророка полагается быть грозе. От края крыши натянут полиэтиленовый тент, привязанный к деревьям сада. Деревья большие, веревки толстые, немного напоминают корабельные снасти почему-то. Надо сказать, что гроза ближе к вечеру пришла — и загромыхало, и с тента сливалась вода в дренажную канаву, и видно было, что Димкина сноровка передалась и Ване...

И человек сто народу. Ваня Шаховской, очень человек скромный и всегда в тени, занял место Димки уже оконча-

тельно — хотя последние годы он и так все дела семейные вел. Наташка — да сколько ей лет, уже за 60, наверное? — похожая на отца, с дивным лицом. У Рембрандта старух мало, больше стариков, но она могла бы быть рембрандтовской старухой. А Дашка Шаховская, всегда прелесть какая — фаворской скорее породы, — после смерти Володечки Сарабьянова стала изумительно красивой вдовой. И вспомнила Лёлин рассказ о том, как у них сложно начинался роман с беспутным в те годы Володечкой Сарабьяновым и как всё сладилось. Володечка с Дашкой прожили лет двадцать пять, до самой его смерти. А сын их Миша так похож на Володечку, что я каждый раз, когда его вижу, испытываю смятение...

Нет, рассказ об этом дне невозможен без вставных новелл, но тогда это будет роман, а я его частично и написала — “Медея и ее дети”...

В качестве отступления: когда я говорю, что жить хорошо за границей, но вся жизнь происходит здесь, именно это я и имею в виду. Все идеи мировой сети, которые в последнее время столь популярны, мы давно уже реализовали в этой нашей локальной сети без названия. ДШ — это сервер, обслуживавший тех, кто этого хочет, но не всех. Кой-кого не примут. Изредка так бывало. Быть в этом кругу почти означало отказ от способа жизни, принятого в то время. А входили туда по преимуществу люди искусства, христиане, не играющие в игры с государством, порядочные и пытающиеся жить несколько патриархальной жизнью. Не совсем получалось: но были Пасхи и Рождества, крестины и венчания, отпевания, а вот первомаев и седьмышноябрей в помине не было. И мое столь длительное и трудное стояние в храме отчасти было связано с моей тягой к этому кругу, к участию в их жизни. Не вполне получалось. Душа не терпит насилия, поэтому я там и не устояла. А моя душа еще и не любит дисциплины... Я счастли-

ва этой моей долгой жизнью на окраине лучшего из всех слоев общества советского времени. Но и тут, всех этих прекраснейших людей любя, я не устояла — меня оттуда, похоже, вымыло. Но теперь это не важно.

Дима в гробу лежал в образе старца — вся его веселость, дерзость, смелость, остроумие уже не имели значения и не отражались никак на его облике. Все чаще приходит в голову мысль, что все наши умершие друзья святые или, во всяком случае, несут на себе тень святости. И смерть Димкина оказалась праздничной: яркий день, гроза, множество детей около гроба. И еще — похороны пришлись на Илью-пророка, когда Дима Шаховской с Машей Фаворской венчались...

Целый год после Диминой смерти Андрей рисовал его портреты. Как-то совершенно ненамеренно: возьмется за какую-то работу — и снова Димин портрет. Долго не уходил. В конце концов я сказала: не держи его, отпусти... Но что мы знаем о том, как устроена память, как работает связь между живыми и мертвыми?

Складываю в шкаф папки, стопки, тетрадки и разрозненные листочки с нерасшифрованными записями. Почерк ужасный, в пору графолога приглашать. Не все мне удалось прочитать. Думаю, что достаточно и того, что я собрала. Осталось еще кое-что. Это последняя работа, сделанная совместно с мужем, Андреем Красулиным, художником. И в этом качестве он мне очень нравится. Он так устроен, что природа художника определяет личность.

Изредка случается, что мы удачно совпадаем в нашей работе. Иногда просто немного подкармливаемся друг от друга. Он гораздо более образованный, чем полагается художнику, но и я понимаю в его ремесле немного больше, чем рядовой любитель красивых картинок.

В минувшем году мы совпали удивительным образом, и сейчас мне трудно сказать, кто из нас первым произнес слово “инвалид”. Скорее, Андрей. Он еще лет двадцать тому назад нарисовал портрет своего отца, Николая Петровича Красулина, инвалида войны, участника трех войн — Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной. Портрет нарисован легко, можно даже сказать, небрежно, на большом листе довольно мятой бумаги. Он как будто уходит, опираясь на костыль, и слегка огляды-

ваются. Николай Петрович Красулин и вправду уходил. И вскоре он ушел окончательно. Но не совсем...

Возникла большая серия, которая называется "Инвалид": там скульптуры инвалида на коляске — в картоне, в дереве, в бронзе. И множество рисунков. Я от этих инвалидов до сих пор не могу оторваться. Мы решили сделать такую рукотворную книгу — мой текст и эти рисунки. Эта книжка уже в работе. Делают ее наши молодые друзья-художники — Дима Пошвин и Женя Колесникова. На днях принесли первые листы. Мой текст и Андреевы рисунки. Есть и коробка, в которой лежит маленькая бронзовая отливка — инвалид. Оказалось, что эта пока не состоявшаяся книга — самая для меня важная.

Инвалиды

Честное слово “инвалид” не так давно отменили — вместо него принято политически-корректное выражение “люди с ограниченными возможностями”. Это корявое словосочетание плохо вяжется с теми, кто пришел с войны искалеченным...

Каждый человек, даже вполне здоровый, — существо с ограниченными возможностями: птицы видят лучше нас, собаки слышат лучше нас, гепарды бегают быстрее нас, а обезьяны лучше нас прыгают по деревьям. Но человек превосходит животных тем, что ему даны разум, совесть, чувство чести и чувство долга. Есть среди нас люди, которых еще недавно называли инвалидами, — потерявшие руки и ноги, носящие на себе шрамы и ожоги, изувеченные последней большой войной, несчастным случаем или от рождения несущие дефекты. Возможности этих людей ограничены в сравнении с большинством из нас, тех, у кого руки-ноги в полном комплекте, глаза видят, уши слышат.

Есть, однако, чисто человеческие качества, в животном мире не встречающиеся, и именно они отделяют нас от изумительного, совершенного по красо-

те и мудрости устройства животного мира: от змей и осьминогов, котов и обезьян. Имею в виду чувство милосердия, сострадания, собственного достоинства. Но вместе с тем именно люди проявляют порой такую свирепую и чрезмерную жестокость по отношению друг к другу, какой не бывает среди животных. Пищевые цепочки животных не оставляют инвалидов. Это закон выживания животных — поедать друг друга. Сильные поедают слабых...

Человек убивает себе подобных не для выживания. Люди не едят себе подобных, но убивают друг друга и калечат. Результатом больших войн и малых конфликтов оказываются не только миллионы трупов, но и армии инвалидов.

Как же относилось общество к инвалидам? К военным инвалидам большой войны, которая закончилась в 1945-м, и всех последующих, малых. И тех, кто от рождения инвалид...

Общество — это мы с вами, и тогда, и теперь. И как это общество относится сегодня к инвалидам детства, к колясочникам и увечным, часть которых и теперь содержится в закрытых интернатах?

* * *

Всю жизнь я не могу освободиться от засевшей в глазах картинки, увиденной году в 47-м четырехлетней девочкой в московском дворе... Я в шубе, сшитой бабушкой из желтого плюшевого одеяла, стою между бараками, палисадниками и рвущимся под ветром бельем на веревках и, задрав голову, наблюдаю, как тетя Граня тащит на второй этаж по лестнице, пристроенной с внешней стороны дощатого дома, своего

безногого мужа дядю Васю... Хлипкая лестница, он сидит у нее на закорках, она поддерживает его снизу за задницу, а он одной рукой держится за ее плечи, а другой норовит ударить жену по голове и выкрикивает слова, которых я не понимаю...

В следующем году он умер, замерз зимой под этой самой лестницей. Хоронили всем двором. На доминошном столе стоял гроб. Тетя Граня выла. Детей у них было трое, один довоенный, двое послевоенных. Двоих не помню как звали, младшая девочка была Наташка.

В моей коммунальной квартире на "семь комнат — семь семей" жила семья Ипатовых: Филипп, Валентина и их сын Гена, младше меня года на три. Филипп был высокий, тощий и запомнился мне очень красивым. Был он фронтовик, инвалид, и, хотя руки-ноги у него были целы, после ранения в грудь развился у него бешеный туберкулез, открытая форма. Ходил по длинному коридору, кашлял и харкал на пол. Жена его Валька бегала за ним с баночкой и кричала: Филипп, не плюй на пол, в банку плюй!

Он сильно пил и колотил эту несчастную Вальку. Однажды поленом отходил ее по спине и по животу так, что забрали ее в больницу, сделали операцию, начался перитонит. Вырезали все ее женские потроха. Инвалидностью это не считалось.

Полено, между прочим, было наше: у всех соседей печки топились изнутри комнат, а у нас — из коридора, и поленица стояла в коридоре, под руку ему попала. В коридор меня мама не выпускала.

Филипп кричал: я помру, а ты... (далее слово непонятное) со всеми подряд будешь!

Было этим супругам года по двадцать два — двадцать три...

Потом Филипп и вправду умер, как и обещал, гроб его стоял на большой коммунальной кухне, и он был первый мертвец, которого я в жизни видела.

Туберкулезом заразились мы оба, его сын Генка и я. Год это был 48-й или 49-й. Нас с Генкой тогда вылечили... А Валька потом вышла замуж за милиционера, красномордого и добродушного... И тут прав оказался Филипп. Одного только не сообразил: сын его Генка тоже умер от туберкулеза, правда, много лет спустя...

Сколько же инвалидов было в нашем дворе? Дядя Вася без обеих ног, дядя Дима без одной ноги, Ефим Припадочный, тоже без одной ноги, но и руки была половина... А сколько их было после войны по всей России!

Испокон веку на папертях стояли калеки, просили милостыню. В те годы папертей не хватало: за годы советской власти церквей поуменьшилось, их закрывали и разрушали, а инвалидов сильно прибавилось. Они толкались возле рынков и пивных, просили милостыню, выпивали... В набитых пригородных электричках по проходу непременно ехал на своем самодельном "скейте" на подшипниках безногий человек: либо пел, либо играл на немецкой губной гармошке — почему-то именно ее я отчетливо помню.

В первые послевоенные годы на улицах инвалидов были тысячи. Если точнее, миллионы... Это не преувеличение. Это преуменьшение. Есть точные официальные цифры, которые страшно произнести: "По данным Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге, в ходе Великой Отечественной войны ранения получили 46 миллионов 250 тысяч советских граждан. Из этого числа около 10 миллионов верну-

лись с фронта с различными формами инвалидности. Из этого числа 775 тысяч с ранениями в область головы, 155 тысяч с одним глазом, 54 тысячи ослепших... Одноруких 3 миллиона 147 тысяч... Одноногих 3 миллиона 255 тысяч. Безногих 1 миллион 121 тысяча... С частично оторванными руками и ногами 418 905. Так называемых самоваров, безруких и безногих, — 85 942”.

Вот отрывок из горького интервью маршала Ивана Степановича Конева, фигуры, надо признать, весьма двусмысленной: “Какими хамскими кличками в послевоенном обиходе наградили всех инвалидов! Особенно в собесах и медицинских учреждениях. Калек с надорванными нервами и нарушенной психикой там не жаловали. С трибун ораторы кричали, что народ не забудет подвига своих сынов, а в этих учреждениях бывших воинов с изуродованными лицами прозвали «квазимодами» («Эй, Нина, пришел твой квазимода!» — без стеснения перекликались тетки из персонала), одноглазых — «камбалами», инвалидов с поврежденным позвоночником — «паралитиками», с ранениями в область таза — «кривобоками». Одноногих на костылях именовали «кенгуру». Безруких величали «бескрылыми», а безногих на роликовых самодельных тележках — «самокатами». Тем же, у кого были частично оторваны конечности, досталось прозвище «черепахи». В голове не укладывается!”

И все-таки этим безруким и безногим повезло: они выжили. По последним рассекреченным цифрам, общая убыль населения в СССР за 1941–1945 годы — более 19 миллионов военнослужащих и около 23 миллионов гражданского населения.

По лесам, полям и оврагам России и Европы остались истлевать без погребения более двух миллио-

нов военных. Похоронных команд в армии тех лет не было — таково было распоряжение вождя. Эти люди числились пропавшими без вести. “Похоронки” на них не приходили. “Пропал без вести” — и их вдовы и сироты оставались без государственного пособия.

Часть этих семей оказалась в огромной армии нищих. Но не они и не бежавшие от колхозов оголодавшие крестьяне составили большинство в этой армии людей, просящих милостыню. По сохранившимся милицейским отчетам, 70% задержанных нищих составляли именно инвалиды войны, вчерашние герои и орденосцы...

Общей оценки численности нищих нигде не приводится. Скорее всего, ее и не было.

В 1947 году ноябрьским праздником мы гуляли с отцом по улице; всюду висели красные флаги и написаны были буквы:

Я, пятилетняя, спросила отца:

— Папа, почему всюду висит “ха-ха-ха”?

Грамотная я была девочка, но римских цифр еще не знала. Отец дернул меня за руку так сильно, что я запомнила этот эпизод на всю жизнь...

В 1948 году страна начала подготовку к великому юбилею, семидесятилетию Сталина. А летом 1949 года перед Кремлем, на Красной площади прошла демонстрация инвалидов-фронтовиков — “костыльников”, “колясочников”, “ползунов”... Страшно не понравилось это вождю народов. И он отдал распоряжение: “Очистить Москву от «мусора!»” И правоохранительные органы принялись убирать с улиц городов всех нищих и инвалидов, чтобы те не портили красивой картинке послевоенной жизни. Это повеление Ста-

лина было началом большой кампании, растянувшейся на много лет.

В 1949 году акция по очистке города была проведена: тысячи нищих, большинство которых были инвалидами, были выселены из городов.

Города начали последовательно “санировать” — нищих и инвалидов собирали по ночам специальными нарядами милиции и органов госбезопасности, отвозили на железнодорожные станции, грузили в теплушки, инвалидов отправляли в дома-интернаты. Паспорта и солдатские книжки при этом отбирали.

В 1951 году было принято секретное постановление Совета министров СССР “О мероприятиях по ликвидации нищенства в Москве и Московской области и усилению борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами”.

Вот небольшая официальная сводка из милиции, относящаяся к тем временам: “Во втором полугодии 1951 года задержано 107 766 человек, в 1952 году — 156 817 человек, в 1953 году — 182 342 человека... Среди задержанных нищих инвалиды войны и труда составляют 70%...”

С домами инвалидов и интернатами было из рук вон плохо. Глава МВД СССР Круглов докладывал в ЦК, что милиция вынуждена отпускать задержанных калек, так как содержать их просто негде. При этом предлагал ужесточить репрессии и держать инвалидов-побирушек в камерах до тридцати суток. Одновременно министр МВД просил ЦК партии ускорить строительство домов инвалидов, улучшить их обеспечение, а также рассмотреть вопрос об увеличении пенсий. Было принято постановление о строительстве 35 домов инвалидов. К 1954 году было построено всего четыре.

Прошло еще пять лет, и уже при Хрущеве в 1956 году инвалидам стали давать государственные пенсии, были введены льготы.

Дома-интернаты для инвалидов располагались в отдаленных, скрытых от глаз людей местах, очень часто в заброшенных монастырях: на острове Валаам, в Кирилло-Белозерском, Александро-Свирском, Горницком монастырях, в Нило-Сорской пустыни. Инвалидов из Москвы свозили в закрытый климовский Покровский монастырь и в Ногинск, где палаты для безногих фронтовиков были устроены в бывшем лагере для немецких военнопленных, в заброшенном Оранском монастыре.

Как жили-доживали свои годы эти бывшие солдаты-инвалиды? Таких горестных историй тысячи тысяч. Вот одна, наверное, самая трагичная история из жизни военных инвалидов.

ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ

Остров Валаам. Неизвестный...

В 1974 году на остров Валаам прибыл художник Геннадий Добров, решивший описать быт дома инвалидов, о котором ходили смутные слухи на материке. Почти тридцать лет прошло с войны, и многие инвалиды уже умерли. Геннадий Добров оставил нам портреты тех, кто к тому времени еще был жив. Он устроился в дом инвалидов санитаром, но главным его делом было рисование портретов валаамских инвалидов-ветеранов. Это был профессиональный подвиг: благодаря Геннадию Доброву сохранились лица тех безруких, безногих, слепых и изувеченных лю-

дей, которые защитили мир от фашизма. И о которых мир забыл...

. Самым тяжелым местом на Валааме считался Никольский скит, там все “насельники” были лежачие. Однажды Добров посетил Никольский скит, закрытое отделение — для “психических”. Там много лет лежал человек без имени, без рук, без ног, потерявший и речь, и память... Неизвестный солдат в полном смысле этого слова: его личное дело не содержало никаких о нем сведений.

Геннадий Добров так описывает эту встречу: “Захожу еще в одну комнату, смотрю — лежит человек. Без рук, без ног. Но лежит на чистой кровати, укрытый чистым одеяльцем таким маленьким, простыню. И подушка у него, всё очень чисто. И он только на меня смотрит, смотрит... Вижу — это молодой как бы... молодой солдат, ну, как вот бывают новобранцы, но потом смотрю — нет, это уж не такой и молодой... у него лицо застыло в том состоянии, когда его контузило. И с тех пор оно не стареет... И смотрит на меня, ничего не может сказать. А мне потом сказали нянечки: «Да, его так привезли откуда-то. И он ничего не говорит, он контужен. И документов никаких при нем не было. И его история болезни чистая, ничего там не написано — кто он, откуда, кто его родители, где он служил, в каких войсках...»

Взял доску свою, взял бумагу, карандаш и прибежал обратно... стал его рисовать. А он как лежал в одном положении, так и лежит. Как смотрел на меня первый раз, так и смотрит таким же взглядом ясным, таким чистым, таким проникновенным. И я его очень быстро и совершенно легко нарисовал...”

Директор дома инвалидов, узнав о том, что санитар тайком от начальства рисует портреты пациентов, пришел в ярость и выгнал художника с острова.

Многие годы эти портреты оставались под запретом: их не публиковали, не выставляли, — и только в 1994 году серию работ “Автографы войны” представили на выставке. И тогда произошла невероятная история: портрет этого “неизвестного самовара” увидел молодой человек, Николай Волошин, и узнал в нем своего отца, которого семья считала погибшим. Сличили все сохранившиеся фотографии и убедились, что на портрете Доброва изображен Григорий Волошин.

В том же 1994 году Николай Григорьевич Волошин приехал на Валаам. К тому времени изображенный на портрете человек уже умер. Сын поставил памятник на безымянной могиле на самом краю Игуменского кладбища. Это был единственный памятник с именем среди стгнивших и упавших крестов со стершимися от времени именами, с остатками фамилий военных инвалидов.

Николаю Волошину не удалось найти никого, кто бы помнил о “неизвестном солдате”. Уже не было нянечек, выносивших “самоваров” на прогулки, не было и того директора... Инвалиды-фронтовики к тому времени все тихо ушли, не обременяя никого лишними хлопотами и ненужными переживаниями, как того и хотел товарищ Сталин.

Вася Петроградский. Хор инвалидов

Это история о том, как яркий и одаренный человек преодолевал все невзгоды и одержал моральную победу в противостоянии с выпавшей на его долю жесто-

кой судьбой. Художник Эдуард Кочергин, сын репрессированных родителей, детдомовец, сбежавший на свободу и скитавшийся до освобождения матери по улицам, написал книгу о том времени, о себе и об армии нищих, среди которых жил до 1953 года. В своей книге он рассказывает о Васе Петроградском. На войне тот потерял обе ноги, передвигался, как и большинство безногих инвалидов, на самодельной тележке, отталкиваясь двумя “утюжками”. Добравшись до очередного шалмана, брал в руки баян и запевал любимые народом песни про Сталина. Везде ему наливали. Набравшись изрядно, он засыпал на скамейке. В Питере его хорошо знали, любили за его веселый нрав. Он даже умел народ подбить на хоровое пение. Большим успехом пользовался у баб, промышлявшим древнейшим ремеслом.

Когда стали выселять из города инвалидов, его провожали как любимого товарища — с подарками и припасами еды. Время было голодное.

“...Петроградские жильцы его звали просто Моряком. Он им и был. Только война обрубила ему мощные ноги по самую сиделку... и посадила бывшего матроса... в тачку — деревянный короб на шарикоподшипниковых колесах, а в ручищи дала толкашки для уличного передвижения... Передвигался он, жужжа, по улицам и переулкам от одного питейного шалмана к другому...”

В своей шумной тачке, со старым клееным баяном за спиной, в неизменном флотском бушлате, в заломленной бескозырке и с бычком папиросы «Норд», торчащим из-под огромных усов, начинал он поутру свое «плавание» по пьянским местам петроградских островов. Обладая явными хормейстерскими и организаторскими способностями, он у всех

рундуков, куда «приплывал» после третьего захода, командовал: «Полундра! Кто пьет, тот и поет, — начинай, братва!» И через некоторое время безголодые, никогда не певшие чмыри-ханырики со стопарями водки и кружками пива в узлах рук сильными, пропитыми голосами пели тогдашние «бронетанковые» песни:

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет...

“...В момент отправки в «специально созданные монастыри» или дома инвалидов далеко за пределы Питера его (Васи Петроградского) невским пароходом на площадь перед речным вокзалом с Петроградской явилась провожать делегация невских «дешёвок», в полной флотской форме, с медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу в Великой Отечественной войне» на подтянутых грудях, и вручила отутюженному и нафабренному Василию подарок — новый баян... На латунной табличке, привинченной маленькими шурупчиками к перламутровой клавишной части баяна, было выгравировано памятное посвящение: «Гвардии матросу Краснознаменного Балтийского флота Василию Ивановичу от любящих его петроградских девушек на долгую память...» И три ящика «Тройного одеколона», к которому Вася был особо пристрастен”.

“...Самое потрясающее и самое неожиданное, что по прибытии на место наш Василий Иванович не только не потерялся, а даже наоборот, окончательно проявился. В бывший женский монастырь в Горицах

со всего северо-запада свезены были полные обрубки войны, то есть люди, лишенные рук и ног, называемые в народе «самоварами». Так вот, он со своей певческой страстью и способностями из этих остатков людей создал хор — хор «самоваров» — и наконец в этом обрел свой смысл жизни”.

“...Летом дважды в день здоровые вологодские бабы выносили на зелено-бурых одеялах своих подопечных на «прогулку» за стены монастыря, раскладывая их на поросшей травой грудины круто спускавшегося к Шексне берега”.

“...Раскладывали их... по голосам. Самым верхним клали запевалу — Пузырька, затем высокие голоса, ниже баритоны, а ближе к реке басы”.

“...Вечером, когда к пристани внизу пришвартовывались и отчаливали московские, череповецкие, питерские и другие трехпалубные пароходы с пассажирами на борту, «самовары» под руководством Василия Петроградского давали концерт. После громгласно-сиплого: «Полундра! Начинай, братва!» <...> раздается звонкий голос Пузыря, а за ним страстно-охочими голосами мощный мужской хор подхватывает и ведет вверх по течению реки Шексны морскую песню:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали...
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли...”

“...Пассажиры (трехпалубных пароходов) замирают от неожиданности... Они встают на цыпочки и взбираются на верхние палубы своих пароходов, стараясь увидеть, кто же производит это звуковое чудо.

Но за высокой вологодской травой и прибрежными кустами не видно обрубков человеческих тел, поющих с земли. Иногда только над листвою кустов мелькнет кисть руки нашего земляка, создавшего единственный на земном шарике хор живых торсов...

Очень скоро молва о чудесном монастырском хоре «самоваров» из Гориц... облетела всю Мариинскую систему, и Василию к питерскому титулу прибавили новый, местный. Теперь он стал зваться Василием Петроградским и Горицким”.

“...А из Питера в Горицы каждый год на 9 Мая и 7 Ноября присылались коробки с самым лучшим «Тройным одеколоном», пока майской весной 1957 года посылка не вернулась назад, на Татарский переулок, что на Петроградской стороне, «за отсутствием адресата»”.

Дядя Паша с Инвалидного рынка

Еще один сюжет, исторический, многослойный, связан с Инвалидным рынком. Он мне особенно интересен, потому что уже сорок лет я живу в доме, который стоит на месте этого исчезнувшего рынка. А тот рынок, что неподалеку, в районе метро “Аэропорт”, называется теперь Ленинградским.

Есть и биографическая, важная для меня деталь. Первое московское жилье нашей семьи — купленная моим дедом в начале 1917 года половина дачи — находилось поблизости, в Петровском парке, который был тогда московским пригородом с дурной репутацией. Там родилась моя мама. Мой отец после того, как посадили моего другого деда, ушел из школы и работал на строительстве станции метро “Динамо”

не то проходчиком, не то чернорабочим. В пяти минутах пешего хода. А теперь моя внучка живет возле Петровского путевого дворца, в тех же самых местах, — шестое поколение семьи. Кажется, это и называют “малой родиной”...

Район наш особый, издавна был “инвалидным”. Между теперешними станциями метро “Аэропорт” и “Сокол” в 1878 году был открыт первый дом инвалидов в России — Александровское убежище для увечных и престарелых воинов, ветеранов Русско-турецкой войны. На содержание убежища поступал весь доход от часовни Александра Невского в Охотном Ряду — памятника погибшим на войне 1877–1878 годов.

Здесь еще одна тонкая биографическая ниточка: в той давней русско-турецкой войне воевал отец моего прадеда, Исаак Гинзбург. Он участвовал во взятии Плевны, был награжден солдатским Георгиевским крестом. Двадцать пять лет служил в армии Скобелева и дослужился до чина унтер-офицера.

В конце XIX века поблизости от первого приюта были открыты еще два: Алексеевский и Сергиево-Елизаветинский. В этих социальных, как бы теперь сказали, учреждениях работали мастерские, где инвалидов учили портняжному, сапожному и скобяному делу. Потом они создавали небольшие артели, а для продажи их изделий и понадобился рынок.

Просуществовал этот Инвалидный рынок до конца пятидесятих годов XX века, и опять, по старой традиции, и после Великой Отечественной почти все продавцы на этом рынке были бывшими фронтовиками, инвалидами. Кто без руки, кто без ног... Последние катались на самодельных дощатых тележках, вместо колес — подшипники, и торговали всякой всячиной: старьем, ворованными вещами, своими

боевыми орденами... Но среди них были и настоящие мастера — сапожники, жестянщики, портные. Были такие, кто научился делать протезы... Сюда же привозили бабки товар с приусадебных участков: картошку, огурцы, сушеные грибы и семечки...

Это была предыстория. Собственно историю рассказал журналист Олег Фочкин*, живший в детстве и отрочестве поблизости от Инвалидного рынка. Он спрашивал у старших, откуда взялись названия ближайших улиц: Амбулаторный проезд, Протезная улица, Инвалидная улица, — но никто не мог ответить.

На этот вопрос ответил мальчишке безногий инвалид дядя Паша, разъезжающий на своей самодельной тележке по Инвалидному рынку. Он рассказал о жизни инвалидов, которых раньше было множество в этом районе, а потом все они в один день исчезли. Милиция провела большую облаву, и всех инвалидов вывезли. С тех пор никто их и не видел.

Дяде Паше повезло: в день облавы он был пьян и проспал ее у одной солдатки. Может быть, она откупилась от милиционеров, а может, просто...

Дядя Паша был великим голубятником. У него была лучшая голубятня в этом районе. Здесь голубями торговали, сюда приезжали голубятники со всей Москвы — посмотреть, как дядя Паша гоняет голубей. Он это дело знал до тонкостей: так, как это делал он, не умел больше никто. Но сам забраться на голубятню он не мог, ему помогали местные мальчишки.

Когда дядя Паша гремел на своей тележке в сторону голубятни, голуби начинали беспокоиться, гулить

* Фочкин О. Ветеран инвалидного рынка. Аэропорт // Москва: место встречи. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2016.

и бить крыльями. Ожидали, что их выпустят сейчас полетать. Они распахивали соперников, чтобы первыми добраться до хозяина и сесть ему на плечи или на голову. Дядя Паша поглаживал птиц грубыми руками, затем засовывал два пальца между щербатых зубов и издавал неожиданно громкую трель. И все поднимали головы к небу, понимали: сейчас голуби полетят. И действительно, все голуби взмывали в небо и делали первый круг. Сначала невысоко и недалеко, но дядя Паша свистел еще раз, и тогда птицы взмывали выше, облетая круг за кругом весь район — от “Сокола” до “Аэропорта”... и возвращались, нагулявшись, по его сигналу к отбою.

— Всё, концерт окончен, — говорил он и, вешая на шею ключ, катил на своей тележке в сторону рынка, где его уже ждали традиционные полстакана...

А потом дядю Пашу здесь же, на рынке, зарезали: “посреди дня на глазах у десятков людей... подошел к нему какой-то амбал с зонавскими татуировками на руках. Нагнул, о чем-то коротко спросил, дядя Паша ему в ответ огрызнулся и тут же получил заточку под сердце”.

Он умер еще до приезда скорой, глядя в небо, где кружили его любимые сизари. Убийцу так и не нашли. Да и не искали особо... Где дядю Пашу похоронили, никто не знает.

Голубятня вскоре тоже опустела, а затем и исчезла. Поблизости от старого Инвалидного рынка теперь раскинулся Ленинградский рынок... Нет ни старого рынка, ни голубей, ни дяди Паши — он был последний ветеран Инвалидного рынка.

Царствие небесное дяде Паше.

Счастливый билет: солдат, инвалид, академик

Раза два в год в Москву из Адлера приезжает Борис Аркадьевич Лапин, директор Института медицинской приматологии, академик, орденоносец. Список его наград, российских и зарубежных, не уместится и на двух страницах... Но главное его научное открытие, не сразу оцененное даже коллегами, — он обнаружил вирус, вызывающий лейкемию.

Борис Аркадьевич родился в 1921 году, окончил среднюю школу в Харькове, а в 1941-м — Харьковскую школу пилотов. С первого дня войны был в действующей армии. В 1943-м тяжело ранен под Курском. Потерял ногу. Демобилизовался после долгого лечения в госпитале и в 1944-м, ковыляя на самодельном протезе, поступил в мединститут. Из лечебного дела ушел в науку, защитил сначала кандидатскую, потом и докторскую диссертации, стал крупным ученым. объездил полмира по экспедициям и по конференциям. Такая биография. И мало кто из его окружения знал, как трудно ему жить такой напряженной жизнью на протезе, с постоянно нарывающей культёй. Мне говорила об этом его дочь Лена, с которой мы учились вместе на биофаке пятьдесят лет тому назад... Тогда же я и познакомилась с Борисом Аркадьевичем.

Судьба была к нему и щедра, и сурова одновременно. Мужество нужно человеку не только на войне, но и в мирной жизни. Умерла от рака совсем молодой его дочь Лена, несколько лет назад в нелепой автомобильной аварии погиб сын Аркадий, умерла молодой его первая жена, не так давно умерла и вторая, друг и коллега, с которой он прожил много лет.

Возраст Бориса Аркадьевича приближается к столетию, и он все еще погружен в работу, по-прежнему

руководит Институтом медицинской приматологии, который из Сухуми переехал в Адлер. Ходит с трудом: протез, палка. Мужественный, талантливый, умный и трезвый...

С молодых лет он был обычным советским человеком, мальчишкой пошел на фронт, вступил в партию во время войны, оставался коммунистом до самого конца советской власти. Был даже членом райкома партии, и, пожалуй, единственный конфликт с властью он пережил в 1953 году, во времена, когда в стране разворачивалось антисемитское "дело врачей".

К этому времени уже были выселены из Крыма татары. Репрессии коснулись также корейцев, немцев, финнов-ингерманландцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, турок-месхетинцев. Десять народов. В начале 53-го года на очереди стояли евреи, и дело о еврейских "врачах-отравителях" как раз было началом широкой антисемитской кампании, предшествующей выселению. Борис Аркадьевич описывает этот эпизод в своей недавно изданной малым тиражом книге: "К концу года (1952-го) совершенно неожиданно меня назначили заместителем директора по научной части, а вскоре избрали секретарем партбюро..."

Не могу не вспомнить событие, безусловно, связанное с делом врачей. Звонок из Москвы. Начальник управления кадров Академии, профессор: «Немедленно увольте научных сотрудников Г.М. Черкович и С.М. Пекерман. Приказ об увольнении вышлите в управление кадров». Я спросил, на каком основании. На что последовал ответ: «Основание придумайте сами». На следующее утро опять звонок из Москвы и тот же голос: «Каким числом подписан приказ?»

Уже поняв причину настойчивости, я с раздражением ответил, что увольнять Черкович и Пекерман оснований нет и увольнять их мы не будем. Я предварительно проинформировал Ивана Алексеевича (директора института), который мою позицию одобрил. Так что я сообщил (в управление кадров) согласованное решение дирекции и мнение парторганизации (поскольку я был и секретарем парторганизации).

На следующий день мы получили телеграмму из Академии медицинских наук: «Научных сотрудников Г. Черкович и С. Пекерман уволить... в связи с сокращением штатов». Приказ нужно выполнять, как бы абсурдно он ни звучал.

Но мы с директором быстро нашли решение. Поскольку в Академию мы посылали списки только научных сотрудников, а вспомогательным персоналом Академия не интересовалась, уволенных мы тотчас же зачислили... одну, насколько помню, в охрану, другую — служителем питомника. Но, числясь в «новых должностях», они продолжали трудиться в лабораториях. Не помню, как нам это удалось, но через несколько месяцев мы вернули их в «родные» лаборатории”.

Книга Бориса Аркадьевича прекрасна: скупая, точная, одни факты и перечисление событий. Помнит лица тех двух чекистов, которые отца арестовывали в 37-м... узнал бы и сегодня. Книжка маленькая — огромное хранилище событий, людей, ситуаций...

В марте 1953 года умер Сталин, государственные репрессии на отдельные народы прекратились, но прошло еще много лет, прежде чем татары, чеченцы и другие “выселенцы” смогли вернуться в родные места... Первая мысль, которая пришла мне в голову после того, как я узнала об этой истории, — что если бы

все прочие руководители институтов Академии медицинских наук повели себя так, как Борис Аркадьевич Лапин, то жили бы мы сейчас в совсем другой стране. Но он был единственным... на своей единственной ноге...*

* * *

Эти ноги, эти руки, эти глаза, которых лишились солдаты, — где они, в какой земле сгнили? Я знаю про один такой могильник в Израиле, в Иерусалиме, на кладбище Гиват Шауль. Там захоранивают ампутированные руки и ноги военных. В том же могильнике лежат и другие органы, принадлежащие не только военным, но и обычным гражданам, у которых изымают заболевшие органы.

А люди, утратившие часть себя, носят протезы, которые делаются всё более совершенными. Еще одно мгновение скоростного времени, в котором мы живем, и научатся выращивать не только ткани — это уже умеют, — но и новые органы взамен утраченных, точь-в-точь такие, как были...

Лет сорок тому назад в Крыму, на окраине Судака, на Восточном шоссе, на дороге к дому Нины Константиновны Бруни-Бальмонт, местному центру притяжения, я наткнулась на помойку, где поверх хозяйственных отбросов лежала здоровенная облупленная нога, от большой ступни до самого бедра. С виду — как будто из папье-маше. Протез, который был больше не нужен. Чей протез, осталось неизвестным: то ли умер какой-то инвалид, то ли обзавелся новым протезом...

* Бориса Аркадьевича не стало 30 апреля 2020 года.

Потом его подобрали местные мальчишки и долго с ним забавлялись.

Прошло лет двадцать, и Нина Константиновна потеряла свою длинную, отличную, уже не молодую, но вполне справляющуюся с большими нагрузками ногу. Попала под трамвай в Страстную субботу. И тогда тот протез с облупившейся краской показался каким-то знаком предупреждения, скрытым намеком на непредсказуемый и непредвиденный поворот судьбы, поворот, в который может попасть каждый из нас.

Последние годы жизни Нина Константиновна ходила на протезе. Говорила, что это больно. И, отстегнув протез, садилась на землю в своем крохотном винограднике и чистила его от “диких” побегов...

Про протезы не всё. Николай Петрович Красулин, отец моего мужа, в 1943 году потерял ногу в боях под Севастополем. Демобилизовался. Работал в Институте лесного хозяйства, защитил диссертацию и каждый год проходил медицинскую комиссию, где ему надо было подтверждать группу инвалидности, как будто нога могла отрасти. Но эту издевательскую процедуру в конце концов отменили, и последние годы его жизни я возила его уже не на эту комиссию, а на протезный завод, где ему “строили” новые протезы.

Костылями Николай Петрович не пользовался, его своеобразное чувство собственного достоинства могло смириться лишь с палкой. К тому же левая его рука костыль сильно не полюбила и немела, когда он пытался ходить с костылями. Я запомнила его высоким строгим стариком, который не принимал ничьей помощи и упорно обслуживал себя сам до последних месяцев жизни. Умер он, немного не дожив до 95 лет. Без единого слова жалобы.

Среди тех, кто не спился и не погиб, были люди “высокой пробы”, великого мужества, которое требуется от человека не только во время войны, но и в повседневной мирной жизни.

* * *

Судьба большинства военных инвалидов была горькой и мучительной. Сама тема инвалидности, неполноценности, дефектности недоговорена, недоосмыслена и даже недопережита. Отношение здоровых и полноценных людей к инвалидам зачастую выдает и нашу собственную неполноценность — моральную. Неполноценность и личную, и социальную, и общегосударственную. Черствость, доходящая до жестокости. Равнодушие, граничащее с преступлением. И здесь многие вещи надо заново обдумать, отчасти исследовать, многое изменить не только в общественном сознании, но и в общественном устройстве.

Сегодня День Победы превратился из дня скорбного воспоминания о погибших соотечественниках в демонстрацию псевдопатриотического возбуждения, грохот салютов и сапогов, дребедень слов, шеренги детей в пилотках, обозначающих патриотизм, военные парады техники, предназначенной для прошлых войн.

В 1970 году, к 25-летию победы над фашизмом, вспомним снова слова маршала Конева для газеты “Комсомольская правда”.

“— Что такое победа? — говорил Конев. — Наша, сталинская победа? Прежде всего, это всенародная беда. День скорби советского народа по великому

множеству погибших. Это реки слез и море крови. Миллионы искалеченных. Миллионы осиротевших детей и беспомощных стариков. Это миллионы исковерканных судеб, несостоявшихся семей, неродившихся детей. Миллионы замученных в фашистских, а затем и в советских лагерях патриотов Отечества.

— Товарищ маршал, этого же никто не напечатает! — взмолился помощник.

— Ты знай пиши; сейчас-то нет, зато наши потомки напечатают. Они должны знать правду, а не сладкую ложь об этой Победе! Об этой кровавой бойне! Чтобы в будущем быть бдительными, не позволять прорываться к вершинам власти дьяволам в человеческом обличье, мастерам разжигать войны”.

Статью эту, конечно, не напечатали — история эта известна из мемуаров его помощника, опубликованных уже в XXI веке. Для потомков. Для нас.

В будущей войне, о которой постоянно говорит наше военизированное руководство, если, упаси господь, она случится, победителями будут те, у кого в руках лучшая воздушно-космическая и информационная техника, технологии слежения и навигации. Не в танковом сражении и не в рукопашном бою определяет-ся теперь победитель.

По этой причине пацанское крикливое заявление “Можем повторить” звучит просто чудовищно. Повторить кровопролитную войну?

Действительно, почему бы вам не повторить? Вам не жалко! У вас нас много! наших мужей, наших детей! А заброшенные валаамские монастыри можно снова приспособить под дома инвалидов...

Нет, не хотим повторения. Не должны повторять! В будущей войне, которую “шаманят” военные, устав-

шие от безделья, не будет миллионов инвалидов — будут миллионы трупов. Может, надо сделать все зависящее от нас, чтобы не повторять этот кровавый опыт?

Пусть он стоит перед глазами, этот безногий солдат в самодельной коляске или на грубо сколоченной тележке на подшипниках, с “утюжками” в руках, которыми он отталкивается от разбитого тротуара. Он не дожил до бесплатных “Запорожцев” с ручным управлением, которые выдавались безногим инвалидам в шестидесятых годах, но не дожил и до новой и безответственной милитаризации...

Война — глупость, мерзость, преступление. Как хотелось бы, чтобы последняя, которую называют Великой Отечественной, стала действительно последней. И чтобы рецидивы безумия — афганского, сирийского или любого другого, лишаящего молодых людей рук, ног и самой жизни, — были запрещены всеми мировыми законами. А заключением этого тяжелого разговора может послужить этот памятник безногому инвалиду на коляске да пирамида из рук, ног и протезов...

И пирамида эта — если в натуральную величину — выше любой египетской пирамиды...

**ПЕРЕСЕКАЯ
ГРАНИЦЫ**

В послевоенные времена прошлого века, когда я была маленькой девочкой, к нам в дом приехала дальняя родственница, деревенская жительница преклонных годов. Первый раз в жизни она увидела Москву. Старушка была потрясена, растеряна, но довольно быстро обвыклась. До этого она выбиралась только в районный центр в двадцати километрах. Наверное, и сегодня на окраинах нашей планеты еще существуют такие заброшенные деревни, откуда люди и до соседнего городка не добираются. Зато весь остальной мир находится в непрерывном движении, а сами границы делаются все более условными.

Берлинская стена длиной в 155 км, отделявшая жесточайшим образом восточную часть города от западной, рухнула, простояв двадцать восемь лет, а Великая Китайская, простоявшая два тысячелетия и протянувшаяся на 21 тысячу километров, стоит и поныне. Красивая декорация. Времена великих переселений народов как будто закончились, но, по существу, возникла совершенно новая модель жизни человека на планете. На первый план выходят уже не интересы одной отдельно взятой нации или государства, а интересы всей планеты. Перед человечеством встает проблема выживания как вида. Абсурд войн, малых

и больших, стал очевиден всем, кто способен к умственной деятельности. Проблемы экологии касаются всех народов — и самых богатых, и самых бедных.

Вопрос: куда мы едем, летим, несемся, развивая бешеную скорость? — становится все более острым. Не пора ли затормозить, оглядеться по сторонам и подумать?

Наука и искусство предлагают две разные возможности “подумать”, и они совершенно равноправны. В последние десятилетия обнаружилось, что базовое противостояние материалистов и идеалистов закончилось. Продвинутые богословы перестали отрицать теорию эволюции, а рационалистические ученые все чаще поговаривают о “сверхреальности”, о возможности существования некоей организующей Высшей силы. А уж если говорить о “реальности”, она вообще расплывается, и перемигивающиеся между собой кванты, телепортацию и параллельные вселенные всерьез рассматривает не только научная фантастика, но и квантовая механика.

Сценарий “Босховы детки”, отчасти фантастический, отчасти исследовательский, как раз на эту тему.

Босховы детки

Сценарий

ПРОЛОГ

1481 год. Дом Иеронима Босха в Хертогенбосе. Он сидит в мастерской наверху, обхватив голову руками. До него доносятся женские вопли. Вопль стихает. Раздается писк. Снова вопль, звон перевернутой мебели или посуды. Босх скатывается по лестнице вниз — замечает убегающую повитуху. На кровати его жена Алейт, роженица.

АЛЕЙТ: Где ребенок? Что с нашим ребенком?

БОСХ: Где повитуха?

АЛЕЙТ: Покажи мне ребенка...

Босх открывает простыню в ногах матери — там лежит монстр, похожий скорее на земноводное, чем на человеческого детеныша. Он берет это существо в руки, поднимает. Жена видит его, отворачивается, стонет.

Босх с палкой на плече, к которой подвешен узелок, идет по дороге — эта одна из его известных картин.

Босх сидит на обочине — рядом с ним только что закопанная могилка, на которой он укрепляет маленький крест из двух священных палочек.

ЭПИЗОД 1

Тизьенский монастырь в Пиренеях. Конец XV века. В монастырской библиотеке собрались пятеро монахов. Во главе собрания древний Старец, настоятель монастыря, брат Мизуэль Бозрро; второй — кругленький Толстяк, брат Педро; третий — рослый молодой человек атлетического сложения, мало похожий на священнослужителя, Атлет, по имени брат Бонифаций; четвертый — Лысый, брат Альфонсо; пятый — очень смуглый Юноша с копной черных волос, брат Хуан.

СТАРЕЦ: Двери!

Атлет запирает дверь. Опускает шторы. Зажигает фонарь, и на белых стенах проступают ряды изображений — это схемы эволюции кровеносной системы от дождевого червя до человека, схемы эволюции костной системы, эмбриологические схемы развития зародыша. В центре композиции — схема строения некоего ящерицеобразного существа; на фронтальной стене библиотеки — фреска с изображением гигантской грозди винограда, которую несут два разведчика, посланных Моисеем разведать новую землю. (Оригинал можно увидеть в Музеон Израэль в Иерусалиме.)

СТАРЕЦ: Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Общество святой Екатерины открывает заседание. Да не ускользнет за порог этого зала ни слово, ни мысль, ни намек на знание, открытое нами и нашими предшественниками. Аминь.

МОНАХИ: Аминь!

СТАРЕЦ: Брат Хуан, твое сообщение.

ЮНОША: Святая Инквизиция предала сожжению на костре в нынешнем году восемьсот двадцать жен-

щин, обвиненных в плотской связи с Сатаной. Доказательством такой связи объявляют рождение ими странного потомства, монстров и уродов.

СТАРЕЦ: Брат Альфонсо, что у тебя?

Лысый открывает потайной шкаф и вынимает из него ряд стеклянных банок с застиртованными монстрами.

ЛЫСЫЙ: Я закончил их анатомировать. По строению близки к земноводным. Я не могу себе представить, каким образом и на каком этапе зародыш человека превращается в монстра. Святая инквизиция распространяет сведения о том, что эти существа являются плодом связи женщины с Сатаной. Исходя из того что плотский, тварный мир и мир духовный разделены некоей таинственной границей, это соображение мне представляется сомнительным.

Старец рассматривает монстров, передает Толстяку, сидящему рядом.

СТАРЕЦ: Граница до известной степени проницаема.

ЛЫСЫЙ: Я не верю в существование инкубов и суккубов. Это суеверие.

ТОЛСТЯК: Нет ничего святее суеверия.

СТАРЕЦ: Церковь — молодой организм, ей всего полтора тысячелетия. Это очень мало в сравнении с самим Творением. Она сама явилась следствием Великого Замысла. Она тоже развивается, и станет более мудрой, и когда-нибудь станет бороться с суевериями. Боюсь, что не скоро. Скажи, брат Альфонсо, какие у тебя соображения относительно природы этих странных существ?

ЛЫСЫЙ: Natura их сходна со звериной — и по строению сердца, и по строению зачаточных почек. Человеческого в них ничего нет.

СТАРЕЦ: Гм... Мы знаем множество людей, в которых человеческого ничего нет. Но мы верим, что человечество развивается и совершенствуется в соответствии с Замыслом Творца.

ТОЛСТЯК: Рождение монстров противоречит твоему последнему умозаключению, брат Мигуэль.

СТАРЕЦ: И ты прав, брат Педро.

АТЛЕТ: Мы ничего не слышали о злодеяниях, которые совершали бы эти малосимпатичные зверушки. О злодеяниях наших собратьев нам известно гораздо больше.

СТАРЕЦ: Знание — большая ответственность. В каждом поколении есть горстка людей, которым дано знание. Далеко не полное. Но мы намного опережаем наше время. Сегодняшний мир далек от понимания того, что Божественное Творение совершалось не в течение семи человеческих дней, а в течение многих миллионов лет, и механизмом Творения была высочайшая Божественная идея о саморазвитии жизни. Пройдет несколько столетий, прежде чем мир сможет это понять. Но ошибка может быть и в этом великом замысле.

ТОЛСТЯК: Должна быть причина у этого следствия.

СТАРЕЦ: Возможно, Господь уснул. Или отлучился. В метафорическом смысле, разумеется.

ЛЫСЫЙ: Господь заложил принцип развития жизни, она поднимается от низших форм к высшим. Наследственные задатки хранят знание прежних форм жизни.

ЮНОША: Прости мое невежество, брат Альфонсо, но сами наследственные задатки, о которых ты говоришь, подлежат измерению?

ЛЫСЫЙ: Это своего рода алфавит. Каждый задаток — буква. С помощью букв написан текст. А текст — все живущее на земле.

ЮНОША: Но текст ведь можно читать и в обратном направлении?

Лысый поднимает с удивлением брови.

СТАРЕЦ: Брат Хуан, текст, который образовал тебя, был, по-видимому, определен очень хорошими задатками. Твоя догадка, брат Хуан, о возможности обратного хода великого процесса саморазвития жизни требует многих размышлений.

ТОЛСТЯК: В любом тексте могут возникать ошибки! Пока мы размышляем, монстров становится все больше, а детишек все меньше. Монстры бегают по деревням, их видели на городских свалках.

СТАРЕЦ: Надо собрать точные сведения о количестве монстров и об их наследственных задатках. Распространение слухов о колдовстве следует пресекать.

ТОЛСТЯК: Хорошо, к делу! Попробовать скрестить между собой “детей Сатаны” для выявления их наследственных задатков?

ЛЫСЫЙ: Я не знаю, как они размножаются. Половых органов я у них не обнаружил.

СТАРЕЦ: Для начала надо изучить, насколько это возможно, семьи казненных женщин: есть ли в их породе какие-то особые нарушения.

Улыбка сбегает с лица Толстяка.

ТОЛСТЯК: Один задаток определяет один признак. По скольким признакам смотреть?

СТАРЕЦ: По всем нам известным.

ЭПИЗОД 2

Недалекое будущее. Актальный зал школы. В честь десятилетия окончания школы собрались бывшие одноклассники. Им по 27–28 лет. Фуришет.

Учитель математики, внешне похожий на Альберта Эйнштейна, стоит с рюмкой в поднятой руке.

УЧИТЕЛЬ: За ваш успех! Вы, не скрою, самый любимый выпуск за последнее десятилетие. Сколько талантов: наш молодой академик Гарик Гаспарян, Серёжик Кононов, кардиохирург, Таня Ларина, вирусолог...

Таня, невзрачная девушка в очках, за колонной стоит рядом с Вадимом.

ВАДИМ: О-о! Как тебя Матан уважает!

ТАНЯ: После того как в газетах напечатали...

УЧИТЕЛЬ: И теперь у всех нас большая радость: Вася Цой, выдающийся физик, спроектировал и создал лазерный коллайдер! Настольный! Без чудовищных магнитных полей, без многокилометровых подземных коридоров! Размером с блюдце! Это революция в физике элементарных частиц!

Ребята, окружающие маленького тщедушного Цоя, подхватывают его и подбрасывают в воздух.

(Кричат.) Цой! Цой! Герой! Цой!

Цой взмахивает руками в воздухе, смеется. Он миловиден, но его портят большие оттопыренные уши.

ВАДИМ: Как бы не уронили героя!

ТАНЯ: А ему нравится! Он тщеславный. Дико талантливый и дико тщеславный. Десять лет он мне не звонил, а вспомнил, когда я государственную премию получила.

ВАДИМ: Ох, ты же у нас тоже знаменитость! Спасительница человечества от гриппа!

ТАНЯ: От насморка, Вадим.

УЧИТЕЛЬ (*продолжает*): Конечно, мы помним и тех, кого уже с нами нет, — нашу звезду Тамару Карасеву. Она погибла в авиакатастрофе пять лет тому назад. Погиб в Пакистане Владик Понятовский. Но собралось нас сегодня пятьдесят семь человек. Вот, прилетел специально Дима Тверской из Лос-Анджелеса, голливудский оператор. Прямо из Шереметьево едет сюда Параскева Мизон, она же Оля Чернушкина. Звонила из такси. А завтра утренним самолетом вернется в Милан, на концерт...

ТАНЯ: Старый пердун тоже от Чернушкиной без ума?

ВАДИМ: Да он ее никогда и не замечал! Двоечница!

Раздается звон стекла. Это Таня, пристраивая бокал на тарелке, качнула тарелку, и бокал слетел. Вадим, стоящий с ней рядом, помогает собрать с пола осколки.

ТАНЯ: Черт! Случайно... Смешно, ей-богу! Я работаю постоянно с пробирками, масса стекла в лаборатории. Годами ничего не разбивала...

ВАДИМ: А я как раз постоянно что-то разбиваю. Не переживай! Будем считать, что это я разбил.

Они вместе относят осколки стекла в мусоросборник.

ВАДИМ: Удивительно: всюду одноразовая посуда, а здесь вдруг стекло...

ТАНЯ: Это от старых времен еще стаканчики.

Около мусоросборника сталкиваются с Цоем.

ЦОЙ: Привет, Татьяна! Как ты?

ТАНЯ: Нормально. Поздравляю. Ты теперь главный герой времени со своим коллайдером. Глядишь, Нобелевскую премию дадут!

ЦОЙ: Думаю, что Нобелевкой они от меня не отделаются! Ты же меня знаешь, Таня, я упертый, с третьего курса я в это уперся. Я уже тогда понимал, что эти магнитные поля, которые создали в ЦЕРНе, путь неэффективный... Я даже сам еще не знаю всех возможностей, которые заложены в лазерном коллайдере!

ТАНЯ: Так в чем преимущество лазера?

ЦОЙ: Это очень просто. Вот, смотри! *(Вырывает листок из записной книжки и рисует некую пенную структуру и два концентрических круга.)* Одна из возможностей, Таня, — переход границы нашей галактики и выход в иную Вселенную. Вот! *(Ставит крестик.)*

ТАНЯ: В иную Вселенную? Это из области фантастики, Вася!

ЦОЙ: Ну да! Когда-то Жюль Верн был из области фантастики, и Герберт Уэллс, Станислав Лем, Рэй Бредбери... А теперь все рядом! Теоретически возможно!

ТАНЯ: А практически?

ЦОЙ: При первой возможности!

Продолжает рисовать. Входит роскошная девица. Это Параскева, бывшая Оля Чернушкина, прямо из самолета. Визг, свист,

шум, приветствия. Цой, запихивая на ходу книжку в карман, кинулся за Параскевой, забыв о Тане и о клочке бумаги, который остался в ее руках.

Параскеву окружают бывшие одноклассники. Кто-то сует листок бумаги для автографа. Цой протягивает собственную руку.

ЦОЙ: Олечка, автограф на память!

МИЗОН: Ой, Цой! Ты всегда что-нибудь оригинальное придумашь, котик! (Ставит автограф на его руке.)

Таня и Вадим скрываются за колонной.

ТАНЯ: Вот тебе Цой! Башка гениальная, а ума в ней — котик... наплакал!

ВАДИМ: Зачем ей ум? Олька же вылитая Барби.

ТАНЯ: Кто?

ВАДИМ: Чернушкина — вылитая Барби. Секс-символ трех религий!

ТАНЯ: А-а! (Спускает на нос очки. Скашивает глаза к носу — обезьянья смешная гримаса.) “А ученые женщины вам не нравятся? Нет? Странно!”

ВАДИМ (смеется): Гениально! Я уже забыл, какая ты пересмешница!

(Таня уже изображает Цоя, смешно и похоже.)

ТАНЯ: “А ваш адронный коллайдер — полное говно! Я это уже в третьем классе знал!”

ВАДИМ (отсмеявшись): Вы же с ним дружили — не разлей вода?

ТАНЯ: До седьмого класса. А когда в нем тестостерон заиграл, он для человеческого общения стал непригоден.

ВАДИМ: Это когда он в Чернушкину влюбился?

ТАНЯ: При чем тут Чернушкина? Она незаурядная идиотка. Параскева Мизон! Это ж надо придумать! Я тебе про Цоя толкую!

Вадим смотрит на роскошную Олю-Параскеву, смотрит на Таню, невзрачную, малорослую.

ВАДИМ: У нее голос.

ТАНЯ: Значит, не просто идиотка, а идиотка с голосом. Ладно, я уже насладились общением с бывшими одноклассниками. Пока, Вадим.

Ставит тарелку с едой на столик возле двери и выходит. Вадим идет за ней. Догоняет.

ВАДИМ: Тань, я тебя провожу.

ТАНЯ: Я и без тебя дорогу домой найду.

ВАДИМ: Помнишь, я в восьмом классе тебя провожал однажды... Помню твой дом, бабушку помню.

ТАНЯ: Да... Бабушка умерла.

ВАДИМ: Я тебя тогда провожал со дня рождения Орловой, а бабушка твоя стояла возле подъезда, породистая старая дама, курила, и мы разговаривали несколько минут. Помнишь, она мне сказала...

ТАНЯ: Не помню, мне очень писать хотелось, я просто лопалась.

ВАДИМ (*хохочет*): А бабушка твоя сказала: осторожнее, молодой человек, перед вами монстр, а вовсе не симпатичная девушка!

ТАНЯ (*засовывает два пальца в рот, растягивает губы, зажмуривает глаза*): А я и есть!

ЭПИЗОД 3 (продолжение)

Лестница. Таня и Вадим спускаются. Гардероб. Перед запертым гардеробом дремлет уборщица. Рядом с ней приемник орет на полную громкость.

РАДИОГОЛОС: Это существо, родившееся у совершенно здоровой женщины в поселке Новины Алтайского края, нисколько не напоминает нормально-го ребенка. Оно похоже скорее на большого головастика или на толстую ящерицу...

Уборщица похрапывает во сне.

ТАНЯ: Сколько же ей лет, тете Шуре? Она уже старая была, когда мы в первый класс пришли.

РАДИОГОЛОС: Мы попросили прокомментировать это событие директора медико-биологического института академика Гайденко.

ГОЛОС АКАДЕМИКА ГАЙДЕНКО: Нам уже сообщили о нескольких случаях рождения у нормальных женщин необыкновенного потомства, но пока не доставили материал, я не стану высказываться на этот счет. Такие случаи в последние несколько месяцев зафиксированы в США и в Австралии. С древних времен существует наука тератология, которая изучает случаи врожденных уродств. Санкт-Петербургская кунсткамера, которую организовал в восемнадцатом веке Петр Первый, его собрание почти вся состояло из таких уродов...

Таня остановилась, слушает.

ВАДИМ: Тань!

Таня отмахивается.

ТАНЯ: Директор моего института.

ВАДИМ: Ты с ним хорошо знакома?

ТАНЯ (*делает жест, чтобы он помолчал*): Очень даже.

ВАДИМ: Значит, про монстров не просто так сплетни ходят?

ТАНЯ: Никакой серьезной информации я пока не получала.

ЭПИЗОД 4 (продолжение)

В скверике у Никитских ворот.

ТАНЯ: Самый успешный выпуск! Конечно, Цой — гений. Но остальные — сплошь карьеристы. Самая модная профессия — делать деньги из денег! Скучно. Все тусуются, веселятся, а мне скучно. Мама с бабушкой все меня из дому гнали — гулять и веселиться. А на меня гулянки эти только тоску нагоняли. Не для меня! Потом поняла, что у каждого свой фасон. Свой Мизон.

Таня делает смешную гримасу, изображая Чернушкину.

ВАДИМ: Да что ты на нее наезжаешь? Все в нее были влюблены. И я. В шестом классе.

ТАНЯ: И ты тоже! Это даже интересно!

ВАДИМ: Ничего интересного. Идеальный объект для всех самцов, даже для ботаника.

ТАНЯ: Ты не ботаник! Ботаники не бывают успешными. А ты в Пушкинском музее работаешь, книги пишешь.

ВАДИМ: О, ты про меня много знаешь!

ТАНЯ: Орлова как-то сказала.

ВАДИМ: Успешный — это сильно сказано. Зарплата как у уборщицы в супермаркете. Книгу я только одну написал. Диссертацию, да, защитил. А из Пушкинского меня выгнали.

ТАНЯ: Выгнали?

ВАДИМ: С директоршей конфликт. Ей сто двадцать лет, она член партии с незапамятного года. У Ленина на коленях сидела! Я ей чего-то шлепнул не то, она меня выгнала.

ТАНЯ: А ты и правда ботаник! Настоящие карьеристы не шлепают губой что ни попадя!

ВАДИМ: К лучшему. Мне сразу же предложили работу в Новом музее. На будущей неделе открывается потрясающая выставка. Приходи. Я тебе и музей покажу.

ЭПИЗОД 5

Новый музей после закрытия.

ВАДИМ: Я музей люблю после закрытия. Никто не пугается под ногами.

Открывает перед Таней двойную дверь в анфиладу пустых залов. На стенах увеличенные фрагменты какой-то неизвестной Тане картины. Изображения весьма диковинные — это монстры, которых нарисовал Босх. Среди них и тот, что показан в Прологе. Все они оживают, наполняют пространство больших залов.

Таня и Вадим проходят сквозь хоровод монстров, проникая сквозь них.

ТАНЯ: Что это такое?

ВАДИМ: Современная техника.

ТАНЯ: Потрясающе! А кто их создал, этих?..

ВАДИМ: Художник Иероним Босх. Жил в пятнадцатом веке во Фландрии, в городке Хертогенбосе. Умер в начале шестнадцатого века. Он самый загадочный из всех художников мира... Я много лет им и занимаюсь. Книгу я как раз про него написал. Мистик. Что-то такое знал, что по сей день миру неизвестно.

Они входят в следующий зал — перед ними картина “Сад земных наслаждений”, фигуры с которой только что обступали их.

ТАНЯ: Да, производит впечатление. Здорово! Даже немного тебе завидую! А я, Вадим, занимаюсь самой прозаической ерундой — насморком...

ВАДИМ: А мне кто-то говорил, что тебе премию давали по вирусологии?..

ТАНЯ: А насморк, по-твоему, что?

ЭПИЗОД 6

Кабинет академика Гайденко. У академика посетитель — плотный немалодой человек с военной выправкой, но в штатском, — генерал Эрих, начальник службы биозащиты. Он распечатывает запаянные контейнеры.

ЭРИХ: Вы понимаете, академик, что это высший уровень секретности. В ином случае генерал не исполнял бы обязанности курьера.

Гайденко рассматривает ящерицу с круглой зубастой мордой.

ГАЙДЕНКО: А, вот они как выглядят. Первые публикации о них пришли из Америки, потом из ЮАР. А потом все замолчали. Видимо, всюду засекретили. А теперь вот наши, отечественные.

ЭРИХ: За последние три месяца в России есть случаи. Секретная информация!

ГАЙДЕНКО: Позвольте, да вчера по радио передавали... На Алтае родился монстр. Мне с радио позвонили, я комментарии давал.

ЭРИХ: Черт! Распространение слухов следует пресекать! Просачивается информация! Сами понимаете, страна большая... за всеми не уследишь.

Академик, натянув резиновые перчатки, уже расправляет в ювете тельце ящерицы. Эрих передергивается с отвращением.

ГАЙДЕНКО (*внимательно рассматривает монстра*): Я не знаю, кто эти ребята. Их, насколько я могу судить, до недавнего времени не существовало в природе...

Раздается звонок мобильного телефона. Эрих отвечает.

ЭРИХ: Да, слушаю! (*В телефон.*) Что? Они нас даже не поставили в известность! Черт знает что! Да кто они такие, этот Совет? (*В ярости, побагровел. К Гайденко.*) У вас есть здесь... какие-то новости... CNN, ну, что-нибудь!

Гайденко включает телевизор.

ТЕЛЕВСТАВКА

ДИКТОР: Как сообщили сегодня все крупные мировые агентства, по настоянию Мирового совета правительств снята секретность с так называемой проблемы М, связанной с рождением у людей в последние три месяца монстров. Уже сегодняшней ночью Всемирная организация здравоохранения начала обработку рассекреченной информации. Первые предварительные результаты ошеломляющие: рождаемость нормальных детей снижается катастрофически, количество родившихся по всему миру монстров достигает двадцати процентов. Их число возрастает с каждой неделей, а рождение нормальных детей снижается. Эпидемия носит планетарный характер. Первые генетические исследования показывают, что у всех исследуемых людей произошли хромосомные изменения, называемые делециями, то есть произошло выпадение участков ДНК, следствием которого и является рождение монстров.

Идут кадры хроники: врачи, роженицы, монстры в разных странах.

ЭРИХ: Вы понимаете, какая сейчас будет гонка?! Мировой совет, конечно, будет сейчас организовывать всякие совместные программы, но дураков нет! Вы понимаете, профессор, что сейчас и китайцы, и американцы начнут разрабатывать свои программы самостоятельно! И секретно! Кто первый найдет решение этой проблемы, будет владеть миром! Но мы уже сделали кое-какие шаги! А теперь надо суммировать все усилия! Надо прорваться вперед!

ГАЙДЕНКО: Чем я могу быть полезен? Мои научные интересы лежат несколько в стороне. Я специалист по клонированию. Но на него уже десять лет Мировым советом наложен мораторий.

ЭРИХ: Да кто их станет слушать? Надо будет клонировать — будете клонировать! Но сейчас надо срочно проверить несколько гипотез. Первая — вирусное заболевание, скажем, из Китая. У китайцев сейчас технологии... такой прорыв... Вторая гипотеза — инопланетного нашествия. Ну разумеется, вредительство!

ГАЙДЕНКО: Чтобы проверить гипотезу вирусного поражения, я рекомендую вам прекрасного специалиста-вирусолога, Татьяну Ларину. Самый молодой доктор наук, очень перспективная... Моя ученица.

ЭРИХ: Вы понимаете задачу, академик Гайденко? Мы должны быть первыми!

ТЕЛЕВСТАВКА

На проходной сидит вахтер и смотрит телевизор. Та же передача, которую только что смотрели в кабинете у Гайденко.

ВАХТЕР (*звонит по мобильному*): Галя! Галь! Ты это, Ленке скажи, что, если она, шалава, в подоле принесет этого... монстра, я ее капитально прибью! По факту! Так и скажи!

ЭПИЗОД 7

Обаяние лаборатории: приборы, мониторы, стеклянная посуда. Таня в боксе. Она в защитном костюме и в маске. Снаружи звонит телефон, но его звуки не слышны в боксе. В бокс стучит молодой человек, Игнатов.

ИГНАТОВ: Таня! Тебя срочно вызывает директор.

Таня показывает, что она сейчас не может.

ИГНАТОВ: Бросай все! Срочно к Гайденко!

Таня раздраженно швыряет тонкую петлю на длинной ручке, выходит в предбанник бокса и снимает маску и костюм.

ТАНЯ (*раздраженно*): Ты что? Сказал бы, что не могу...
У меня эксперимент.

ИГНАТОВ: Да побыстрее! Там какой-то хмырь государственного значения тебя требует!

ТАНЯ: Меня?

ЭПИЗОД 8

В кабинете Гайденко. Гайденко, Эрих и Таня. Таня разглядывает существо в кювезе.

ТАНЯ: Я уже слышала про монстров. Мне показалось, бред какой-то. Первая проблема, Андрей Александрович, нозологическая. Я не понимаю, что это за животное.

ЭРИХ: Животное рождено нормальной здоровой парой — мужчиной и женщиной.

ГАЙДЕНКО: Господин Эрих хотел бы исключить вирусную этиологию этого... явления.

ТАНЯ: Андрей Александрович, для вирусологического исследования нужен живой материал.

ЭРИХ (*после паузы*): Живой материал у нас на базе. Вам придется поменять площадку... Будете там работать.

ТАНЯ: Ну... это не входит в мои планы. У меня срочная работа сейчас. Надвигается осенняя эпидемия

гриппа, сейчас вся моя лаборатория занята разработкой новой антивирусной программы.

ЭРИХ: Профессор, объясните, пожалуйста, вашей сотруднице, что с завтрашнего дня она выходит на другую работу и просидит у нас столько, сколько понадобится. *(Голос железный, угрожающий, и нежнейшая улыбка.)* Вы, надеюсь, понимаете, девушка...

ТАНЯ *(перебивает)*: Я не девушка, я — Татьяна Ларина.

ЭРИХ: Это задание государственной важности.

ТАНЯ: Я отказываюсь...

ЭРИХ *(срывается)*: Отказываетесь? Неужели вы не понимаете, что атомные бомбы, озоновые дыры, истощение ресурсов и загрязнение земли — это просто детские игрушки! Если рождение монстров пойдет в таком темпе, через два года на земле вместо детей будут одни только монстры, через шестьдесят лет — одни пенсионеры, а через сто — десяток долгожителей будут бродить по лесам среди ящериц и жаб! И вы смеете отказываться?

ЭПИЗОД 9

Женева. Всемирная конференция по тератологии. Конференц-зал завешан яркими плакатами с изображениями монстров различных видов.

НАРЕЗКА ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ

ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ СТАРУХА *(с брошкой в виде монстрика на плече)*: Это не наши меньшие братья, это мы сами...

ЧЕЛОВЕК В ВОЕННОЙ ФОРМЕ: Необходимо экстренно вводить новое законодательство, необходим закон о принудительном обследовании беремен-

ных и обязательном абортировании монстрообразных “продуктов зачатия”.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА НОВОЙ ВОЛНЫ: Комитет по защите прав женщин принял в прошлом году всемирный закон о праве женщин на прерывание беременности, но решение берет на себя женщина, и только она. Нет никаких “продуктов зачатия” — есть ребенок!

МОНАХ В ЧЕРНОМ ОБЛАЧЕНИИ: Есть только одно решение — всеобщее покаяние! Грехи человечества переполнили чашу терпения Господа!

УЧЕНЫЙ: Необходимо дополнительное финансирование со стороны стран — членов мирового сообщества на генетические исследования новых обитателей планеты, а также их родителей.

ЭКОЛОГ: Необходим закон о занесении в Красную книгу этого существа, которого прежде природа не знала!

ЭПИЗОД 10. БАЗА

Таня на проходной отдает сумку, мобильный телефон. Проходит через металлоискатель, идет по длинным коридорам. Входит в лабораторию: приборы, мониторы, но и стеклянная посуда — колбы, пробирки. Шеренга маленьких террариумов, в каждом из которых сидит по монстру. Таня возится с ними очень доброжелательно, как с котятками.

ТАНЯ: Иди сюда, малыш, больно тебе не будет! Не волнуйся! Ну что ты рот разеваешь? Сейчас дам тебе морковку!

Таня делает соскобы с кожи, со слизистой пасти. Помещает эти соскобы в пробирки. Кладет одного монстра под блузку, снова

проходит через проходную, забирает свой мобильник, выходит в сквер возле базы, закуривает. Оглядывается по сторонам. Гасит сигарету. Достает из-под блузки монстра и фотографирует телефоном. Прячет монстра и возвращается на проходную. Сдает мобильный телефон.

ЭПИЗОД 11

Крошечная квартира Вадима. Звонит Таня.

ТАНЯ: Привет, Вадим. Мне надо срочно с тобой поведаться.

ВАДИМ: Может, завтра? Я весь в соплях. Вроде простуды.

ТАНЯ: Мне срочно. Можно я к тебе подскочу. Ну, на десять минут?

ВАДИМ: Честно говоря, я как-то не готов сейчас гостей принимать.

ТАНЯ: Не продолжай... Все поняла: сам болен, дома бардак, есть нечего... Адрес давай. Правда, очень нужно. Поесть тебе привезу. И насморк я в две минуты вылечу.

Вадим судорожно рассовывает майки, бумаги, диски, чашки, много книг. Все вперемешку.

Он смотрит по телевизору новости — снова монстры.

ТЕЛЕВСТАВКА

На экране молодая женщина.

ЖЕНЩИНА: Акушерка не показала мне ребенка. Сказали, что он родился мертвый. Но у меня прям та-

кое чувство было, что-то не так... А муж вообще... вообще... *(плачет)* ушел!

ВРАЧ: Да вы войдите в наше положение! Нам-то что было делать? И куда их девать? Ведь не один, не два! А каждую неделю по несколько таких случаев!

КОММЕНТАТОР: ...во всемирном центре М собраны ведущие ученые — биологи, генетики, врачи — из всех стран мира. Сегодня в мире это проблема номер один...

Вадим переключает программу.

ДИКТОР: Сегодня в Дакаре разъяренная толпа разгромила районный роддом. Местное население в большом возбуждении, считают, что рождение монстров инициировано американскими спецслужбами.

В городе Мадрасе возле буддийского монастыря, древнего архитектурного памятника города, три женщины совершили акт самосожжения. В их руках были таблички с надписями антимусульманского содержания. Две женщины погибли, третья доставлена в больницу.

Таня звонит в дверь. Вадим выключает телевизор. Таня с пакетом в руках. Оглядывается по сторонам, восхищается. Книги почти вышли из практического употребления.

ТАНЯ: Как ты далеко от центра забрался!

ВАДИМ: Мы же в Романовом переулке жили. А там всех выселили.

ТАНЯ: Ну да, известное дело. *(Вынимает из рюкзака пакет.)* Извини, только сэндвичи. Поздно, все закрыто... О, бумажные книги! Ты любитель? У меня,

между прочим, тоже есть маленькая коллекция, восемнадцать штук. Когда книги в университетской библиотеке утилизировали, я как раз зашла и мне разрешили взять все, что я хочу. У меня есть английское прижизненное издание Дарвина, и Ламарк, и Кювье. И даже первый учебник генетики с портретом Грегора Менделя!

ВАДИМ: Про Дарвина слышал, про Менделя в школе что-то проходили... остальных не знаю.

ТАНЯ: Естественно. А я ничего не знаю о твоих художниках. Говорят, еще двадцать лет тому назад школьников обучали и литературе, и истории, и философии. Массе посторонних предметов, не имеющих отношения к основной специальности. *(Вьнимает из сумки ингалятор, дает Вадиму.)* Вот, нажми один раз. Это наша разработка. Понимаешь, наша новая сыворотка действует по принципу “икс плюс один”. То есть действует на все предшествующие вирусы плюс на новый штамм. *(Вадим пшикает из ингалятора в нос.)* Пройдет все через десять минут. А теперь взгляни. *(Протягивает экранчик, на котором фотографии монстра.)*

Вадим рассматривает изображение.

ВАДИМ: Он самый! Это про них весь день на всех программах говорят! Это же монстр с картины “Сад земных наслаждений”. В правом углу левой створки. Точно он!

ТАНЯ: Мне тоже так показалось! Покажи мне ту книгу, где картинка.

Вадим достает книгу Босха и открывает перед Таней нужную страницу. Кладет ее телефон рядом с иллюстрацией.

ВАДИМ: Одно лицо! Мистика какая-то! Он! Тело жабы, округлый рот с зубами... Здесь он изображен вылезающим из чана, и хвоста не видно. А в другом месте он же — с маленькими лапками.

ТАНЯ: И я про то же... Откуда их Босх знал? Видел? Ты думаешь, что вся эта нечисть, которую Босх рисовал, в те времена существовала?

ВАДИМ: Мне это в голову не приходило.

ТАНЯ: Слушай внимательно: если бы твой Босх тогда их не нарисовал, никто бы про них сегодня и не знал! Почему другие художники не нарисовали?

ВАДИМ: Рисовали. У него были последователи.

ТАНЯ: Вот я и спрашиваю: если видели их многие, почему он первый этих монстров нарисовал, а не кто-нибудь другой?

Вадим судорожно листает альбом Босха.

ВАДИМ: Вот! набросок. Действительно, как будто с натуры рисовал.

Оба склоняются над рисунком.

ТАНЯ: Может, ему кто-то заказал?

Вадим смотрит на Таню с изумлением.

ВАДИМ: Вообще-то все его заказчики известны! Черт! Когда я писал монографию, я полгода в Голландии провел, у меня грант был, перерыл все архивы. Я одну находку там сделал. Значения не придал... Сейчас я думаю, что она связана...

ТАНЯ: Что? Что?

ВАДИМ: Да письмо я одно нашел в архиве Брюсселя. Адресовано Босху, приглашение посетить какой-то монастырь, и там печать была, она довольно мелкая. Я все отснял, конечно... *(Роется в ящике стола, снимает с полки папку, судорожно вытаскивает листы бумаги, еще одну папку, все небольшое пространство покрывается бумагой и отпечатками.)*

ТАНЯ: Что же там такое было?

ВАДИМ: Вот! Вот оно! Я переснял. Видно плохо. Но совершенно ясно, что это он самый. Где-то лупа была. Вот! Смотри! Это печатка. Ну, письма ей запечатывали! А на ней — наш монстр! Письмо написано в 1482 году, за два года до того, как Босх начал рисовать всех этих монстров. Его первый алтарь был совершенно канонический, а потом вдруг стали появляться разные монстры... Вот оно, письмо из Тизьенского монастыря... Я тогда не всё прочитал. Знаешь, испанский я гораздо хуже фламандского знаю.

ТАНЯ: Погоди-ка! Смотри, как получается: их не было, не было, потом они появились. Босх их нарисовал, а потом снова не было, не было — а теперь что, второе пришествие? Вот что надо выяснить!

ВАДИМ: Второе пришествие... Интересная мысль.

ЭПИЗОД 12

Конец XV века. Монастырь. В монастырской библиотеке собрались уже известные пятеро монахов.

СТАРЕЦ: Двери!

Атлет запирает дверь. Опускает шторы. Зажигает фонарь.

СТАРЕЦ: Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Общество святой Екатерины открывает собрание. Да ни ускользнет за порог этого зала ни слово, ни мысль, ни намек на знание, открытое нами и нашими предшественниками. Аминь.

МОНАХИ: Аминь!

СТАРЕЦ: Брат Педро! На прошлом нашем заседании тебе было поручено рассмотреть наследственные задатки семей, откуда происходили казенные женщины. Удалось ли тебе найти что-то существенное?

ТОЛСТЯК: В нашем распоряжении сто тридцать семь признаков, достоверно связанных с наследственными задатками. Весь последний месяц я проводил расчеты на основании закона ключевых рядов и получил неутешительные результаты. То, чем мы располагаем, лишь ничтожная доля необходимых нам сведений. Расчеты показали, что наследственных задатков в каждом организме десятки тысяч. Может, сотни. И все они распределены в двадцать три группы. Возможно, когда-нибудь будут составлены полные карты наследственных задатков человека. И тогда можно будет говорить об ошибках, которые совершаются при передаче свойств от родителей к детям. Сегодня это невозможно. Наши логические методы не поддерживаются технологиями.

СТАРЕЦ: А что алхимики? Работая с трансмутацией металлов, они совершили много научных открытий. Нет ли у них подходящих технологий?

ТОЛСТЯК: Не думаю. Научный азарт алхимиков питается корыстолюбием: большинство алхимиков заняты превращением грубых металлов в золото. Наука их не интересует.

СТАРЕЦ: А что удалось тебе, брат Хуан?

ЮНОША: Я исследовал рождаемость младенцев по церковным книгам и сравнивал с увеличением рождения монстров. Получилось, что через двадцать один год рождаемость детей приблизится к нулю.

СТАРЕЦ: Как ты производил расчеты, брат Хуан?

ЮНОША: Я использовал ключевые ряды.

СТАРЕЦ: Да, печальное сообщение. Природа не знает беззакония. Она знает ошибки. Я полагаю, что история с этими зверушками — одна из ошибок природы. Так, двадцать один год, если верить исчислениям брата Хуана... Как монахи, мы обязаны молиться о спасении рода человеческого, как ученые — сделать все возможное для избавления человечества от этой напасти.

В нашем мире разрыв между теологией и наукой столь велик, что сегодня мы даже не имеем возможности вслух об этом говорить. А между тем нам остался только один запрещенный инструмент воздействия на реальность: магия! Хотя христианская доктрина отвергает магию, но в религиях более древних еще осталось много мастеров, которые успешно ее практикуют. Генерал Торквемада вряд ли правильно истолкует наши исследования.

Брат Педро, Толстяк, кивает.

ТОЛСТЯК: Можно и у нас поискать! Среди алхимиков.

ЛЫСЫЙ: Нет, нет! Все они проходимцы!

ТОЛСТЯК: Нет, иногда встречаются истинные ученые!

Я знал одного такого в Брюсселе!

СТАРЕЦ: Кажется, единственная возможность — попробовать обратиться к магам. Был у меня когда-то один знакомый араб! Великий маг! Вот кого надо призвать.

ЭПИЗОД 13. РОДДОМ

Две акушерки сидят в комнатке и пьют чай. Обе удручены.

ВАЛЯ: Опять чудовище родилось.

ТАМАРА: А я в прошлую смену приняла. На УЗИ уже было видно, что это не ребенок. Врачи сбежались смотреть. С кафедры акушерства и гинекологии человек десять пришли. А что толку?

ВАЛЯ: Придушили?

ТАМАРА: Ты что? Закона такого нет. Это все равно как убийство ребенка будет.

ВАЛЯ: А я сегодня своими руками придушила.

ТАМАРА: Валя, у меня дочка беременная, я прямо ночей не сплю: а вдруг...

ВАЛЯ: УЗИ надо делать почаще. Анна Петровна инструктаж делала — сказала, что первые изменения плода они замечают на пятом месяце. Да пусть дочка твоя аборт сделает. Не дай бог родится... неведома зверушка.

ТАМАРА: Лида моя три года не могла забеременеть. Ей так ребенка хочется.

ВАЛЯ: А зверушку хочется?

ТАМАРА: Я вчера к дому подхожу, а у нас напротив дома на Лефортовском валу роддом. Вижу, спецмашина подъезжает. И сколько же их по Москве рождается?

ВАЛЯ: У нас за последний месяц девять, роддомов в Москве двести, вот и считай.

ТАМАРА: А по стране? Ой!

ЭПИЗОД 14

Тизьенский монастырь. 1484 год.

В зале библиотеки Старец и Толстяк. Входит, переваливаясь с ноги на ногу, странный изуродованный человек в сутане. Становится на колени перед Старцем.

СТАРЕЦ: Доменико, ты ли это? Живой?

ДОМЕНИКО: Вашими молитвами и еще более вашим заступничеством. Я полностью оправдан и продолжаю службу. Привез буллу от папы Иннокентия VIII.

Доменико изуродованными руками вынимает из-за пазухи свиток, кладет перед Старцем.

СТАРЕЦ (разворачивает, читает): *Summis desiderantes affectibus...** Ступай, Доменико, в трапезную. Там тебя накормят. Отдохни денек-другой перед обратной дорогой.

Доменико, кланяясь, уходит.

ТОЛСТЯК: Доменико Диорес, как я догадываюсь?

СТАРЕЦ: Да, он. Немалых трудов стоило вырвать его из рук "светоча Испании".

ТОЛСТЯК: А в чем состояло обвинение инквизиции?

СТАРЕЦ: Когда генерал Торквемада начал сжигать арабские и еврейские библиотеки, Доменико укрыл несколько поистине драгоценных книг. Я выкупил тогда эти книги и хлопотал о его осво-

* Всеми силами души (лат.).

бождении. Но пытки он прошел. Взгляни сюда!
Папская булла!

ТОЛСТЯК (*рассматривает буллу*): Это не рукой написано!
Я уже слышал, что в Германии изобрели какой-то
новый способ изготовления книг. Механический!
Впервые вижу такое!

СТАРЕЦ: Через сто лет все книги будут сделаны новым способом. Профессия писца исчезнет. Жаль. А содержание... (*Берет буллу, читает.*) Дьявольский заговор. Ведьмы расплодились. Нам с тобой казалось, что слишком много костров. А папа Иннокентий VIII и его генерал считают, что их недостаточно. Догадываешься ли ты, брат Бернардо, что с нами будет, если святая инквизиция пронюхает про наши деяния?

ТОЛСТЯК: Догадываюсь. И эта мысль не дает мне спать по ночам.

СТАРЕЦ: А мне казалось, что сон у тебя хороший. И аппетит неплохой... судя по твоему объему.

ТОЛСТЯК: Ты ошибаешься, брат мой. Мне давно уже не спится, и аппетит пропал. Но я бы предпочел жить худым, чем гореть жирным.

СТАРЕЦ: Я худой, ты тучный, но, если инквизиция пронюхает, гореть мы будем на одном костре. Однако постараемся этого избежать...

ТОЛСТЯК: Это собрание великих магов, брат мой, кратчайший пусть на костер.

СТАРЕЦ: Как говорил наш Учитель на Тайной вечере — “что делаешь, делай скорее”...

ТОЛСТЯК: А кому Он это говорил? Не Иуде ли? Есть у меня сомнение. Может быть, это нашествие монстров — замысел Господень о человеке? Может, это наказание за грехи? Не боишься ли ты оказаться Богопротивником?

СТАРЕЦ: Мне кажется, что иногда Господь хочет, чтобы ему говорили “нет”.

ТОЛСТЯК: С помощью черной магии?

СТАРЕЦ: Праотец Моисей не брезговал магией. Праотец Иаков всю ночь боролся с ангелом, и никто не знает, был он белый, серый или черный... Иаков не победил, но устоял. Я хочу, чтобы человечество устояло. Представь себе, брат Педро, окончательно разрушенный Рим, и только ящерицы ползают по его площадям, по обломкам фонтанов и скульптур... По скульптурам... мозаикам... картинам... только ящерицы...

Закрывает глаза. Толстяк смиренно стоит рядом.

СТАРЕЦ *(как будто проснувшись)*: Да. Наши рукописи могут оказаться на костре вместе с нами. А шедевры великих художников переживают тысячелетия. Ты понял меня?

ТОЛСТЯК: Кажется, да.

СТАРЕЦ: Как это ни поразительно, остаются только произведения искусства... Нет эллинов, нет этрусков, нет римлян, нет древних египтян, но осталось их искусство. Это их послание в будущее. И мы тоже должны оставить такое послание. Надо найти такого художника, который изобразит это нашествие таким образом, чтобы люди через пятьсот лет поняли, что здесь происходило.

ТОЛСТЯК: Я знал одного человека во Фландрии. Великий мастер был, хотя и совсем еще юноша. Мы были в одной общине. Я тогда мистикой увлекался! А у мальчика были всякие видения. Ах, как он рисовал! А потом его изгнали из общины. Но к тому времени меня уж там не было!

СТАРЕЦ: Может быть, именно он нам и нужен. Отнеси ему письмо. А потом соберем магов.

ТЕЛЕВСТАВКА

ДИКТОР: Сегодня в Госдуме при обсуждении бюджета на будущий год были внесены большие изменения. Огромные суммы уходят из социальной сферы на финансирование научных исследований, связанных с проблемой монстров. В связи с тем что за счет появления на свет монстров рождение нормальных детей катастрофически снизилось, от государства требуется решение этого демографического вопроса. Таким образом, намеченная на этот год пенсионная реформа откладывается, подвергнутся сокращению и некоторые другие статьи бюджета. В первом чтении после длительной дискуссии принято...

ЭПИЗОД 15

Кабинет Эриха.

ТАНЯ (*кладет диск перед Эрихом*): Здесь все задокументировано. Вирусное поражение эмбриона полностью исключено. Я выполнила порученное мне задание.

ЭРИХ: Хорошо. Я хотел предложить вам остаться у нас на ставке консультанта по вирусологии. Условия у нас хорошие, как вы могли заметить.

ТАНЯ: Нет, это невозможно. У меня другие планы.

ЭРИХ: Жаль. Я предполагал, что мы с вами сработаемся.

ТАНЯ: Нет-нет. У меня другие планы.

ЭРИХ (*возмущен*): Я вынужден вас предупредить, что на ваше прежнее место в институте Гайденко вы можете теперь не рассчитывать.

ТАНЯ (*гримасничает*): Ой-ей-ей! Придется мне поискать работу в овощном магазине! Я так люблю морковь! (*Изображает кролика, грызущего морковь.*)

ЭРИХ: Вон отсюда! Юродивая!

Таня, подпрыгивая, выскакивает из его кабинета.

ЭПИЗОД 16

Монастырь. XV век. В келье сидит брат Хуан, разрисовывает букву в рукописи. Входит Старец. Садится рядом. Наблюдает.

СТАРЕЦ: Ты помнишь, брат Хуан, как выглядит монстр?

ЮНОША: Могу нарисовать его с закрытыми глазами.

СТАРЕЦ: С закрытыми не нужно. Возьми резец и сделай мне печатку с его точным изображением.

ЮНОША: Это совсем не трудно, отец.

ЭПИЗОД 17

Ресторан средней руки. Вадим за столом, к нему пробирается Таня.

ТАНЯ: Еле нашла. Терпеть не могу рестораны.

ВАДИМ: Он хорош тем, что без музыки.

Врубается громкая музыка.

ТАНЯ: Ага. Слышу тишину. Ну, чего у тебя?

ВАДИМ: Скажи сначала, что у тебя.

ТАНЯ: Ничего. Сдала результаты генералу и ушла. Он предложил мне остаться у них на базе, я отказалась.

ВАДИМ: Обратно в свою лабораторию?

ТАНЯ *(качает головой)*: Коровье бешенство, птичий грипп, свиной грипп. Скоро новый объявится; не знают, как его обозвать для широкой публики: тигриный или обезьяний? Это рутинка: выделил вирус, сделал вакцину. Известно как. Я получила предложение работать во Всемирном центре М в Париже.

ВАДИМ: Когда?

ТАНЯ: Вчера. Там собрали лучших специалистов со всего мира. Они там довольно много уже нарыли: оказалось, множественные делеции по всему геному.

ВАДИМ: А своими словами?

ТАНЯ: А для дураков, Вадим, — выпало несколько кусков ДНК, и теперь развитие эмбриона останавливается после того, как он полностью сформирован. Начинается обратное движение.

ВАДИМ: И вставить нельзя?

ТАНЯ: Генетики этим занимаются. Пока ничего не получается. Вставлять нечего — не могут найти ни одного неповрежденного генома. Вот так! Ничего хорошего. А у тебя что нового?

ВАДИМ: Я просмотрел все доступные архивы. Практически все оцифровано. Самый большой архив в Ватикане, но туда с улицы не войдешь: все дела, связанные с инквизицией, до сих пор засекречены.

ТАНЯ: У нас тоже многое до сих пор засекречено. Контора одна — что там, что здесь...

ВАДИМ: Ну, какая сейчас секретность: только о монстрах и говорят. Главная новость. А с печаткой я кое-что выяснил, по каталогам. Она действительно принадлежала епископу Боэрро, который был настоятелем Тизьенского монастыря, это Страна Басков, та часть, которая сейчас в Южной Франции, в районе Тулузы. Монастырь существует — во всяком случае, существовал до семидесятых годов прошлого века. Письмо к Босху я перевел — в нем договариваются о встрече. И что самое интересное, письмо написано в 1482 году: в это время никаких монстров Босх не рисовал, а печатка для Боэрро уже кем-то сделана! Можно предположить, что епископ Боэрро знал о монстрах ДО Босха!

ТАНЯ: Это и интересно: кто заказал и почему?

ВАДИМ: Надо поехать и попытаться на месте разобраться.

ТАНЯ: Ты серьезно?

ВАДИМ: А почему нет? Хоть завтра!

ТАНЯ: Послезавтра. У меня билет до Парижа, мне уже прислали. От Парижа до Тулузы рукой подать.

ВАДИМ: А ты, оказывается, авантюристка, Танька?

ТАНЯ: В разумной пропорции.

ВАДИМ: Как мне это в тебе нравится.

ТАНЯ: А вот это как раз необязательно.

ЭПИЗОД 18

Пиренеи. Усталые Вадим и Таня с рюкзаками поднимаются в гору по совершенно безлюдной запущенной дороге.

ТАНЯ: Я попробую тебе объяснить в самых общих словах. Геном человека полностью картирован. Очень

многое понятно. Но еще больше осталось непонятного. Оказалось, что гены в хромосомах человека занимают не более пяти-десяти процентов, а остальное — “молчащие участки” ДНК, про которые неизвестно, за что они отвечают. То ли это пакеты генов, которые достались нам от далеких предков и перестали сейчас работать, заблокированы, то ли это наш резерв на будущее, тот генетический запас, который может включиться в процессе последующей эволюции.

ВАДИМ: Ты хочешь сказать, что человек продолжает эволюционировать?

ТАНЯ: Да, конечно. Но эволюция в биологическом мире — процесс очень медленный. Только в последние десятилетия стало понятно, как его ускорить...

ВАДИМ: То есть человек — не венец Творения, а некий промежуточный продукт.

ТАНЯ: Ну, я в таких терминах не могу ничего обсуждать... Для меня творение и есть эволюция.

Таня останавливается, смахивает пот со лба.

ВАДИМ: Отдохнем? Половину дороги уже протопали. Осталось, я думаю, километров восемь!

ТАНЯ (*снимает рюкзак, садится. Вадим достает воду*): Длупость получилась ужасная. Идем в пустое место.

ВАДИМ: Кто же знал, что было землетрясение, дорогу засыпало. Ты пойми, еще двадцать лет тому назад там жили монахи. Это не совсем пустое место! Для историка уж точно там есть чем поживиться.

ТАНЯ: Мы же не историки. Ладно, отступить уже поздно.

Две фигуры вдали, Таня и Вадим, идут по горной дороге. Карабкаются через каменный завал, и с перевала им открывается прекрасный вид. Вдали старинный монастырь.

ЭПИЗОД 19

Встреча Эриха и Гайденко в ресторане.

ЭРИХ: Я не хотел по телефону, вопрос несколько щекотливый. Я должен был прежде с вами поговорить, но так уж получилось. Словом, эта ваша Ларина — она позавчера сдала свой отчет. Работает она, конечно, как зверь.

ГАЙДЕНКО: Да. Очень способная.

ЭРИХ: Но характер! Бешеная коза!

ГАЙДЕНКО: Да, с характером.

ЭРИХ: Конечно, вам лучше знать!

ГАЙДЕНКО: Простите?

ЭРИХ: Не стану от вас скрывать, нам известно о ваших отношениях.

ГАЙДЕНКО: О каких отношениях?

ЭРИХ (с глумливой улыбкой): Со студенточкой!

ГАЙДЕНКО (слегка испугавшись): Она была совершеннолетней!

ЭРИХ: Да пошутил! С бывшей студенточкой! Кого теперь это интересует! Разве что вашу жену! Хотя — *sexual harassment*, если вдуматься!

ГАЙДЕНКО (собрáвшись): Я не собираюсь обсуждать с вами мою личную жизнь.

ЭРИХ (миролюбиво): Не надо сразу в бутылку лезть, Андрей Александрович! Вообще, разговор не о том. Дело вот какое: я предложил этой вашей бывшей подруге остаться у нас. Голова хорошая, нам такие

- нужны. Но она наотрез, наотрез и разговаривала со мной так, что хотелось портки спустить и высесть засранку! Как вы с ней могли, не понимаю!
- ГАЙДЕНКО: Простите, Геннадий Николаевич! Но я не хотел бы...
- ЭРИХ: Да уж вы меня простите, Андрей Алексаныч! Я разозлился страшно и сгоряча лишнего болтанул! Сказал, что если она у нас не останется, то и у вас ей места не будет.
- ГАЙДЕНКО: Вы понимаете, Геннадий Николаич, дело в том...
- ЭРИХ: Я, конечно, погорячился, да. Но я не понимаю, как вы с ней работаете! Я хочу сказать...
- ГАЙДЕНКО: Геннадий Николаич, она вчера была у меня...
- ЭРИХ: Жаловалась? Да, я дров наломал, надо было с ней по-другому. Дать лимон бонуса и с вами сначала обсудить... Это дело не мое, конечно, но гоните вы ее с работы, честное слово! Наглая баба!
- ГАЙДЕНКО: Она вчера сама заявление подала! Ушла она, ушла!
- ЭРИХ: Куда?
- ГАЙДЕНКО: Во Всемирный центр М!
- ЭРИХ: Что? Ну нет, вот этого не будет! *(Складывает фигу.)* Хер ей Париж! Она у нас подписку о неразглашении давала! Никуда не выпустим!
- ГАЙДЕНКО *(смеется)*: Это будет непатриотично! Там лучших ученых со всего мира собирают! А у Татьяны голова гениальная! Она и в самом деле многое может.
- ЭРИХ: Ты чё, не понимаешь, Андрей Александрович? Если у нее такая особая голова, на нас она должна работать! На нас! Уж я придумаю, как ее скрутить в бараний рог!

ГАЙДЕНКО: Не уверен, что у вас получится!

ЭРИХ: Да не таких прогинали! На ящик “Хеннеси” —
идет?

ГАЙДЕНКО: Странное пари вы мне предлагаете!

ЭРИХ: Бздишь? Правильно!

ЭПИЗОД 20

Москва. Сквер. Две старушки на лавочке. У каждой по банану в руке. Едят.

ПЕРВАЯ: Хороший овощ — мягкий, сладкий.

ВТОРАЯ: А я их не уважаю. Яблоки, груши, сливы отродясь росли. А эти откуда взялись? Раньше не было!

ПЕРВАЯ: Ну вот, машина такая въезжает во двор, дли-инная. И она выходит, как королева...

Увлеклась рассказом. Опустила руку на сиденье скамьи. Монстрик небольшой, размером с котенка, пристроился к банану, откусывает.

ВТОРАЯ: Ты смотри, смотри, ктой-то? Собачонок такой или кто? Раньше таких не было! Что за тварь?

ПЕРВАЯ: Ишь! *(Тянет к себе банан.)* Раньше и бананов не было! Кыш, кыш отсюда! Это, видать, теперешние, которые вместо деток расплодились... Вот, я говорю, машина дли-инная, а она выходит как королева...

ТЕЛЕВСТАВКА

Роскошное представление. Артисты в костюмах монстров, кричат, паясничают. Рок-группа исполняет новый хит:

Монстрик ты мой!
Монстрик ты мой дорогой!
Из каких ты стран?
Садись ко мне в карман!
Плохой или хороший,
Ты тварь живая тоже!

ЭПИЗОД 21

Фландрия. 1482 (?) год. К дому Босха подходит монах. Это брат Педро.

Босх за работой. Бросает кисть.

Толстяк присаживается на табуретку.

ТОЛСТЯК: Иероним Босх, у меня к тебе письмо.

БОСХ: Давай! *(Берет письмо, крутит в руках свиток, разглядывает печать, читает письмо, вытирает руки тряпкой.)*

Голодный с дороги? Служанка ушла куда-то, но на кухне есть хлеб.

ТОЛСТЯК: Нет, поел в харчевне у городских ворот.

БОСХ: Почему монсеньор обратился ко мне? Он что-то знает про меня? И откуда взялась эта печать?

ТОЛСТЯК: Слишком много вопросов. Монсеньор очень проницателен. Он хочет дать заказ именно тебе. Ты примешь заказ?

Босх все еще рассматривает печать.

ТОЛСТЯК: Ты примешь заказ? *(Бросает на стол кошелек.)*
Здесь сто пятьдесят талеров. Это задаток.

Босх смотрит на него с удивлением.

БОСХ: Какую же ты хочешь картину, монах?

ТОЛСТЯК: Ты меня не узнаёшь?

БОСХ: Нет.

ТОЛСТЯК: Нет так нет. Я знал тебя совсем юным. В общине...

БОСХ: Нет, нет! Не хочу об этом говорить. Не помню, не помню!

ТОЛСТЯК: Я топал сюда из Пиренеев, через всю Европу, чтобы найти тебя. В юности ты рисовал такие картины...

БОСХ: Мало ли что дети калякают. Не помню. Я делаю теперь алтари, и у меня серьезные заказчики. *(Взвешивает в руке кошелек.)* Что хочет заказать твой монсеньор?

ТОЛСТЯК: Монсеньор хочет монстров.

Босх бросает кошелек на стол, отодвигает холсты от стены и вынимает маленький этюд, на котором изображен монстр.

БОСХ: Этого хочет твой монсеньор? *(Толстяк кивает.)* Моя жена родила подобное существо два года тому назад. С тех пор она переселилась в деревню и боится показаться людям на глаза. И правильно делает. Она стала совсем сумасшедшей.

ТОЛСТЯК: Таких монстров уже тысячи бегают по свету.

БОСХ: Это наказание за грехи? Или конец света?

ТОЛСТЯК: Так многие думают. Что же касается меня, я придерживаюсь иного мнения. Мы будем пытаться это бедствие остановить. У нас есть шанс. А ты будешь рисовать тот мир, который тебе показывают в твоих видениях. Это заказ.

БОСХ: Для кого?

ТОЛСТЯК: Для тех, кто выживет.

БОСХ: Страшно.

ТОЛСТЯК: Люди любят страшное.

ЭПИЗОД 22

XV век. На площади возле монастыря — ярмарка. Торговцы, покупатели, нищие. На расстеленном коврикe человек в восточной одежде показывает фокусы с огнем. Его обступили зеваки. Среди зевак — Юноша-монах, брат Хуан.

Фокусник бросает в Юношу огненный шарик. Тот отшатывается.

ФОКУСНИК: Не бойся, лови, Хуан. Не обожжешься.

Бросает снова — Юноша ловит горящий шарик.

ФОКУСНИК *(тихо):* Отнеси настоятелю. Сегодня ночью к нему придет гость.

Держа на ладони горящий шарик, Юноша уходит.

Фокусник продолжает развлекать народ.

ЭПИЗОД 23

Монастырская библиотека. Ночь. Перед листами пергамента сидит Старец.

Дверь закрыта. Возникает Фокусник. Он в черном одеянии и мало похож на уличного актера.

СТАРЕЦ: Рад видеть тебя живым, Ибн Саид.

ИБН САИД: Да, последний раз ты, как я помню, видел меня мертвым.

СТАРЕЦ: Ты умеешь весь свет одурачить, Ибн Саид.

ИБН САИД: Дервиш — ходячий мертвец. Его тело живет на земле, а душа пребывает в Раю. Но если быть откровенным, я давно уже не вижу разницы: живой, мертвый...

СТАРЕЦ: Ты знаешь, у женщин стали рождаться монстры.

ИБН САИД: В мире всегда рождались монстры.

СТАРЕЦ: Ты прав. Но не в таком количестве! Помогите избавиться от этого бедствия. Твое могущество мне известно. Ты можешь такое, что мне не под силу.

ИБН САИД: Ты знаешь такое, что мне не по уму.

СТАРЕЦ: Я не могу изменить движение жизни. Мир пошел вспять — женщины рожают ящериц.

ИБН САИД: Я не управляю тем, что ты называешь творческим движением.

СТАРЕЦ: А заклинание?

ИБН САИД: Магия умирает. Ей на смену идет наука. Это твоё дело.

СТАРЕЦ: Наука уже многое знает, но время ее не пришло, наука еще ничего не умеет. А магия еще умеет. Так?

ИБН САИД: Можно попробовать. Но надо собрать магов от четырех ветров.

СТАРЕЦ: Ты можешь говорить понятнее?

ИБН САИД: С четырех сторон света.

СТАРЕЦ: Где их искать?

ИБН САИД: Когда я тебе понадобился, ты меня разыскал. Дал знать, и я пришел. Я только могу сказать, что один маг на самом севере, второго можешь найти в пустыне, третьего в Индии, а четвертого ты уже отыскал. Откровенно говоря, я не уверен, что человек стоит твоих усилий. Не думаю, что ящерицы много хуже.

ЭПИЗОД 24

XV век. Воздушный шар приземляется на берегу Ледовитого океана. Из корзины вылезает укутанный в меха человек. От расположенных неподалеку чумов к нему бегут несколько десятков эскимосов. Они окружили невиданный снаряд. Проявляют восторг и почтение к приезжему. Ведут его в самый большой чум. Это чум главного шамана. Висят шкуры, бубны, резные предметы из кости. Объясняются жестами. Эскимосы приветливы. Начинается пир в честь гостя. В чуме жарко. Пришелец раздевается. Это Лысый монах.

Он рисует на кусочке пергамента монстра и показывает шаману. Тот кивает, щелкает пальцами — из сваленной у стены кучи шкур вылезают два монстрика, подбегают к хозяину. Монах рисует беременную женщину и помещает изображение монстрика в ее живот. Шаман кивает — они начали понимать друг друга. Монах просит помочь. Шаман соглашается.

Монах и Шаман подходят к корзине воздушного шара. Шар обмяк, лежит рядом, как дохлый кит. Монах предлагает Шаману влезть в корзину.

Они в корзине. Монах поднимает рычаг — шар начинает наполняться воздухом. Он поднимает еще один рычаг, в устье шара загорается огонек. Шар начинает подниматься, корзина отрывается от земли. Шаман страшно напуган, он кидается к борту и выбрасывается из корзины. Монах пытается его удержать. Но тот уже снаружи. Шаман раскинул руки и летит вслед за шаром. Они удаляются, превращаясь в точку на горизонте.

ЭПИЗОД 25

XV век. Крыша монастыря. Приближается воздушный шар. Рядом парит Шаман. Атлет указывает ему на крышу монастыря.

Шаман опускается на крышу. Оглядывается. Красота. Закат солнца. Он смотрит на горгулий, украшающих скат крыши. Закатный свет падает на них. Они розовеют, как будто наливаясь кровью. Шаман спускается по лестнице.

ЭПИЗОД 26

XV век. Пустыня. Вечерет. Укутанный в бурнус человек едет на верблюде. На втором верблюде болтается свернутый ковер. Человек в бурнуса останавливает верблюда, тот опускается на колени. Всадник спешивается, останавливает второго верблюда, стаскивает сверток и разматывает его. Появляется еврей в кипе, в молитвенном одеянии, со связанными руками и ногами, с кляпом во рту. Человек вынимает кляп, развязывает пленнику руки и ноги. Откидывает со своей головы бурнус. Это брат Бонифаций по прозвищу Атлет.

ЕВРЕЙ: Я бедный ученый, но община заплатит за меня богатый выкуп.

АТЛЕТ: Приношу свои глубокие извинения, досточтимый Бен Захария. Ты так плотно окружен толпой учеников, что у меня не было никакой другой возможности поговорить, кроме этой, несколько грубоватой.

БЕН ЗАХАРИЯ: Не самый удачный способ знакомства.

АТЛЕТ: Я согласен. Но я не мог с тобой поговорить, предварительно не похитив. Знаешь ли ты, что по всей Европе во множестве стали рождаться монстры?

БЕН ЗАХАРИЯ (кивает): Я ничего не знаю. Но каббала это знает.

АТЛЕТ: Правду ли говорят, что каббала дает сокровенное знание?

Бен Захария кивает. По пустыне едут дальше два всадника; под одним из всадников сложенный ковер — для мягкости.

ЭПИЗОД 27

Монастырь. XV век. На стене трапезной огромная фреска: два человека несут на палке огромную гроздь винограда. Каждая виноградина видна: они прижаты друг к другу, хорошо прописаны. Эта фреска — увеличенная копия картины неизвестного мастера, висящая и по сей день в Музеон Израэль в Иерусалиме. Сюжет — возвращение разведчиков, высланных Моисеем в Землю обетованную. Выше фрески висит небольшая картина — на ней изображен известный сюжет *Torcilus Christi*, Христос в точиле. Здесь кровь Христову символизирует вино.

В трапезной накрыт богатый стол. Вокруг стола монахи, Ибн Саид, Шаман и Каббалист.

СТАРЕЦ: Почти все в сборе. Нет только индийского йога.

ИБН САИД (вынимает из пояса большой лиловый камень и дышит на него. Тот сначала затуманивается, потом начинает светиться и расти. В середине камня появляется фигура старого старика с длинными волосами, покрывающими его с ног до головы): Он здесь. Поможешь ли ты, Расдаши, справиться с великим бедствием — женщины стали рожать монстров. Можешь ли ты силой магии запретить им?

Йог кивает.

СТАРЕЦ: Пригласи его к нашей трапезе.

ИБН САИД: Насколько мне известно, он не ест уже третье столетие.

Йог в глубине камня кивает.

Служка вносит и ставит на стол блюдо с жареным поросенком. Каббалист в ужасе вскакивает. Шаман хватает поросенка и, зажмурившись, впивается в него зубами.

АТЛЕТ (Каббалисту): Ради всего святого, не пугайся. Никто не заставит тебя есть некошерную еду. (Ставит перед ним тарелку с яблоками и виноградом, подносит большой бокал вина.) Вино — кошерный продукт.

КАББАЛИСТ (берет бокал, нюхает): Предположим! (Делает глоток.) Качественное вино!

СТАРЕЦ: Великие маги! Мы обратились к вам, потому что однажды в истории вы проявили мудрость и знание, когда пришли приветствовать младенца, родившегося в Вифлееме. (Маги кивают.) И теперь мы просим вас совершить великий обряд очищения мира от ужасной напасти — рождения монстров у людей. (Маги кивают.)

ИБН САИД: Ну что же, покушали, теперь займемся делом!

Шаман догрызает последнюю косточку и бросает на блюдо. Вытирает рукой рот.

ШАМАН: Хороший был тюлень!

СТАРЕЦ: Мы можем только молиться о сохранении человечества. Волхвы сделают то, что нам не под силу.

Монахи встают, идут к маленькому алтарю. Становятся на колени спиной к магам.

Шаман бьет в бубен. Ибн Саид поднимается в воздух и начинает медленно кружиться. Бен Захария, укрытый с ног до головы молитвенным покрывалом, затягивает пронзительную мелодию. Камень, в котором заключен йог, раскрывается, как лотос. Йог

выходит из камня, вырастает до человеческого размера. Волны разноцветного света заливают библиотеку, лучи вращаются, создавая изумительный эффект — картина очень стройного и упорядоченного вращения в ускоряющемся темпе. Звучит небывалая музыка.

ЙОГ: Двести лет.

ИБН САИД: Двести лет!

КАББАЛИСТ Сто лет!

ШАМАН (морщится): Пятьдесят четыре года одиннадцать месяцев!

Цифра, которую называет Шаман, должна обеспечить правильное прочтение календаря фильма.

Картина происходящего сворачивается, вся оказывается в виде замочной скважины. За дверью, припав к скважине, за происходящим подсматривает посланник от Папы Иннокентия VIII, брат Доменико.

Монахи встают с колен. Все участники сеанса, включая монахов, сидят за столом.

ИБН САИД: Та Высшая творческая сила, в которую все мы веруем, уступила нашим смиренным просьбам, и, пока магия в мире полностью не исчерпалась, монстры не будут рождаться у людей. Через пятьсот пятьдесят четыре года и одиннадцать месяцев действие магии исчерпается! Это все, что мы смогли сделать! Надеюсь, к тому времени наука сможет разрешать такие задачи! Теперь нам осталось лишь последнее деяние — скрепить кровью обет молчания. Мы, высланные впереди нашего времени, клянемся нашей кровью молчать до конца дней о совершившемся здесь заклинании.

Ибн Саид берет аметистовый флакон в форме колбы, в котором был заключен йог, колет себе палец ножом, и капля крови из его пальца капает в сосуд. То же проделывают и все остальные.

ИБН САИД: Это сосуд с нашей кровью, очищенной от той порчи, которая вызывала рождение монстров. Когда-нибудь эта чистая кровь поможет нашим потомкам.

Монахи принимают участие в клятве — их кровь тоже капает в колбу.

СТАРЕЦ: У нас есть тайник.

ИБН САИД (*оборачивается к фреске*): Вот лучший из тайников. Он находится не в нашем мире. В соседнем...

Старец закрывает глаза.

ЛЫСЫЙ: В аду?

ЮНОША: В раю?

ИБН САИД: Вы на правильном пути. Еще один шаг...

СТАРЕЦ: Да. Я знаю об этой гипотезе, она высказывалась еще в древности. Миров, таких же как наш, множество.

ИБН САИД: Да. Их столько, сколько звезд на небе, сколько песчинок в море, сколько ягод в виноградных лозах. И они часто соприкасаются между собой, но мало кто знает, как туда попасть. Там мы и спрячем нашу драгоценную кровь.

СТАРЕЦ: Ее никогда не найдут!

ИБН САИД: Если магии суждено умяляться, а науке — расти, то найдут!

Он подходит к фреске, проводит перед ней флаконом диковинное движение, стена расступается, и флакон медленно пррлетает в образовавшееся отверстие. Стена закрывается. В месте затянувшейся дыры сияет слово "INTROITUS". Маг ставит крестик.

СТАРЕЦ (торжественно): Да свершится!

Все замирают — торжественная минута.

ТОЛСТЯК: Не знаю, смогут ли наши потомки проникнуть так глубоко в тайну миров!

СТАРЕЦ: Мы смогли, и они смогут!

БЕН ЗАХАРИЯ: У меня особая просьба: пусть никто и никогда не узнает, что в этом заклинании участвовал еврей. А то опять все будут говорить, что евреи виноваты.

ШАМАН: Евреи — это кто?

ТОЛСТЯК: Раньше не знал, и дальше не знай.

ИБН САИД: Вот за то вас и не любят, что вы в первую очередь о себе думаете!

БЕН ЗАХАРИЯ: Ну вот! Только что мы так хорошо вместе поработали, и вот уже начинается!

СТАРЕЦ: Ибн Саид, Бен Захария прав. Бедствие общечеловеческое, и не надо сюда примешивать национальные проблемы. Что ни говори, а Десять заповедей мы получили от Моисея!

ИБН САИД: Никто не спорит. Но до этого казни египетские унесли 84 процента населения Египта.

Шаман поднимается в воздух и, помахав рукой, вылетает в окно. Йог отправляется вслед за Шаманом.

БЕН ЗАХАРИЯ: Ну и что? А когда был Всемирный потоп, погибло девяносто восемь с половиной процента наличного человечества. Другого выхода не было.

ИБН САИД: А кто остался? Ваш Ной со своим семейством?

Каббалист растворяется.

АТЛЕТ: А я хотел везти его обратно на верблюде!

ИБН САИД: Не надо ему верблюда. Он умеет силой мысли переноситься в отдаленные места. И до сих пор никому не открыл этого способа!

СТАРЕЦ: Не ворчите и не ссорьтесь, а то прокиснет наша честная кровь!

ИБН САИД: Она и так прокиснет. В свой час!

СТАРЕЦ: А как там твой художник, брат Педро? Работает? Никто не знает, сколько у нас времени осталось.

ЭПИЗОД 28

Монастырь. Таня и Вадим поднимаются на колокольню. Выглядывают из окна. На одном уровне с ними крыша. Ее угол украшен горгульей — это совершенное воспроизведение знакомого нам монстра.

ТАНЯ: Смотри! Он!

ВАДИМ: Это не он. Это архетип.

ТАНЯ: Какой архетип? Та же морда, хвост. Только у наших крыльев нет.

ВАДИМ: Это глубинные страхи человека. Коллективное бессознательное, вот что.

ТАНЯ: Какое там бессознательное? Реальная катастрофа! Перед отъездом пришла последняя сводка по Минздраву: за последнюю неделю не родилось ни одного ребенка, только монстры. Эти самые архетипы. *(Высовывается с лестницы.)* Смотри, сходство потрясающее. Просто портрет нашего монстра.

Спускаются с колокольни. Внизу лежат их рюкзаки. Один спальный мешок. Смеркается.

ВАДИМ: Сейчас совсем стемнеет. Надо устраиваться на ночлег. Приглашаю тебя разделить со мной спальный мешок.

ТАНЯ: При условии...

ВАДИМ: ...что я себя буду хорошо вести?

Упихиваются в спальный мешок.

ЭПИЗОД 29

Шикарная гостиница в Париже. Номер Эриха. Перед ним стоит навьютяжку Рогожский.

ЭРИХ: Двенадцать часов упустили. Дали ей улизнуть. Это наша вина. Отчасти — моя лично!

РОГОЖСКИЙ: Если б своевременно — и разговору никакого. Граница в Шереметьево только с виду решето, а если надо — муха не влетит, не вылетит.

ЭРИХ: Ладно. А что дальше? Дальше что? Куда она делась?

РОГОЖСКИЙ: В Центре М два наших парня сидят, все под контролем. Она должна была вчера там появиться, ее ждали. Самолет приземлился в шестнадцать сорок по Парижу, и она прошла паспортный контроль...

ЭРИХ: А это откуда известно?

РОГОЖСКИЙ: Ну как, служба Шарля де Голля вся под контролем! Все биотерры в связке, как МЧС!

ЭРИХ: Дальше!

РОГОЖСКИЙ: А дальше на кампусе она не появилась...

ЭРИХ: Рехнулся, что ли? Какой кампус? У нее статус на пять звезд!

РОГОЖСКИЙ: Мировой совет отменил все привилегии. Все в одной общаге. Она там не появилась, и куда она закатилась, сказать не могу. Мы задание получили в 21:30. Так? В Сети ее не было. Телефоном не пользовалась. Матери ее дозвонились, она в Калуте у сестры, ничего не знает. Почту всю прочесали: в Париже у нее три корреспондента, дальняя родня, сестра ее бабки жила в Париже, там какие-то престарелые племянницы, им никаких сообщений не отправляла. Еще шесть коллег, из них трое (*протягивает список*) там же, в Центре работают. Один австралиец, одна индуска и швейцарец, молекулярные биологи все трое. На связь, возможно, выходила со швейцарцем, но это по контурному следу определили, разговор состоялся двумя часами раньше, чем мы начали слежение.

ЭРИХ: Электронный профиль взяли?

РОГОЖСКИЙ: Само собой! Пусто, не светит!

ЭРИХ: В бункере она, что ли?

РОГОЖСКИЙ: Может, заблокировалась?

ЭРИХ: Прокатные машины просмотрел?

РОГОЖСКИЙ: Ребята этим заняты. Шесть человек на телефоне сидят. Трудоемкая операция.

ЭРИХ: Двенадцать часов у тебя есть, Рогожский. (*Смотрит на часы.*) Я на тебя рассчитываю.

РОГОЖСКИЙ: Разве я когда подводил?

ЭРИХ: Нет.

ЭПИЗОД 30

Монастырь. Двор возле колокольни. Рассветает. В спальном мешке спит Таня. Рядом с ней — изгнанный из мешка Вадим. Просыпается. Смотрит на часы в телефоне. Половина восьмого. Толкает Танию в бок.

ВАДИМ: Тань, просыпайся! Уже светло. Не так много времени. Темнеет рано.

ТАНЯ (*высовывает голову из спальника*): Встаю, встаю.

ВАДИМ: А чего ты меня выгнала?

ТАНЯ: Приставал!

ВАДИМ: Ты что? И не думал! Я просто тебя не предупредил, что во сне брыкаюсь! А вообще-то, если бы и приставал... Чего же в этом плохого?

ТАНЯ: А то, Вадим, что это вообще не для меня!

ВАДИМ: Почему?

ТАНЯ: Раз и навсегда: у меня уже был опыт, и он полностью провалился!

ВАДИМ: Ну и что? И у меня был опыт, и даже не один... и тоже...

ТАНЯ: А мне одного достаточно! Кончай базар, а? Закрыли тему.

ВАДИМ: Хорошо.

ТАНЯ: А поесть у нас ничего?

ВАДИМ: Попить можно. Колодец не завалило. (*Вынимает из рюкзака хлеб и кусок сыра.*) А ты ругалась, зачем я лишнюю тяжесть тащу! Пригодилось! (*Умывается возле колодца.*) Как это ведро сохранилось? У нас бы сперли давно!

ТАНЯ: Здесь просто спереть некому. Пустое место. Ничего мы здесь не найдем, конечно, но зато опыт... и вообще... красота! Как будто и нет никакого конца света.

ВАДИМ: Мы уже здесь, и надо использовать этот шанс.

ТАНЯ: Ты прав! *(Открывает айпад.)* Последние известия!

- Просто гениально! Католическая церковь после жестоких прений в курии сняла запрет с противозачаточных средств. Но аборт по-прежнему под строжайшим запретом. Театр абсурда!

ВАДИМ: Побереги батарею. Здесь подзарядить негде.

ТАНЯ: Минуту! Еще минуту! Очень важное сообщение. Кажется, вид *Homo sapiens* заканчивает свое существование. Обследовали все банки данных: в мире больше нет людей с нормальным геномом. Все дефектные! Деток больше не будет!

ЭПИЗОД 31

Перед монитором сидит Рогожский. Вспыхивают звездочки, он крутит ручками. Наконец останавливает беготню цветных точек на экране.

РОГОЖСКИЙ: Вот она!

Идет автоматический поиск координат.

ЭПИЗОД 32

Монастырь. XV век. В библиотеке, в полутьме сидят пятеро монахов. Старец подходит к окну.

К монастырю поднимается отряд с горящими факелами в черных одеждах.

СТАРЕЦ: Похоже, что нас не удостоят даже судебным разбирательством.

ЛЫСЫЙ: При современном законодательстве это даже к лучшему.

ТОЛСТЯК: Какое законодательство! Одного доноса вполне достаточно.

СТАРЕЦ: Бедный Доменико! Он хороший человек. Но пытками они превратили его в доносчика.

АТЛЕТ: Могу понять это. Я с детства очень боюсь боли. Даже зубной. Помнишь, брат Альфонсо, когда у меня болели зубы, ты дал мне снадобье и велел принимать его по три кристаллика.

За окном нарастает шум, факельное шествие приближается.

ЛЫСЫЙ: Да. Мне подарила его одна благородная молодая вдова девятнадцать лет тому назад. Это змеиный яд. Он убивает в две минуты, если взять не три кристаллика, а шесть. Я тайно принес ей этот яд в тюрьму, и она избежала костра. Остатки достались мне. И ее младенца, рожденного от известного арабского ученого, удалось спасти. Мальчик был слишком смугл и нарушил мир в знатном семействе. Он вырос в нашем монастыре.

Юноша опускает голову.

ТОЛСТЯК: И много у тебя осталось этих кристаллов?

ЛЫСЫЙ: Достаточно.

Шум прямо под окнами. Крики мешаются с религиозными гимнами.

СТАРЕЦ: Кажется, пришло время нашей последней трапезы.

Юноша приносит кувшин вина и хлеб. Лысый вынимает из складок одежды маленькую коробочку.

ТОЛСТЯК: Вино не обладает нейтрализующим действием?

ЛЫСЫЙ: Содержащийся в вине *spiritus vini* обладает усиливающим действием.

СТАРЕЦ: Я думаю, мы сделали всё, что было в наших силах.

АТЛЕТ: Как жаль, что мы не маги, — могли бы улететь.

Как будто из воздуха появляется маг Ибн Саид.

ИБН САИД: Любой может улететь! *(Улыбается Старцу.)*

СТАРЕЦ *(кивает ему)*: Мы и улетим!

В дверь стучат, начинают ломиться.

ТОЛСТЯК: Меня заботит одно — смогут ли потомки достать то, что им приготовили.

СТАРЕЦ *(указывает на фреску, где написано слово INTROITUS и стоит крестик)*: Может быть, правильнее было написать слово EXODUS и всем уйти туда?

ИБН САИД: О нет, это не место для монахов!

Лысый высыпает в кувшин содержимое коробочки. Юноша взбалтывает кувшин и разливает вино по бокалам.

СТАРЕЦ: Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Монахи выпивают вино. Дверь сотрясается.

МАГ *(гладит Юношу по голове)*: Теперь, сынок, начнется для нас самое интересное.

Распахивается дверь. Крики: "На костер! Пособники сатаны! На костер!"

Входит отряд инквизиции, за ними толпа пьяного народа, уродливые морды точь-в-точь с картины Босха.

За столом пятеро мертвых монахов и маг.

ЭПИЗОД 33

Таня и Вадим в дверях той же библиотеки, но спустя пятьсот лет. Здесь крыши нет, обломки камней на полу, огромные трещины в стенах. Но светло! Слои песка и пыли на всех поверхностях. Герои осматривают помещение и разговаривают. Пять саркофагов возле боковых стен и один саркофаг под еле видной фреской с изображением двух людей, несущих на шесте оградную гроздь винограда.

ВАДИМ: Знаешь, что мне это напоминает? Роман Умберто Эко "Имя розы".

ТАНЯ: Не читала.

ВАДИМ: Ты что? Как это ты ухитрилась?

ТАНЯ: Вадим, ты что, не понимаешь, я всю жизнь работаю, как раб, по четырнадцать часов в сутки. Никаких книг, только по делу.

ВАДИМ: Понял, понял! Там описан вот такой монастырь, история детективная, вроде Дюма!

ТАНЯ: "Трех мушкетеров" читала в детстве. Чепуха какая-то!

ВАДИМ (отгребает камни, чтобы подойти поближе к фреске): Ну, "Имя розы" тоже покажется тебе чепухой. Там действие происходит в монастыре. Кино можно было бы здесь снимать, атмосфера таинственности, загадки, какой-то мистики! (Останаавливается перед фреской.) Чудесная фреска! Четырнадцатый век, не позже! Редкий сюжет. Виноград в христиан-

ском понимании всегда связан с кровью Христовой. Картина эта тоже довольно редкий сюжет — Христос в точиле. Тоже с кровью связанный сюжет. И почему-то написано *INTRONIUS*. На латыни — вход. Прямо в середине виноградной грозди. А выше — крестик. Вот, красненький!

Вадим подходит к саркофагу и понимает, что фигура, лежащая на верхней поверхности, вовсе не из мрамора. Он счищает пыль с лица скульптуры. Это маг Ибн Саид.

ВАДИМ: Таня! Посмотри-ка!

Таня уже стоит рядом с Вадимом. Рука скульптуры поднимается очень медленно ко лбу. Поднимается вторая рука.

ТАНЯ (шепотом): Механика? Какая-то древняя механика? Да? Что-то мне это не нравится...

Руки стряхивают с лица пыль. Вздрагивают веки. Таня стискивает руку Вадима. Второй, свободной, он обнимает ее за плечи.

ТАНЯ: Вадим, мне страшно. Пошли отсюда.

ВАДИМ: Не бойся. С античных времен уже знали всякие механические штучки...

Скульптура открывает глаза. Маг оживает на одну минуту.

МАГ: Ты не опоздал. Подойди ближе!

Таня и Вадим подвигаются ближе к говорящему.

МАГ: Здравствуй, юноша! Я ждал тебя пятьсот пятьдесят четыре года и несколько месяцев. Чистая, без

всяких изъянов кровь находится в соседней Вселенной. Ты пришел вовремя. Через десять дней кровь умрет. Вход помечен крестиком.

Руки Мага падают, и он весь рассыпается в прах. Остается только кучка светлого песка.

Таня и Вадим прикасаются к песку. Вадим пересыпает его в пальцах.

ВАДИМ: Ты поняла?

ТАНЯ: Да. Где-то здесь есть чистая без всяких изъянов кровь. Если это так, мы можем вернуть в мир детей. А где крестик?

ВАДИМ: Надо поискать!

ТАНЯ: А почему он обращался к тебе, а не ко мне?

ВАДИМ: Потому что пятьсот лет тому назад женщин за людей не считали! Амазонок знали, а феминисток — нет!

ТАНЯ: Почему только десять дней? Срок годности, что ли? Не верится. По-моему, просто бред!

ЭПИЗОД 34

Москва. Возле подъезда дома останавливается спецавтомобиль. Из него выбегают два дюжих парня в белых халатах. Бегом поднимаются по лестнице; один звонит в дверь, второй встает так, чтобы его было не видно.

Дверь открывает молодая женщина. Двое в халатах входят.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК В ХАЛАТЕ: Вы стояли на учете в женской консультации № 62. После третьего УЗИ, сделанного в 18 недель, вы исчезли и больше не приходили на обследование. По нашим сведениям, вы родили ребенка в домашних условиях,

чем нарушили закон о всеобщем медицинском обслуживании населения.

ЖЕНЩИНА: Я не отдам вам моего ребенка.

ЧЕЛОВЕК В ХАЛАТЕ: Мы пришли его освидетельствовать.

МУЖЧИНА: Наш ребенок — наше частное дело.

Женщина мечется между комнатой и кухней, загоразживает дверь.

Двое в халатах уже склонились над манежем, в котором бегают ящерица с белым клювом. Один берет ящерицу, второй вынимает из кармана конверт и отдает женщине бумагу...

ЖЕНЩИНА (требуется): Отдайте! Это мой ребенок! Я его родила!

Отец ребенка отодвигает женщину в глубину комнаты.

МУЖ: Леночка! Лена! Может, так и лучше будет!

ЖЕНА (кричит): Отдайте!

ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ ХАЛАТЕ: Мы не имеем права его оставить у вас. Это невозможно! Согласно инструкции...

Мужчины спускаются в пикап. Один садится за руль. Второй, с ящерицей, садится назад. Вынимает банку, бросает туда ящерицу и закрывает крышку. Ящерица, совершив несколько судорожных движений, замирает.

ЭПИЗОД 35

Москва. Богатая квартира. Накрытый стол. Гости. В углу комнаты большой террариум. В нем две черепахи и монстр.

ДАМА: У вас такие славные черепашки!

МАЛЬЧИК ВОСЬМИ ЛЕТ: Папа их купил в зоомагазине, когда еще в пятый класс ходил.

ДАМА ВТОРАЯ: Это же сколько им лет?

ХОЗЯЙКА: У нас они больше десяти лет. Немного выросли. Черепахи медленно растут. Как вам понравился этот новый салат? Рецепт мне дала соседка, но я его немного улучшила — вместо картофеля положила яблоко...

ПОЖИЛОЙ ГОСТЬ: А третий жилец террариума — антропозавр?

ХОЗЯИН: Ну что вы, Николай Федорович! Мы бы никогда не стали держать этих монстров. Его Костя купил в зоомагазине в прошлом году. Костя, когда ты его купил?

ЕЛЕНА: Нет, это не Костя купил, нам подарили на день рождения.

МАЛЬЧИК: Mam, ты что, не помнишь, ты принесла его из больницы...

ПОЖИЛОЙ ГОСТЬ (*шепчет на ухо даме*): Ты поняла, что у них происходит? Это же их ребенок!

ДАМА (*шепотом*): Я и сама догадалась.

ПОЖИЛОЙ ГОСТЬ (*шепотом*): Если что, мы ничего не видели.

ДАМА: Чудный салат! Очень пикантный! Значит, филе копченой форели, сельдерей, яблоко...

ЭПИЗОД 36

Машина у приемного отделения роддома. Выходит шофер с контейнером. Открывает заднюю дверцу машины, кладет туда контейнер. Там уже стоит целый штабель контейнеров, к каждому прицеплена этикетка: Иванова, Подольская, Карачарова...

ЭПИЗОД 37

Секретарша с телефонной трубкой в обстановке офиса.

СЕКРЕТАРША: ООО “Гиппократ”. Александр Арамович? Да. Мы можем хранить до конца смены. Нет, я не знаю никаких деталей. Мне Виталий Алексеевич велел вам позвонить, я и звоню. Хорошо. До пяти часов, пожалуйста. Не беспокойтесь, не первый раз. Салат или морковь, как обычно. Нет, мяса он не ест. Спасибо. *(Вешает трубку. Снимает другую, местной линии.)* Виталий Алексеевич, я все сделала, как вы сказали. Позвонила Айрапетяну. А оформляем как обычно! Хорошо, хорошо.

ЭПИЗОД 38

Кабинет Гайденко. Встреча с Эрихом.

ГАЙДЕНКО: У нас, к сожалению, нет исходного материала. Исходного материала сейчас нет ни у кого. Только что прошло сообщение: в университете Пасадены обнаружили, что все сто процентов человечества утратили некий набор генов и без них происходит остановка в развитии плода и его перерождение.

ЭРИХ: Да, но у нас когда-то был уже разговор о генозаменителях.

ГАЙДЕНКО: Двадцать лет тому назад.

ЭРИХ: Значит, настало время вернуться к идее синтетических генов.

ГАЙДЕНКО: Тогда речь шла о небольших фрагментах, способных заменить утраченную часть или пораженный участок, а не о целом организме.

ЭРИХ: Но тогда были другие возможности и другие задачи. С этого года неограниченное финансирование. Весь военный бюджет заморожен, все деньги кидают на этот проект. Я предлагаю вам пост научного руководителя проекта.

ГАЙДЕНКО: Я должен подумать. Слишком много шансов на полный провал. Вы понимаете, в чем суть этого предложения? Конструирование новой породы людей.

ЭРИХ: Отлично! Подберете такую команду, какой свет не видывал! Игроков высшей лиги! Мы пригласим сюда лучших генетиков и биохимиков мира: Гопкинса, Калатраву, Варшавского! Все приедут как миленькие! Дадим такие деньги и такие бонусы! Да, и вашу эту Ларину выпишем. Ну пусть не год, пусть пять, десять лет! Но ведь всем тогда вставим!

ГАЙДЕНКО: Но вы понимаете, что это будут не люди?!

ЭРИХ: Так тем лучше!

ЭПИЗОД 39

В библиотеке монастыря. Таня и Вадим перед саркофагом.

ВАДИМ: Как в кино.

ТАНЯ: Ага. В приключенческом. Только непонятно, что надо делать.

ВАДИМ: Давай для начала уберем этот прах, песок...

Вадим сдвигает крышку саркофага. Таня высыпает из горсти песок внутрь саркофага.

ТАНЯ: Как все это странно.

ВАДИМ (*заглядывает внутрь саркофага*): Погоди, не сыпь!
Там что-то лежит.

ТАНЯ (*заглядывает через плечо Вадима. Там свитки*): Ну и ну!

Вадим наклоняется и вынимает свиток, очень нежно расправляет его.

ВАДИМ: Это рукописный шрифт пятнадцатого века!
Что-то вроде каталога, по годам. За десять лет. Таблица какая-то!

Таня разглядывает листы пергамента.

ТАНЯ: Но это всё на латыни!

ВАДИМ (*тычет пальцем*): Здесь что-то алхимическое, кажется. Какие-то странные символы. Вот написано: “Анализ проведен по 137 известным нам качественным и количественным признакам и по данным родословных”.

ТАНЯ: О господи! Это же настоящая генетика, за четырьмя десятилетиями до открытия Грегора Менделя! Надо сфотографировать!

Открывает свой айпад — зарядка закончилась. Она в досаде швыряет его на пол.

ВАДИМ (*достает из кармана телефон*): Говорил я тебе, не пали батарею! Мой пока работает! Отсниму!

Таня и Вадим сидят рядом. Прядь ее волос касается его лица. Он зажимает ее в пальцах. Она или не замечает... или делает вид, что не замечает.

Вадим фотографирует, разворачивая свиток.

ТАНЯ: Переводи! Переводи!

ВАДИМ: Я так с ходу не могу! Это надо потом будет долго расшифровывать.

ТАНЯ: Ну хоть что-то!

ВАДИМ: Цвет глаз... форма... что-то про ухо... леворукость... время... кровь... — не понимаю: может быть, время отвердения? Или загустевания крови?

ТАНЯ: Сойти с ума! Время загустевания крови! Это свертываемость!

ВАДИМ: Раз, два, три... Да, все признаки — я не всё могу перевести — разбиты на 23 группы

ТАНЯ: О господи! Двадцать три пары хромосом! Это совершенно невероятно! Новая глава в истории науки! Древние монахи занимались генетикой! В пятнадцатом веке знали о свертываемости крови!

ВАДИМ: Фантастика!

ТАНЯ: Слушай, надо попытаться найти ту кровь, про которую этот песок нам говорил.

ВАДИМ: Сначала соберем этот песок!

Таня и Вадим сгребают кучки песка и сбрасывают в саркофаг. Вадим задвигает крышку. Таня садится на пол и охватывает голову руками.

ВАДИМ: Тань, но приключение-то получается! Где-то есть кровь. Крестик нашли, вон он на стене. Написано: ВХОД. Нам же маршрут дали: сначала Босх, потом эта виноградная лоза, потом этот сюжет “Иисус в точиле”...

ТАНЯ: При чем тут Иисус?

ВАДИМ: При том! Именно про это: Иисус отдает свою кровь для исцеления человечества от грехов!

ТАНЯ: Ой! Ну вот этого я терпеть не могу, всю эту религиозную мистику.

ВАДИМ: Оставим Иисуса, если он тебе так не нравится! Вот, мы пришли к виноградной лозе, которая символизирует множественность вселенных. И нам предлагают войти... ВХОД! — там написано!

ТАНЯ: Откуда ты взял про множественность вселенных?

ВАДИМ: Таня, я не читаю книг по современной космогонии. Но в изобразительном искусстве есть свой язык, это ведь тоже описание мира и даже миров. В каком-то смысле каждый подлинный художник создает Вселенную со своими системами координат, со своими законами существования.

ТАНЯ: Ты хочешь сказать... Ты хочешь сказать... Да, есть современная теория, которая рассматривает Вселенную как гроздь... Или как пену... Черт, у меня эта штука разрядилась. Можешь позвонить по своему телефону?

ВАДИМ: Кому?

ТАНЯ: Цюю, конечно! Пусть прилетает со своей хреновиной! Может, он откроет эту границу? *(Тычет пальцем в надпись.)* Этот INTRONIUS точно обозначает “вход”?

ВАДИМ: Да. На латыни.

ТАНЯ: Ну звони же, чего ты ждешь. Телефон у тебя записан.

ВАДИМ: Да он не приедет.

ТАНЯ: Он? Не приедет? Ты ничего не понял! Он прибежит, примчится, прилетит! Не потому, что он такой хороший, а потому что всю жизнь мечтает, чтобы я его о чем-нибудь попросила!

Вадим набирает номер, дает Тане телефон.

ТАНЯ: Вася, привет! Ты мне очень нужен. Немедленно. Да, дело жизни и смерти. Коллайдер твой нужен! Только не в пределах Садового кольца. Долетаешь до Тулузы... до Тулузы! Оттуда — до Тизьенского монастыря. Прямой дороги нет. Не знаю. Ты это лучше моего решишь! Хоть на вертолете. Жду тебя.

ВАДИМ: Ты даешь!

ТАНЯ: Хорошую кашу заварили! Вдруг у нас ничего не получится? *(Шумно выдыхает, делает гримасу, изображая Цоя.)* Это очень просто. Вот, смотри! Нобелевкой они у меня не отделаются! Это просто плюнуть раз, и вот он, Таня, переход границы нашей Галактики и выход в иную Вселенную. Вот! *(Сбрасывает с лица гримасу, говорит усталым голосом.)* Все! Увидишь, он прилетит! Отложим до завтра! Уже темнеет, пора ночлег устраивать. Здесь я точно ночевать не буду!

ВАДИМ: Возьми мой спальник и выбирай любую из келий в северном крыле.

ТАНЯ: А ты где?

ВАДИМ: Устроюсь где-нибудь.

ЭПИЗОД 40

Сон Тани. Монастырь. Странное освещение. Она стоит на лестнице, ведущей на колокольню, рассматривает каменную горгулью, вырастающую на краю крыши. Горгулья наливаются цветом. Красная шея, белый клюв. Хвост начинает шевелиться, она взмахивает крыльями. Вот Таня на лестнице в окружении монстров. Они ластятся к ней, как котята. Их все больше и больше, они заполняют всю лестницу. Таня под-

нимаются вверх, на площадку колокольни. Но их все прибывает, они теснят ее к парапету. Она влезает на парапет и с криком падает вниз. Туча летающих монстров окружает ее в воздухе.

Таня кричит и просыпается в келье. Светает. Она подходит к окну. На подоконнике сидит монстр и ест яблоко.

Таня кричит и бежит по коридору.

ТАНЯ: Вадим! Вадим!

Освещение меняется: зловещий коричневатый свет. Навстречу движется огромная, замотанная в лохмотья фигура без лица. Над жуткой фигурой вьются летающие горгульи. Таня в поисках Вадима вбегает в одну келью — там огромный клубок шевелящихся змей с женскими головками; в другую, в третью — разнообразные химеры Босха. Она бежит по коридору. Навстречу ей несетя Вадим.

Он обнимает ее. Она утыкается ему в плечо.

ВАДИМ: Ты что кричала, Таня? Что с тобой?

ТАНЯ: Они здесь!

ВАДИМ: Да они уже повсюду! Иначе и быть не могло.

Таня обнимает Вадима за шею, подставляет губы для поцелуя — лицо его меняется, он превращается в одного из монстров. Таня вырывается и с криком бежит по каким-то коридорам — все из картин Босха.

По коридору монастыря бежит Вадим, распахивает дверь в келью, где устроилась на ночлег Таня. Она отчаянно кричит во сне: "Вадим! Вадим!"

Вадим поднимает ее вместе со спальником.

ВАДИМ: Таня! Таня! Что с тобой?! Проснись!

Таня просыпается. На лице ее выражение ужаса.

ТАНЯ: Это правда ты? (Ощупывает его лицо, трогает волосы.)

ВАДИМ: Кто же еще! Здесь на всю округу только я да ты.

ТАНЯ: Мне же настоящий кошмар приснился. С ящерицами! С гадами! Со всякой нечистой силой!

ВАДИМ: Ну сама подумай, а про что тебе должны сны сниться? Про мировое первенство по футболу?

Таня все еще обнимает Вадима за шею. Вадиму кажется, что настал его час. Он пытается поцеловать Таню.

ТАНЯ: Мы так не договаривались.

ВАДИМ: А мы с тобой о чем-то договаривались?

ТАНЯ (смеется): Да ну тебя!

ВАДИМ (запускает руку в ее волосы, она слабо улыбается):
Идем, научный сотрудник, там такая красота.

ЭПИЗОД 41

Гостиница в Париже. Номер Эриха. Рогожский с картой.

РОГОЖСКИЙ: Вот здесь ее засек. Юго-восток Пиренеев. Там ничего нет, пустое место. Ни аэропорта, ни железнодорожной станции поблизости. Добираться только вертолетом. Это горы. Ночной полет опасен. Так что завтра на рассвете...

ЭРИХ: Что она там делает?

РОГОЖСКИЙ: Завтра будем знать.

ЭРИХ: Может, я все-таки полечу?

РОГОЖСКИЙ: У нас один вертолет здесь. Пилот и одно место...

ЭРИХ: Тогда непрерывная связь.

ЭПИЗОД 42

Монастырь. Вадим и Таня сидят на стене монастыря. Рассветает. Красота.

ТАНЯ: А сколько времени человек может без пищи прожить?

ВАДИМ: Сорок дней точно. А без воды — пятеро, что ли, суток. Зависит от температуры.

ТАНЯ: Я вообще мало ем. Но сейчас бы съела тарелку борща со сметаной, потом бы бефстроганов, большую порцию. С жареной картошкой. Нет, с рисом таким белым! А! А до борща салат, тоже большую порцию. “Цезарь”. Мне нравится!

ВАДИМ: Ты смотри, Тань, лучше на красоту. От продуктов питания отвлекайся. Смотри, какие облака — точно как взбитые сливки. С черносмородиновым вареньем.

ТАНЯ: Я больше с малиновым люблю.

Оба засмеялись.

ВАДИМ: Как ты думаешь, когда он сюда доберется?

ТАНЯ: Ты его не знаешь! Если ему надо что-то, он землю перевернет.

ВАДИМ: Ну, нам приблизительно это от него и нужно.

Шум вертолета. Потом — сам вертолет.

ТАНЯ: Это Цой!

ВАДИМ: Невероятно! Честно скажи, он что, влюблен в тебя?

ТАНЯ: Нет, гораздо интересней! Мы всю жизнь были соперниками!

Вертолет совершает круг над монастырем и спускается во двор. Таня и Вадим кубарем скатываются с лестницы и бегут к вертолету.

Винт потихоньку уменьшает обороты. Замирает. Откидывается крышка люка. Оттуда высовываются двое в шлемах. Они снимают шлемы — это Цой и Параскева Мизон.

ТАНЯ: Нет слов!

ЦОЙ: Да, когда старые друзья зовут на помощь...

ПАРАСКЕВА: ...мы тут как тут!

Цой вылезает первым, подает руку Параскеве. Она вылезает. На ней туфли на высоченных каблуках, кожаные шорты, а на груди огромное круглое украшение размером с небольшой руль.

У Тани на лице написана ярость. Она покусывает губы и молчит. Похоже, Цой понимает всю гамму ее чувств и наслаждается эффектом.

ВАДИМ: Привет, ребята! Вы просто молодцы, что прилетели.

ЦОЙ: История гениальная. Ты понимаешь, что коллайдер, даже маленький, вывезти совершенно невозможно. Но любовь публики к любимой певице не знает границ! Параскева нацепила коллайдер на золотую цепь, и вся таможня расступилась! Она дала десятка два автографов, и нас посадили в самолет. Более того, даже немного задержали рейс ради Параскевы Мизон!

ТАНЯ: Bravo! Нет слов!

ЦОЙ: Это еще не всё! Мы прилетели в Тулузу, Параскева звонит своему поклоннику и просит у него что? Правильно! Вертолет! Мы на такси едем к этому славному миллионеру, он кормит нас завтраком и сажает в вертолет!

ВАДИМ: Ну? Вы даете!

ЦОЙ: И это еще не все! Я никогда вертолетами не управлял! Яхтой — приходилось. Мотоциклом. Конечно, машиной. Но не вертолетом! И тогда Параскева садится за руль — руля там никакого в помине нет, какие-то рычаги, — и мы взлетаем!

ПАРАСКЕВА (*очень кокетливо*): И тут Параскева осрамилась! Я карту читать совсем не умею. Васенька у меня был штурманом: направо, налево!

ТАНЯ: Ни разу не перепутала?

Вадим сильно наступает ей на ногу. Таня подпрыгивает.

ПАРАСКЕВА: Да. Один раз. И Вася на меня как закричит!

ЦОЙ (*целует ее руку*): Больше не буду никогда в жизни!

ПАРАСКЕВА: Ой, а здесь так интересно!

ЦОЙ (*тихо Тане*): На что тебе коллаيدر понадобился?

ТАНЯ: Ты говорил о возможности перехода границ Вселенной с помощью этой машинки...

ЦОЙ: Теоретически — да. Вопрос в том, что мы не знаем пока этих границ. И не знаем, как их определять.

Вадим уводит Параскеву показать ей колокольню. Она еле ковыляет по камням на высоких каблуках.

ТАНЯ: А если бы я предложила тебе такой отрезок границы, скажем, точку соприкосновения...

ЦОЙ: Очень интересное предложение. Но боюсь, что тебе показалось. До сих пор в пределах экспериментов никому не удавалось найти эту позицию.

ТАНЯ: Но теоретически туда можно проникнуть, ты говорил?

ЦОЙ: Теоретически — да! Никто не пробовал. А зачем тебе? Если мы просто пробьем этот коридор, это будет колоссальное достижение.

ТАНЯ: Нет. Мне нужен один объект оттуда извлечь.

ЦОЙ: Какой?

ТАНЯ: Да сами толком не знаем.

ЦОЙ: Слушай, это нечестно! Я прилетел по первому твоему слову! Не темни. Колись, что там?

ТАНЯ: Кажется, там спрятана генетически неизменная кровь.

ЦОЙ: И что?

ТАНЯ: Если это действительно так и нам удастся ее оттуда извлечь, то в принципе можно будет остановить эту монстровую эпидемию.

Возвращается Параскева, ковьяля.

ПАРАСКЕВА: Вася, котик, мне так интересно здесь! Там такие морды на крыше, вылитые монстры! Ты не слетаешь к Жану за сандалиями, а то очень неудобно ходить по камням?

ЦОЙ: Подожди, Параскева, тут у Татьяны есть идея, как остановить нашествие монстров!

Таня кривится, переглядывается с Вадимом.

ПАРАСКЕВА: О-ой! Танька! Так ты же тогда знаменитей меня будешь! Автографы будут брать!

ТАНЯ: Хочешь, сразу дам? Не сходя с места.

ВАДИМ: Не груби.

ПАРАСКЕВА: Ой, это же золотое дно! Ты представляешь, что будет? К тебе в очереди будут стоять, чтобы ты ребеночка устроила! У меня есть подружка, миллионерша, она тебе точно миллион отвалит!

ТАНЯ: Вадим, ты покажи Васе точку входа.

Вадим и Цой идут в библиотеку, Таня и Параскева остаются.

ПАРАСКЕВА: Ты, конечно, ужасно противная девчонка в школе была, воображала и отличница, но голова у тебя всегда была на плечах.

ТАНЯ: Да, была голова. (Просто.) Еще бы немного везения.

ПАРАСКЕВА: А мне, наоборот, всегда такая везуха! У меня интуиция — просто собачий нюх! Я тебе серьезно говорю: золотое дно!

Возвращаются Вадим с Цоем.

ЦОЙ: Заодно проверим гипотезу “пенных вселенных”. Немного пахнет бредом вся эта история. Но я готов рискнуть.

ПАРАСКЕВА: И я с вами! Я тоже туда хочу!

ТАНЯ: Куда?

ПАРАСКЕВА: Куда вы! Только пусть Вася слетает сначала к Жану и ...

ЦОЙ: Котик мой, да я же не умею на этой машине летать. Хочешь, сама слетай.

ПАРАСКЕВА: Я дорогу не найду!

ЦОЙ: Условия такие: три секунды разгон, если проходим, там можем находиться пятнадцать минут, и три секунды выход.

ВАДИМ: Пятнадцати минут может не хватить. Искать надо наш объект!

ЦОЙ: У меня таких мощностей нет, здесь и подзарядиться негде!

ТАНЯ. Рискнем!

Цой снимает с шеи Параскевы ее экзотическое украшение, открывает крышку — это прибор.

ВАДИМ: Пошли!

Они гуськом идут друг за другом к стене, впереди Вадим, за ним Цой, дальше Таня и Параскева. Останавливаются перед фреской, возле пометки "INTROITUS", Таня ставит палец на крестик. Цой нажимает на кнопку "ПУСК".

Вращение, потоки света, странная музыка — все то, что было, когда маги проводили свой сеанс. Стена раскрывается, герои исчезают в проломе. Пролом затягивается. Остается огромный водоворот пыли.

ЭПИЗОД 43

Водоворот медленно уменьшается. Рокот двигателя. В небе вертолет. Он кружит в поисках посадочной площадки и приземляется во дворе монастыря рядом с тем вертолетом, на котором прилетели Цой и Параскева. Из вертолета выходит Рогожский. Он в костюме, напоминающем водолазный. Возле рта микрофон.

РОГОЖСКИЙ: Вертолет, судя по номерам, частный. Косметичка бабья валяется. Много пыли. Видеокамера не включается. Сейчас некогда разбираться.

Рогожский входит в библиотеку. Осматривается. Пыль постепенно оседает.

РОГОЖСКИЙ: Перед посадкой на развороте я видел четыре фигуры! Никого нет. Следов взрыва (поднимает с пола широкополую шляпу, брезгливо ее отбрасывает) не вижу. Странно, стена как будто теплая. Черт, горячая!

Возле стены библиотеки. Рука в черном (костюм Рогожского) приставляет дрель, и мгновенно образуется дыра.

РОГОЖСКИЙ (в микрофон): Да, конечно! Всю стену снесет!

Вкладывает в отверстие цилиндрический патрон и выбегает.

ЭПИЗОД 44

Четверо героев — в пространстве картины Босха “Сад земных наслаждений”. Перед ними воткнут в землю небольшой красный крест, точная копия того, который был изображен на картине. Двигущийся фантастический мир Босха — три панели известной картины. На переднем плане левой панели изображено изгнание из рая. Герои находятся в пространстве левой панели, там, где из маленького озерца вылезает монстр. На средней панели, на синем шаре, плавающим в озере, стоит башенка, на ней — розовый стеклянный сосуд.

ТАНЯ: О господи. Да здесь не то что за пятнадцать минут — за пятнадцать лет никакой крови не сыщешь!

ЦОЙ: Гениально! Машина работает!

ПАРАСКЕВА: Какая клеватура!

ВАДИМ: Чего тут искать — вон розовая колба на верху той башни, смотри; нет, не на самом верху, чуть пониже!

ТАНЯ: Где?

ВАДИМ: На шаре, в середине озера!

ТАНЯ: Вижу! *(Хватает Вадима за руку, они бегут в сторону центра средней панели.)*

ПАРАСКЕВА: А какая акустика! *(Запускает руладу.)* Монстрик ты мой! Монстрик ты мой дорогой! *(Срывает огромный цветок и держит его как микрофон. Цветок взрывается. Взлетает туча крупных насекомых. Улетает.)* Ой! Гадость какая!

ЦОЙ: Эй! Пятнадцать минут!

ПАРАСКЕВА *(она больше не дуручка, а вполне умная)*: Василий! Слушай внимательно! Если они этот свой объект найдут, надо его отбить любой ценой и вы скакивать отсюда без них!

ЦОЙ: Ты что? Оставить их здесь?

ПАРАСКЕВА: Здесь, конечно! Ты что, не понимаешь? Вася! Все наслаждения! Все богатства мира! Вся власть! Все будут нам служить! Мир в наших руках!

ЦОЙ *(и в нем появляется встречное движение)*: Но ты-то будешь в моих! И служить будешь мне! Этот лифчик больше не надевай, пожалуйста, он мне не нравится!

ПАРАСКЕВА *(продолжает умнеть на глазах. Может, она вовсе и не была дуручкой?)*: Конечно, котик! *(Снимает с себя лифчик и выбрасывает.)*

ЦОЙ *(оглядывается по сторонам)*: Дорогая, принеси мне, пожалуйста, вон то яблоко!

ПАРАСКЕВА *(уже поняла новые правила игры)*: Какое?

ЦОЙ: Видишь, там трое стоят, один мужик в хламиде и голая парочка, позади них много яблонь. Мне то, которое на самом верху большого дерева!

Параскева бежит мимо Господа, который только что сотворил из ребра Адама Еву, кидается в сторону яблоневого сада, подбегает к самой высокой яблоне и лезет по стволу. Из-за ствола выгладывает Змей.

ПАРАСКЕВА: Иди отсюда, гадина!

Змей смеется грубым мужским смехом: “Молодец, Параскева Мизон!”
Раздаются искусственные аплодисменты.

ЦОЙ (кричит): Не забудь вымыть! Вон в том озерке!

Разъяренная Параскева бежит с яблоком к озеру — под ногами монстры, гады, змеи, рыбы. Она склоняется над водой — к ее груди присасываются козленок и малюск. Она моет яблоко и бежит, спотыкаясь на высоких каблуках, к Цою. Под ногами всякие неприятнейшие твари: кошка с задушенной мышью в зубах, птицеобразные и рыбообразные уроды. Параскева спотыкается о сидящего на земле Адама.

ПАРАСКЕВА: Чего расселся на дороге, козел!

Таня и Вадим пробираются по своему маршруту: сначала их окружают гигантские птицы, голые люди в колпаках, все кружатся около них, вовлекают в свой безумный танец. Они вырываются, бегут по направлению к озеру, но возникает новое препятствие — кавалькада фантастических всадников на лошадях, медведях, козах и самых необычных животных. Их увлекают в круговое движение, они теряют друг друга. Гигантская рыба разевает пасть, заглатывает Таню наполовину, так что из пасти торчат только Танины голова и руки. Вадим видит ее, хочет ей помочь, но дюжина голых теток подхватывают его, его ноги болтаются в воздухе. Рычание огромного кабана заставляет всех остановиться и броситься — не врассыпную, а снова по кругу. Кабан возглавляет этот

хоровод. Вадим добирается до Тани, вытаскивает ее из пасти уже мертвой рыбы. Вадим подбирает с земли гигантский панцирь какого-то ракообразного животного, и, спрятавшись под панцирем, Таня и Вадим продолжают свое движение к озеру.

Перед Цоем и Параскевой огромная ягода земляники. Они, перемазанные ягодным соком, полулежат на ней и выедают в ней дыры. Они не одни — компанию составляют диковинные полуптицы.

ПАРАСКЕВА: На таком питании я согласна быть вегетарианкой!

ЦОЙ: За временем надо следить. Семь минут осталось.
(Высовывается из ягоды.) Вон, вон они, уже в озере!

ПАРАСКЕВА: А если они не успеют?

ЦОЙ: Ты Таньки не знаешь!

Таня и Вадим плывут по озерцу в перевернутом панцире.

ТАНЯ: Может, быстрее вплавь?

ВАДИМ: Ты в воду посмотри!

В воде извиваются черные змеелюди с длинными отростками и хвостами.

ВАДИМ: Осталось семь минут.

ТАНЯ: Нормально.

ЭПИЗОД 45

Возле стены библиотеки. Рука в черном (костюм Рогожского) шарит по стене.

РОГОЖСКИЙ (в микрофон): Какое-то неизвестное излучение. Нет, прибор не показывает. За шкалой! Где-

то тут источник. Вот он! (Рука останавливается на красном крестике.) Да, я так и подумал.

Рогожский приставляет дрель, и мгновенно образуется дыра.

РОГОЖСКИЙ (в микрофон): Да, конечно! Всю стену смет!

Вкладывает в отверстие цилиндрический патрон и выбегает.

ЭПИЗОД 46

(продолжение ЭПИЗОДА 44)

Таня и Вадим выскакивают на берег: перед ними синий шар. Он сделан из кафельных плиток, очень скользкий. Посреди шара обруч, на котором резвятся белые фигуры. Одна из них высовывает Тане длиннющий язык. Таня тоже высовывает язык. Фигура протягивает ей руку.

ТАНЯ: Убери язык! Помог бы лучше!

Неожиданно фигура кивает — протягивает руку Вадиму и помогает подобраться к калбе. Та стоит на вершине металлического столба. Белые фигуры образуют пирамиду, Таня взбирается по ней, дотягивается до калбы и, схватив ее, смотрит вниз, соображая, что делать дальше. Вадим тем временем в воде — он тянет поближе к синему шару огромный белый лист, где фантастическая птица поедает ягоду, которую держат над головами белые фигурки людей. Вадим подгоняет лист — Таня спрыгивает на него. Вадим тянет лист к берегу, отбиваясь от черных змеелюдей в воде.

Они на берегу — несутся в сторону выхода. Там, у выхода, их ждут Цой и Параскева. Идет последняя минута, пора выходить

из этого жуткого мира. Цой с коллаидером в руках стоит возле креста. Это место входа. Подбегают Таня с Вадимом. Таня прижимает к груди калбу.

ПАРАСКЕВА: Давай сюда эту штучку, Танюша.

ТАНЯ: Ты совсем оборзела, Оля?

ПАРАСКЕВА: Двадцать секунд, и мы отсюда выходим.

Можем выйти без вас!

ТАНЯ: Цой, скажи своей идиотке...

ЦОЙ: Пятнадцать.

ВАДИМ: Ребята, кончайте шутки!

ЦОЙ: Десять.

Держит палец на кнопке.

ПАРАСКЕВА: Речь уже идет не о спасении мира! О спасении вашей жизни!

ВАДИМ (Тане): Отдавай.

ТАНЯ (закусив губу): Какая же ты сука!

Отдает калбу.

ПАРАСКЕВА: За суку ответишь!

ВАДИМ: Выходим!

Цой нажимает кнопку; начинается вращение, сияют разноцветные пучки света, звучит inferнальная музыка. Одновременно раздается взрыв.

ТЕЛЕВСТАВКА

ДИКТОР: Мы попросили прокомментировать последние работы в области монстропсихологии чле-

на-корреспондента Академии наук, директора Института новейшей психологии профессора Завадского.

ЗАВАДСКИЙ (*в кадре*): Человеческое сознание устроено таким образом, что при решении новых задач обычно использует опыт предыдущих решений. Возможно, человечество впервые столкнулось с задачей, которая не имеет аналогий в истории науки. Возможно, что человек подошел к границе своих возможностей и только на совершенно новых, прежде неизвестных путях можно найти решение этой уникальной проблемы. Сегодня задействован огромный научный и экономический потенциал, в запасе у нас жизнь по крайней мере трех поколений. Это составляет по меньшей мере шестьдесят лет. Можно надеяться, что последние человеческие дети, родившиеся более года тому назад, совершат тот интеллектуальный прорыв, который необходим для решения проблемы монстров.

ДИКТОР: Скажите, профессор, а каковы перспективы в случае, если решение не будет найдено в течение жизни трех поколений?

ЗАВАДСКИЙ: Перспективы? Очень мягкий и нежный конец света. Человеческого мира. Все сценарии мирового потепления, ядерной зимы или другой экологической катастрофы реализуются без присутствия наблюдателя-человека.

ЭПИЗОД 47

Происходящее видно из бинокля, в который наблюдает сидящий на колокольне Рогожский.

Перед развороченной стеной библиотеки четверо героев. Цой держится за голову: левого уха у него нет. Течет кровь. Параскева прижимает к себе колбу.

ЦОЙ: Ухо! Мое ухо.

Таня садится на край покрытого обломками камня стола, закуривает.

ВАДИМ: Курить — здоровью вредить.

Берет из Таниной пачки сигарету. Закуривает.

ТАНЯ: Осталось девять дней, и кровь испортится.

Надо срочно начинать работу с кровью.

ПАРАСКЕВА: Почему это девять?

ТАНЯ: Срок годности истекает. Так было написано в древних документах.

Параскева прижимает колбу к груди.

ЦОЙ (обливается кровью): Ребята, врача! (Теряет сознание, падает.)

Таня и Вадим подходят к нему. Параскева пятится, все еще прижимая к груди колбу.

ПАРАСКЕВА: Счастливо оставаться!

Бежит к двери. В дверях стоит Рогожский. В руках его — автомат.

РОГОЖСКИЙ: Всё! Всё из карманов! Вещи на стол! Лицом к стене!

Вадим кладет телефон и записную книжку, Таня — разряженный айпад, Параскева ставит на стол колбу. Трое поворачиваются лицом к стене, Цой лежит.

ТАНЯ (Вадиму): Бред какой!

ВАДИМ. Да. Не смешно.

РОГОЖСКИЙ (в микрофон): Здесь кроме Лариной еще трое. Хорошо. Ларина разворачивается и идет к вертолету. Остальные на местах.

ТАНЯ: Надо нашего парня забрать. Он кровью истечет.

РОГОЖСКИЙ: Иди вперед, Ларина. Молча.

ТАНЯ: Дайте мне поговорить с Эрихом.

Рогожский на мгновение замаялся, но Эрих слышит Танину просьбу.

ЭРИХ (громкая связь): Я слушаю вас, Татьяна Дмитриевна!

ТАНЯ (уже отвернулась от стены, сделала несколько шагов к двери и взяла со стола колбу): Слушайте внимательно! У меня в руках неизменная человеческая кровь. Мы ее достали! Колба у меня в руках, и я могу ее грохнуть сию минуту! Я ее вам передаю! При условии, что ваш сотрудник заберет с собой нашего раненого товарища.

Лицо Эриха, по которому течет пот.

ЭРИХ: А какие гарантии того, что это действительно неизменная кровь?

ТАНЯ: Никаких. Я просто грохну эту колбу сию минуту.

ЭРИХ: Костя, возьми эту кровь и возьми парня. Я тебя встречаю. Татьяна Дмитриевна, оставайтесь на месте. За вами прилетят.

Таня передает кровь Рогожскому, втроем (Таня, Вадим и Параскева) поднимают Цоя и несут к вертолету. Усаживают в вертолет окровавленного Цоя. Рогожский захлопывает кабину и включает мотор. Трое оставшихся смотрят в небо. Параскева сбрасывает наконец свои каблукастые туфли и мчится к вертолету, на котором они с Цоем прилетели.

ВАДИМ: Остановим?

ТАНЯ: Зачем? За нами скоро прилетят. Гарантирую.

ВАДИМ: Может, сбежим?

ТАНЯ: Нет. Очень есть хочется. Дождемся. А то пока еще мы до еды пешком добредем!

Вадим притягивает к себе Таню. Целует. На этот раз она не сопротивляется.

В небе вой двигателя. Вертолет идет на посадку. Многообещающий поцелуй прерывается.

ВАДИМ: А ты говорила, что я слишком везучий для ботаника.

ЭПИЗОД 48

Встреча Эриха и Гайденко.

ГАЙДЕНКО: За сутки мало что можно сделать. Но первые данные обнадеживают: похоже, что мы имеем дело с полноценным геномом. Это предварительный результат.

ЭРИХ: Если так, это большая удача.

ГАЙДЕНКО: Геннадий Николаевич, я не задаю вам праздных вопросов. Но в виде исключения скажите: как вам удалось достать эту кровь?

ЭРИХ: Ну, в виде исключения и конфиденциально, да? Хотите верьте, хотите нет, эта ваша Ларина до-
была кровь из какой-то полной дыры.

ГАЙДЕНКО: А где она сама?

ЭРИХ: А она вам нужна? Без нее никак нельзя обойтись? Вы же говорили, что главная проблема заключалась в том, что не было исходного материала. А теперь он есть!

ГАЙДЕНКО: Я предполагаю, что у нее есть какая-то дополнительная информация.

ЭРИХ: Хорошо. Она здесь будет через сорок минут.

ЭПИЗОД 49

По Ленинградскому шоссе летят три черные машины. Впереди — машина с мигалкой. Окна тонированы.

ЭПИЗОД 50

(продолжение эпизода 48)

Эрих, Гайденко, Таня.

ТАНЯ: Я не знаю способов консервации этой крови, я могу только с уверенностью сказать, что через семь суток она будет к работе непригодна.

ГАЙДЕНКО: Наши биохимики не нашли в крови никакого консерванта.

ТАНЯ: Я анализа не проводила. Препарат был в моих руках ровно пять минут.

ГАЙДЕНКО: Вы понимаете, что за семь суток мы ничего не успеем?

ЭРИХ: Андрей Александрович, мы всех мобилизуем.

ТАНЯ: Вот и мобилизуйте! Сто тысяч болванов! Миллион болванов!

Эрих зеленеет от злости. Гайденко пытается разрядить ситуацию.

ГАЙДЕНКО: Геннадий Николаич! Татьяна известна своей резкостью. Мы уже привыкли. Давайте послушаем, каковы ее предложения.

ТАНЯ: Есть у меня одно предложение: даете в мое распоряжение 20 миллилитров крови, трех моих помощников, приборы по моему списку и мою лабораторию сроком на одну неделю. Начиная с этой минуты. И оставите меня в покое на все это время. Я могу идти в лабораторию?

Гайденко смотрит на Эриха.

ЭРИХ: Идите!

Таня берет с полу свой рюкзачок и выходит. По коридору она уже бежит.

ЭРИХ (бьет кулаком в стену, кричит): Никто меня так не опускал! Я б ее убил!

Гайденко открывает дверцу шкафа, достает бутылку водки разливает по стаканам. Эрих глотком выливает водку себе в рот. Гайденко скорее делает вид, что пьет.

ГАЙДЕНКО: Нерационально, Геннадий Николаич. В конце концов, все идет по-вашему: до Центра М она так и не добралась, кровь у нас. Если мы вырвемся вперед, то, скорее всего, за счет ее мозгов. У этой девочки шарики крутятся в сто раз быстрее, чем у любого нашего академика. Это я вам говорю.

ЭРИХ: Нет, она напрасно думает, что меня переиграет!

ГАЙДЕНКО: Вы переиграете. Наверняка. Только она этого не заметит.

ЭПИЗОД 51

Лаборатория.

ТАНЯ: Рудик, Валерий Иванович, Ниночка! Звоните домой и говорите, что вас отправили в срочную командировку, или на Луну, или в больницу — что хотите. Вы мне нужны на неделю, безвыходно. Спим здесь, на твоём диване, Радик.

НИНА: Таня, ты позвони моей дочери и скажи сама! Я боюсь!

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ: Жена убьёт! *(Смотрит на Таню с улыбкой.)* Скажи как человек: чего делать-то будем? А то командуешь как генерал!

РУДИК: Таня, я вас обожаю!

ТАНЯ *(поправляет очки)*: Значит, так! Осталось семь суток. Уже даже меньше! Внимание! За десять лет нашей совместной работы мы кое-чему научились. У нас в сейфе есть вирус легкого респираторного заболевания со стопроцентной контагиозностью. Каждый чих заражает практически всех на расстоянии пяти метров. Присоединить исчезнувшие из генома фрагменты или целые блоки поврежденных хромосом к вирусу — технически выполнимая задача!

РУДИК: Горизонтальный перенос?

ТАНЯ: Ну да, проще пареной репы: заражаем вирусом, к которому прицеплен нужный генетический материал!

НИНА: Танечка, а с чего ты взяла, что пересаженный ген непременно будет работать так, что разблокирует эту чертову программу?

ТАНЯ: Правильный вопрос! Я последние двое суток только об этом и думала. Знаю как!

ЭПИЗОД 52

Институт. Ночь. В небольшой камерке на первом этаже двое в штатском наблюдают в мониторе за Таней и ее командой. Она в лаборатории. Работают приборы. Таня спит на кожаном диване. Нина раскапывает по пробиркам какой-то препарат. Рудик сидит у компьютера, Валерий Иванович — у монитора микроскопа.

ПЕРВЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ: Четвертые сутки как два идиота пасем эту сумасшедшую.

ВТОРОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ: Да какая разница, кого пасти? Солдат спит, служба идет.

Открывает журнал с кроссвордам.

ПЕРВЫЙ: Инструмент, используемый при поднятии тяжести. Из семи букв.

ВТОРОЙ: Рычаг!

ПЕРВЫЙ: До семи считать умеешь?

ЭПИЗОД 53

Квартира Вадима. Он у компьютера. На мониторе письмо с фотографией Цоя.

ТЕКСТ: Тань! Не пиешь — не надо. Я получил письмо от Цоя. Ему в Тулузе пришили ухо — оно у него

было в кулаке зажато. Он прислал мне фотографию — ухо точь-в-точь как у Босха. Приклеиваю босховское! Хотел написать: целую. Но что-то у нас с этим не получается! В.

ЭПИЗОД 54

Лаборатория. Раздается писк эсэмэски. Таня вскакивает, достает айпад. Открывает. Улыбается. На экране — фрагмент картины Босха, где изображены два уха и огромный нож между ними. Крутится центрифуга. Рудик распечатывает карту с цифрами и буквами. Показывает Тане. Она тычет пальцем в какую-то строку.

ТАНЯ: Здесь у нас пробел получается. Успеем за двенадцать часов?

РУДИК: Синтез идет восемнадцать!

ТАНЯ: Попробуем его поторопить.

РУДИК: Как?

ТАНЯ: Подумать надо.

ТЕЛЕВСТАВКА

Два комика в масках монстров, у одного — парик с распущенными белыми волосами, у второго — высокая женская прическа.

ПЕРВЫЙ: Ты уже слышала последние новости?

ВТОРОЙ: Какие?

ПЕРВЫЙ: Говорят, что бабы нормальных детей рожать перестали!

ВТОРОЙ: А кого же рожают?

ПЕРВЫЙ: Не поверишь! Людей стали рожать! Сотнями! Тысячами!

ВТОРОЙ: Да что ты говоришь? Куда же их девают?

ПЕРВЫЙ: Да в речке топят!

ВТОРОЙ: И правильно! А то расплодятся, житья не будет!

Искусственный смех. Снимают маски, под ними — лица знаменитых комиков. Еще одна серия искусственных аплодисментов.

ЭПИЗОД 55

У Гайденко.

ГАЙДЕНКО: Но я должен что-то ответить. Третье письмо за три дня!

ЭРИХ: Напиши: в отпуске! Больна! В командировке! Ты что ей, папа-мама?

ГАЙДЕНКО: Официальный запрос! Они ее ждут неделю. Завтра заканчиваются семь суток, она выйдет и скажет: ничего не получилось! Уезжаю в Центр М!

ЭРИХ: Алексаньч, да пиши, что хочешь! Мы ее все равно никуда не выпустим. Сам сказал, что у нее голова особенная. Пусть на нас работает. Посадишь ее на свой синтез, пусть пользу приносит. Я вчера был у самого.

ГАЙДЕНКО: У какого самого? У вашего или у нашего?

ЭРИХ: У самого-самого!

ГАЙДЕНКО: Ну и что он сказал?

ЭРИХ: Он, сам знаешь, никогда не повторяется, всегда в телевизор одно, а с глазу на глаз другое!

ГАЙДЕНКО: Ну?

ЭРИХ: Сказал, что в этом деле монополия нужна! Этот товар подороже нефти будет!

ГАЙДЕНКО: Ну, удивил!

ЭРИХ: Удивлю! Если просрем это дело, шкуру спустят!

- Так и сказал! И барышню нашу мы через границу живой не выпустим!

ЭПИЗОД 56

Лаборатория. Таня держит в руках два пульверизатора. Перед ней трое измученных сотрудников.

ТАНЯ: Заключительная фаза эксперимента. Задача для первоклассника: сколько потребуется суток, чтобы заразить нашим чудесным вирусом все человечество? Валерий Иванович, посчитайте!

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ: Задайте начальные условия!

ТАНЯ: Возьмем почти произвольно: при единственном источнике распыления, при скорости активации вируса в пятнадцать минут и при уровне контактности один к двадцати пяти...

Валерий Иванович считает что-то в ручном компьютере.

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ: Для заражения нашим вирусом всего человечества потребуется от пяти до восьми дней.

ТАНЯ: Плюс поправка на плотность населения.

РУДИК: Это некорректно!

ТАНЯ: Ладно, в конце концов, нас ведь устроит, если наша эпидемия начнется в крупных городах и постепенно дойдет до периферических районов!

НИНА: У меня обе племянницы на Алтае, в деревне живут.

ТАНЯ: Ну! Привезешь своих племянниц в столицу! Спасибо вам, ребята! С кровью мы успели! Теперь осталось распылить вирус. Это я беру на себя! В запасе три часа!

ЭПИЗОД 57

Квартира Вадима. Он спит. Звонит телефон.

ТАНЯ: Вадим, срочно приезжай в институт. Немедленно... Знаешь, где запасной выход? Да, обогнешь фасад справа, там маленькая закрытая дверь.

ВАДИМ: Тань! Какой запасной выход?

ТАНЯ: Вопросов не задавай. Приезжай срочно! Ты мне очень нужен.

ЭПИЗОД 58

Таня и Вадим в лаборатории. Таня распыляет из пульверизатора жидкость.

ВАДИМ: Ты что?

Таня чихает.

ТАНЯ: Через пятнадцать мы будем готовы!

ВАДИМ: К чему готовы?

ТАНЯ: Вадим, нам надо срочно завести ребенка. У меня сегодня лучший для этого день!

ВАДИМ: Ты сошла с ума? Какого ребенка? Дети больше не родятся.

ТАНЯ: У нас — родится. Мальчик или девочка. Не смо-
три на меня так. Я же знаю, что ты... вообще-то
этого хотел.

ВАДИМ: Чего?

ТАНЯ: Ну, я же тебе нравлюсь? *(Сморкается.)* Видишь,
у меня уже пошло!

ВАДИМ: Нет, ты мне не нравишься. *(Сморкается.)* Я про-
сто тебя люблю.

ТАНЯ: Но сейчас это не важно. *(Чихает.)* Отлично! Нам
на раскачку еще минут десять есть.

ВАДИМ: А почему такая спешка? *(Чихает.)*

ТАНЯ: Отлично! Объясняю: препарат активен *in vitro*,
то есть в пробирке, не больше трех часов. А даль-
ше нашему вирусу необходим организм, вроде
нас с тобой, теплый, чистый, здоровый. Понима-
ешь?

ВАДИМ: Не понимаю. *(Сморкается.)*

ТАНЯ: Все детали потом! *(Сморкается, протягивает Вади-
му бумажные салфетки.)* Из той крови я выделила
нужные фрагменты генов, соединила их с виру-
сом; надо только переболеть ерундовым насмор-
ком, и все — порядок! Если я не ошиблась, скоро
на свете появятся настоящие прекрасные младен-
цы. И наш будет первым! *(Смотрит на часы.)* Уже
можно!

ВАДИМ: Я не хочу! *(Сморкается.)* Я на таких условиях не
согласен. Я не подопытный кролик!

ТАНЯ: Слушай, надо поторопиться! Ну? *(Обнимает его за
шею.)*

ВАДИМ: Но ты же сама говорила, что никогда...

ТАНЯ: Ну, говорила! Мало ли что говорила! Прошу
тебя, быстро! Сейчас! А потом будет все прекрас-
но, без спешки и с большой нежностью...

ЭПИЗОД 59

Каморка возле проходной.

На мониторе: Таня обнимает Вадима. Целуются. Вадим растягивает пуговицы Таниной кофты.

ТАНЯ: Не раздеваемся! Быстро!

ПЕРВЫЙ: Стас! Посмотри!

ВТОРОЙ (отрываясь от кроссворда): Ни фиги себе! Развлекается девушка! Да как он прошел-то?

ПЕРВЫЙ: Может, в окно влез?

ВТОРОЙ: Стеклопакеты не открываются. Запасной выход закрыт. Не понимаю!

ПЕРВЫЙ: Пошли шутанем ребят!

ВТОРОЙ: Расположились! Как у себя дома!

“Наблюдатели” покидают пост и идут вглубь коридора.

ЭПИЗОД 60

Таня и Вадим выходят из запасного выхода. Идут к стоянке такси.

ТАНЯ (отдает пульверизатор Вадиму): Я в Шереметьево, а ты на Комсомольскую площадь. Зайдешь в уборные и в залы ожидания. По трем вокзалам пройдешь, побрызгаешь. На тебе Россия, а я беру на себя остальную планету. Три минуты займет! (Садится в такси.)

ВАДИМ: А где мы встретимся? (Сморкается.)

ТАНЯ: Я думаю, в милиции.

ЭПИЗОД 61

Коридор института. Грохочут ботинки. Двое крупных молодых людей подбегают к вахтеру.

ПЕРВЫЙ: Выходили?

ВАХТЕР: Кто?

ВТОРОЙ: Кто-нибудь?

ВАХТЕР: Нет, никто.

ПЕРВЫЙ: А запасной выход где?

ВАХТЕР: Закрыт. Вон ключи висят.

ПЕРВЫЙ: Где?

ВАХТЕР: На доске... ох, не висят!

ВТОРОЙ: Звони, докладывай.

ПЕРВЫЙ: Сам и звони.

ЭПИЗОД 62

Аэропорт Шереметьево. Таня, чихающая, со слезящимися глазами, выходит из одной женской уборной в зале вылета и направляется в другую, в зал прилета. Входит в кабинку, распыляет из пульверизатора жидкость, спускает воду, выходит. Проходит по залу прилета, время от времени распыляя жидкость. Поднимается на лифте в ресторан, проходит внутрь, кладет перед собой ингалятор, распыляет что-то вокруг себя. Жидкость закончилась, ингалятор пуст.

Сморкается — ее одолевает насморк. Подходит официант.

ОФИЦИАНТ: Выбрали уже?

ТАНЯ: Салат "Цезарь" и шоколадный десерт.

ЭПИЗОД 63

К аэропорту подъезжают две черные, вызывающие уважение машины. Из них высыпается человек десять крупных мужиков, выходит Эрих. Мужики мгновенно разбегаются. Эрих медленно проходит через зал вылета.

ЭПИЗОД 64

В ресторан входят двое молодцев и подходят к Таниному столу.

ПЕРВЫЙ (*тихо*): Пошли!

ТАНЯ (*кашляет, чихает*): Пошли, пошли! Только дайте доесть.

Улыбается.

ВТОРОЙ: Побыстрее ешь! (*Садятся на соседние стулья.*)

ТАНЯ: Да я всегда как удав заглатываю!

Строит им гримасу, изображая глотающего удава.

ЭПИЗОД 65

Ленинградский вокзал. Вадим распыляет из ингалятора жидкость. Он перестает пшикать — уже пусто. Вадим бросает ингалятор в урну. Смотрит на часы: половина четвертого утра.

· ЭПИЗОД 66

Кабинет Эриха. Таня сидит в конце длинного стола. Эрих — напротив. Долго смотрят друг на друга.

ЭРИХ: Ну, рассказывайте. Что вы делали в аэропорту?

ТАНЯ: Сегодня в аэропорту Шереметьево я запустила вирус гриппа с кое-какой добавкой.

ЭРИХ: Вы хотите сказать, что сделали препарат за одну неделю?

ТАНЯ: Да. Выхода не было. Пришлось поторопиться.

ЭРИХ: Я вам советую поменять стиль поведения. Я ведь тоже могу его поменять, и тогда вы будете в другом месте и вам будет предъявлена статья Уголовного кодекса. “Биотерроризм” называется. Слышали про такую?

ТАНЯ: Не слышала и слышать не хочу.

ЭРИХ: Я начальник службы биобезопасности страны и прошу — обратите внимание! — прошу вас рассказать: что именно вы расплыяли в аэропорту Шереметьево?

ТАНЯ: А зачем вам-то подробности? Все мои лабораторные журналы могу предъявить. Или некому разобраться?

ЭРИХ: Срок за биотерроризм — от пятнадцати до двадцати лет. И я вам обещаю, что вы получите по высшей границе.

ТАНЯ: Нет, этого не надо. Я делаю официальное заявление. Мною, Татьяной Лариной, создан препарат на вирусной основе, включающий комплекс генов, названный “БОСХ”. Переболевшие этим вирусом люди получают добавку в виде генокомплекса, который обеспечит человеку нормальное по-

томство. Научная статья уже написана для журнала *Science*. Вчера вечером. Лежит на моем рабочем столе.

ЭРИХ: Итак, вы хотите сказать, что разрешили проблемы монстров?

ТАНЯ: Думаю, да. И надеюсь, что первый нормальный ребенок будет мой! Точный ответ я смогу дать через четыре месяца, когда мы получим данные УЗИ.

ЭРИХ: И когда же вы сможете наладить производство, чтобы распространять этот препарат?

ТАНЯ: А зачем?

ЭРИХ: Все человечество мечтает о препарате, чтобы снова рожать детей! *(Сморкается.)*

ТАНЯ: Уже все! Вот вы заразились от меня вирусом пятнадцать минут тому назад, и в ваш организм уже встроены необходимые хромосомные элементы — вы не рискуете родить монстра! А теперь отпустите меня домой.

ЭРИХ: Вы хотите сказать, что вы просто подарили, задаром отдали миру возможность вернуть детей? За так?

ТАНЯ: Ну да.

ЭРИХ: Безумная!

ТАНЯ: Я очень устала. И дома не была уже десять дней.

ЭРИХ: Минуточку! Статья, которую вы написали, еще не отправлена?

ТАНЯ: Не успела.

ЭРИХ: Оценил ваш героический эксперимент *(показывает на мониторе любовную сцену в лаборатории, которую сняли сотрудники)*. Мы позаботимся о вашем здоровье в течение упомянутых девяти месяцев.

Подходит к настенному календарю и кружочком обозначает число: 15 марта.

ТАНЯ: То есть вы меня арестовываете?

ЭРИХ: Нет, пока задерживаем. На девять месяцев.

ТАНЯ: А что с Вадимом Федосеевым?

ЭРИХ: Мы рассматриваем его как соучастника.

Эрих нажимает кнопку, входят двое в штатском и уводят Таню.

ТЕЛЕВСТАВКА

ДИКТОРША: Антикоррупционный комитет опубликовал первые данные проверки финансового ответа по “монстропроблеме”. Обнаружены большие нарушения в расходовании средств. Предполагается огромное хищение, порядка одного-двух миллиардов долларов.

ЭПИЗОД 67

Встреча Эриха и Гайденко.

ГАЙДЕНКО (*передает тонкую папочку*): Я все просмотрел. Как всегда, гениально, и как всегда, небрежно оформлено. Есть явные пропуски. Но я разобрался, в общих чертах. Некоторые моменты не понял.

ЭРИХ: То есть как? Вы, академик, не поняли?

ГАЙДЕНКО: Геннадий Николаевич! В каждом поколении есть несколько ученых с такими мозгами, которые работают на несколько столетий вперед. Леонардо да Винчи, Паскаль, возможно, Кеплер, несомненно, Эйнштейн. И обычные люди, даже с хорошими способностями, даже академики, с ними не конкурируют.

ЭРИХ: А ты не слишком загнул, Александыч?

ГАЙДЕНКО: Нет.

ЭРИХ: Надо публиковать (*кивает на папку*). Как только станет точно известно, что она действительно беременна и там настоящий ребенок! Я подумал вот что: пусть публикация будет под двумя фамилиями — моя и твоя. Коза эта бешеная все, конечно, испортила. Такую игру просрала! С гениальными мозгами! Но уж я-то выжму из этого дела все, что еще можно. Понял, да?

ГАЙДЕНКО: Понял. Спасибо, Геннадий Николаич. Вы меня поставили на место. Я, конечно, говно, но не такое большое, как вы думаете. Моей подписи там не будет.

ЭРИХ: Баба с возу, кобыле легче!

ЭПИЗОД 68

В спецбольнице. Кабинет главного врача.

ЭРИХ: Поздравляю, Татьяна Дмитриевна. Беременность протекает пока вполне благополучно. УЗИ показало нам ребеночка!

ТАНЯ: Спасибо за хорошее известие. Я так и думала!

ЭРИХ: Я рад, что вы так уверены в исходе беременности. Теперь нам надо обсудить один щекотливый вопрос.

ТАНЯ: Никаких вопросов. Никаких ответов.

Эрих в прекрасном настроении, благодушен и снисходителен.

ЭРИХ: Согласен. Никаких вопросов. Никаких ответов. Только одна ваша подпись.

Протягивает Тане бумагу. Она ее читает, улыбается.

ТАНЯ: Подпишу. Единственная просьба заключается в том, что я должна еще раз эти материалы просмотреть. Там есть вещи, которые могут показаться пробелами. Я очень торопилась и кое-что не успела полностью записать. И знаете, я бы вам советовала добавить еще одного соавтора — профессора Гайденко. Он авторитетный ученый, известен во всем мире, а фамилия Эрих никому ничего не говорит.

ЭРИХ: Вы меня не перестаете удивлять, Татьяна Дмитриевна. То вы пенитесь на самых обычных вопросах, а то... вдруг с вами легко договориться!

ТАНЯ: Не так уж и легко. Есть условие — вы выпускаете Вадима Федосеева.

ЭРИХ: Нет проблем. Он нас вообще не интересуется.

ТАНЯ: Теперь у меня к вам вопрос. Скажите, а не проще было бы нас просто убить?

ЭРИХ: Проще. Но неприятности никому не нужны. А вы, Татьяна Дмитриевна, в науке, как выяснилось, человек известный. Ну, не академик Сахаров, конечно. Но все-таки...

ТАНЯ (*улыбается*): Давайте ручку. (*Подписывает бумагу.*)
В давние времена кровью подписывали такие бумаги.

ЭРИХ. А теперь без надобности.

ЭПИЛОГ

Никитский бульвар. Люди с колясками. Среди них — Таня с Вадимом. Переходят площадь. Со всех стен глядят портреты Эриха. Он национальный герой, избавитель человечества от нашествия

монстров. Впрочем, они никуда не делись. Еще не вымерли... Идет старушка с монстриком на цепочке. И мальчик с игрушечным монстриком, в майке с монстром на спине...

ВАДИМ: Тань, а тебе не обидно, что так все обернулось?

ТАНЯ: Ты о чем?

ВАДИМ: Ну, Эрих все украл. Твою славу, твои премии... Портреты этого великого человека повсюду? Как тебе?

ТАНЯ *(делает гримасу, изображает Эриха)*: Мы с трудом сдерживаем эту информацию от расползания! Самая секретная информация в том, что у нас нет никакой информации! *(Вадим хохочет.)* Да никак! Ну украли они мою разработку! Дело-то сделано. А продавать им уже нечего!

Они маневрируют между колясками — их много.

ВАДИМ: А дальше что?

ТАНЯ: Думаю пойти учиться.

ВАДИМ: Чему?

ТАНЯ: Искусствоведению.

ВАДИМ: Ну ты даешь! С нуля?

ТАНЯ: Хорошо начинать с нуля. Нет никаких стереотипов, свобода! Во всех отношениях. Там, в искусстве, мне кажется, есть свой код, и нужно будет с этим кодом разобраться.

ВАДИМ: Да, я тоже так думаю. Но до сих пор никто этого кода не замечал. А ведь есть какие-то универсальные смыслы, ключевые ряды. Вроде иероглифов.

ТАНЯ: Вот и займемся с тобой.

Заплакала в коляске девочка. Вадим вытащил ее из коляски. Она замолчала. Зажмурилась. Чихнула.

ТАНЯ: Почему она у тебя никогда не плачет?

ВАДИМ: Забыл тебе сказать. Орлова вчера звонила.

Сказала, что Параскева сына родила!

ТАНЯ: И назвала его Промоториум де Мизон?

ВАДИМ: Вот язва ты, Танька! Васей она его назвала!

Вася Цой!

К РУССКОМУ
КОСМИЗМУ

Это фантастическое, гениальное и безумное явление, называемое русским космизмом, занимало меня много лет. В минувшем 2019 году я написала пьесу, которая задумана была очень давно, лет двадцать тому назад. Название странное, не правда ли? “Чао, ЧАУ!”

“Чао” — по-итальянски “Привет!”. А что такое ЧАУ? Это слово привиделось великому Циолковскому на небе. Он сначала не понял, что бы это могло означать. А потом догадался. Что это слово означает, прояснится в конце этой истории.

Гениальность наших “русских космистов” — явление пограничное, а границей иногда оказывается чистейшее безумие, доходящее до невинного злодейства. Однако по пророческой дерзости и мощи оно сродни картинам Апокалипсиса, описанным визионером Иоанном Богословом на острове Патмос.

Утопия границ не имеет. Чем больше проходит времени, тем интереснее рассматривать это парадоксальное явление — русский космизм с его отцом-основателем Николаем Федоровым. И русский художественный авангард, и мощный рывок космической науки, выбросивший русского человека Гагарина за пределы “низкого” космоса, связаны с этим полузабытым гением.

Как именно идеи космистов влияли на русскую культуру, не всегда осознается и не всегда прочитывается. Что общего у глухого Циолковского, доморощенного гения с тремя классами гимназии, и у одного из самых образованных людей своего времени академика Вернадского? У Сухова-Кобылина и Скрябина? У художника Филонова и конструктора Королева? У Толстого и Достоевского, наконец... Дерзость и бесстрашие мысли.

Все они были внимательными читателями "Философии общего дела" Федорова, все они пожизненно или временно находились под обаянием фантастического, сказочного проекта воскрешения отцов...

Разговор о русском космизме облечен в театральную форму и построен почти исключительно на подлинных текстах создателей этого экстравагантного вероучения. Любовной линии здесь нет, одни разговоры, размышления, споры — грандиозные и мелочные, нелепые и смешные.

Задача была практически невыполнимая. Все диалоги выстроены из цитат, от автора не добавлено ни слова. Ни слова от себя. Почти...

В связи с этим безумным замыслом пришлось перелопатить множество текстов Федорова, Циолковского, даже и современных космистов. Почему я поставила себе такое трудное задание, не могу объяснить. Скорее всего, во мне самой сидит та частичка безумия, которая так притягивала меня в моих героях. К Вернадскому это отношения не имеет, он просто великий ученый, но читать его научные работы по геологии Земли непросто. И, как подлинный гений, Вернадский сильно забегает вперед своего времени, вперед человечества, а порой высказывает суждения, к которым человечество и сегодня еще не готово.

Предлагаемая пьеса представляет собой, скорее всего, явление "бумажного театра", аналогичного "бумажной архитектуре". То, что можно придумать, но невозможно воплотить.

Чао, ЧАУ!

Пьеса с комментариями

Вместо эпитафии
В какой-то семинарии учитель написал
на сочинении “чепуха”, а ученик прочел
“рениска” — думал, по-латыни написано.

А. П. Чехов. “Три сестры”

СЦЕНОГРАФИЯ

Действие происходит в трех уровнях. Есть крыша, куда выходит Циолковский для разговора с небом. Среднее, основное пространство — мастерская Циолковского. Она загромождена изобретениями: от неудавшегося вечного двигателя, зонтика для катания на коньках, половины дирижабля, гигантского велосипеда с крыльями, токарного станка и всего, на что хватит фантазии. Через все помещение натянута проволока, по которой движется лампа. Имеется люк, через который Циолковский появляется на крыше.

На сцене — система мобилей: время от времени всё начинает двигаться, загораться, стучать и скрежетать.

Наконец, третье пространство — авансцена. Здесь стоит копия с безумного памятника Федорову работы архитектора Артема Власова, что в Боровске. В театральном пространстве бюст

стоит на высоком постаменте, откуда Федоров и будет время от времени появляться, как из своей каморки.

Древний культурный архетип нарушен: принятая во многих культурах и народах трехчастная форма — Небо, Земля и Преисподняя — претерпевает некоторое изменение. Небо, вечное и бесконечное, неизменно; Земля как мастерская художника находится в настоящем времени; а то, что происходит на авансцене, отнюдь не преисподняя, а рабочая площадка, место научных и нравственных дискуссий и соединения сегодняшнего мира и будущего.

(Для сведения. Вот как сам Циолковский описывает свою мастерскую:

“У меня сверкали электрические молнии, гремели громы, звонили колокольчики, плясали бумажные куколки, пробивались молнией дыры, загорались огни, вертелись колеса, блистали иллюминации и светились вензеля. Толпа одновременно поражалась громовым ударам. Между прочим, я предлагал желающим попробовать ложкой невидимого варенья. Соблазнившиеся угощением получали электрический удар. Любовались и дивились на электрического осьминога, который хватал всякого своими ногами за нос или за пальцы. Волосы становились дыбом, и выскакивали искры из всякой части тела. Кошка и насекомые также избегали моих экспериментов. Надувался водородом резиновый мешок и тщательно уравновешивался посредством бумажной лодочки с песком. Как живой, он бродил из комнаты в комнату, следуя воздушным течениям, поднимаясь и опускаясь”.)

ЭКРАН, а еще лучше, если весь задник сцены и есть экран.

БЕГУЩАЯ СТРОКА, СОПРОВОЖДАЮЩАЯСЯ ЗАЧИТЫВАЕМЫМ ТЕКСТОМ, идет сквозь все действие: высказывания

героев, научная информация, последние новости. К тому же весь спектакль получаем сведения “из облака”. (Хотелось сказать: непосредственно из “ноосферы”, — но удержусь.)

ХОР, исполняющий то ангельские хоралы, которые слышит Циолковский, то советские песни. Иногда звучат вокальные партии, стихи и тексты.

БАЛЕТНАЯ ГРУППА. “Революционная” ритмическая пластика школы Жак-Далькроза или Айседоры Дункан. Они немного инопланетяне, эти танцоры. А может, просто люди будущего? Конечно, они мужчины и женщины. Но половые различия не бросаются в глаза.

МУЗЫКА звучит разнообразная: и классическая, и современная, вплоть до джазовой. Композиторы — от Баха, Римского-Корсакова, Скарлатти до Шостаковича, Шнитке, Мессиана, Мосолова... и кого сочтете созвучным. Приведенные музыкальные фрагменты могут быть заменены и другими — по вкусу постановщика, которым в данном случае оказывается каждый читатель.

ПРОЛОГ

Заработали декорации. Крутятся колеса, машут крылья, ударяет гирька в поддон, вспыхивают с промежутками огоньки, подрагивает тело дирижабля...

Индустриальная музыка, включающая шум моторов, звуки сверления, удары по металлу и все что угодно.

МУЗЫКА: Александр Мосолов. “Завод. Музыка машин”.
Симфонический эпизод из балета “Сталь”, ор. 19.

НА ЭКРАНЕ: портрет Сухова-Кобылина.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Сухово-Кобылин.

СУХОВО-КОБЫЛИН (*запись хрипящая, как будто очень старая*):

Сейчас человечество находится в своей земной стадии развития. Ему предстоит пройти еще две: солярную, солнечную, когда произойдет расселение землян в околосолнечном пространстве, и сидеральную, звездную, предполагающую проникновение в глубины космоса и их освоение. Это и будет Всемир, “всемирное человечество” — вся тотальность миров, в которых обитает человечество во всей бесконечности Вселенной. “Человека технического” сменит “человек летающий”: высший, или солярный, человек просветит свое тело до удельного веса воздуха и для этого выработает свое тело в трубчатое тело, то есть воздушное, эфирное, наилегчайшее тело. Человек сбросит свою нынешнюю тяжелую телесную оболочку и превратится в бессмертное духовное существо.

ХОР: Какие наглецы, скажут некоторые;

Нет, они святые, возразят другие.

Но мы улыбнемся, как боги,

И покажем рукою на Солнце.

(“Победа над Солнцем”

стихи Хлебникова, музыка Матюшина.)

ЭПИЗОД 1

Циолковский с ночным горшком в руке вылезает на крышу.

ЭКРАН: Звездное небо, как в планетарии, крутится вокруг фигуры Циолковского.

ХОР: Ангельские хоры. Музыка барокко иногда туда приближалась. Возможно, “а капелла”.

БАЛЕТНАЯ ТРУППА: *Освобождение от силы тяжести. Номер с крыльями, или с качелями, или со скейтами. Летают, летают! Возможно, без музыкального сопровождения, только звук метронома.*

ЦИОЛКОВСКИЙ: Ух ты, какая красота: Вселенная перед нами! Звезды! Миллионы световых лет отделяют нас от них, но мы их видим и познаем. Чудо!.. И все-таки мы, люди, должны готовиться к полету в эту звездную Вселенную, готовиться не покладая рук. Мы должны завоевать его, этот мир... *(Выплескивает на крышу содержимое ночного горшка, который во все время произнесения монолога держит в руках.)*

ГОЛОС ИЗ ХОРА: Я верю, друзья,

Караваны ракет
Помчат нас вперед
От звезды до звезды.
На пыльных тропинках
Далеких планет
Останутся наши следы.

(Музыка Фельцмана, слова Войновича.)

ЭПИЗОД 2.

ФЕДОРОВ И ЦИОЛКОВСКИЙ

ЭКРАН: *Портрет работы Леонида Пастернака.*

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Николай Федорович Федоров. Внебрачный сын князя Павла Ивановича Гагарина, русский религиозный мыслитель и философ-футуролог, библиотекарь Чертковской библиотеки. Один из родоначальников русского космизма. Его именовали Московским Сократом.

Открывается подножие памятника Федорову — он выходит с кипой книг, в шапочке, в поношенной одежде. Начинает раскладывать книги.

ЦИОЛКОВСКИЙ: В Чертковской библиотеке я заметил одного служащего с необыкновенно добрым лицом. Никогда я потом не встречал ничего подобного. Видно, правда, что лицо есть зеркало души. Когда усталые и бесприютные люди засыпали в библиотеке, то он не обращал на это никакого внимания. Другой библиотекарь сейчас же сурово будил. Он же давал мне запрещенные книги. Потом оказалось, что это известный аскет Федоров, друг Толстого, изумительный философ и скромник. Он раздавал все свое крохотное жалованье беднякам. Теперь я вижу, что он и меня хотел сделать своим пансионером, но это ему не удалось: я чересчур дичился. Мне было тогда шестнадцать лет... За три года под руководством Федорова я освоил физику, астрономию, химию и высшую математику...

Федоров перебирает каталожные карточки, складывает их стопками, нанизывает на металлический штырь, снимает и кампонует.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Федоров — единственное, необъяснимое и ни с чем не сравнимое явление в умственной жизни человечества... Рождением и жизнью Федорова оправдано тысячелетнее существование России. Теперь ни у кого на земном шаре не повернется язык упрекнуть нас, что мы не бросили векам ни мысли плодovitой, ни гением начатого труда... (Аким Волынский)

ФЕДОРОВ (из *“Философии общего дела”*): “...Природа в нас . начинает не только познавать себя, но и управлять собой. В управлении силами слепой природы и заключается то великое дело, которое должно стать общим. Это управление будет основано на всеобщем познании и труде человечества...”

ЦИОЛКОВСКИЙ: Настала новая эра — эра начала овладения Космосом. На гигантских ракетах люди полетят во все концы Вселенной в поисках новых земель и новых ресурсов энергии... А вы представьте себе: что, если бы весь мир заключался только в Солнце и Земле... Какой ужас охватил бы человечество, когда Солнце стало бы остывать. Вся изумительная история человечества и закончилась бы на Земле... как труп. Но перед людьми — колоссальное богатство, невероятные возможности, только надо уметь ими воспользоваться. Богатство Вселенной с бесконечным количеством миров, звезд и планет, с неисчерпаемыми источниками энергии, которой человек должен будет овладеть... В этом назначение человечества, смысл его существования.

МУЗЫКА: *Адажио Альбиниони.*

ЭПИЗОД 3.

ФЕДОРОВ И СМЕРТЬ

ФЕДОРОВ (*его слушает Циолковский, приложив к уху огромную, в полтора метра длиной слуховую трубу с раструбом. Временами переспрашивает*): Смертность человека есть лишь неведение, результат несовершенности, несамостоятельности жизни... В чем назначение

человечества, в чем смысл его существования?.. Должна быть умерщвлена... сама смерть как выражение вражды, невежества, слепоты и бессмысленности.

БАЛЕТНАЯ ГРУППА: *“Пляска смерти”*. Хореографический номер борьбы со смертью и ее победой.

МУЗЫКА: *Здесь ограмное музыкальное богатство — от Мусоргского (“Песни и пляски смерти”), Шостаковича (ор. 67 Piano Trio in E minor) до “Квартета на конец времени” Мессиана или его же “Концерта к 20-летию окончания войны”.*

Из хора выходит человек в телогрейке.

ЭКРАН: *Портрет Мандельштама.*

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ (голос): Отрывок из рассказа “Шерри-бренди”.

“Поэт умирал. Большие, вздутые голодом кисти рук с белыми бескровными пальцами и грязными, отросшими трубочкой ногтями лежали на груди, не прячась от холода. Раньше он совал их за пазуху, на голое тело, но теперь там было слишком мало тепла. Рукавицы давно украли; для краж нужна была только наглость — воровали среди бела дня. Тусклое электрическое солнце, загаженное мухами и закованное круглой решеткой, было прикреплено высоко под потолком. Свет падал в ноги поэта — он лежал, как в ящике, в темной глубине нижнего ряда сплошных двухэтажных нар. Время от времени пальцы рук двигались, щелкали, как кастаньеты, и ощупывали пуговицу, петлю, дыру на бушлате, смахивали какой-то сор

и снова останавливались. Поэт так долго умирал, что перестал понимать, что он умирает. Иногда приходила, болезненно и почти ошутимо проталкиваясь через мозг, какая-нибудь простая и сильная мысль — что у него украли хлеб, который он положил под голову. И это было так обжигающе страшно, что он готов был спорить, ругаться, драться, искать, доказывать. Но сил для всего этого не было, и мысль о хлебе слабела... И сейчас же он думал о другом, о том, что всех должны везти за море, и почему-то опаздывает пароход, и хорошо, что он здесь. И так же легко и зыбко он начал думать о большом родимом пятне на лице дневального барака. Большую часть суток он думал о тех событиях, которые наполняли его жизнь здесь. Видения, которые вставали перед его глазами, не были видениями детства, юности, успеха. Всю жизнь он куда-то спешил. Было прекрасно, что торопиться не надо, что думать можно медленно. И он не спеша думал о великом однообразии предсмертных движений, о том, что поняли и описали врачи раньше, чем художники и поэты. Гиппократово лицо — предсмертная маска человека — известно всякому студенту медицинского факультета... Однообразие, повторение — вот обязательная почва науки. То, что в смерти неповторимо, искали не врачи, а поэты...

Жизнь входила в него и выходила, и он умирал. Но жизнь появлялась снова, открывались глаза, появлялись мысли. Только желаний не появлялось. Он давно жил в мире, где часто приходится возвращать людям жизнь — искусственным дыханием, глюкозой, камфарой, кофеином. Мертвый вновь становился живым. И почему бы нет? Он верил

в бессмертие, в настоящее человеческое бессмертие. Часто думал, что просто нет никаких биологических причин, почему бы человеку не жить вечно... Старость — это только излечимая болезнь, и, если бы не это не разгаданное до сей минуты трагическое недоразумение, он мог бы жить вечно”.

МУЗЫКА: Глас 6-й.

ХОР: Упокой, Господи, души усопших раб твоих Осипа и Надежды, Николая и Варлама и миллионы, миллионы, миллионы... Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. И ныне и присно и во веки веков, аминь.

ФЕДОРОВ: Смерть есть зло, которое люди должны искоренить. Каждый человек живет за счет смерти своих предков, следовательно, является преступником. Мы — сыны, оставившие своих отцов... Если человек есть нравственное существо, то ему, чтобы остаться нравственным, нужно или возвратить жизнь умершим, или же самому умереть, но пережить смерть отца, признав невозможность воскрешения, — значит, не быть сыном, не быть и братом, не быть, следовательно, существом нравственным. Отцы должны быть воскрешены! Это и есть общее дело, соединяющее представителей науки всех стран мира... А другой путь развития человеческой цивилизации — который приведет нас не к бессмертию и воскрешению мертвых, а к Страшному Суду и геенне огненной.

ХОР: *Dies irae, dies illa solvet saeculum in falliva**.

(Музыка Таммазо ди Челлано.)

* “День гнева, этот день превратит века в пепел...”

ФЕДОРОВ: ...Нужно в любви воскрешать умерших предков... Войны должны прекратиться, и армии, которые организовались в целях взаимного истребления отдельных людей и народов, должны бороться только с одним врагом — слепой силой природы — до тех пор, пока не удастся заставить ее не господствовать над человечеством, а покориться ему. *(Здесь, признаюсь, подлог — это не текст Федорова, а более внятный пересказ его идей Львом Шестовым.)*

БАЛЕТНАЯ ТРУППА: *Воскрешение. Лежащие в черном на черной земле оживают и встают, облакаются в белое и улетают... Не возражала бы, если бы они в конце этого эпизода улетали, прицепившись карабинами к спущенным с колосников канатам. Этот балетный номер продолжается до конца эпизода.*

МУЗЫКА: *Фрагмент из сюиты Шнитке “Мертвые души”. Это очень ироническая и насмешливая музыка. Вообще, есть коллекция такой ёрнической, почти хулиганской музыки, и она бы очень подошла. Самая лучшая коллекция, насколько мне известно, у Игоря Померанцева на радио “Свобода”.*

ЦИОЛКОВСКИЙ. ...Когда все предки будут воскрешены, сотни миллионов людей покроют землю... поверхность Земли не вместит такого множества...

ФЕДОРОВ: Да! Но долг воскрешения требует такого открытия, чтобы расселить человечество по всей Вселенной, ибо без обладания небесным пространством невозможно одновременное существование поколений... Человеческая деятельность не должна ограничиваться пределами земной планеты...

Человечество должно быть не праздным пассажиром, а экипажем нашего земного, неизвестно еще

какою силою приводимого в движение корабля — будь то фото-, термо- или электроход...

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Альберт Эйнштейн в 1922 году получил Нобелевскую премию за открытые явления фотоэффекта. Работы по теории относительности и теории гравитации нобелевскому комитету показались недостаточно убедительными.

ЦИОЛКОВСКИЙ: Значит, надо строить космические корабли. И человечество — экипаж корабля... Ракета! Ракета! Долго на ракету я смотрел как и все: с точки зрения увеселений и маленьких применений. Но помню хорошо, как мне пришло в голову сделать вычисления, относящиеся к ракете. Мне кажется, первые семена мысли заронены были известным фантазером Жюль Верном; он пробудил работу моего мозга в известном направлении. Явились желания, за желаниями возникла деятельность ума. Конечно, она ни к чему бы не пошла, если бы не встретила помощи со стороны науки... Ракета для меня только способ, только метод проникновения в глубины космоса, но отнюдь не самоцель... Вся суть — в переселении с Земли и в заселении космоса...

ХОР: Ту сто четыре — самый лучший самолет...

Ту сто четыре никогда не упадет,
За пять минут куда угодно отвезет,
Сядешь и поедешь, далеко уедешь...

Берегите время!

Ту сто четыре — самый лучший самолет.

МУЗЫКА: Траурный марш Шопена.

ЭПИЗОД 4. ЛЮБОВЬ, ПОЛ И ПИЩА

ФЕДОРОВ: Человечество должно освободиться от тяготеющей над ним власти стихийных сил природы, мужчина должен освободиться от власти над ним женского начала, от невольного влечения к женщине как от уловки природы, соблазняющей мужчину к тому, чтобы отдать свои силы ухаживанию за женщиной и выращиванию потомства, а не выполнению долга перед предками. Через женщину действует слепая сила природы...

БАЛЕТНАЯ ТРУППА (до конца эпизода): *Работа на полу. Акробатика. Но очень сексуальная. Ужас! Ужас! Глаза бы не смотрели! Федоров от них отворачивается. Номер длится до окончания эпизода.*

МУЗЫКА: *Коллаж — от мелодий сентиментальных романсов до “Весны священной” Стравинского.*

ЦИОЛКОВСКИЙ: Я женился... без любви, надеясь, что такая жена не будет мною вертеть. Будет работать и не помешает мне делать то же. Эта надежда вполне оправдалась. Такая подруга не могла истощить и мои силы: во-первых, не привлекала меня, во-вторых, и сама была равнодушна и бесстрашна. У меня был врожденный аскетизм, и я ему всячески помогал. С женой мы всегда и всю жизнь спали в отдельных комнатах, иногда и через сени... До брака и после него я не знал ни одной женщины, кроме жены. Мне совестно интимни-

чать, но не могу же я лгать. Говорю про дурное и хорошее. Браку я придавал только практическое значение...

ТОЛСТОЙ *(первое появление)*: Борься с половой похотью было бы в сто раз легче, если бы не поэтизировали и самих половых отношений, и чувств, влекущих к ним, и браки как нечто особенно прекрасное и дающее благо... если бы с детства и в полном возрасте внушалось людям, что половой акт (стоит только представить себе любимое существо, отдающееся этому акту) есть отвратительный, животный поступок, который получает смысл только при сознании обоих того, что последствия его влекут за собой тяжелые и сложные обязанности выращивания и наилучшего воспитания детей.

ГОЛОС ИЗ ХОРА *(романс)*: Я встретил вас — и все бывшее
В отжившем сердце оживо.

Я вспомнил время золотое —

И сердцу стало так тепло...

(Слова Тютчева, автор музыки неизвестен.)

ЦИОЛКОВСКИЙ: Женитьба эта тоже была судьбой и великим двигателем. Я, так сказать, сам на себя наложил страшные цепи. В жене я не обманулся, дети были ангелы, как и жена. Но половое чувство неудовлетворенности — самой сильнейшей из всех страстей — заставляло мой ум напрягаться и искать...

ФЕДОРОВ: В нашем мире царит культ женщины и плотской любви. Отношениями движет половой инстинкт. Больше чувственности и совсем мало сочувствия... Любовь между мужчинами и женщинами должна напоминать любовь детей к родителям.

Федоров величественно машет рукой в сторону балетной труппы — исчезает.

ВАРВАРА, ЖЕНА (*поднимается к Циолковскому по лестнице. Он ее не слышит*): Отец! Радость-то какая!

ЦИОЛКОВСКИЙ (*не слышит*): Меня тянуло к женщинам, я непрерывно влюблялся, что не мешало мне сохранить незагрязненное, не запятнанное ни малейшим пятнышком наружное целомудрие. Несмотря на взаимность, романы были самого платонического характера, и я, в сущности, ни разу не нарушил целомудрия...

ВАРВАРА (*кричит в его трубу, он отмахивается*): Отец, радость какая! Приехала Марусинька, привезла нам два мешка картошки! Детей совсем уж нечем было кормить.

ЦИОЛКОВСКИЙ: Нужна ли пища?.. Представим себе совершенно изолированное особенное животное. В него не проникают ни газы, ни жидкости, ни другие вещества. Из него также они не могут и удалиться. Животное пронизывается только лучами света. Встречая тут хлорофилл, растворенный в крови, и углекислый газ, и другие продукты распада тканей животного, они разлагают их, соединяются и в результате дают кислород, крахмал, сахар, разные азотистые и другие питательные вещества, необходимые для жизни. Пища (подразумевается то, что образовано в теле действием солнечных лучей) и кислород растворяются в ткани животного. Но последняя опять разлагается, на углекислый газ и другие продукты распада (мочевину, аммиак и прочее). Пусть все эти отбросы не выкидываются наружу, а поступают в кровь и остаются в организме. Солнечные лучи

опять преобразуют их в кислород и питательные вещества, которые пополняют убыль непрерывно работающих частей тела. Этот круговорот совершается вечно!

ВАРВАРА: Картошки два мешка, я говорю!

ЦИОЛКОВСКИЙ: Что?

ВАРВАРА: Картошки два мешка!

Циолковский машет рукой.

ХОР: Ах ты, милая картошка,
Низко бьем тебе челом,
Даже дальняя дорожка
Нам с тобою нипочем.
Ах, картошка, объеденье,
Лагерников идеал,
Тот не знает наслажденья,
Кто картошки не едал.

*(Скаутская песня о картошке, переделанная в пионерскую.
Автор музыки и слов — В. Попов, 1910 г.)*

ВАРВАРА *(кричит)*: Марусинька привезла из деревни
два мешка картошки!

ЭКРАН: Москва. Табличка с названием улицы "Проспект Вернадского".

ХОР: Кто такой Вернадский? Кто такой Вернадский?

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Академик Вернадский действительно прорубил проспект в науке и в общественной мысли. Ученик Менделеева, Бекетова, Докучаева, он стоял на рубеже современной науки. Исследования в области кристаллографии и минералогии изменили научные представления об

эволюции Земли, он читал курс геохимии в Сорбонне. Под влиянием этих лекций выдающийся французский религиозный мыслитель Тейяр де Шарден сформулировал понятие “ноосфера”. Но именно Вернадский был отцом этой идеи: он утверждал, что биосфера перешла в новое эволюционное состояние — в ноосферу. Тот информационный мир, в котором мы сегодня находимся, и есть развивающаяся ноосфера. С этого момента эволюция становится управляемой.

Появляется Вернадский в академической шапочке.

ВЕРНАДСКИЙ: Человек стремится к аутоτροφному питанию, то есть к питанию, которое не зависит от других живых существ, а будет создаваться непосредственно самим человеком... Непосредственный синтез пищи, без посредничества организованных существ, как только он будет открыт, коренным образом изменит будущее...

БЕГУЩАЯ СТРОКА, ЭКРАН: Искусственное мясо из пробирки становится реальностью. Гамбургер из выращенной в лаборатории говядины был изготовлен и торжественно съеден на специальном мероприятии в Лондоне в ноябре 2010 года.

ВАРВАРА: Картошечка деревенская...

ЦИОЛКОВСКИЙ (*прикладывает к уху слуховую трубу*):

А-а-а... Это хорошо.

ВАРВАРА (*мужу*): Слава тебе, господи! Это ж на месяц хватит!

ЦИОЛКОВСКИЙ: А ты все, дурочка, переживаешь!

Обнимаются.

БАЛЕТНАЯ ТРУППА: *Любовная сцена. Нежные объятия и ничего больше.*

МУЗЫКА: *“Когда б имел золотые горы” (народная песня).*

ЭПИЗОД 5.

БУДУЩЕЕ МИРА. СЕЛЕКЦИЯ

БЕГУЩАЯ СТРОКА: 25 апреля 1953 года в журнале *Nature* была опубликована статья о том, как устроена молекула ДНК. За открытие структуры ДНК и ее функций Д. Уотсон, Ф. Крик и М. Уилкинс в 1963 году удостоены Нобелевской премии. Мир узнал, как устроена молекула, управляющая всеми свойствами живого организма.

ЭКРАН: *Схема — знаменитая двойная спираль.*

ЦИОЛКОВСКИЙ: Я чистейший материалист... Жизнь на Земле — непрерывная лестница. Она не кончается и на границе живой материи, потому что этой границы нет. Она искусственна, как и все границы... Ничто сразу не останавливается. Не остановится и человек в своем развитии... Сегодняшний человек — “полуживотное” и в общественном развитии уступает муравьям и пчелам.

ГОЛОС ИЗ ХОРА: Высока земли обитель.

Поздно, поздно. Спать пора!

Разум, бедный мой воитель,

Ты заснул бы до утра.

Что сомненья? Что тревоги?

День прошел, и мы с тобой —

Полузвери, полубоги —
Засыпаем на пороге
• Новой жизни молодой.
Колотушка тук-тук-тук,
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит,
Над землей луна висит,
Над землей большая плошка
Опрокинутой воды.
Спит растение Картошка,
Засыпай скорей и ты.

(Николай Заболоцкий.)

ЭПИЗОД 6. УЛУЧШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ЦИОЛКОВСКИЙ: Вся земля сделается обитаемой и приносящей великие плоды. Сначала исчезнут вредные животные и растения, потом избавятся и от домашних животных. В конце концов, кроме низших существ, растений и человека, ничего на земле не останется... Многочисленное население земли будет усиленно размножаться, но право производить детей будут иметь только лучшие особи. Все будут иметь жен и счастливо жить с ними, но не все будут иметь детей... Естественный подбор заменится искусственным, причем наука и техника придут ему на помощь. Так пройдут тысячи лет, и вы тогда население не узнаете. Оно будет настолько же выше теперешнего человека, насколько последний выше какой-нибудь маргышки. Исчезнут из характера низшие животные инстинкты. Даже исчезнут унижающие нас

половые акты и заменятся искусственным оплодотворением. Женщины будут рожать, но без страданий, как родят низшие животные. Произведенные ими зародыши будут продолжать развитие в особой обстановке, заменяющей утробу матери.

Один из актеров в белых одеждах с овечкой на руках шествует через сцену.

ЭКРАН: Овечка Долли.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: 1996 год. Овечка Долли. Эксперимент по клонированию млекопитающего, проведенный Яном Виллертом и Китом Кэмпбеллом в Рослинском университете близ Эдинбурга, увенчался успехом. Овечка Долли, первое клонированное млекопитающее животное, является генетической копией овцы — донора клетки. Генетическая информация для процесса клонирования была взята из взрослых дифференцированных клеток, а не из половых или стволовых. Исходное животное на момент клонирования уже умерло. А часть его клеток, необходимая для эксперимента, была своевременно заморожена и хранилась в жидком азоте, чтобы сохранить и передать генетический материал.

ЦИОЛКОВСКИЙ: Разумеется, к этому пришли не сразу. Сначала укоротили срок пребывания плода во чреве, поощряя преждевременные роды. Сокращали их все более и более. Также и оплодотворение сначала было искусственным только в виде опыта. Но потом, по мере ослабления страстей, применялось все чаще и чаще, пока совсем не вы-

теснило обычных действий брачной жизни...

- Какая же цель? Цель та, чтобы всегда побеждал разум, а не стремление попить и поесть сладко, насладиться женщинами и так далее... Для выведения будущего совершенного человечества надо использовать систему полового отбора. Люди несовершенные, “плохой породы”, будут лишены способности к размножению.

ВАРВАРА: А что же нам-то делать, простым? Помирать?

ЦИОЛКОВСКИЙ: Да. Но безболезненно!.. Прежде всего, все существа должны быть сознательными, то есть понять, что страдания недопустимы, и стремиться к совершенству. Несовершенных людей, не способных это понимать, быть не должно. Убивать их, разрушая тело или уничтожая его голодом или холодом, нельзя, так как это погружает мир во зло. Значит, надо заботиться о них как о себе. Нужно только не давать им размножаться. Тогда с течением времени они незаметно и быстро исчезнут с лица земли. Не будет ли это такое мучением? Нет, потому что несовершенные, имея жен, не будут иметь детей.

МУЗЫКА: Рахманинов — из 3-го концерта или Шнитке — из *Concerto Grosso* № 1.

ВАРВАРА: Вот я и говорю: а что же нам, простым людям, без талантов, помирать?

ЦИОЛКОВСКИЙ: Да, помирать!.. И на других планетах мы поступим так же: безболезненно, гуманно уничтожим их обитателей, если они в силу их биологического несовершенства не смогут быть такими же счастливыми как мы. Мы должны оста-

вить все внушенные нам правила морали и закона, если они вредят высшим целям. Все нам можно, но не все полезно. Вот основной закон новой морали.

ЭКРАН: *Портрет Достоевского.*

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Широко человек, даже слишком широко, я бы сузил!

МУЗЫКА: *Шостакович (искать).*

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Программа умерщвления Т-4 (“Операция Тиргартенштрассе 4”) была принята в Третьем рейхе в 1939 году. Это официальное название евгенической программы немецких национал-социалистов по стерилизации, а в дальнейшем и физическому уничтожению людей с психическими расстройствами, умственно отсталых и наследственно отягощенных больных. Впоследствии в круг лиц, подвергавшихся уничтожению, были включены нетрудоспособные лица (инвалиды, а также болеющие свыше пяти лет). Сначала уничтожались только дети до трех лет, затем — все возрастные группы.

ХОР (*Текст можно давать и русский, и немецкий...*): Высоко
знамя реет над отрядом,
штурмовики чеканят твердый шаг,
и коммунистами убитые комрады
незримо с нами в пламени атак.
Свободен путь для наших батальонов,
свободен путь для штурмовых колонн,
глядят на свастику с надеждой миллионы,
день тьму прорвет, даст хлеб и волю он.

*Die Fahne hoch! Die Reihen fest geschlossen.
SA marschiert mit ruhig festem Schritt.
*Kam'raden, die Rotfront und Reaktion erschossen,
Marschier'n im Geist in unser'n Reihen mit.*

*(Слова Хорста Людвиг Весселя, на мотив
верхнебаварской народной песни.)*

ЦИОЛКОВСКИЙ: Я уверен, что в космосе уже обитают значительно более развитые существа, которые смотрят на человечество так же, как мы смотрим на крыс... Для выведения будущего совершенного человечества надо использовать систему полового отбора. Люди несовершенные, “плохой породы” будут лишены способности к размножению. Отборные производители, напротив, создадут нового человека, вступая за свою жизнь в контакты с тысячами женщин, пока все люди не обратятся в плодовитых красавцев, здоровых и умниц.

МУЗЫКА: Бетховен, 9-я симфония. Финал.

ЭКРАН: *Исполнение в 1942 году, в Берлине, на фоне свастики и Геббельса (<https://youtu.be/zitdv1aEpG4>).*

ЭПИЗОД 7. ТОЛСТОЙ И ФЕДОРОВ. ДРУЖБА

БАЛЕТНАЯ ТРУППА: *Тема встречи-расставания.*

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Федоров жил в Москве, в Зачатьевском переулке на Остоженке; усадьба Толстого в Хамовниках была неподалеку. Был год 1891-й, когда они прогуливались, провожая друг друга

и беседея часами, дружески обсуждали многие важные вопросы...

ТОЛСТОЙ (*в блузе, треухе, любой "простонародной" одежде, которую носил писатель, подходит к подножию памятника Федорову, стучит в его пьедестал*): Николай Федорович — святой. Каморка. Нет белья, нет постели. Он составил план общего дела всего человечества, имеющего целью воскрешение всех людей во плоти... это не так безумно, как кажется... Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком. ...Ему шестьдесят лет, он нищий и всё отдает, всегда весел и кроток... Не хочет жалованья.

Дверь в подножии памятника открывается, выходит Федоров в одежде господской, но совершенно изношенной. Смотрит с недоумением на Толстого. Слышит его последние слова.

ФЕДОРОВ: Какого жалованья? Так деньги, как ни тратить их, они всегда остаются, треклятые... (*Внимательно смотрит на Толстого.*)

ТОЛСТОЙ: Что вы смотрите? Не хотите ли превзойти меня в своем опрощении?

ФЕДОРОВ: О чем вы, Лев Николаевич? Об одежде моей?

ТОЛСТОЙ (*машет рукой*): Помилуйте... Я про вчерашнее думал. Дурно спал сегодняшнюю ночь, за вчерашнюю мою горячность мне неловко, приношу вам мои извинения. И прежде мне уже приходило, что мысли человеческие бесценны, но я не соединял это с продажей книг моих...

Толстой берет Федорова под руку. Прогулка. Провожают друг друга от края до края сцены и не могут расстаться.

ФЕДОРОВ: Человеческая мысль, Лев Николаевич, ее плоды — общее достояние всех, и купля-продажа идей, авторских прав и тому подобное безнравственно.

ТОЛСТОЙ (*кивает*): Это следует обдумать... Да-да. Что-то есть особенно отвратительное в продаже умственного труда. Если продается мудрость, то она, наверно, не мудрость.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Лев Николаевич, к большому горю жены Софьи Андреевны, отказался от гонораров за свои произведения после 1881 года под влиянием бесед с Федоровым.

Продолжают прогуливаться, взявшись под руку.

ТОЛСТОЙ: Николай Федорович, кто такой был Коперник? Говорят, у него была даже целая система. Правда ли это? Дайте мне что-нибудь почитать о нем...

ФЕДОРОВ (*после паузы*): В гимназии это изучают, граф... Да, граф, я отыщу вам все нужные книги... Много, очень много важного происходит в науке...

Разыскивает по карманам нужную библиографическую карточку, дает Толстому.

ЭКРАН: Белые, розовые и лиловые цветки душистого горошка. Портрет Грегора Менделя.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: 1864 год. Грегор Мендель, аббат августинского монастыря Святого Фомы в Брюнне, естествоиспытатель, проводя опыты на душистом горошке, сформулировал законы, объясняющие механизм наследственности, известные миру как законы Менделя. Он показал, что характерные признаки

при скрещивании передаются потомству независимо, не сливаются и не исчезают. Он ввел понятие гена, доминантных и рецессивных признаков.

БАЛЕТНАЯ ГРУППА: Менуэт (с обменивающимися партнерами).

МУЗЫКА: Рахманинов. Вокально-симфоническая поэма колокола. Часть 4, *Allegro maestoso* (фрагмент).

ЭПИЗОД 8. АЛЮМИНИЙ

ЭКРАН: Портрет Чернышевского.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Николай Гаврилович Чернышевский, названный “врагом Российской империи номер один”, пробыв в тюрьме, на каторге и в ссылке свыше двадцати лет. Его утопические идеалы были выражены в романе “Что делать?”.

Решетчатая клетка медленно выезжает на сцену. В ней сидит арестант. Это Чернышевский.

ЦИОЛКОВСКИЙ: ...В 1885 году... я написал сочинение “Аэростат металлический управляемый”, в котором дано научное и техническое обоснование конструкции дирижабля с металлической оболочкой. Мысль о металлическом аэростате засела у меня в мозгу... Какой металл можно было бы употребить на создание оболочки?

ЭКРАН: Мелькают современные небоскребы, виды городов будущего, то есть уже прошлого.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ (из клетки): Какое здание — что ж это, какой оно архитектуры? Теперь нет такой; нет, уж есть один намек на нее... чугуи и стекло, чугуи и стекло только. Нет, не только: это лишь оболочка здания, это его наружные стены; а там, внутри, уж настоящий дом, громаднейший дом: он покрыт этим чугуинно-хрустальным зданием, как футляром; оно образует вокруг него широкие галереи по всем этажам. Какая легкая архитектура этого внутреннего дома, какие маленькие простенки между окнами, а окна огромные, широкие, во всю вышину этажей! Его каменные стены — будто ряд пилястров, составляющих раму для окон, которые выходят на галерею. Но какие это полы и потолки? Из чего эти двери и рамы окон? Что это такое? Серебро? Платина? Да и мебель почти вся такая же: мебель из дерева тут лишь каприз, она только для разнообразия, но из чего ж вся остальная мебель, потолки и полы?.. Эта металлическая мебель легче нашей ореховой. Но что ж это за металл? Ах, знаю теперь... показывали мне такую дощечку, она была легка, как стекло, и теперь уж есть такие серьги, брошки; да... рано или поздно алюминий заменит собою дерево, может быть, и камень. Но как же все это богато! Везде алюминий и алюминий... Он будет настолько доступен, что все без изъятия будут пользоваться им — подумать только! — даже в виде посуды! Алюминий — металл социализма!

ЦИОЛКОВСКИЙ: Счастлиное общественное устройство, подсказанное гениями, заставит технику и науку идти вперед с невообразимой быстротой и с такой же быстротой улучшать человеческий быт! И в виде посуды!

ЭКРАН: *Портрет Юлия Даниэля.*

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Юлий Даниэль, писатель. Был осужден в 1966 году на пять лет лагерей за публикацию своих произведений за границей.

ЮЛИЙ ДАНИЭЛЬ (*в записи*): И вот сбылось по слову утописта: десятки миллионов солдат и десятки миллионов каторжников хлебают свой суп и выскребают свою кашу алюминиевыми ложками из алюминиевых мисок.

ГОЛОС ИЗ ХОРА: Алюминий вы найдете

В ложке, кружке, самолете.

Нужен легонький металл,

Чтобы самолет летал!

Самолет парит легко,

Небосвод пронзает синий,

А взлететь так высоко

Помогает алюминий!

(Автор неизвестен.)

БАЛЕТНАЯ ГРУППА: *Танец с алюминиевыми ложками.*

МУЗЫКА: *Хачатурян. Танец с саблями.*

ЭПИЗОД 9.

ЛЮБИМЫЕ АТОМЫ

БАЛЕТНАЯ ГРУППА: *Игра в мяч. Мячи маленькие и большие, они сталкиваются, отлетают друг от друга, но к концу хаотические броски образуют нечто стройное. Возможно, забрасывают все шары в конце эпизода в баскетбольную корзину, заканчивающуюся мешком.*

ЭКРАН: *Скульптурный портрет Демокрита.*

БЕГУЩАЯ СТРОКА: IV век до нашей эры. Греческий философ Демокрит впервые использовал слово “атом”, что в переводе с греческого означает “неделимый”, для описания самой малой частицы вещества.

ХОР: Лети, мысль, на золотых крыльях;
лети, отдыхая на горах и холмах,
где воздух напоен теплом и нежностью,
сладостным ароматом родной земли!

*(Хор рабов-иудеев из оперы “Набукко”
Джузеппе Верди.)*

ЦИОЛКОВСКИЙ: Атом живет жизнью Вселенной. Какова она, таков и атом, такова и его судьба. Вселенная в счастье, и он тоже. Сознательные существа это понимают и потому не делают ни себе, ни другим никакого зла. В этом и состоят вся этика, все законы, все наши разумные поступки — в настоящем и бесконечном будущем.

ФЕДОРОВ. Механизм воскрешения основан на законах физики: каждое физическое тело состоит из молекул и атомов, которые удерживаются друг возле друга энергиями притяжения и отталкивания. Все предметы излучают такие волны. Эти явления должны изучаться и тщательно исследоваться на предмет восстановления физической материи, то есть для выращивания прошлых жителей планеты из сохранившегося биологического материала или для собирания энергий, из которых состояли люди, дабы материализовать их таким способом. Вариантов воскрешения может быть больше...

ЦИОЛКОВСКИЙ: Атом есть гражданин клеточки и есть простейшее существо. Он же и гражданин Вселенной. Нет ни одного атома, который не принял бы участия в высшей жизни Вселенной бесконечное число раз. Участь каждого атома есть жизнь вечная.

ФЕДОРОВ: ...Если два атома были когда-то рядом в одном организме, то от этой близости в них остается след... Они будут узнавать друг друга, когда вновь соединятся в одном теле.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Идея о связи атомов подтверждена исследованиями квантовой механики, самой сложной для наглядного объяснения частью физики, где царит слово "неопределенность". Если две частицы возникли одновременно, а затем разлетелись на очень большое расстояние, то, как уже доказано, определение свойств одной частицы мгновенно приводит к определению свойств другой, которые до этого были неизвестны. Это явление называют квантовой запутанностью. В мире частиц существует квантовая запутанность, что означает связь частиц. Представим, что две частицы возникли одновременно в результате какого-то явления, а затем разлетелись на очень большое расстояние. Доказано: частица была в запутанном состоянии. Первым эту идею высказал Эйнштейн, но не мог найти ей объяснения. Антон Цайлингер, австрийский ученый, подтвердил в 2017 году факт мгновенного обмена информацией между запутанными частицами. Это и есть новая реальность, которая допускает существование множественности миров, возможность телепортации и многие другие фантастические возможности... Николай Федоров был бы рад это узнать!

ЭКРАН: *Текст сопровождает видео эксперимента Цайлингера.*

ЦИОЛКОВСКИЙ (*читает безущую строку, машет рукой*): Этот Эйнштейн! Очень огорчает увлечение ученых такими рискованными гипотезами, как эйнштейновская теория, которая теперь поколеблена фактически... Успешно развиваясь и не встречая должного отпора, бессмысленные теории одержали временную победу, которую они, однако, празднуют с необычайно пышной торжественностью! (*Обращается снова к Федорову.*) Итак... Попадая в высокоорганизованные существа, атом живет их жизнью и чувствует приятное и неприятное; попадая в мир неорганический, он как бы спит, находится в глубоком обмороке, в небытии. Даже в одном животном, блуждая по телу, он живет то жизнью мозга, то жизнью кости, волоса, ногтя, эпителия и так далее. Мыслит мозг, но чувствуют атомы, его составляющие. Разрушен мозг — исчезло и напряженное чувство атомов, заменившись ощущением небытия, близким к нулю. Значит, он то мыслит, то живет подобно атому, заключенному в камне, воде или в воздухе... Оставляет след.

ФЕДОРОВ: ...И по этому следу можно когда-нибудь будет их найти и воссоединить.

ЦИОЛКОВСКИЙ: Ощущение атомов в мозгу можно сравнить с состоянием зрителей в театре, проникнутых одной и той же драмой. Увлеченные одной идеей, они уже забыли про свою личную жизнь и прониклись лишь тем, что перед их глазами. Но кончился спектакль (смерть!), ушли они из залы и замерли от скуки (небытие!)... Есть разница между атомами в мозгу и зрителями в театре. Че-

ловек из театра может перейти в другой театр, потом в третий и так без конца. Так же и атом, может перейти в другой мозг и в третий, и так же без конца. Только атому лучше: он действительно блуждал и будет блуждать бесконечно от одной жизни к другой. Он не чувствует и скуки в антрактах, так как в неорганической материи, в небытии сон его полный и времени нет. А как томится бедный человек, поглощенный скукой. Да и порханию его по театрам (в жизни) когда-нибудь должен наступить конец. Никто не видел атомов, однако они, несомненно, есть!

БЕГУЩАЯ СТРОКА: 1981 год. Германские физики Герд Бинниг и Генрих Рорер создали микроскоп, способный показывать отдельные атомы.

ЭКРАН: *Здесь можно параллельно и подкрепляющие фотографии показать. Они восхитительны!*

ФЕДОРОВ: ...Необходимо создавать центры, которые изучали бы научные приемы... управления всеми молекулами и атомами внешнего мира так, чтобы рассеянное собрать, разложенное соединить, то есть сложить в тела отцов... а также организовать "трудовые армии" и направить их на дело воскрешения предков.

БАЛЕТНАЯ ТРУППА. *Продолжается акробатический танец с мячами. Участники выстраиваются в сложные пирамиды.*

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Современные нанотехнологии изучают процессы, происходящие в атомном и молекулярном масштабе. Нанороботы уже научились изменять структуру молекул, а компьютеры —

этими роботами управлять. Это фактически не что иное, как реализация идей о “собрании из атомов” макроскопических тел, вплоть до тела человека. О сборке даже отдельной клетки сегодня говорить еще рано, но вирус уже можно собрать из набора нуклеотидов... В ближайшем будущем ученые обещают с помощью 3D-печати производить импланты глаза, искусственную кожу и даже создавать искусственные органы. Использование нанороботов станет началом перехода человека из биологической формы *Homo sapiens* в технологически развивающееся существо *Nano sapiens*.

ЭКРАН (текст): Очень привлекательная картинка — имплант глаза.

ЦИОЛКОВСКИЙ: ...Федоров настаивал на необходимости тщательного изучения прежде живших людей, восстановления их образов, пусть сначала лишь мысленных, причем в последовательности поколений, народов, групп, семей.

БАЛЕТНАЯ ТРУППА: Все мячи, заброшенные в большую сетку, увозят.

МУЗЫКА: Может быть, Шнитке “Пять афоризмов”.

ЭПИЗОД 10.

ДЕТИ ЦИОЛКОВСКОГО

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Константин Циолковский прожил в браке со своей женой Варварой тридцать лет, и они произвели на свет семерых детей.

ЦИОЛКОВСКИЙ: На последний план я ставил благо семьи и близких. Всё для высокого. Я не пил, не

курил, не тратил ни одной лишней копейки на себя, например на одежду. Я жил всегда почти впроголодь. Умеря себя во всем до последней степени, терпела со мною и семья. Мы были, правда, довольно сыты, тепло одеты, имели теплую квартиру и не нуждались в простой пище, дровах и одежде. Но я часто на все раздражался и, может быть, делал жизнь окружающих тяжелой, нервной. Не было сердечной привязанности к семье, а было напускное, ненатуральное, теоретическое. И едва ли от этого было легко окружающим меня людям. Была жалость и правда, но не было простой страстной человеческой любви.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: В 1893 году умер младенец Леонтий.

В 1902 году покончил с собой девятнадцатилетний Игнатий. Отравился цианистым калием.

В 1919 году умер Иван, отравился квашеной капустой.

В 1921 году умерла 24-летняя дочь Анна.

В 1923 году покончил с собой сын Александр.

В 1934 году любимый внук Женя умер от скарлатины.

ХОР (из панихиды): Упокой, Боже, рабов твоих... (Прерывается.)

ЦИОЛКОВСКИЙ: Трагическая смерть сына Игнатия, происшедшая от крайнего пессимизма: жить не стоит... Начитался Ницше, Шопенгауэра. Я тоже был виноват в развитии мрачного настроения сына, так как доказывал, что радостей столько же, сколько и страданий. Мы-то остались живы, несмотря на свою проповедь, а других загубили.

ХОР (из панихиды): Упокой, Боже, рабов твоих... (Прерывается.)

ЦИОЛКОВСКИЙ: Точно кто-то беспощадный ворвался к нам и выхватил ребенка... Воскрешение отцов? Предков? Родителей?.. А детей? Детей кто воскресит?

Федоров появляется, молчит.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: О воскрешении детей у Федорова ни слова.

ХОР: Упокой Боже рабы твоя и учини я в раи, идеже лица святых Господи, и праведницы сияют яко светила, усопшие рабы Твоя упокой, презирая их вся согрешения.

Подходит Варвара, они обнимаются. Плачут.

ВАРВАРА: Нет у нас Игнаши... Не уберегли.

ЦИОЛКОВСКИЙ: Смерть — только новое рождение. Только новое рождение. Уместная смерть — сама по себе счастье. Если не дать успеть пропитаться несчастьем атомам...

ВАРВАРА (*утирает слезы*): ...Новое рождение... О господи...

ХОР: Баюшки-баю!

Не ложися на краю.

Заутро мороз,

А тебя на погост!

Дедушка придет,

Гробок принесет,

Бабушка придет,

Холстинки принесет,

Матушка придет,

Голосочек проведет,

Батюшка придет,

На погост отнесет.
Баюшки-баю,
Колотушек надаю!

(Народная песня.)

ЭПИЗОД 11.

РАЗРЫВ ФЕДОРОВА И ТОЛСТОГО

БЕГУЩАЯ СТРОКА: В 1881–1882 году в России разразился голод. А Толстой разразился статьей, которую в России не напечатали. Вышла статья в английской газете *Daily Telegraph* под заголовком “Почему голодают русские крестьяне?”.

ТОЛСТОЙ (*стучит в подножие памятника Федорову*): Николай Федорович!

Федоров открывает дверь — и захлопывает ее.

ТОЛСТОЙ: Николай Федорович!

ФЕДОРОВ: Что вам угодно?

ТОЛСТОЙ: Подождите, давайте сначала поздороваемся! Я так давно вас не видел.

ФЕДОРОВ: Я не могу подать вам руку... Между нами все кончено.

ТОЛСТОЙ: Объясните: что всё это значит?

ФЕДОРОВ: Это ваше письмо напечатано в *Daily Telegraph*?

ТОЛСТОЙ: Да, мое.

ФЕДОРОВ: Это вы написали “Разве может не быть голоден народ, который в тех условиях, в которых он живет, то есть при тех податях, при том малоземелье, при той заброшенности и одичании, в котором его держат”?

ТОЛСТОЙ: Да.

ФЕДОРОВ: Да неужели вы не сознаете, какими чувствами продиктовано оно и к чему призывает? Нет, с вами у меня нет ничего общего, и можете уходить.

ТОЛСТОЙ: Николай Федорович! Мы чуть держимся в своей лодочке над бушующим морем, которое вот-вот поглотит и пожрет нас. Рабочая революция с ужасом разрушений и убийств не только грозит нам, но мы в ней живем уже тридцать лет...

ФЕДОРОВ: Неужели вы не понимаете, что для преодоления общественного разлада и хаоса необходима деятельность государства, церкви, правительства? Вы анархист и разрушитель. Вы против правительства!

ТОЛСТОЙ: Я ни за русское, ни за японское правительства, но за обманутый рабочий народ обеих стран, вынужденный воевать против своего благополучия, совести и религии.

ФЕДОРОВ (*отворачивается*): С вами у меня нет ничего общего.

ТОЛСТОЙ: Николай Федорович! Мы старики, давайте хотя бы простимся!

ФЕДОРОВ (*отворачивается от Толстого, обращается в зал*): Писания графа Толстого... являются открытой пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда. Прежде я говорил, что он составляет центр русских еретиков, а теперь надо сказать, что он центр еретиков всего мира! Видал я много дураков, но такого еще не видывал!

Федоров бросает в сторону Толстого библиографические карточки, скрывается в своей камерке, в подножии памятника и хлопает дверью.

ХОР: Перемен требуют наши сердца,
Перемен требуют наши глаза,
В нашем смехе, и в наших слезах,
и в пульсации вен — Перемен!
Мы ждем перемен!
Электрический свет продолжает наш день,
И коробка от спичек пуста,
Но на кухне синим цветком горит газ.
Сигареты в руках, чай на столе —
эта схема проста.
И больше нет ничего — все находится в нас.
Мы не можем похвастаться мудростью глаз
И умелыми жестами рук,
Нам не нужно все это, чтобы друг друга понять.
Сигареты в руках, чай на столе — так замыкается
круг.
И вдруг нам становится страшно что-то менять.
Мы ждем перемен!

(Виктор Цой — группа "Кино".)

ЭПИЗОД 12. НОВАЯ ВЛАСТЬ. НОВЫЙ ЯЗЫК

ЭКРАН: Красные знамена. Стрельба. Рев толпы. Можно фальшивые кадры взятия Зимнего дворца. Портрет Ленина. Портрет Троцкого.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Октябрь, 1917. Революция свершилась!

АНГЕЛЬСКИЕ ХОРЫ (из “Марсельезы”, композитор и автор слов Клод Жозеф Руже де Лиль): Весь мир насилья мы разрушим... (Резко прерывается.)

ЦИОЛКОВСКИЙ: Маркс и Ленин — подлинные вожди человечества... Общество развивалось уродливо, потому что существует социальное неравенство. Есть низшая категория вредителей — бандиты. Их ловят, изолируют или истребляют. Есть более высокая категория вредителей — капиталисты. Это тоже по положению своему бандиты, бандиты всепланетные и международные. Борьба с ними мыслима в международном масштабе. Маркс и Ленин возглавили эту борьбу с бандитами планеты. Интернационал, созданный Лениным, тем и могущественен, что зовет на борьбу пролетариев всех стран. Я с детства глух. Я лишен радости борьбы. Я отдаю все силы трудящимся против трутней, как умею.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее.

ТОЛСТОЙ: Я серьезно убежден, что миром правят совсем сумасшедшие.

Появляется Вернадский в черной академической шапочке.

ВЕРНАДСКИЙ: Дела идут всё хуже, власть глупеет на глазах, при непрерывной смене функционеров уровень каждого следующего призыва всё ниже.

ХОР (из “Марсельезы”): Весь мир насилья мы разрушим... (Резко прерывается.)

ЦИОЛКОВСКИЙ. Мар-сель-е-за! Французское слово! У нас в старину русский язык мешали с французским. Не смешно ли это! Так же смешно мешать

разные алфавиты и языки, когда можно употребить один... Ленин начал такое дело, которое со временем охватит всю Землю, все ее население. Чем дальше, тем величие Ленина будет расти, потому что, как он сам пророчески предсказал, народовластие, социализм, а потом и коммунизм охватят все большее количество людей, пока на этот путь не встанет все человечество. Разделенность народов повлекла за собой раздор, вражду и непонимание между ними. Выход из существующего положения один: ввести общий язык для всех... Приняв один язык за всеобщий, мы ни в каком случае ничего не проиграем... Теперь переходим к алфавиту... Если бы был алфавит, удовлетворяющий большинство передовых народов, то он был бы принят понемногу всеми. Я делаю попытку в этом направлении... Какое может быть братство, если вследствие различия языков мы друг друга не понимаем!

ХОР: Изба-читальня,
Второй этаж.
Там буги-вуги,
Там твист и джаз.

Москва, Калуга,
Лос-Анджелос
Объединились
В один колхоз.
Мы все за мир,
И мир за нас.
Кто против мира,
Получит в глаз.

(Музыка Уильяма Кристофера Хэнди
"Сент-Луис Блюз".)

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Личный архив Циолковского (с 1887 по 1935 год) содержит 1979 дел, включающих 31 680 листов архивных материалов. Все они написаны по-русски, и даже общепринятые латинские буквы в математических формулах заменены русскими буквами. В калужской типографии, где были напечатаны его работы, латинских литер просто не было. Часть написанных Циолковским трудов до сих пор не опубликована. Книги его при жизни ходили в самиздате, хотя слово это изобрели гораздо позже.

ЦИОЛКОВСКИЙ (*читает письмо "Моим друзьям"*): Ваши отзывы на полученные вами от меня труды доказали, что вы понимаете их и потому можете быть их хранителями и распространителями. Издать их я не в силах, в Академии наук они затеряются или будут забыты. Вы молоды и, может быть, сумеете и успеете передать их людям после моей смерти или еще при жизни. Так они не пропадут, а принесут добрые плоды. Но если вы сочувствуете новым мыслям (или старым, лишь бы они были полезны людям), то принесите маленькую жертву: отдайте переписать их на машинке и в доказательство пришлите мне ОДИН экземпляр вместо полученного вами. ...С пятью полученными вами копиями делайте что хотите. Подарите их друзьям или оставьте у себя. Я бы принял на себя все расходы по печатанию, но не хватает сил и средств...

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Статья 70 Уголовного кодекса РСФСР (1961 года) предполагает лишение свободы до семи лет или ссылку до пяти лет за "антисоветскую агитацию и пропаганду". Практически все издания, произведенные в домашних условиях

путем перепечатки или фотокопирования без разрешения цензуры, рассматривались как “антисоветские”.

ХОР: Гимн Советского Союза.

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь...

(Музыка Александрова, слова Михалкова.)

МУЗЫКА: Чижик-пыжик, где ты был... *(ироническая обработка из программы Игоря Померанцева на радио “Свобода”).*

ЭПИЗОД 13.

ВСТРЕЧА СО ШКЛОВСКИМ

БЕГУЩАЯ СТРОКА: В 1935 году на киностудии “Мосфильм” был снят научно-фантастический фильм “Космический рейс” при участии Виктора Шкловского. Научный консультант — Циолковский.

ЭКРАН: Фрагмент фильма.

ЦИОЛКОВСКИЙ *(пристраивает свою огромную трубу по направлению к Шкловскому)*: Теперь не говорите громко, я все слышу так же, как вы меня.

ШКЛОВСКИЙ *(дает конверт)*: Здесь пять тысяч, за консультацию.

ЦИОЛКОВСКИЙ *(берет пакет, вынимает деньги, вздыхает)*: У нас дома несчастье. Внук прыгнул с березы с простыней — думал, что парашют. Совсем бы разбился, но попал в кучу навоза. *(Кричит.)*
Анна!

Появляется дочь Анна.

ЦИОЛКОВСКИЙ *(отдает дочери часть денег)*: Срубил капусты, пошли к друзьям и к аптекарю деньги и по кочану. Пускай пекут пироги: у Циолковского деньги есть. *(Шкловскому.)* Меня зовут в Москву, на полет стратостата. Ну что я, как мальчик, залезу в гондолу, а потом вылезу... Да и не полетят они завтра. Я смотрел вчера фотографию, мне прислали... у них веревка запутается. В нашем деле всегда так: думаешь о главном, а о веревке забудешь, а она окажется самым главным, когда запутается. Вот думаешь, как руль поставить в стратоплане! Его же нельзя поставить в потоке горящего газа! В советское время я занимаюсь главным образом теорией движения ракет — ракетодинамикой... разработал теорию многоступенчатого ракетостроения, решал задачи, связанные с движением ракет в неоднородном поле тяготения, посадкой космического аппарата на поверхность планет, лишенных атмосферы, рассмотрел влияние атмосферы на полет ракеты, пришел к мысли о создании ракеты — искусственного спутника Земли и околоземных станций... А во времена царизма мне было отказано в субсидии на постройку модели дирижабля совершенно новой и оригинальной конструкции с тонкой металлической оболочкой. Обращение мое в Генеральный штаб русской армии не имело успеха. На дальнейшие изыскания не было ни средств, ни даже моральной поддержки... *(Пауза.)* Вы разговариваете с ангелами?

ШКЛОВСКИЙ *(в трубу)*: Нет.

ЦИОЛКОВСКИЙ: По строению головы могли бы разговаривать.

ШКЛОВСКИЙ: А вы?

ЦИОЛКОВСКИЙ: Я постоянно разговариваю... Они постоянно не соглашаются... тяжелый характер у них, уходят, не договорив. Я так и не вижу от них ничего хорошего.

ШКЛОВСКИЙ: Спасибо за консультацию.

ЦИОЛКОВСКИЙ *(показывает нож и вилку)*: Посмотрите вот: прислали с какого-то завода рабочие подарок — нож и вилки из нержавеющей стали, — очень удобно: вымоешь — можно не вытирать. Ну, я сейчас поеду на велосипеде. В лесу... осень, надо ее застать, пока листва не опала. *(Вытаскивает велосипед, прикрепляет простыню за спиной как парус и садится на велосипед.)*

ШКЛОВСКИЙ *(вслед)*. Как вы думаете, когда полетит человек?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Ни вы, ни я не полетим. Вот комсомол полетит... Пройдет ещё не более тридцати-сорока лет, наука вплотную приблизится к космическому рейсу. Какой это будет счастливый день для нашей науки... Этот день станут считать первым днем космической эры в жизни человечества. Не будет границ торжеству и величию русской науки! Этот день и имя первого космонавта войдут в историю человечества. Это бессмертие... *(Садится на велосипед и уезжает.)*

ЭКРАН: *Запуск ракеты с космодрома "Байконур".*

БЕГУЩАЯ СТРОКА: За последние 2000 лет ракеты развились от простых игрушек и военного оружия до сложных машин, способных отправить человека в космос. Большой технологический прыжок был обязан по большому счету духу соперничества между США и СССР. Ракетчикам в 1950–1970-х годах

были доступные невообразимые бюджеты. Более того, мечтатели и провидцы вроде Жюль Верна, Константина Циолковского и Джина Родденберри взбудоражили воображение публики и подготовили поддержку космических программ.

МУЗЫКА: *Скарлатти, 13-я соната или "Хорошо темперированный клавир" Баха (D-dur 1 часть или D-moll 2 часть).*

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Антропный принцип. Мы видим Вселенную такой, потому что только в такой Вселенной мог возникнуть наблюдатель, человек.

ЭКРАН: *Рождение ребенка. Акушерка принимает в руки голову...*

МУЗЫКА: *Шуман, Piano Concerto (а можно и другое...).*

ЭПИЗОД 14. ЗАПУСК ГАГАРИНА

ЭКРАН: *Тренировки космонавтов, на их фоне идет запись переговоров между Юрием Гагариным, Поповичем и Королевым за 50 минут до запуска 12 апреля 1961 года.*

8:14

ЗАРЯ 1 (Попович): Юра, ну, не скучаешь там?

КЕДР: Если есть музычка, можно немножко пустить.

ЗАРЯ 1 (Королев): Вы, наверное, сейчас слышите шум. Это опускают площадки обслуживания. На фермах работы все окончены. Как поняли?

КЕДР: Вас понял: опускают площадки обслуживания, но шума я не слышу. Некоторые колебания ощущаю.

8:17

ЗАРЯ 1 (Королев): Ну как, музыку дали вам, нет?

КЕДР: Пока не дали.

8:19

ЗАРЯ 1 (Королев): Понятно, это же музыканты, пока туда, пока сюда, не так-то быстро дело делается, как сказка сказывается, Юрий Алексеевич.

КЕДР: Дали про любовь.

ЗАРЯ 1 (Королев): Дали музычку про любовь? Это толково, Юрий Алексеевич, я считаю.

ЗАРЯ 1 (Попович): Юра, ребята все довольны очень тем, что у тебя все хорошо и все нормально. Понял?

КЕДР: Понял. Сердечный привет им. Слушаю Утесова. От души — “Ландыши”.

(Догадались ли вы, что КЕДР — позывные Юрия Гагарина?)

ХОР: Ты сегодня мне принес
не букет из белых роз,
не тюльпаны и не лилии,
протянул мне робко ты
очень скромные цветы,
но они такие милые...
Ландыши, ландыши,
светлого мая привет,
ландыши, ландыши,
белый букет.

(Слова Фадеевой, музыка Фельцмана.)

(Есть отличный вариант — исполнение этой песни Жириновским, в записи начала девяностых годов.)

ГАГАРИН: Поехали!

ЭКРАН: *Запуск спутника.*

БЕГУЩАЯ СТРОКА: 12 апреля 1961 года летчик-космонавт СССР Юрий Алексеевич Гагарин совершил первый в мире полет в космическое пространство. Корабль выполнил один оборот вокруг Земли и совершил посадку в районе деревни Смеловка Саратовской области.

ЭКРАН: *Встреча Гагарина. Человек в космосе! Рев восторга. Гагарин! Гагарин!*

Гагарин докладывает Хрущеву о завершении полета.

Портрет Циолковского.

ЦИОЛКОВСКИЙ: Да-да, именно русский человек-богатырь, отважный, смелый, храбрый первый звездоплаватель. Именно русский, а не немец, не француз, не англичанин, не американец... Он — гражданин Советского Союза. По профессии, скорее всего, летчик. Представляю его открытое русское лицо, глаза сокола.

ЭКРАН: *Гагарина награждают Золотой Звездой Героя и орденом Ленина.*

БЕГУЩАЯ СТРОКА: ...Подарки Юрию Гагарина от имени Правительства СССР. Распоряжение Совета министров СССР о подарках Ю.А. Гагарину, которое было подписано 18 апреля 1961 года за № 1037 под грифом “Секретно”: “Признать необходимым подарить от имени Правительства СССР первому летчику-космонавту СССР майору Гагарину Ю.А. и членам его семьи автомашину «Волга», жилой дом, мебель и экипировку согласно приложению”.

Отнести связанные с этим расходы за счет резервного фонда Совета министров СССР.

(АВТОРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ: Подарков было великое множество, но трудно не привести здесь приложение со списком экипировки для Юрия Алексеевича Гагарина, его жены и его детей.

Из Приложения к распоряжению Совета министров СССР от 18 апреля 1961 года № 1037-рс:

ЭКИПИРОВКА ДЛЯ ЮРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ГАГАРИНА

1. Пальто демисезонное
2. Пальто легкое летнее
3. Плащ
4. Костюм — 2 (светлый и темный)
5. Обувь — 2 пары (черные и светлые)
6. Рубашки белые — 6 штук
7. Шляпа — 2
8. Носки — 6 пар
9. Белье нижнее шелковое — 6 пар
10. Трусы, майки — 6 пар
11. Платки носовые — 12 штук
12. Галстуки — 6 шт.
13. Перчатки — 1 пара
14. Электробритва — 1 шт.
15. Два комплекта военного обмундирования (парадное и повседневное)
16. Чемоданы — 2 шт.

ЭКИПИРОВКА ДЛЯ ЖЕНЫ

1. Пальто демисезонное
2. Пальто летнее
3. Плащ

4. Платья — 3
5. Черный костюм
6. Шляпы — 2
7. Гарнитур — 6
8. Чулки — 6 пар
9. Туфли — 3 пары
10. Сумки дамские — 2 шт.
11. Перчатки — 2 пары
12. Косынки — 2 (шерстяная и шелковая)
13. Блузки — 2 шт.
14. Кофта шерстяная — 1 шт.

ЭКИПИРОВКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

1. Кровать детская
2. Детская коляска
3. Платья шерстяные — 4 шт.
4. Пальто — 2 (зимнее и летнее)
5. Шапочки — 2 (зимняя и летняя)
6. Обувь — 4 пары
7. Белье — 6 пар
8. Куклы, игрушки
9. Детское приданое

Никакого сарказма — это человеческий и теплый жест правительства в сторону семьи Юрия Гагарина. Все перечисленные предметы в условиях тотального дефицита могли осчастливить любого советского человека.)

ЦИОЛКОВСКИЙ (читает торжественно): Все свои труды по авиации, ракетоплаванью и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды.

ХОР: Славься, славься ты, Русь моя!
 Славься ты, русская наша земля!
 Да будет во веки веков сильна
 Любимая наша, родная страна!
 Славься, славься из рода в род,
 Славься, любимый наш русский народ!
 Врагов, посягнувших на край родной,
 Рази беспощадной могучей рукой!
 Будь жив, будь здоров весь наш край!
 Ура! Ура! Ура!

*(Музыка Глинки, хор из оперы "Жизнь за царя",
 либретто барона Егора Розена.)*

БАЛЕТНАЯ ГРУППА: марширует в такт хору.

ЭПИЗОД 15. АРМСТРОНГ

МУЗЫКА: Нечто сузубо американское, например гимн.

(Привожу текст начала гимна на русском и английском языках.)

Скажи, ты видишь ли его сейчас, в лучах рассвета,
 Как гордо реял он когда-то в последних отблесках
 заката?
 Средь огненных полос, слепящих звезд,
 в смертельной битве тьмы и света
 Над крепостью средь нас, где доблесть он являл
 солдата?
 Средь пламени ракет, бомб, рвавших воздух
 в ключья,
 Стоял он, он доказал сквозь ночь всем: он —
 флаг наш — там.

Скажи: что?

Звездно-огненное знамя все так же реет ли еще
над нами,

Землей свободы, мужества?

Скажи?

*Oh, say can you see, by the dawn's early light,
What so proudly we hailed at the twilight's last gleaming?
Whose broad stripes and bright stars, through
the perilous fight,
O'er the ramparts we watched, were so gallantly streaming?
And the rockets' red glare, the bombs bursting in air,
Gave proof through the night that our flag was still there.
O say, does that Star-Spangled Banner yet wave
O'er the land of the free and the home of the brave?*

*(Слова Фрэнсиса Скотта Ки,
музыка Джона Стаффорда Смита.)*

(Не обязательно такой длинный текст, можно и сократить!)

БЕГУЩАЯ СТРОКА: 20 июля 1969 года американский
пилотируемый корабль "Аполлон-11" высадился
на Луне. Первым человеком, ступившим на по-
верхность Луны, был космонавт Нил Армстронг.

ЭКРАН: *Кадры высадки.*

ХОР: Законы быта да сменятся
Уравнениями рока.
Персидский ковер имен государств
Да сменится лучом человечества.
Мир понимается как луч.
Вы — построение пространств,
Мы — построение времени.

Во имя проведения в жизнь
Высоких начал противоденег
Владельцам торговых и промышленных
предприятий

Дать погоны прапорщика
Трудовых войск
С сохранением за ними оклада
Прапорщиков рабочих войск.
Живая сила предприятий поступает
В распоряжение мирных рабочих войск.

(Велимир Хлебников.)

(КОММЕНТАРИЙ: Конечно, мне очень хотелось бы, чтобы и другое чудесное стихотворение, Николая Заболоцкого, где-то прозвучало, но, кажется, не могу найти ему места.

ХОР: Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей.
Толстозадые русалки
Улетают прямо в небо,
Руки крепкие, как палки,
Груды круглые, как репа.
Ведьма, сев на треугольник,
Превращается в дымок.
С лешачихами покойник
Стройно пляшет кекуок.
Вслед за ними бледным хором
Ловят Муху колдуны,
И стоит над косогором
Неподвижный лик луны.

Хлебников или Заболоцкий — на выбор.)

ЭКРАН: Фотографии Луны, сделанные космонавтами. Фотография Земли, сделанная с Луны.

Видео.

НИЛ АРМСТРОНГ (из выступления на встрече с президентом Никсоном, директором НАСА Томасом Пэйном, астронавтом Фрэнком Борманом): Это маленький шаг для человека, но огромный — для всего человечества. Удачи, мистер Горски!

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Кто такой мистер Горски? Кто такой мистер Горски? Кто такой мистер Горски?

ЭКРАН: Встреча Армстронга. Отрывок из фильма Дэмьена Шазелла “Человек на Луне”.

БЕГУЩАЯ СТРОКА (второй раз): Кто такой мистер Горски? Кто такой мистер Горски? Кто такой мистер Горски?

На авансцене: летит мяч, останавливается возле освещенного окошка. Вслед за мячом бежит мальчик, который ищет мяч. Останавливается возле открытого окна.

ЗАПИСЬ СЕМЕЙНОЙ СЦЕНЫ, КОТОРУЮ СЛЫШИТ МАЛЬЧИК.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Оральный секс? Тебе нужен оральный секс?

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Ну чего такого, чего такого?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Ты получишь его только после того, как соседский пацан высадится на Луну! Ха-ха-ха!

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Ну чего такого, чего такого?
АРМСТРОНГ (на экране): Удачи, мистер Горски!

Мальчик подбирает мяч и убегает.

ЭКРАН: Встреча Армстронга, Олдрина и Коллинза в Чикаго.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: В начале 2018 года Илон Маск заявил о намерении осуществить запуск ракеты к Марсу в первом полугодии 2019 года. В случае успешных испытаний сверхтяжелая ракета будет использоваться для доставки людей и снаряжения. По прогнозам И. Маска, *SpaceX* может организовать полеты к Красной планете уже к 2022 году.

МУЗЫКА: Из фильма *Currentzis — Der Klassikrebell Doku*, режиссер Кристиан Бергер. Там много прекрасных фрагментов, но лучше всего подойдет Малер.

Впрочем, есть и еще одна гениальная запись репетиции Челибидаке концерта Брукнера № 9, где он прерывает музыку и кричит на исполнителей.

ЭПИЗОД 16. ЧАУ. ФИНАЛ ПЕРВЫЙ

АНГЕЛЬСКИЕ ХОРЫ: А-капелла.

Циолковский выходит на крышу. Звездная ночь — звезды движутся, пробегают кометы, ракеты, летающие тарелки и неопознанные предметы. Светлеет.

БАЛЕТНАЯ ГРУППА: Теперь они ангелы. И двигаются, как ангелы.

(Но я точно не знаю, как они двигаются, хотя догадываюсь...)

ЦИОЛКОВСКИЙ: ...Вот что случилось со мной 31 мая 1928 года вечером, часов в восемь. После чтения или какой-то другой работы я вышел, по обыкновению, освежиться на крытый застекленный балкон. Он обращен был на северо-запад. В эту сторону я смотрел на закат солнца. Оно еще не зашло, и было вполне светло. Погода была полуоблачная, и солнце было закрыто облаками.

ЭКРАН: *Возникают огромные буквы "ЧАУ", написанные в облаках.*

ЦИОЛКОВСКИЙ: Почти у самого горизонта я увидел без всяких недостатков как бы напечатанные, горизонтально расположенные рядом три буквы: ЧАУ.

АНГЕЛЬСКИЕ ХОРЫ: *А капелла.*

ЦИОЛКОВСКИЙ: Покамест я смотрел на них, они не изменяли свою форму. Меня очень удивила правильность букв, но что значит "ЧАУ"? Ни на каком известном мне языке это не имеет смысла... Тут же мне пришло в голову принять буквы за латинские. Тогда я прочел: "Рай". Это уже имело смысл... Под облачным словом было что-то вроде плиты или гробницы. Я понял все это так: после смерти конец всем нашим мукам... Таким образом, говоря высоким слогом, само небо подтвердило мои предположения: в сущности, это облака. Но какие силы придали им форму, имеющую определенный и подходящий смысл! Если бы кто захотел подшутить надо мной, то написал бы по-русски "Рай". По-латыни тоже было бы написа-

но “Ray”, а не “ЧАУ”, как я видел, — почему-то с заглавной печатной буквой посередине и прописными по краям...

(КОММЕНТРИЙ: “Ray” по-английски читается иначе, но Циолковский этого не знал: “Ray” по-английски означает луч... и читается “рэй”. Можно подумать, хотя и натянуто, что закат жизни (смерть) дает свет (луч) познания...)

ЭКРАН: Звездное небо оживает — оно начинает вращаться, пролетают кометы, ракеты.

Циолковский стоит, воздев руки...

ЦИОЛКОВСКИЙ: Нет сознательного существа, которое бы не пожелало счастья всему космосу, то есть себе. Счастье, совершенство и могущество космоса — вот цель всякого существа... Не должно быть насилий, жестокой неестественной смерти, неразумных животных, мучающих друг друга, войн, казней, болезней, смерти.

ХОР: Над небом голубым есть город золотой
с прозрачными воротами и ясною звездой,
а в городе том сад, всё травы да цветы,
гуляют там животные невиданной красоты:
одно как желтый огнегривый лев
другое — вол, исполненный очей,
с ними золотой орел небесный,
чей так светел взор незабываемый.
А в небе голубом горит одна звезда.
Она твоя, о ангел мой, она твоя всегда.
Кто любит, тот любим, кто светел, тот и свят,
Пускай ведет звезда тебя дорогой в дивный сад.

(Авторы: Анри Волохонский, Алексей Хвостенко.)

БАЛЕТНАЯ ТРУППА: Одновременно со звучанием песни балетная труппа поднимается в мастерскую Циолковского, начинают работать все его механизмы, мобили... балетные в виде ангелов разбирают эти механизмы и спускают всю эту машинерию вниз. Это куча металлолома.

ЭПИЗОД 17. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

ЭКРАН: Видео — взрыв на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Самая крупная катастрофа в истории человечества. По мощности приравнивается к взрыву 500 атомных бомб, сброшенных на Хиросиму в 1945 году.

ВЕРНАДСКИЙ: Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не могут сравниться все им раньше пережитые. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетие. Но ясно, что это должно быть... Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение?..

ГОЛОС ИЗ ХОРА: Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

(Гютчев.)

МУЗЫКА: *Life is Golden* (Рок-группа Suede).

ЭКРАН: На нем чередуются портреты Федорова, Циолковского, Толстого, Вернадского, Сухова-Кобылина, Чижевского, Владимира Соловьева, Гагарина, Шкловского, Маяковского, Андрея Платонова — лица ученых перемежаются детскими лицами, лицами наших детей и внуков... Портрет сэра Мартина Риса. Изображение остается.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: 12 августа 2018 года на мысе Канаверал состоялся запуск солнечного зонда “Паркер”, который достигнет солнечной короны в 2024 году. После запуска “Паркер” определит положение Солнца, выровняет защитный экран и продолжит свое путешествие в течение следующих трех месяцев, приветствуя тепло Солнца и защищаясь от холодного вакуума космоса.

ЭКРАН: Запуск солнечного зонда на мысе Канаверал 12 августа 2018 года.

Портрет Мартина Риса, величайшего космолога нашего времени.

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Мартин Рис: “Наука несет с собой определенную опасность, от которой не так просто защититься и с которой мы должны смириться как с обратной стороной научного прогресса и его огромного и всеобъемлющего влияния на общество. Мне кажется, что существует пятидесятипроцентная вероятность того, что цивилизация столкнется с очень серьезными трудностями до конца XXI века. Есть большая вероятность, что человечество не переживет XXI век... Вы можете сказать, что это слишком пессимистично, но я так не считаю: даже если рассмотреть лишь возможность ядерной войны, это будет вполне обоснованной оценкой...”

ВЕРНАДСКИЙ: *Ното sapiens* не есть завершение создания, он не является обладателем совершенного мыслительного аппарата. Он служит промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее. Человек не есть “венец творения”; за сознанием и жизнью в их нынешней форме неизбежно должны следовать сверхсознание и сверхжизнь.

ХОР: Я по лесенке приставной
Лез на включенный сеновал.
Я дышал звезд млечных трухой,
Колтуном пространства дышал
И подумал: зачем будить
Удлиненных созвучий рой,
В этой вечной смуте ловить
Эолийский чудесный строй?
Звезд в ковше Медведицы шесть,
Добрых чувств на Земле пять...
...Не своей чешуей шуршим
Против шерсти мира поем...

(Осип Мандельштам.)

БАЛЕТНАЯ ТРУППА: *продолжает демонтаж мастерской Циолковского, спускает все вниз.*

АНГЕЛЬСКИЕ ХОРЫ: *Этот музыкальный коллаж — задача для композитора. Я слышу явственно темы из “Хорошо темперированного клавира” Баха.*

ФИНАЛ ВТОРОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

ЭКРАН: Фрагмент из мультипликационного фильма, показанного в послании президента России в 2018 году, — летящая горящая ракета.

СВЕТОПРЕДСТАВЛЕНИЕ: Пульсирует свет. Появляются огромные световые или иные фигуры не вполне человекообразного облика: не то ангелы, не то механические конструкции. Не те ли трубчатые тела, светоносные существа, о которых мечтал Сухово-Кобылин?

БЕГУЩАЯ СТРОКА: Какая-то абракадабра: пробы разных языков — не то китайский, не то арабский, не то иврит — наконец появляется русский текст.

ЗВУК: Одновременно идет звуковая настройка — из самых невероятных звуковых сочетаний возникает механический голос. Это, если не догадались, — посланники из космоса.

ГОЛОС ПОСЛАННИКА: Срочная эвакуация! Сохраняйте спокойствие. Планета Земля вступила в процесс самоуничтожения. Три группы земных ракет подняли в воздух над планетой Земля ядерные материалы мощностью, многократно превышающей необходимую для самоуничтожения планеты. В вашем распоряжении двенадцать минут. Космический совет предлагает переселение на ряд планет аналогичного типа. Сохраняйте спокойствие! Исполнителей ролей Федорова, Циолковского и Вернадского и других актеров без вещей просим на выход. Предварительная процедура — проход через испытательную камеру. Критерий отбора — моральный

уровень личности. Физические недостатки и индекс интеллекта IQ не учитывается. Убийцы, садисты, воры и профессиональные политики не приглашаются. Сохраняйте спокойствие!

ХОР: Из стихирьы Постной Триоди (о Страшном Суде).

МУЗЫКА (глас 2-й):

Возгласят трубы, и истощатся гробы,
и воскреснет человеческое все естество
трепещущее,
добра содеавшии, в радости радуются,
чающе мзду восприяти:
согрешившии же трепещут, люте рыдающе,
в муку посылаеми, и от избранных разлучаеми...

Актеры один за другим проходят через ярко освещенную камеру и выходят из зала...

МУЗЫКА: Концерт для тубы с оркестром. На выбор: А. Лебедев, В. Струков. Только соло.

ГОЛОС ПОСЛАННИКА: Зрителей просим не беспокоиться. Спектакль окончен. В гардеробе также установлены камеры. Просим прошедших испытательную камеру собраться в накопителе. Сохраняйте спокойствие. Эвакуация проходит во многих точках города. Старт в 10 часов 22 минуты по местному времени. (Реальное время.) В вашем распоряжении девять минут. Спектакль окончен!

МУЗЫКА: неизвестно какая, но потрясающая.

(Может, начало "O Fortuna" из Carmina Burana Карла Орфа? Или поэма экстаза Скрябина?)

АВТОРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ. ЗА ПРЕДЕЛОМ ТЕКСТА

Теперь, когда мы подошли к концу этой истории и, по мнению современных космологов, почти подошли к концу истории человечества, я должна признаться, что я полюбила их обоих: Константина Эдуардовича Циолковского, возвышенного, полуобразованного и гениального, дерзкого и простодушного, бескорыстного идеалиста и романтика, и Николая Федоровича Федорова, сурового монаха, самоотверженного, великодушного, одержимого фантастической идеей воскрешения мертвых, воскрешения отцов, смиренного христианина и одновременно неистового еретика.

Основатель русского космизма Николай Федорович Федоров умер в 1903 году от воспаления легких. Никаким преследованиям со стороны власти не подвергался.

Судьба других борцов за научный и гуманитарный прогресс была более печальной.

Николай Гаврилович Чернышевский арестован в 1862 году, провел на каторге и в ссылке около двадцати лет.

Константин Эдуардович Циолковский был арестован по подозрению в шпионаже в пользу белых в 1921 году, провел на Лубянке всего две недели и был отпущен за недостаточностью улик.

Владимир Иванович Вернадский был арестован в 1921 году ЧК Петрограда по подозрению в шпионаже, попал в расстрельный список, но был освобожден благодаря ходатайству своего ученика, наркома здравоохранения Семашко.

Александр Леонидович Чижевский, основатель гелиобиологии, был арестован в 1943 году, получил восемь лет по статье 58 пункт 1 (контрреволюционная деятельность), отбывал заключение на Северном Урале, после чего был сослан в Казахстан.

Мы дети Космоса. И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитными в одном,
Что в каждой точке мир — весь мир сосредоточен...
И жизнь — повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества — от края и до края
Торжественно течет в борьбе с великой тьмой,
Страдает и горит, нигде не умолкая.

Это стихотворение написано одним из последних русских космистов, ученым, поэтом, дерзким мыслителем Александром Леонидовичем Чижевским.

1978–2020

**НОВАЯ
АКТУАЛЬНОСТЬ**

Когда мне было тридцать пять лет, я написала сценарий "Чума". С ним я хотела поступать на сценарные курсы, на курс Валерия Фрида. Он меня не взял, сказал, что я все умею и учить меня нечему. Прошло сорок два года, и сценарий этот приобрел новую актуальность.

Чума

Сценарий

Через огромную вьюжную пустыню, высвечивая фарами дрожащий вихрь снега, идет состав из товарных вагонов. Медленно, долго. Минует заваленный сугробами, едва видный под снегом город. Растворяется в снежной мгле.

Длинное одноэтажное здание на отшибе у целого света занесено снегом. В нескольких окнах виден мутный свет. Запорошенная вывеска — названия не разобрать.

На вахте возле железной печки сидит старуха-татарка в повязанной низко на лбу косынке и большом платке поверх. Отрезает острым маленьким ножом маленькие кусочки вяленого мяса, беззубо жует. Взгляд бессмысленно-сосредоточенный.

В боксе сидит Рудольф Иванович Майер. Он в защитном костюме, в маске. Лица не видно. Руки в перчатках. Рассеивает длинной иглой культуру по чашкам Петри. Спиртовка горит, вздрагивая от каждого его движения. А движения плавные, магические.

Длинно и настойчиво звонит телефон на столе перед вахтершей. Она не спешит снимать трубку.

— У, шайтан, кричит, орет... — ворчит старуха. Телефон не унимается. Она снимает трубку.

— Лаблатор! Ночь, говорят, ночь! Что кричишь? Нет никого. Не могу писать, нет. Майер есть! Сиди тут. Сиди, говорят!

Старуха идет в глубину коридора, стучит в дальнюю дверь, кричит:

— Майер! Телефон! Москва тебе зовет! Иди!

Она дергает дверь, но дверь заперта. Она снова стучит, кричит:

— Майер! Иди! Начальник сердитый тебе зовет!

Майер в боксе отложил иглу, замер. Стук раздражает его.

— Сейчас! Сейчас! — Голос глухо звучит из-под маски. Маска чуть сдвинулась, слетел уплотнитель под подбородком.

Старуха услышала, пошла к телефону, в трубку громко прокричала:

— Сиди жди, говорят тебе...

Майер в предбаннике снимает перчатки, маску, противочумный костюм, подтирает что-то, наконец, бегом к телефону.

— Извините, был в боксе. Да, да, ночные опыты. Всеволод Александрович, я не готов. Да, да, в принципе. Полная уверенность. Но мне нужно еще полтора-два месяца. Да, полтора... Но я не готов к докладу... Ну, если вы так ставите вопрос. Но считаю доклад преждевременным. Снимаю с себя ответственность. Да, да, до свидания.

Раздраженно кладет трубку. Старуха внимательно смотрит на Майера.

— На мене кричит, на тебе кричит. Шайтан, сердитый начальник. Кушай! — протягивает на ноже кусок вяленого мяса. Майер машет рукой:

— Нет, спасибо, Галя, — автоматически берет кусок и жует.

— Спать иди. Домой! Зачем сидеть?

Утро еще не просветлело, окно темное. Осторожный звонок в дверь. Молодая женщина зажигает маленькую лампочку, бесшумно встает, идет к двери. Ребенок спит.

Рудольф пришел к своей тайной подруге Анне Анатольевне. В заснеженном полушубке, только шапку стащил.

— Что-то случилось? — испуганно замахала ресницами Аня. Рудольф расстегнул полушубок.

— Ничего особенного. Сегодня ночью меня вызвали в Москву. На доклад в коллегию. Работа еще не закончена. Дупость какая-то. Но слушать ничего не хотят. Вынь да положь. Я еду, Анята. Пришел сказать.

— Прямо сейчас?

— Вечером. Я опыт прервал. Сделать кое-что надо.

— А с кем Маша?

— Уже договорился. Савелова с ней неделю побудет.

— Она ничего?

— Всё то же. Спать не ложилась. Сидит в кресле, глаза в одну точку...

Аня кладет ладонь на щеку Рудольфу, проводит до лба.

— Может, поедешь со мной в Москву? А? Дня на три?

— Как? Прямо сейчас? — удивилась Аня.

А над бортиком кровати показалась кудрявая голова, засияла, увидев Рудольфа, и вот уже девочка влезла к нему на колени.

— А, проснулась наша Крося, проснулась? — Он треплет ее по макушке. — С Марьей Афанасьевной договорись, чтоб ночевала с Кросей, и поехали.

— Ну так прямо сразу. Не могу. Сейчас хоть и каникулы, но у меня там дежурство в школе какое-то...

— Отпросись, перенеси, придумай что-нибудь, а?

— Рудя, я постараюсь, мне самой знаешь как хочется...

— Дашь телеграмму мне на гостиницу "Москва", и я тебя встречу, ну?

...В купе — четверо. Рудольф сидит возле двери, накинув на плечи полушубок; рядом с ним, у столика, — крепкий, со скособоченным твердым лицом мужчина, скорее молодой, чем пожилой; с противоположной стороны — красивая женщина с высоко подобранными косами, накрашенная, нарядная, расставляет на столике еду; напротив Рудольфа молодой парень несколько деревенского вида, но бойкий и трепливый.

— Вот так совсем другое дело, — говорит женщина, — я люблю, чтоб все было красиво. Сейчас никто и на стол накрыть не умеет, а я люблю, чтоб вилочки, ложечки, тарелочки — всё по местам, и чтоб салфеточка была... — Любуется нарезанной ровно колбасой и разложенными аккуратнo кусками хлеба. Скособоченный с большим интересом смотрит на женщину, Молодой продолжает давно уже начатую тему.

— Так вот я говорю, Людмила Игнатьевна, написал я письмо и жду, ответит или не ответит. Шутка ли — академик! А у нас в сельхозинституте такой народец подобрался — ни поддержки, ничего...

— Да вы кушайте, кушайте вот! — предложила Людмила Игнатьевна, и Скособоченный взял бутер-

брод. Увлеченный своим рассказом, молодой человек тоже протянул руку.

— Ну, я решил самостоятельно, на свой риск. Я их взял и у себя в сарае стал воспитывать, приучать постепенно к морозу. Уже третье поколение идет. Морозоустойчивые. Сделал я доклад, они меня вроде как на смех подняли. Тогда я и написал. А что? Прямо в Академию. Двух недель не прошло — приглашение приходит. Я, слова ни сказавши, отпуск взял и еду вот. У нас вся семья такая, если кто решит что — уже не отступит...

Зябка поводит плечами Рудольф. Парень обращается к нему:

— Вот вы, извините, кто по специальности?

— Я? Медик.

— Это хорошо, это хорошо. Значит, вы тоже идею биологическую понять можете. О наследовании благоприятственных качеств под влиянием воспитания... правильного воспитания, хочу сказать...

— А-а... — протянул Рудольф. — Я, видите ли, микробиолог, боюсь, мой объект живет по другим законам.

— Как это по другим? Как это по другим? — закипятился Молодой. — Мы все по одному закону живем, по марксистско-ленинскому!

— Да вы покушайте, покушайте! — забеспокоилась дамочка.

— Это безусловно, это не вызывает сомнений, — серьезно подтвердил Рудольф. — Только мои микробы об этом не знают.

— В наше время все об этом должны знать! — запальчиво продолжал парень. — В прошлом году у нас среднемесячная за февраль была двадцать девять градусов. А гуси мои прекрасно перенесли. А сарайчик

из фанеры, из ничего, можно сказать. Ведь если, скажем, опыты пойдут на крупном рогатом скоте, если воспитать, приучить к морозу всю скотину, и коровников можно не строить. Здесь польза какая для государства возникнет...

Отодвинулась дверь, всунулась проводница.

— Я подсажу к вам старуху, стоит в тамбуре, а? Не возражаете? Она на четыре часа всего, а?

— Да пускай, пускай сядет! — Парень отодвинулся, освобождая место, в дверь протиснулась старуха с узлами.

— Можно попросить у вас чаю? — спросил Рудольф Иванович у проводницы.

— Какого чаю? Теперь до утра, выпили уже чай! — отрезала проводница.

Начали укладываться. Рудольф полез наверх, Скособоленный устроился внизу, сняв отороченные собачьим мехом лётные сапоги. Старуха, подобрав ноги в растрепанных больших ботинках, притулилась в уголке, в ногах. Молодой пошел в тамбур.

В тамбуре — клетка с двумя гусями. Он наклонился, сунул кусок размоченного хлеба проснувшимся птицам, погладив высунувшуюся шею.

— Молодец, молодец мой, в Академию едем, так вот! — похлопал по плотной белой шее.

Рудольф кутается в поездное легкое одеяло, надевает меховую шапку.

Скособоленный тихо спрашивает у красивой Людмилы Игнатьевны:

— А вы сами с Москвы?

— Да. Урождённая москвичка. На Лесной улице с рождения проживаю.

— Лесная — это где?

— Возле Белорусского вокзала.

— Знаю, знаю. А что, может, в гости пригласите, а?

— Ой, и не познакомились толком, а уже — в гости.

— Я бы в гости пришел, и познакомились бы по-подробнее... Адресочек дайте...

Старуха внимательно разглядывает стоящие перед ней сапоги Скособоченного. Хорошие сапоги.

И снова — через заснеженную пустыню идет состав. В свете фар — вьюжное пятно снега и ветра, сугробы, сугробы...

Проводница со стаканом чая открывает дверь купе:

— Эй, кто чаю-то хотел? Здесь, что ли?

Все ещё спят. Рудольф Майер свешивается с верхней полки, берёт чай.

— Спасибо. Большое спасибо.

— Да ладно.

Проводница уходит. Идёт к печке, моет стаканы. В тамбуре приоткрыта дверь. Пассажиры просыпаются. Поезд замедляет ход.

— Ой, выйдите, пожалуйста, мне одеться нужно! — требует Людмила Игнатьевна.

Проснувшийся Скособоченный шарит рукой свои сапоги. Их нет. Старухи тоже нет. Зато на полу лежат растоптанные женские ботинки со шнурочками.

— Сперла! Ну бабка! Сперла! — радостно заявляет Молодой.

— Как это — сперла? — не понимает бывший владелец сапог. — Как это? Ну, я ей устрою! Дай мне твои ботинки на станцию выйти! — просит он у Молодого.

— Да мне самому надо выйти! Как же я-то буду?

— Ну надо же, ну надо же! — сдерживает смех Людмила Игнатьевна.

— А вы, извините, не выходите? Я бы ваши ботинки надел, а? Мне на станции непременно выйти надо... — искательно обратился пострадавший к Майеру. Майер поморщился, переспросил:

— В чем дело?

— Да, понимаете, старуха тут сапоги сперла, мне бы выйти на станции, позвонить, чтоб задержали, — горячо сказал Скособоченный.

— Надевайте, — без раздражения соглашается Рудольф, и сосед вбивается в его ботинки.

Телеграфное отделение железнодорожной станции. Скособоченный рывком открывает дверь.

— Куда? Сюда нельзя! — кричит служащая.

Скособоченный вынимает документ, сует ей в лицо, она оседает. Он садится на стул.

— Соедини по линии...

И снова поезд — по обжитым среднерусским местам, уже приближаясь к Москве.

Казанский вокзал. Народ вываливает из вагона. Понуро бредет Майер. Толпа рассасывается. У вагона остается только парень с клеткой, в которой плотно лежат накрепко замороженные гуси. Он сидит перед клеткой на корточках и шепчет:

— Это что же такое? Это что же такое? И не так уж холодно было?

Слезы текут по красному здоровому лицу.

...Утро в семье Журкиных. Голый круглый стол, сковорода на столе. Быт с сильным оттенком военного коммунизма. Ида Абрамовна Журкина, женщина некраси-

вая, но с горящим взором, отложив газету, объясняет мужу:

— Нет, Алексей, нет, ты этого не видал. А я нагладелась! Какие это были люди! Мужественные! Бесстрашные! Талантливые! Это были друзья моего отца, и последние годы его жизни — он был прикован к постели — они его навещали постоянно, а я всех, всех их знала, любила, восхищалась. Разобраться, конечно, не могла, девочка была, совсем молоденькая, но ведь и отец — тоже не разобрался, а он был ума необыкновенного, честности, мужества, ну, сам всё знаешь. Так вот, они все переродились! Все! Я плакала над их выступлениями, потом уже, на процессах. Уму непостижимо! Но здесь есть какая-то роковая закономерность — интеллигенция не пошла за партией до конца. Они переродились. И эти ужасные корни, которые они успели пустить, их надо выжигать каленым железом. Иначе — революция погибнет!

Алексей Иванович слушает внимательно и шкрябает вилкой по сковородке, соскребая остатки картошки.

— Ты права, конечно, я и не возражаю, — заметил он вяло.

Ида Абрамовна развернула газету, лежащую у нее под локтем, и стала искать в ней нужное место.

— Где-то тут... подожди минутку. — Она ворошит газету, но место все равно не находится. Алексей Иванович взглянул на часы.

— Пора, Ида! Я задержусь, сегодня у меня коллегия. — И он встал из-за стола, но Ида всё ворошит газету, и безуспешно...

...Профессорская квартира Гольдиных. На подносе расставлены приборы для завтрака, яйцо в подставке,

джем — всё не то по-старорежимному, не то по-европейски. Домработница Настя, немолодая, аккуратная женщина, несет поднос в столовую. Настя ставит поднос, стучит в дверь, выходящую в столовую. Кричит:

— Илья Михайлович! Завтрак на столе!

Открылась дверь, выходит Илья Михайлович Гольдин, рослый, плотный, немолодой и, пожалуй, мрачноватый человек.

— Спасибо, Настя!

Кричит:

— Соня! Что ты возишься!

Илья Михайлович просматривает газету. Входит жена Соня, седая, красивая, сухая.

— Я, как всегда, первый! Где Лена?

— Лена ушла сегодня пораньше, что-то у нее с лабораторными не ладится.

— Очень плохое образование, насколько могу судить, очень плохое, — твердым голосом сказал он.

— Ты хочешь сказать, что в Вене учили немного лучше? — язвительно спросила жена, и началась их словесная игра, только им одним понятная...

— Да, совсем чуть-чуть. А может, мне показалось...

— Ах! Илья Михайлович! Вы, кажется, излишне восторгаетесь буржуазной наукой! Когда я училась в Сорбонне, педагогический процесс был поставлен из рук вон плохо! Можете ли представить, что профорги не проверяли посещаемость студентов?!

— Какой кошмар! Сет импосибль!

...Разгороженная перегородкой комната. В постели — супружеская пара Есинских. Лет им под пятьдесят, но Вера Анатольевна держит свой возраст хорошо. Лицо молодое, живое, светлое. Приставила губы к уху мужа:

— Костя, спят?

Константин Александрович прислушался.

— По-моему, спят.

— Нет, там возня какая-то. Тише!

А за перегородкой — совсем юная пара в постели. Молоденький муж спрашивает шепотом у жены:

— Как думаешь, они спят?

— А чего им еще делать? — в плечо мужу смеется девочка-жена.

А Вера Анатольевна, прижимая ладонь, шепчет мужу:

— Какая все-таки дикость, жить вот так, в одной комнате с собственной взрослой дочерью!

— Это точно, — шепчет ей в ответ муж и обнимает за плечи. — Я приеду только послезавтра. Вечером у меня коллегия, а оттуда я сразу на вокзал.

— Домой не заедешь?

— Нет, не успею. Но в Ленинграде у меня дело — оппонентом на защите диссертации выступлю и в тот же вечер — обратно.

И они затаились, потому что из-за перегородки слышалось нежное хихиканье.

...У окна — полковник Павлюк. Лицо твердое, правильное. Военная косточка. Не оборачиваясь, говорит жене:

— Наташа, завтрак с собой...

— Ты что, обедать не придешь?

— Не смогу.

— Опять весь день без обеда? Опять язва откроется, Сережа, — говорит Наталья, заворачивая бутерброды. — Может, успеешь заехать?

— Не успею, — лаконичный ответ.

На улице урчит машина.

— Я пошел.

Хлопнула входная дверь. Хлопнул лифт. Уехал. Жена качает головой.

...У зеркала Тоня Сорина. Приплетает толстую фальшивую косу к своим волосам. За ней мрачно наблюдает муж, Александр Матвеевич Сорин. Смотрит тяжело, с давно накопленным раздражением.

— Всё, Тоня, у тебя фальшивое. И коса тоже.

— Только сейчас заметил, да?

— Нет, давно уже. Я когда на подушке первый раз твою фальшивую косу нашел, чуть не умер от отвращения. Тьфу!

— Ну не умер же, живой вроде!

— Вранье! С самого начала всё вранье, одно вранье! — Александр Матвеевич хмыкнул. — Помнишь, что говорила у Брыновых, когда познакомились, помнишь?

Тоня зажала шпильки во рту, отзывается сквозь губы:

— А чего мне помнить? У тебя память хорошая, ты и помни.

— Я и помню. Как ты врала, что ты врач-невропатолог...

— Хорошая медсестра не хуже, чем врач-невропатолог. А не нравится тебе медсестра, могу и уйти. Хоть сейчас.

— Да куда ты уйдешь? Куда? — презрительно и безнадежно протянул Александр Матвеевич.

— Найду куда. Откуда пришла, туда и уйду, — беспечно отозвалась Тоня. Ей, пожалуй, даже нравится собственное спокойствие. А муж все больше кипит.

— Знаю, куда уйдешь. На панель уйдешь.

— А не твоя забота! — Тоня удовлетворенно смотрела на себя в зеркало: прическа получилась пышная, богатая.

— Пустая ты баба, Тоня. Ни на что не способная. Ни супа сварить, ни даже куска хлеба в дом купить...

— А ты как придешь в отделение, ты сразу бабу Дусю пошли, она сбегает. Или Алку. Они все для тебя с удовольствием... — Тоня нагло усмехается.

— Ладно, пошли. Опоздаем. — Александр Матвеевич встает из-за пустого стола, отодвинув чашку.

— А ты иди, я и без тебя дорогу найду, — отрезала Тоня и снова повернулась к зеркалу.

Хлопнув дверью, Александр Матвеевич выходит из дому.

...В гостинице "Москва", возле столика администраторши стоит горничная.

— Я вхожу в номер и понять ничегошеньки не могу. Представляете — наматрасник на полу, с постели всё белье сняла — и на пол положила...

— Как это? — удивляется администраторша.

Возле столика — Майер в заснеженной шапке и полушубке молча ждет, пока его заметят. Но его не замечают, продолжают интересный разговор.

— Да так! Наматрасник на ковре, одеяла, подушка, всё на полу...

— Да ты что, Таня?

— Да она привыкла, видать, на полу спать...

Горничная прыскает:

— Депутатка, депутатка, а народ-то дикий...

— А ты думала, она ордена навесила и сразу...

— Простите, — вмешался Майер, — посмотрите бронь. Майер моя фамилия.

Администраторша недовольно зашелестела бумажками.

— Есть. Тридцать шестой. Паспорт ваш, — не поднимая головы, сказала администраторша и впилилась в паспорт.

В конце коридора появилась туркменка. Немолодая уже, рослая, в ярком платке, повязанном косо и скрепленном на виске, в тяжелых серебряных браслетах, серьгах, кольцах. На шелковом полосатом платье — вперемешку с тусклым серебром и сердоликами — медали, какие-то значки, чуть не ГТО, орден Ленина, куча звящего яркого металла. Подошла к столику. Остановилась, улыбнулась приветливо. Брови дугами, глаза длинные, узкие, впалые щеки, тяжелые губы — красавица. Да и, пожалуй, лет-то ей немного. Майер посмотрел на нее со вниманием. Она улыбнулась застенчиво:

— От вас холод идет, — и натянула плотнее на плечи шаль.

— Ничего не поделаешь, такой у нас климат, — улыбнулся Майер, разглядывая эту восточную диковинку.

— Вот я и еду домой, в Ашхабад. Там тепло, — отозвалась она. И, повернувши подбородок на высокой шее к администратору, почти повелительно сказала:

— Номер примите.

И ушла. Администраторша и горничная оторопели.

— Ишь, королева. А спит на полу! — только и сказала горничная.

Майер принял паспорт, ключ от номера и, улыбаясь, пошел по коридору.

Номер оказался небольшим, но роскошным. Майер огляделся, скинул полушубок, потер озябшие руки. Набрал номер.

— Лора! Приехал дня на три-четыре. Конечно. Нет, нет, остановился в гостинице “Москва”. На доклад приехал. Вечером обязательно приеду. Промерз ужасно. Может, простудился. Нет, все равно приеду. У меня просьба к тебе. Анечка, возможно, завтра приедет. Ты приютишь ее на пару дней, а? Одна, одна, без дочки. Ну, о чем ты говоришь, Лора? Все то же, все то же. Смотрит в одну точку, почти ничего не ест. Нет, не говорит, не ходит. В кресле. На ночь в постель перекаладываю. Припадков таких больше нет. Дорогая моя, ты ошибаешься, не пять лет, а уже восемь. Ну ладно, что об этом. До вечера. Вечером поговорим.

Смотрит на себя в зеркало. Проводит рукой по щеке. Зарос... Выходит в коридор, спрашивает у горничной:

— Скажите, пожалуйста, есть в гостинице парикмахерская?

— Есть, конечно. На первом этаже.

Майер смотрит на часы... торопливо идет к лифту.

В зеркале отражение — руки мастера с опасной бритвой ловко орудуют над щекой Майера. Голос парикмахера:

— Еще десять минут, и я бы ушел. Вам повезло.

Майер кашляет, хочет заслонить рот, но он завернут в простыню, парикмахер поглаживает его по плечу и отодвигает бритву:

— Вы уж откашляйтесь как следует.

Майер извиняющимся голосом:

— Видимо, в поезде простыл... сквозняк.

Парикмахер вытирает лезвие, оно блестит.

— Некоторые удивляются, что у меня опасная бритва, не понимают, что она бреет чище. И вообще — красиво... Подбородочек наверх, пожалуйста... Так!

Майер закидывает голову, парикмахер прикасается к шее. Майер вдруг резко опускает голову, заходит в кашле. Парикмахер не успевает отвести руку, и на щеке Майера возникает крохотная царапина.

— О боже! — восклицает парикмахер. — Со мной в жизни такого не случилось! Вы дернулись, это надо же!

Суетливо брызгает одеколон на салфетку, прикладывает к царапине.

— Ничего страшного! — успокаивает его Майер. — Я закашлялся...

— Сейчас, сейчас! У меня спирт тоже есть! Он дезинфицирует лучше одеколona... Сейчас, сейчас...

— Ерунда, ерунда, не волнуйтесь! — утешает парикмахера Майер.

— Ерунда, вы говорите! — Парикмахер просто вне себя. — Никогда такого не было, чтобы из моих рук уходили в таком виде... Если я вам скажу, кого я в своей жизни брил, кто через мои руки проходил, — вы не поверите! Я в Кремле работал!

Указал пальцем в небо...

— Кого я только не брил... Вот этой самой бритвой! Меня все знают! Я Котиков! Я Вениамин Алексеевич Котиков!

Кровь сочится из царапины. Парикмахер мечется, снимает с пореза одну салфетку, кладет другую.

Майер улыбается:

— Да что вы так волнуетесь, Вениамин Алексеевич! Я всегда дома безопасной бритвой бреюсь. Да я бы такой штуковиной каждый день себя ранил... Успокойтесь, пожалуйста, ничего страшного...

Заседание коллегии Наркомздрава. Восемь важных персон внимательно слушают доклад. Один в воен-

ной форме. Это полковник Павлюк. Майер заканчивает свое выступление.

— Теперь, как вы видите, совершенно очевидно, что выбор нами для работы высоковирулентного штамма был вполне оправдан. И хотя работа, с моей точки зрения, еще не доведена до полного завершения, в сущности, она уже сделана, и скоро в нашем распоряжении будут первые образцы новой вакцины. Она работает против всех известных штаммов чумы.

Есинский задает вопрос:

— Скажите, пожалуйста, Рудольф Иванович, сколько, с вашей точки зрения, понадобится времени для того, чтобы передать вакцину нашей промышленности, и насколько сложна может оказаться промышленная технология?

Майер потер виски руками, до него с трудом дошел смысл вопроса. Видно, что ему совсем невмоготу:

— Чтобы окончательно... нам надо около полутора месяцев, чтобы полностью быть уверенным в препарате. Около трех месяцев понадобится на испытание, потом производство опытной партии, а остальное уже не зависит от меня. Скорее — от финансирования производства, от его организации. Технология... В технологии, вероятно, не будет ничего принципиально нового, кроме повышенных требований к технике безопасности.

Григорьев, председатель коллегии, смотрит на часы.

— Товарищи! Сегодня мы с вами присутствуем при исключительной важности... важности для всего человечества — я бы сказал — событии. Создание вакцины — еще один шаг на пути к полной победе

коммунизма во всем мире, еще одно доказательство торжества мудрой сталинской политики. Поздравим Рудольфа Ивановича. Спасибо за вашу работу, за доклад. Прошу вас завтра прийти ко мне на прием к двум часам, надо будет проработать решение.

Члены коллегии зашевелились, расслабились и начали потихоньку расходиться. Есинский подошел к Майеру.

— Рудик! Поздравляю тебя! Блестящая работа.

Но Майер потер глаза и ничего не ответил.

— Ты что, устал?

— Не то слово...

К председателю коллегии Григорьеву подходит полковник Павлюк.

— Всеволод Александрович! У нас будет беседа по поводу этой работы. Я думаю, ее надо закрывать и переводить в наше ведомство. Подумайте об этом. Пока надо тормознуть с решением.

Григорьев понимающе кивает.

Есинский снова подходит к Майеру:

— Да что с тобой, Рудольф? Может, машину вызвать?

— Видимо, в поезде простудился. Боюсь, пневмония начинается. Коронный номер мой, — с трудом проговорил Майер.

— погоди, я попрошу сейчас машину, чтобы тебя отвезли. Ты где остановился?

...К особняку президиума (видимо, это здание президиума Академии медицинских наук на Солянке) подкатывает машина, Есинский сажает Майера на заднее сиденье и машет рукой.

— Выздоровливай, Рудольф! Позвони мне послезавтра, я приеду из Питера и зайду к тебе! Ты молодец, ей-богу!

— Спасибо, Костя...

...В купе Анечка вдвоем с пожилой интеллигентной женщиной. Чайные стаканы на столе. Полумрак и дорожный уют.

— Никогда в жизни не приходилось мне так ездить, в купе! Я еще когда на вокзал ехала, у меня было такое чувство праздника. А тут вы! Такая неожиданность! Мне мама про вас столько рассказывала! Леночка Браславская! Даже про вашу аптеку рассказывала и показывала мне дом, в котором она была.

— На Дворянской... — почти шепчет пожилая дама.

— Ну да, на Гоголя!

— Знаете, Елена Яковлевна, у меня ведь до сих пор хранится мамина шкатулка из карельской березы с письмами, и там много писем от вас.

— Шкатулку эту я Наде и подарила, на шестнадцатилетие. Двенадцатого мая девятьсот десятого года.

— Да, двенадцатого мая мамин день рождения! И вы помните...

— Всё помню, детка. Всё, всё помню. И как на каток ходили, и как нас впервые пригласили на бал, и как мы в один день заболели скарлатиной, — а потом в один и тот же день пришли в гимназию и плакали от радости. У нас было исключительное, необыкновенно счастливое детство. Столько было веселья, музыки. Надя была такая музыкальная. Исключительно!

— Она была прекрасным музыкантом, но карьера исполнительская не получилась. Всю жизнь препода-

вала, и со мной занималась с раннего возраста. Я ведь тоже преподаватель музыки, Елена Яковлевна, — улыбнулась Аня.

— И похожа, очень похожа на маму. Чем больше я на вас смотрю, Аня, тем больше нахожу общих черт.

— Мама говорила, что вы расстались с ней еще до революции, перед войной. Она думала, что вы живете в Болгарии... или во Франции?

— Нет, всё было совсем не так. Перед войной мы с мужем поехали в Персию. Он был дипломатом, на царской службе. Потом жили в Стамбуле. Во время революции мы вернулись в Россию. Муж был как раз из тех немногочисленных дипломатов, которые стали служить новому правительству. А вот родители мои эмигрировали. Я давно о них ничего не знаю. Думаю, их нет в живых... Не знаю, жив ли муж... Он... словом, без права переписки... Всех, всех потеряла, — спокойно, без эмоций произнесла Елена Яковлевна. — Какая в этом ирония — еще пять лет тому назад Надя была жива, а я так давно ее похоронила. Дед ваш, Аня, был председатель дворянского собрания Саратова...

Аня изумилась:

— Да что вы! Первый раз слышу. Мама мне никогда не говорила...

— Ну, тогда считай, что и я тебе ничего не говорила. Есть много вещей, которые лучше не знать... Как всё трудно, трудно... А у меня, Аня, муж неизвестно где... пятый год. Я ведь туда в архив еду... хочу хоть какой-то документ получить...

Старый Коссель с докторским саквояжем, в шапке пирожком, в глубоких калошах, стоит перед администраторшей гостиницы.

— У меня вызов в тридцать шестой номер. Это вы меня вызвали? — строго спросил он.

— Да. Тут у нас постоялец заболел, просил вызвать врача. Я вас провожу.

Встает, показывает Косселю номер. Коссель стучит. После паузы голос Майера:

— Войдите!

Коридорная засунулась в дверь вместе с врачом:

— Вот доктор к вам пришел.

— Спасибо большое, — отозвался лежащий в постели Майер.

Он укрыт поверх гостиничного одеяла еще и полушубком. В ознобе.

Коссель раздевается, коридорная уходит. Коссель подходит к настольной лампе, греет над ней озябшие руки.

— Ну, что приключилось с вами? — спрашивает врач, вынимая какие-то бумажки. — Имя-отчество-фамилия...

— Майер Рудольф Иванович, — отвечает Майер.

— Когда к нам прибыли, Рудольф Иванович? — поинтересовался старик таким тоном, как будто это было ему нужно не для заполнения бумаги, а вызвало истинный интерес.

— Вчера вечером, — отвечает Майер. Кашляет.

— Ну, ну, посмотрим вас сейчас.

И Коссель выходит мыть руки, возвращается, садится рядом с Майером на стул.

— Вижу, вижу, озноб, температура высокая. Но придется все же вас на минутку раздеть, — извиняющимся голосом сказал Коссель.

Майер с трудом сдвинул одеяло, разделся. Врач приложил ладонь пониже горла, потом взялся прослушивать, потом приложил ухо к груди, к спине.

— Кашель?

— Сильный кашель. И дышать трудно. Такое чувство, что вся грудь заложена, — ответил Майер. Закашлялся.

— Да, да, да, всё так, — отозвался Коссель. — Жесткое дыхание, хрипы, особенно сильные слева. Полагаю, крупозная пневмония. В больницу надо, в больницу. Госпитализация...

— Звонят. Вас к телефону. Скорее! Скорее! — довольно внятно говорит вдруг Майер.

Коссель внимательно посмотрел на больного.

— Как вы сказали? — спросил Коссель.

— Девочки прыгают, осторожнее, она упадет...

— Э-э, дело совсем плохо, дорогой мой! — проворчал Коссель и набрал номер.

Через Петровку, мимо Петровского монастыря машина скорой помощи подъезжает к Петровским воротам и поворачивает к воротам бывшей Екатерининской больницы. Редко и крупно падает снег. Поздний вечер. Прохожих почти нет. Всё как-то слишком медленно: и снег падает медленно, и машина едет медленно, и ворота открываются словно нехотя.

В приемном покое доктор Сорин. На носилках вносят Майера.

— Сюда положите больного, — просит Сорин вошедших санитаров. — А бумаги на стол.

— Вот. Распишитесь. — Санитар протягивает бумагу. Сорин расписывается. Санитары уходят. Сорин смотрит в бумаги, издали взглядывает на Майера, поднимает телефонную трубку.

— Второй пост? Лена? Там Нины Ивановны у вас нет? Если зайдет, скажи, чтоб срочно шла на место. Черт-те что!

Сорин осматривает Майера. Тот кашляет, сплевывает бело-розовую пену. Сорин подносит эту пену к лампе, рассматривает, ощупывает подмышки, паховые области.

Обращает внимание на царапину на щеке.

Берет пиджак Майера, вынимает из нагрудного кармана документы — партбилет, военный билет, карточка, на которой написано: “Гостиница Москва, номер 36”...

Последний документ, который он рассматривает, — пропуск, на котором написано “Противочумный институт”.

Подходит к Майеру. Тот лежит с закрытыми глазами. Кашляет. Сорин снова смотрит в бумаги.

— Больной, вы меня слышите? — спрашивает он. — Ваши фамилия-имя-отчество... — Он выжидательно смотрит на Майера.

— Да, да... Майер Рудольф Иоханн... Иванович... Маска, маска... Отошла... Несчастный случай... — бормочет Майер, и какая-то сдвинутая, расплывчатая картина возникает: телефонный звонок, стук в дверь, голос сторожихи Гали, и возглас Майера “Сейчас!”, и отошедший край маски, обнажившийся в том месте, где отвалился ватный валик.

— Маска... маска... вас к телефону... — лепечет Майер.

— Так. Бред, — констатирует Сорин и снова набирает номер.

Сорин осторожно раздевает Майера, вынимает из шкафчика больничную рубашку, набирает в шприц какое-то вещество...

...А на лестничной площадке Тоня Сорина стоит со своей подружкой, Ниной Ивановной, медсестрой из

приемного покоя. Нина Ивановна курит, Тоня рассказывает:

— Он, понимаешь, на то рассчитывал, что я ему буду вместо мамы, пироги печь и в рот вкладывать. Да не хочу я!

— Тонь, а чего ты хочешь-то, подумай. Раз ты замуж шла, ты что думала-то, муж тебе суп варить будет, да?

— Да у меня знаешь какие кавалеры были! — горделиво сказала Тоня.

— Да какие они ни есть, кавалеры, а когда замуж выходишь, всё одно — суп варить и носки вонючие стирать. Будь он хоть золотой, кавалер-то! А твой-то, Александр Матвеевич, очень приличный человек, это я тебе точно скажу, — настаивает Нина Ивановна.

— Да скучно мне с ним, Нина, скучно. Ни в кино, ни в театр, ни на танцы. Если не на дежурстве — сидит и медицинские книги читает. Я же молодая все-таки... и вообще — еврей...

— Александр Матвеевич, откройте! Чего это вы закрылись? — Это медсестра вернулась с перекура.

— Нина Ивановна! Здесь ЧП. Я запер эту дверь, вероятно, сейчас будет объявлен карантин.

— Что? Что случилось? Александр Матвеевич, вы извините, я отлучилась.

— Нина Ивановна, теперь это не имеет значения. Может, к лучшему. Пожалуйста, возьмите ключ у вахтера и закройте входную дверь в приемное отделение с улицы...

— Александр Матвеевич! Откройте! — кричит Нина Ивановна.

Она продолжает стучать в дверь, но Сорин не говорит ей больше ни слова. Он укрыл стонущего и покашливающего Майера, продолжает осмотр.

— Откуда ссадина?

— Опасная бритва... Парикмахер... Прекрасное лезвие...

Сорин сел к телефону.

— Лариса Григорьевна! Мне срочно нужен Лев Александрович, соедините, пожалуйста, с ним... Тогда попрошу его домашний телефон. Это экстренное сообщение. Я бы не стал его тревожить. Да, на мою ответственность. Записываю.

Записывает номер, кладет трубку и снова набирает номер:

— Попросите, пожалуйста, Льва Александровича! Говорит дежурный приемного отделения больницы врач Сорин. Я прошу позвать его, дело экстренное, большой важности. Нет, я не могу принять решение без него... Послушайте, он главный врач больницы, и есть решения, которые я не могу принимать без него. Да, да именно! Я настаиваю!

Ждет у аппарата.

— ...Лев Александрович! Сорин беспокоит. В приемное отделение поступил больной. Подозрение на чуму. Насколько могу судить, больной с легочной формой. Пестис! Конечно, нужно вызвать инфекциониста. Нужно! Но, к сожалению, у меня нет никаких сомнений. Клиническая картина — классическая. Откуда? Привезенный больной — сотрудник противочумного института. Видимо, так. Изолирован. Запер приемный покой. К счастью, медсестра как раз вышла в тот момент, когда привезли больного. Я один, я и больной. — Сорин говорит точно, и держаться вдруг стал как-то несвойственным ему образом. Подтянулся весь. — Надо срочно принимать меры. Карантин — немедленно... Боюсь, что в противочумном костюме для меня уже нет необходимости. Лев

Александрович! Я же не студент. Я врач. Хорошо. Боюсь, что наркомат здравоохранения здесь не справится. По другому ведомству... Спасибо.

Сорин положил трубку. Подошел к Майеру и стал устраивать его поудобнее. Принес ему воды, дал попить. На лоб положил компресс. Потом взял стандартный бланк и начал писать: "История болезни..."

Сорин встает, склоняется над Рудольфом Ивановичем, тот открывает глаза:

— Маску наденьте... Опасно... Штамм высоковирулентный... Маску... Парикмахер, это совершенно реальное лицо... Эта деталь... Парикмахер в гостинице...

— Что? Что вы сказали? — Сорин растерян: больной бредит или это осознанная речь?

— Тесный контакт. Надо изолировать. Кошкин или Котов... Кошачья фамилия...

Сорин склоняется над Майером.

— Не понял вас. Вы что-то сказали?

— Парикмахер в гостинице... Тесный контакт... Карантин срочно...

Сорин кивает.

— Да, да, конечно. И парикмахер... Я сообщу, вы не беспокойтесь, Рудольф Иванович.

Майер мечется, хватая ртом воздух. Пот льет со лба. Сорин вытирает его лицо...

И снова звонит:

— Лев Александрович! Простите, снова Сорин беспокоит. Больной обращает внимание, что накануне в тесный контакт с ним попал ещё и парикмахер из гостиницы "Москва". Его необходимо в первую очередь изолировать. Его фамилию больной Майер точно не помнит, говорит — Кошкин или Котов... Спаси-

бо. Если не принять экстренных мер, есть риск эпидемии. Вот его надо в первую очередь изолировать. Он парикмахер, теснейший контакт. Немедленно. Можно его пока привезти к нам. Временно. Но вообще, всех надо на Соколиную Гору. Большая инфекционная больница, это их профиль...

У телефона Лев Александрович Сикорский. Разговаривает с наркомом здравоохранения.

— Говорит главврач Екатерининской больницы Сикорский. Яков Степанович! Чрезвычайной важности дело вынудило меня звонить вам в такое время. В моей больнице чума. Легочная форма. Нет, я не смогу к вам приехать. Я уже в больнице. Да, конечно, сразу же приехал... И, собственно, я тоже в карантине. В больнице все меры приняты. Я пробуду здесь до снятия карантина, поэтому прошу вас принять все необходимые меры для выявления контактировавших с нашими больными и их немедленной изоляции. Считаю целесообразным немедленно связаться с органами госбезопасности. А кто, по-вашему, может обеспечить выявление всех потенциальных зараженных, кроме них? Яков Степанович! У нас здесь в приемном покое сейчас изолированы два человека: больной Майер и принявший его врач Сорин. Это первая группа риска. Еще одного возможного носителя инфекции я прошу вас с предельной осторожностью немедленно изолировать и доставить к нам в приемный покой — это парикмахер из гостиницы "Москва" по фамилии Кошкин или Котов. Первая группа риска. Будем на связи. Жду вашего звонка.

Нарком здравоохранения у телефона, он в растерянности. Набирает номер. Опускает трубку на рычаг. Снова набирает.

Начинается большой перезвон. Трубки снимают, набирают, опускают. Разные лица, военные, штатские, начальники и подчиненные...

Больничный коридор. Двое в масках заталкивают в дверь приемного покоя парикмахера. Запирают дверь.

— Вы понимаете вообще-то, что происходит? — один спрашивает у другого.

— А вы любознательный, товарищ лейтенант. Не наше дело, — отвечает второй.

— Нет, просто обычно не так работаем. Причем тут больница-то...

— А меньше знаешь, лучше спишь...

Сорин встает из-за стола навстречу парикмахеру Вениамину Алексеевичу, которого впихнули в приемный покой. Парикмахер в панике.

— Что такое происходит? У меня сегодня выходной, и вдруг пришли, забрали, повезли, ничего не сказали... Я уже подумал бог знает что...

Сорин готов к этому разговору.

— Прошу вас успокоиться. Я врач. Сорин моя фамилия. Выслушайте меня, Вениамин Алексеевич. Мы с вами попали в карантин. Мы имели контакт с большим чумой. И я, и вы. Вы вчера утром брили человека, которого несколько часов тому назад привезли в больницу. Поставили предварительный диагноз — чума, — холодно сказал Сорин.

— Что вы такое говорите? — перебивает его парикмахер. — Какая еще чума? Да какое у вас право?

— Легочная форма. Очень заразное заболевание.

Парикмахер срывает с головы шапку и прикрывает ею рот и нос.

— Вот, вот, правильно. Чем меньше вы будете говорить, тем лучше. Теперь слушайте меня внимательно. Мы в карантине. Я тоже. Весь этот этаж перекрыт. Сейчас я провожу вас в помещение, соседнее с этим, и в нем запру. Еду вам будут приносить. Заходить я к вам не буду, по крайней мере, пока не обнаружится, что вы во мне нуждаетесь, а я вам в состоянии оказать помощь. Вставайте и идите.

Парикмахер с трудом встает. Ноги его не слушаются, он цепляется за врача. Вид его жалок и чрезвычайно болезненен. Александр же Матвейч с каждой минутой чувствует себя всё прочнее и увереннее.

Сорин ведет парикмахера в соседнее помещение. Это сестринская.

— Вот здесь вы пока располагайтесь, — советует Сорин, подводя парикмахера к стульям у стены сестринской. Парикмахер отодвинул от лица шапку и зарыдал.

— Боже мой! Боже мой! Но мне надо позвонить домой! У меня жена! Дочь! — всхлипывал парикмахер.

— Им сообщат. Не рекомендую вам выходить из этого помещения. — И Сорин выходит, заперев за собой дверь. Он пересекает коридор, подходит к двери, ведущей на лестничную клетку, толкает ее — заперто. Таким образом, первое, что необходимо сделать, — отсечь себя от остальной части больницы, он сделал.

...Сикорский набирает номер. Вахтер на проходной снимает трубу.

— Кто, кто говорит? А, Лев Александрович! Я вас не признал спервоначалу!

— Здравствуй, Петрович. Здравствуй. Получай приказ. Запри ворота покрепче, переключи свой телефон прямо на мой номер и никого не пускай. Никого, понял? Чтоб ни зверь, ни птица.

— Это как же? А скорые ездют, больных возят, их что, тоже не пущать? — удивился старик.

— Я тебе говорю — никого. Только с моего личного разрешения. И чтобы сам с поста — ни на миг. Понял? — переспросил Сикорский.

— Что же не понять? Уже двадцать лет, считай, вместе работаем! — кивнул сторож и переспросил: — И скорые не пущать?

— Эк ты... я же говорю тебе — никого. Пришлю тебе подмогу, — сказал Сикорский и ушел.

Сторож остался сам с собой ворчать:

— Подмогу... ишь, подмогу, а то я сам не управлюсь...

В кабинете Сикорского. Он в маске. собрал всех дежурных врачей из отделений, их человек десять. Все встревожены. Шепчутся.

— Может... сам хозяин? — спрашивает один врач у другого с многозначительным выражением. Второй пожимает плечами.

— Чтой-то Сикорский всех собрал? Проверку устроил?

— Не похоже. Нет. Что-то другое.

Сикорский подождал, когда вошел последний из дежурных врачей, и встал возле своего кресла. Все замолчали.

— Дорогие коллеги! — начал он торжественно. — Сегодня мы с вами сдаем экзамен на гражданскую и врачебную зрелость. У нас в больнице — чума.

Молчание не могло стать глубже, пауза казалась мертвой. Сикорский продолжал.

— Легочная чума — в приемном отделении. Один из наших товарищей уже заперся с больным, и, таким образом, первая ступень карантина уже органи-

зована. Мы с вами должны сейчас обеспечить всё, что в наших возможностях, чтобы предотвратить эпидемию. Это в наших силах. Нам будет оказана всяческая помощь, но есть ряд организационных мер, которые должны разработать и выполнить мы сами. Есть ли среди нас инфекционисты?

— Я по инфекции работала, — шевельнулась среди совершенно бездвижных людей маленькая женщина. — На холере работала, в Средней Азии.

— Очень хорошо. Назначаю вас моим заместителем по карантину. Считайте, что мы на военном положении. Итак, первый приказ: немедленно перекрыть выходы на лестничные клетки и прекратить общение между этажами. Выполнять этот приказ вы пойдете ровно через одну минуту, после того, как мы решим совместно еще один чрезвычайной важности вопрос. В больнице в настоящее время находится около двухсот больных. Во избежание паники мы должны предложить версию, которая бы не вызвала больших волнений. Мы должны объявить, что объявлен карантин по...

— Инфекционной желтухе? — кто-то робко предложил.

— Нет, не годится. Болезнью Боткина, как правило, второй раз не болеют, и нам пришлось бы выписать тех, кто ею уже переболел. Заболевание должно быть такое, к которому не вырабатывается иммунитет.

— Возвратный тиф! — воскликнул кто-то, и врачи несколько оживились. — Слишком сильно!

— Инфлюэнца! — произнесла маленькая женщина, инфекционист.

— Идеально! — отозвался Сикорский. — Болезнь опасная, но летальность ее относительно невелика. И слово красивое, и не совсем понятное. Значит, ка-

рантин по инфлюэнце. Эту версию мы предложим больным, а вот средний медицинский персонал прошу собрать, оповестить о происходящем и довести до их сознания всю серьезность положения. А теперь прошу вас разойтись по своим отделениям и надеюсь, что мы с честью выйдем из этого... передраги. — Сикорский неожиданно улыбнулся. — Все распоряжения — по телефону. Желаю удачи.

Сорин подходит к Майеру, устраивает его поудобнее. Принес ему воды, дал попить. На лоб положил компресс. Тот тяжело дышит. Сорин выходит из комнаты, подходит к соседней двери:

— Устроились, Вениамин Алексеевич? Ничего не нужно?

— Нужно! Нужно! Как это? Среди бела дня хватают! С какой стати? Здесь холодно! Принесите одеяло!

— Обязательно, — не открывая двери, отвечает Сорин.

Потом возвращается в свой кабинет, берет еще один чистый стандартный бланк и снова пишет: "История болезни"...

...Нарком здравоохранения на приеме у Очень Высокого Лица. Высокое Лицо в недоумении.

— Я не понимаю, Яков Степанович, в чем, собственно, должно заключаться наше участие? Если речь идет о вредительстве, можете не сомневаться, что виновные будут наказаны! Строго наказаны! И тут уж вы могли бы к нам и не обращаться! Найдем! Накажем!

— Я полагаю, что здесь речь идет не о вредительстве, а о преступной халатности научного сотрудника, работавшего над созданием противочумной вакцины, — осторожно начал нарком.

— И преступная халатность наказуема! Накажем! — подтверждает свой исходный тезис Высокое Лицо. Нарком делает еще одну попытку свернуть в нужное русло.

— Если через двое суток не будут изолированы все контактировавшие с больным последние два дня, возможна эпидемия чумы. Размеры этого бедствия трудно даже представить. Во время последней мировой эпидемии вымерла треть населения Европы.

— Треть? — изумилось Высокое Лицо.

— Да. Треть, — подтвердил нарком.

— Когда же это было? — поинтересовалось Лицо.

— В четырнадцатом веке... году приблизительно в 1340-м, — уточнил нарком.

— Ц-ц! — шелкнуло зубом Лицо. — Какое же тогда население было! Всего ничего!

— В современном городе, при такой скученности и скоплении народа, эпидемия чумы может охватить город как пожар... Вы понимаете? — устало сказал нарком.

— Хорошо! — Высокое Лицо резко встало. — Чем мы можем здесь помочь?

— Необходимо немедленно собрать и изолировать всех, контактировавших с больным. Немедленно. Чем скорее, тем больше шансов, что мы остановим эпидемию.

...Нарком здравоохранения едет в машине, сидит рядом с шофером, проезжает по ночному городу. Только в больших учрежденческих домах горит свет. Жилые дома темны. Редкие фонари. Снег.

...Высокое Лицо моет руки в туалете, смотрит в зеркало на свое отражение. Набирает в рот воды, полощет, сплевывает в раковину.

Движение по Петровке и Страстному бульвару прекрывают, ставят запретительные знаки, посты. По городу едут военные машины. Колонны военных машин. Оцепление района Соколиной Горы.

...Совещание проводит нарком здравоохранения. Рядом с наркомом лежит телефонная трубка. На проводе — Сикорский. Среди присутствующих — несколько медиков-чиновников, несколько академиков, представители госбезопасности, Высокое Лицо.

Докладывает главный инфекционист:

— В больнице три внутренних пояса карантина — палатный, поэтажный и общепольничный — обеспечивают медики. Но два внешних пояса — на уровне территории больницы и внешней ее охраны — мы обеспечить не можем.

— Пишите, пишите, — кивает Высокое Лицо своему помощнику.

Главный инфекционист:

— Имеется три группы контакта. Больной имел контакт в поезде, на заседании коллегии и в гостинице. Самый опасный контингент — в гостинице, поскольку контакт проходил в той стадии болезни, когда он был особенно заразен. Именно те люди, которых он видел в последние часы перед госпитализацией. В частности, это служащие гостиницы, имевшие прямой контакт с заболевшим перед его госпитализацией. При этом замечу, что в ближайшие сутки заразившиеся еще не представляют опасности для окружающих. Поэтому полная изоляция всех контактировавших может обеспечить нам выигрыш. С другой стороны, если среди пассажиров, ехавших в поезде, кто-то заразился, то он, в свою

очередь, может стать источником распространения заболевания.

...В руках лист бумаги, на котором написано: “1. Гости-ница: Котиков, Озерова, Созонова, Анадурдыева...” Первая фамилия уже вычеркнута. Анадурдыева — с галочкой.

Лист откладывают в сторону, открывается следующая бумага: “2. Список членов коллегии наркомата здравоохранения”. Рука ставит галочки против фамилий.

По ночному городу едут воронки. Они выезжают одновременно из распахнувшихся дверей гаража и рассеиваются по городу.

...Глухой ночной час. Безветрие. Снег, который шел весь вечер, словно устал. В ночной тишине отчетливый шум приближающихся машин. Подъехали два автомобиля. Из одного выбежало восемь одетых в полушубки солдат, из другого — двое в противочумных костюмах. Солдаты оцепили двор, выстроились коридором, по которому пробежали в подъезд двое в противочумных костюмах. Исчезли в подъезде.

Григорьев, председатель коллегии, спит в своей квартире. Звонок в дверь. Поднимается с подушки го-лова его жены в папильотках.

— Воля, звонят! Воля! — В глазах ужас.

— М-м, — мычит спросонья Григорьев. — М-м.

— Воля! Звонят! — Жена садится в постели. — Открывать?

— Что? — проснулся Григорьев. — Кто звонит?

— Не знаю. Открывать? — спрашивает жена, уже натягивая на себя халат.

— Спроси, кто там? — окончательно проснувшись, говорит Григорьев.

— Да нет, не ходи, я сам открою, — останавливает Григорьев жену, выходит в коридор, рывком открывает дверь и отшатывается перед двумя фигурами в противочумных костюмах. Глухой голос спрашивает:

— Товарищ Григорьев?

— Я, Григорьев.

— Просим вас срочно одеться и последовать за нами.

— В чем дело? Что случилось? — пытается выяснить Григорьев.

— Все разъяснения вы получите на месте. Можете сказать вашим домашним, что вас вызвали в срочную командировку.

Жена просовывает голову в прихожую и, увидев двух чучел в противочумных костюмах, оглушительно визжит.

— Собирайтесь быстрее, без вещей. Мы ждем вас за дверью, — сообщает таинственно-глухим голосом маска, и входная дверь закрывается.

...Двое в противочумных костюмах — за дверью, один справа, другой слева от двери. Дверь открывается, выходит Григорьев в шубе и шапке. Один из стоящих у двери натягивает на Григорьева маску. Григорьев от неожиданности отпрыгивает в сторону.

— Не волнуйтесь, Всеволод Александрович. Все разъяснения вы получите ровно через десять минут, — успокаивает Григорьева маска и, нежно взяв его под руки, спускается вниз по лестнице.

Выход из подъезда. Григорьева сажают в воронок. Машина отъезжает. В окне первого этажа — изумленное старушечье лицо с двумя упавшими жидкими ко-

сицами. Старуха высунулась в форточку, глаза ее выпучены от изумления.

..Гроздь звонков у двери коммунальной квартиры, рядом с каждым звонком — табличка с фамилией: Редькины, Цинциперы, Журкины, Родионовы, Сперанские.

Человек в полушубке долго блуждает пальцем по кнопкам и, наконец, нажимает нужный: Журкиным. Нажал — но отзвука никакого не услышал. Нажал еще трижды. Прислушался. Пролетом ниже стоят двое в противочумных костюмах. Он их не видит, но слышит разговор и обращается к ним:

— Вы туда звонили? Может, звонок не работает?

— Жми еще! Звонок небось в комнату проведен, — посоветовали с лестницы.

Человек в полушубке терпеливо ждет. Наконец слышались шаги, загрохотал замок.

Взлохмаченная голова Иды Абрамовны появляется в дверном проеме. Человек в полушубке сует ей под нос какой-то невнятный документ. Ида отшатнулась.

— Мне срочно нужен товарищ Журкин, — очень вежливо попросил полушубок, поставив ногу на порог.

— А в чем, собственно, дело?

— Вы жена Алексея Ивановича? — поинтересовался тип.

— Да. Я его супруга, — с достоинством подтвердила Ида.

— Тогда побыстрее, — приказал почти грубо тип, и Ида припустила в комнату. Алексей Иванович уже влезал в штаны.

— Что там происходит? — спросил он встревоженно у жены.

— За тобой пришли! — с ужасом ответила Ида.

— Кто? — повис вопрос, уже содержащий в себе ответ.

— Там двое. — Ида села на табуретку, перевела дух и собралась с мыслями. — Алёша, выслушай меня внимательно. Произошла какая-то ошибка. Я совершенно уверена, что все разъяснится и тебя отпустят.

Двое в костюмах входят в комнату.

— Ида, вещи собери, — просит Алексей Иванович.

— Алёша, какие вещи? Тебя отпустят! — заклинательно воскликнула Ида.

— Теплые вещи. Носки шерстяные, свитер серый, белье... — перечисляет Алексей Иванович, а Ида тем временем уже перебирает носки, но, как на грех, все рваные.

Перед полуоткрытой входной дверью человек в полушубке курит, а в чуть приоткрытой двери, в узкой щелке, сверкает чей-то наблюдательный глаз.

Алексей Иванович в теплом пальто с маленьким чемоданчиком выходит из комнаты в сопровождении Иды.

— Товарищ Журкин! Без вещей! Без вещей!

— Да в чем дело-то? — спросил запоздало Журкин.

— Извините за вторжение, — ласково улыбается тип в полушубке, вертя в руках свой документ, — мы вас надолго не задержим. Необходимо ваше присутствие... Я не уполномочен... вам на месте объяснят.

— Вот видишь, Лёша, видишь! — Ида припала к драповой груди мужа, он потрепал ее по войлочной голове и вышел.

Захлопнулась дверь за Алексеем Ивановичем, и на лестничной клетке две цепкие руки натянули на него защитную маску.

— Ах! — захлебнулся было Алексей Иванович.

— Спокойно! Спокойно, товарищ Журкин. Прошу вниз, в машину.

Заурчала отъезжающая машина.

...На высоко взбитых подушках полулежит доктор Коссель. Вид у него озабоченный и усталый.

— Дина! Дина! Ложись спать!

В кресле, уставившись в портрет молодого человека в летной форме, сидит старуха с прекрасно-безумным лицом. Она в ночной рубаше, шпильки зажаты в руке, седые волосы бедно свисают на плечи.

— Дина! Ложись спать, дорогая! — повторяет Коссель.

Старуха качает головой — не в ответ мужу, а как бы своим мыслям.

— Нет, нет, нет, — шепчет она.

Старый Коссель спустил ноги на пол.

По длинному коридору дома Нирнзее идут трое. Один в полушубке, двое в противочумных костюмах. Звонят в квартиру.

— Смотри-ка, как поздно пришли, — бормочет Коссель.

Этот звонок не испугал старика, он привык ко всяким ночным беспокойствам. Натягивает халат и шлепает открывать. Жена его не двигается с места.

— Что вам угодно, голубчик? — спрашивает он у парня в полушубке.

Парень протянул документ, но Коссель отвел его руку в сторону.

— Что вам угодно? — переспросил он.

— Вас срочно вызывают, — сообщил парень.

— Кто болен, простите? — поинтересовался старик.

Парень снова повертел документ.

— Да вы пройдите, пройдите, я возьму очки, я без них совершенно ничего не вижу.

Коссель нацепил очки и посмотрел наконец в документ.

— Так, так, понятно. Так что вам угодно? — осведомился старик.

— Вас срочно вызывают, — повторил парень, которому уже надоел этот непонятливый старик.

— Что ж, срочно так срочно. Вам, однако, придется подождать, пока я соберусь. Знаете, люди к старости становятся такими медлительными. — Коссель твердо взял жену за плечо. — Дина, пойди ляг.

Дина послушно встает с кресла и идет к постели.

Коссель одевается. Парень уставился на портрет в траурной рамке.

— Сын ваш? — спросил парень. — Полярный летчик? Тот самый Коссель, о котором в газетах писали?

— Тот самый.

Коссель надевает круглую меховую шапку и шубу с шалевым воротником и становится похож на провинциального священника. Жена обратилась к нему неожиданно внятно:

— Приходи скорей. Я не могу быть одна.

— Я скоро, скоро... — И, недосказав чего-то, проглотив слова, которые уже были на языке, поцеловал сухую головку старухи и вышел.

— Я свет здесь погашу? — спросил он перед дверью.

— Не надо! Оставь! — раздался голос жены.

Комната Петровских. Ночь. По комнате ходит немолодая женщина, укачивает плачущего ребенка. У окна останавливается, видит, как во двор въезжает воронка и разворачивается возле их подъезда.

— Федя! Федя! — кричит женщина. — Посмотри! К нам!

• Пожилой муж Федор подходит к окну.

— У нас уже были. Других людей, что ли, нет?

— У других дочку не забирали. Ты что, не понимаешь?

Федор смотрит в окно — из машины выходят четверо, трое идут к подъезду.

Ребенок плачет.

— Быстро уходи, Федя.

— Ты что? Как?

— Черным ходом. Скорее. Ты прям как малый ребенок...

Ребенок кричит.

Федор надевает пальто, хватает меховой треух.

Звонок в дверь.

— Беги на Ленинградский и поезжай в Бологое к тете Клаве. Отсидись там. Да что ты стоишь как пень? Быстрей, говорю!

Сует ему деньги.

Он идет по коридору, открывает крюк у черного входа и выходит.

Звонок трезвонит вовсю...

...Вертятся ручки аппаратов, трещат телефоны, ложатся на суровые казенные столы бумаги листы, растут стопки папок.

Чья-то рука обводит кружочками фамилии в большом списке членов коллегии Наркомздрава. Ставит галочки. Только одна фамилия не обведена — Есинский.

...Коридор гостиницы "Москва". Двое мужчин в масках тащат бак с дезраствором. Двое других опрыскивают номера. Идет дезинфекция. Еще двое рассма-

тривают книгу со списком проживающих в номерах. Те же кружочки и крестики. Две фамилии обведены жирно красным карандашом — Анадурдыева, Котиков. Один сотрудник спрашивает другого:

— А с этой что делать? Выбыла.

— А-а, депутат Верховного Совета. Аверин, звони в ихние кассы. Там их по списку билетами снабжают. Будем с поезда сымать.

— А Котиков?

— Парикмахер, что ли? Да у него выходной, за ним еще утром машину послали...

— На Соколиную?

— Нет, там еще не готово было. Отправили пока к Сорину, в Екатерининскую... Там сейчас трое — Майер, Сорин и парикмахер этот. Заперты в приемном отделении...

...Темные окна домов. В темноте лежит человек. Слышит хлопок дверцы внизу, у подъезда. Встает, идет к окну. Это полковник Павлюк. Прислушивается. Хлопает лифт рядом. Звонок в дверь. Павлюк выходит из своего кабинета, идет в комнату жены.

— Что это? — спрашивает она у мужа.

— Иди к двери. Откроешь не раньше чем через три минуты.

— За тобой? — подняла вмиг проснувшиеся глаза на мужа.

— Поняла? — спросил Павлюк.

— Да.

— Иди.

— Сережа! Сережа!

— Не надо этого всего. Тише, пожалуйста. — И он ушел в кабинет.

Жена его припала к двери. Звонок трезвонит безостановочно. Павлюк открывает нижний ящик стола, из-под самого низа вынимает конверт, кладет его на середину чисто убранного, голого стола. На конверте надпись "Товарищу Сталину".

Рука Натальи, жены Павлюка, лежит на дверном замке. Она медленно открывает дверь. За дверью — улыбающееся розовое лицо человека в полушубке.

— Ну и спите вы крепко! — улыбается он. — Товарищ Павлюк у себя?

— У себя, — ровным голосом отвечает жена Павлюка.

Из кабинета раздается звук выстрела.

...Елка. Новогодняя пьянка в низкой полудеревенской комнате. Потные большие женщины, голые толстые руки, складчатые шеи. И патефонная музыка, душераздирающая и хриплая. На блюде посреди стола гусь, еще не вполне съеденный, вполне угадывающийся на фоне тушеной капусты. Один мужчина спит на диване, содрав на себя часть кружевного лейфера, спускающегося с диванной полки. Второй размахивает куском гуся, сует его в лицо пьяненькому, но еще не упавшему под стол селекционеру, соседу Майера по купе.

— Нет, ты попробуй, попробуй, Семен! Клава с капустой, с капустой их, в душу мать, а Верка — с яблоками, с яблоками! Хрен с них, с этих яблок! Ты вот попробуй, попробуй, Сень!

Но Семен отмахивается:

— Коль! Да ты меня-то пойми, я ж три года с ними, как с малыми детьми, я ж им как мать, не могу я их есть.

— Не, Сень, ты не прав! Вот ты попробуй, я тебе говорю, как моя Клавка их, в мать, с капустой... я тебя прошу! — И Коля все настойчивей тычет в лицо Семени кусок гуся.

— Да пошел ты в трубу! — рассердился Семен.

— Отстань.

— Отстань от него! — подтвердила голорукая дама с большой расплывшейся грудью.

— Сиди! — прикрикнул на нее Коля.

Но дама изогнулась и зубами вырвала из рук Коли кусок гуся. Все засмеялись, только Семен неожиданно положил голову на руки и заплакал. Вторая женщина, помоложе, но тоже крепкого сложения, подсе- ла к нему и стала его утешать.

— Сень, а Сень, не огорчайся, да ну их, новых заведешь!

Семен плакал, утирал слезы, а подруга навалилась на него сбоку.

— Обидно мне, вот что! И не так чтоб очень холодно было, они у меня дома-то гораздо крепче мороз выносили. Да что же они так?

— Да не убивайся из-за них так, Сень, новых заведешь, а? — настаивает подруга.

— Заведу, конечно! Да я хоть десять лет, хоть сколько погублю, а их всё одно воспитаю.

— Воспитаешь, Сенечка, конечно, воспитаешь! — поддакнула подруга.

А на крыльце стоят двое, третий бежит к ним от соседнего домика и машет рукой.

— Давай, давай, этот вроде и есть восемнадцатый номер!

Заколотили в дверь. Дернули за ручку — дверь распахнулась, и все трое в клубах холода ввалились

в сени. Зажегся кругляш света — засветили фонарик, и начали стучать в обитую дверь.

— Открой, Клава, это Белаш прикатил! — скомандовал Коля.

— Какой такой Белаш, среди ночи-то? — возразила Клава, но дверь открыла. Коля присвистнул, Клава, подбоченившись, нахально сказала:

— О, гостей понаехало незваных!

Гости оторопели несколько, но ненадолго, главный из них быстро оправился и спросил:

— Гражданин Кульков имеется тут?

— Имеется, имеется, — заторопилась подруга. — Вот он, имеется.

— На минутку, — потребовал главный.

Семен нетвердо поднялся со стула.

— Ну, я Кульков.

— Дело к вам, выйдем во двор! — приказал главный.

Все встали и разом замолкли. Только патефон еще дохрипывал свое.

По узкой тропке из дому шли четверо — впереди Семен Кульков, за ним — трое.

...Сорин вводит иглу в предплечье Майера. Майер лежит на кушетке в приемном покое. Он переодет. Лицо его сильно изменилось, приступ кашля. Кровь стекает изо рта. Розовая, пенистая.

Сорин садится за стол и пишет: “2 часа. 30 минут. Температура... пульс. Явления...”

...Парикмахер Котиков лежит в соседней комнате, в сестринской, на сдвинутых стульях. Встает, идет к двери, стучит в нее и кричит:

— Доктор! Доктор!

Сорин подходит к двери в сестринскую.

— Что с вами, Вениамин Алексеевич? — спросил Сорин.

— Мне надо выйти! Простите, в туалет! — отвечает из-за двери парикмахер.

— Я принесу вам ведро, Вениамин Алексеевич. Подождите минутку! — устало говорит Сорин.

— Нет, нет, не нужно ведра! Мне надо выйти! Понимаете?! — с отчаянием в голосе произносит парикмахер.

— Невозможно, Вениамин Алексеевич! Вам невозможно выходить! Подождите минуту! — И Сорин отправился за ведром. Несет ведро к двери...

...В спецпомещении Казанского вокзала горячая пора. Один сотрудник перебирает какие-то исчерканные листы.

— Вот, этот вагон комплектовали в Саратове, а поездная бригада была астраханская. Так?

— Нет, это у бригадира узнать надо, никто не знает, только он может знать.

— Звони в общежитие.

Один тут же сел на телефон.

— Козелков его фамилия?

— Бригадира-то? Да, Козелков Иван Лукьянович.

В вокзальном ресторане компания. Военные: три бравых лейтенанта и с ними две девицы — одна из них проводница поезда, в котором ехал Майер. Проводница кокетливо заявляет:

— А мне очень нравится моя работа. Я на одном месте сидеть не люблю. И люди все разные едут, другой раз очень даже интересные люди попадаются...

— Да мы тоже на одном месте подолгу не сидим, это точно, Володь, скажи, да? — поддакнул ей лейтенант.

...В спецкомнате продолжается розыск проводницы.
— Ты, Родонов, привозишь сюда Козелкова, здесь с ним будем разбираться.

...Рыдает, виснет женщина на человеке в полушубке:
— Не могу! Не могу! Оставьте! Ведь дитя малое! Я же кормящая! Помрет дитё!

Человек отдирает аккуратно с себя женщину, уговаривает ее:

— Да напрасно вы так разоряетесь, по делу ведь!

Второй отзывает его в сторону, шепчет что-то.

— Ну ладно, берите своего ребенка с собой!

Женщина поспешно собирает ребенка, заворачивает его в одеяльце, берет пеленки, причитает:

— Господи, это что же такое, что же такое...

Парикмахер Котиков лупит в дверь ногами. Кричит:
— Выпустите меня! Что вы меня держите? Я здоров! Здоров!

Кашляет. Задыхается. Снова кричит:

— Я буду жаловаться! У меня связи! Вас накажут! Откройте!

Сорин в своей комнате сидит возле Майера. Берет его за руку, считает пульс. Майер совсем плох.

— Письмо... письмо... — шепчет Майер.

Сорин склоняется со стаканом воды:

— Попейте...

Майер мотает головой...

Сорин слышит крики из соседней комнаты, подходит к двери:

— Одну минуту, сейчас я к вам подойду.

Возвращается в комнату, берет шприц, набирает в него жидкость, надевает маску и идет через коридор к парикмахеру, который не переставая колотит в дверь. Сорин открывает дверь:

— Успокойтесь пожалуйста. Я сделаю вам укольчик. Перестанете волноваться. Поспите немного. Как вы себя чувствуете?

— Я прекрасно себя чувствовал. И вчера, и сегодня утром! А теперь я уже плохо себя чувствую! На каком основании...

— Да, да, очень хорошо. Давайте температуру измерим...

Ставит градусник. Делает укол:

— Вы разволновались... Сейчас успокойтесь... Главное, не волнуйтесь. Произошла неприятность. Один человек заболел заразной болезнью, вы с ним контактировали, и придется вам побыть на карантине. Всех, кто контактировал, придется перевести в больницу на карантин... А температура у вас высокая... Сейчас принесу вам подушку, одеяло. Приляжете...

Парикмахер заплакал:

— Ну почему мне так не везет? Всю жизнь не везет...

...Саратов. Противочумный институт. Вокруг лаборатории Майера, маленького заснеженного дома, стоит охрана. На проходной вместо сторожихи Гали двое солдат.

...В ресторане, возле самой двери, стоят два сотрудника из спецкомнаты и бригадир Козелков. Козел-

ков шныряет глазами по столикам, расплывается в улыбке.

— Да вон она сидит, Зинка-то! Я с ней два года ездил, знаю, где ее в такое время искать! Вон, с военными-то сидит, и Катька Енакиева с ней, бляди-то известные, я ж говорю.

Человек из спецкомнаты подходит к Зине и, попросив извинения, выводит ее из-за стола. Она с видом даже несколько гордым идет к выходу.

Возле выхода из ресторана она соображает, что ее вовсе не танцевать пригласили, начинает беспокоиться, но один из молодцев взял ее под руку и тянет из ресторана.

— Да пусти, куда ты меня волокёшь-то? — громко говорит проводница Зина, а молодец склоняется к ее уху и что-то ласково в ухо шепчет.

Зина покоряется, идет следом, через узкий проход, среди спящих на вещах пассажиров, узлов, грязной обуви и орущих детей. Она спотыкается о чемоданчик и бросает стоящей рядом с чемоданчиком молодой женщине:

— Ишь, раскулемилась. Подбери вещи-то, чего на дороге расставила?

Женщина подтягивает к себе чемоданчик. Эта женщина — Анечка, подруга Майера. Она листает записную книжку, ищет нужный номер.

...Звонят, трещат телефоны. Какие-то цифры, имена, шифры. Объявляют: “Двадцать седьмой идет с опозданием в два часа тридцать минут”.

— Салахова немедленно вызвать. Майор Сиверкин. Майор Сиверкин.

Анадурдыева, вагон второй.

— Голосовкер, Гринев, Дымченко, Денник, Еськина, Ерофеева, Ерофеев, Жаботинский, Иванов Владимир, Иванов Виктор, Игнатенко, Ивина, Ильин, Иконникова, Ирусадзе, Карпов...

Список второй, список второй... восемьсот двадцать три дробь четыре.

Ленинградский вокзал. Федор Петровский покупает билет.

Объявление по радио: "Поезд в Ленинград отправляется с шестого пути..."

Петровский выбегает на платформу — путь первый. Спускается на рельсы и бежит к шестому пути. На голове шапка с распустившимися ушами. Он перебегает пути перед идущим поездом. Резкое торможение.

Из-под поезда в снег летит шапка. Тело Петровского на рельсах...

...Утро в Москве. Магазины открылись. Хозяйки спешат с сумками, с бидонами: кто за маслом, кто за керосином. Из обувного магазина выходит Скособоченный. В руках у него большая обувная коробка с надписью "Скорород". Он сворачивает в первую попавшуюся подворотню и, прислонившись спиной к стене, снимает с одной ноги растоптанный женский ботинок немалого размера, надевает на ногу новенький мужской полуботинок из коробки. К нему подходят двое. Он неловко стоит на одной ноге, прислонившись спиной к стене.

— Свербеев? — тихо спросил один.

— Ну? — отозвался Скособоченный.

— Следуйте за нами, — бросил второй.

Пихнув вторую ногу в новый ботинок, путаясь в шнурках, Свербеев идет вслед за гражданами в полуботках.

Фыркнула машина. В подворотне остались валяться два истоптанных ботиночка и новенькая коробка с надписью “Скороход”.

...Старуха из поезда, бывшая владелица стоптанных ботиночек, у себя дома, в пригороде Тамбова. На постели лежит совсем древняя старуха, темная, вверх острым носом, почти уже покойница. Та, что помоложе, разговаривает со старшей.

— Вы, мама, ночью кашляли, а как меду взяли, так уж и больше не кашляли...

Старуха совершенно безучастна, не отвечает. Ту, что помоложе, это совершенно не смущает.

— А то раньше говорили — полынь черная, взять ее сухую и заварить. А я думаю, чего ее, полынь, горечь такую пить, у нас медок есть. Саввушка привез в августе. Держит он пчелок, домков до двадцати, вот и привез. Крестна, говорит, возьми себе и бабушке. Ну вот мед-то и пригодился... Мама, вы спите, что?

В двери стучат, хозяйка открывает, перед ней двое ребят, здоровенные парни, сытые. Старуха несколько попятилась.

— Ну что, Елена Дмитриевна, приехали? До дому добрались?

Старуха обомлела, ноги у нее подкосились, она села на табуретку.

— Собирайся, бабка, поехали с нами, — сказал тот, что постарше.

Старуха еще немного помолчала, а потом, как-то без предупреждения, сразу, начала голосить:

— Ой, милые, родимые, куда вы меня забираете? Пожалейте меня старую! На что я вам нужна?

— Да ладно, ладно, Елена Дмитриевна, вы так не убивайтесь, мы с вами потолкуем недолго, разберем-

ся, а потом домой доставим, — ехидно сказал молодой, — под белы рученьки и доставим.

— Ой, доставите, доставите, ироды, уж вы доставите! — И, неожиданно перестав голосить, сказала: — Ребятюшки, отдам я вам их, только уж вы меня не берите. Матушка вон у меня больна, совсем уж отходит, куда ж мне сейчас от дому, а?

И она проворно нырнула в сени и через мгновение вынесла пару прекрасных лётных унтов на собачьем меху.

— Мне чужого не надо, — бормотала старуха, — я вижу, лежат, я прибрала, а чужого мне не надо.

Ребята переглянулись, один слегка махнул возле виска, давая понять, что старуха, мол, слегка не в уме, но делать нечего.

— Давай, бабка, давай, в машине тебя сейчас повезем, одевайся!

Старуха бросила на пол унты и снова заголосила.

Старуха на постели, не открывая глаз, благословила дочь: “У, курва!”

...Людмила Игнатъевна, спутница Майера по купе, принимает любовника. Кольшутся подушки, панцирная сетка встряхивает энергичную парочку, из-под одеяла высовывается голое колено, исчезает, снова высовывается. Звонок в дверь.

Панцирная сетка мгновенно успокаивается. Герой-любовник спрашивает встревоженно:

— Муж?

— Не может быть. Он в это время никогда... — отвечает Людмила Игнатъевна. — Не открою.

Звонок не успокаивается.

— Одевайся! — приказывает Людмила Игнатъевна своему дружку.

Но он уже одет. Она натягивает на себя чулки. Звонит звонок. Юбку. Звонит. Жакетку. Звонит. Причесывается.

— А я? — спрашивает дружок. — Я-то как же?

— Стань-ка туда вот. — И она ставит его за занавеску, отделяющую шкаф.

Идет открывать.

— Кто там?

— Людмила Игнатьевна Кострикина? Откройте! — слышны голоса из коридора.

Герой-любовник, покрытый мелкими каплями пота, корчится за занавеской.

— Что ж так долго не открывали? Соседи ваши сказали, что вы дома. Одевайтесь, Людмила Игнатьевна, мы вас, собственно, долго не задержим, надо с вами поговорить, задать несколько вопросов. Пожалуйста.

— Да, да, с удовольствием! — улыбается Людмила Игнатьевна, надевает шубу и, отдернув занавеску и сделав тайный знак своему другу, она уходит, оставив ключ на столе.

...Есинский выходит из вагона на Московском вокзале в Ленинграде. К нему подходят двое и уводят его. Он беспомощно оглядывается, крутит головой.

...Провинциальная станция. Маневрирует состав. Отцепляют один из пассажирских вагонов, отгоняют его в тупик. На приступках вагона — с каждой стороны по солдату. Вагон остановился. Солдаты входят в вагон, старший вызывает проводника, подвыпившего мужика с восточным покровом лица. Старший в камере проводника показывает ему документы и требует помощи.

— Вагон отцепили, значит. Временно задержан ваш вагон. Тут одна едет из Туркмении, Анадурдыева, депутат, ее надо снять, но чтоб тихо, без паники, — объясняет лейтенант.

— Сняли уже, — буркнул проводник.

— Как сняли? — изумился лейтенант.

— В Раздольске сняли, — добавил проводник. — Два перегона.

— Кто? Кто снял? — заорал лейтенант.

— Я и снимал. Вызвали скорую помощь к поезду и ссадили. Заболела она, — объяснил проводник.

— Чем заболела? — не сразу спросил лейтенант.

Проводник обозлился.

— Чем? Чем? Животом заболела. Схватило ее. Я и ссадил. Она тут помрет, а мне отвечать. Был уже у меня такой случай.

— Когда Раздольск проходили?

— С опозданием идем, часов на пять. Проходили Раздольск ночью, в два тридцать так, — ответил проводник.

— Значит, так. Я оставлю охрану, иду звонить. Чтоб ни одна мышь из вагона не вышла. Отвечаешь головой. Понял? — жестко спросил лейтенант, и проводник мгновенно понял.

Из развалистого и подпитого мужичка он вдруг превратился в понятливого и услужливого.

— Понял. Никто не выйдет. Не пустим, — торопливо закивал он маленькой черной головой.

...Лейтенант в спецкомнате соединяется с начальством.

— Товарищ капитан! Докладываю: Анадурдыева снята с поезда в Раздольске в два часа ночи скорой помощью. Часа два на дрезине. Есть, есть дрезина. А что

с этими, в вагоне, с пассажирами, — задержать? Как? Оцепить? Организовать охрану? Ясно! Ясно. Понял — вагон уже отогнали. Есть отогнать подальше. Понял, товарищ капитан.

...Екатерининская больница оцеплена солдатами. Посты расставлены и снаружи, и на территории больницы. Из помещения, на двери которого висит надпись “Морг”, выходят двое в противочумных костюмах.

Множество солдат. Люди мерзнут. Хаотическое движение к воротам, от ворот. Выезжает машина — с проверкой документов, специальным разрешением. При выезде машину обливают дезраствором.

В отделениях врачи проводят разъяснительные лекции среди пациентов. Один из заведующих, расставив ходячих хирургических, послеоперационных, сообщает им:

— В первую очередь, инфлюэнца опасна для ослабленного организма. Вы все, перенесшие операции, в особо опасном положении. Во избежание эпидемии необходимо соблюдать повышенные меры осторожности. Мы раздадим вам марлевые маски, просим без них в коридор не выходить, и вообще необходимо ограничить контакты. Из палаты выходите только по необходимости. Общей столовой пользоваться не будем, еду санитарки вам будут разносить по палатам. И еще: при первых же признаках недомогания немедленно сообщать об этом медперсоналу. Я, как и весь наш персонал, тоже на карантине. Так что неотлучно нахожусь в отделении, — закончил врач.

— Василь Андреич, — поинтересовался молоденький парнишка, — а меня завтра выписать хотели. Меня что же, не выпишут?

— Завтра не выпишут, Костин. А если будешь очень скучать, мне придется тебе еще раз аппендэктомии сделать. А? — шутит врач.

— Ну уж нет, лучше я так потерплю, — отказался парень, улыбаясь.

...У телефона Сорин, он разговаривает с Сикорским.
— Состояние тяжелое, Лев Александрович. В сознание не приходил.

Сорин подходит к Майеру. Тот кашляет, Сорин стирает кровь, поднимает его повыше, возвращается к аппарату.

— Легочное кровотечение.

— Александр Матвейч! У меня здесь ваша жена, Антонина Платоновна. Просит трубку.

Сорин замирает перед телефоном. Лицо жесткое.

— Передайте, пожалуйста, Антонине Платоновне, что я сейчас занят. Спасибо, Лев Александрович, — и вешает трубку.

Пишет в истории болезни Майера: “Час ночи: отек легких, геморрагический (неразборчиво)”.

Тоня идет по коридору, подходит к лестничной клетке, ее не пускают из отделения. Она садится на пол, возле лестницы. Здесь она просидит до конца, не сказав ни одного слова.

Запавшие глазницы, изменившееся лицо Майера. Сорин накрывает его с головой простыней.

У Сорина сильный приступ кашля. Он набирает в шприц какую-то жидкость, колет себе в ногу...

...Горит костер. Его разложили во дворе больницы замёрзшие солдаты.

— Лев Александрович! — докладывает старшая сестра Сикорскому. — В нашей бельевой заперли участкового врача со скорой, который был на вызове, но он ужасно скандалит... А этот, их главный, не велит выпускать его из бельевой.

— Пригласите, пожалуйста, ко мне капитана Соленова.

Входит капитан.

— Садитесь, пожалуйста, нам с вами надо обсудить один вопрос, — предложил Сикорский Соленову.

Тот не садится. Сикорский встает.

— Я слушаю вас, — служебно отвечает Соленов.

Субординация все же существует. Сикорский в переводе на язык шпал и ромбов все-таки поглавней капитана.

— Кто распорядился участкового врача запереть в бельевой?

— Я распорядился.

— А где находятся врач со скорой и санитары? — спросил Сикорский.

— В автоклавной, в ординаторской второго отделения и в ванной комнате, — четко ответил капитан.

— Впредь я прошу вас не брать на себя решение вопросов, которые находятся в моем ведении. У нас была договоренность, что всех контактных будут содержать на Соколиной Горе, а не у меня.

— Когда их сюда везли, не было такой договоренности, — оправдывается военный.

— Люба! — крикнул Сикорский, — Пригласите, пожалуйста, сюда участкового врача.

— Но, — вмешался Соленов, — он же из группы наиболее опасных.

— Совершенно верно. И через несколько часов у него могут появиться первые признаки болезни.

Прошу вас... — И Сикорский сделал вежливый жест по направлению к двери.

Разминувшись в дверях с Соленовым, входит Коссель. Сикорский надевает маску.

— Приношу вам свои извинения, коллега, — кланяется Косселю Сикорский. — Я главврач этой больницы, Лев Александрович Сикорский.

— Коссель Сергей Иосифович, — представляется Коссель. — Объясните мне, ради бога, что здесь происходит?

Сикорский, выдержав паузу, говорит:

— Вчера ночью, коллега, к нам был доставлен больной с диагнозом двусторонняя пневмония. Больной был ваш, с вашего участка, — из гостиницы “Москва”.

— Помню. Майер, — подтвердил Коссель.

— Час тому назад он скончался от легочной чумы.

— От легочной чумы? — переспросил Коссель. — Значит, это...

— Да. На той стадии болезни, когда вы его смотрели, легочная чума дает картину пневмонии. Собственно, и пневмония там имеется. Инкубационный период, как вы знаете, очень короткий, сутки-двое. Обычно первые признаки заболевания проявляются уже через сутки. Лихорадка, озноб, в некоторых случаях тошнота...

— Если я правильно вас понял, я в карантине? — спокойно спросил Коссель.

— Да, — просто ответил Сикорский. — И скажите, что я могу для вас сделать?

— Разрешите мне позвонить отсюда жене, — попросил Коссель.

— Пожалуйста. Но, прошу вас, сначала подумайте хорошенько, что вы ей скажете. Как вы понимаете, слово “чума” не может быть произнесено.

Коссель кивнул и набрал номер.

— Дина! Извини, Диночка, я не смог позвонить тебе раньше. Меня срочно вызвали на сборы. Нет, я не мог, Дина. Не мог. Что за глупости! Что за глупости! Не плачь, я тебя прошу! Да вернусь я! Вернусь! Дина!

...Покрытое простыней тело Майера на кушетке. Сорин передвинул письменный стол так, чтобы сидеть к кушетке спиной. Он явно болен, кашляет, задыхается. Он пишет письмо.

“Дорогой товарищ Сталин! Когда это письмо дойдет до вас, меня уже не будет в живых — я умру от чумы, как умер только что врач из Саратова, которого я изолировал и за которым ухаживал до часа его смерти. Я надеюсь, что эпидемия будет остановлена, и, если это произойдет, буду считать, что положил свою жизнь за советский народ. Мое положение смертника дает мне право, как мне кажется, обратиться к вам с личной просьбой. В июле 1937 года был арестован мой старший брат Сорин Семен Матвеевич, начальник строительства шахты в Тульском угольном бассейне. Вся жизнь моего брата, его безукоризненное революционное прошлое таковы, что исключают те обвинения, которые были представлены ему при аресте. Прошу вас лично разобраться в деле моего брата”.

...Гольдин, потирая руки, входит в столовую. Стол накрыт на один прибор.

— Настя! Что, Софья Исаковна звонила?

— Звонила. Не придет обедать. Конференция, — лаконично ответила Настя.

— Понятно. Как всегда. — Гольдин сел на стул с высокой спинкой, не касаясь ее, и развернул салфетку. Настя налила из супницы тарелку супа и вы-

шла. Гольдин поднес ложку ко рту — раздался телефонный звонок.

— Настя! Подойдите, пожалуйста! — попросил Гольдин.

Входит Настя:

— Звонят из наркомата здравоохранения. Вас срочно вызывают к наркому. Выслали машину.

Гольдин отложил ложку в сторону.

— Вот за что, Настя, я люблю своих пациентов: в отличие от начальства, они никогда не отрывают меня от обеда и всегда готовы немного подождать.

Гольдин на приеме у наркома.

— ...и теперь необходимо сделать вскрытие, — заканчивает свою речь нарком.

— Ну, ну... Это моя работа, но не понимаю, почему такая срочность... — спокойно отвечает Гольдин. Нарком поднял брови.

— Есть подозрение, что больной умер от чумы. Нужно срочно подтвердить диагноз. Там в приемном покое было трое зараженных, один уже умер... — поясняет нарком.

— Если это действительно чума, полагаю, что двое других... Я готов сделать и два вскрытия, и три, и сколько понадобится, но ставлю свое условие.

— Я слушаю вас, — с легким раздражением говорит нарком.

— Вы уверены, Яков Степанович, в моей профессиональной компетентности?

Нарком только замахал руками.

— О чем вы говорите, Илья Михайлович?

— Тогда я провожу вскрытия, соблюдая все меры предосторожности, — в противочумном костюме, маске, по всем правилам, — вы же, со своей стороны,

даете мне гарантию, что я не буду засажен в карантин. Это мое категорическое условие.

— Хорошо, Илья Михайлович. Я даю вам полную гарантию, — кивает нарком.

...Анечка с чемоданчиком пытается войти в гостиницу "Москва". Выход загораживает солдат в полушубке. Он вместо швейцара.

— Мест нет, девушка, мест нет, — добродушно говорит он Ане.

— Да у меня муж здесь живет, мы договорились здесь встретиться. — Аня потянулась было к двери, но улыбчивый парень неожиданно твердо отодвинул ее.

— Туда нельзя.

— Да как же я его найду, где мне его искать, я знаю, что он в этой гостинице остановился, подумайте! — настойчиво и убежденно говорит ему Аня. — Я же из другого города.

— Ну, по стойте здесь, — сказал человек в форме, — как фамилия его, вашего мужа?

— Майер, Рудольф Иванович, — улыбается благодарно Анечка.

Солдат уходит, заперев изнутри дверь.

...Анечка в помещении полуподвального этажа гостиницы "Москва". С ней разговаривают двое — и не особо вежливо.

— Нет, девушка, здесь не вы спрашиваете, а мы. — Усатый крутит ее паспорт и, постукивая пальцем по столу, нравоучительно произносит:

— Ну вот, а сказали — жена. В вашем паспорте он не значится... Значит, так, когда вы в последний раз видели вашего так называемого мужа, а?

— Ну, перед отъездом... — уверенно отвечает Анечка.

Сотрудники переглядываются.

— Это когда? — переспрашивает усатый.

— Ну, три дня, как он уехал...

— Ждите в коридоре, — приказывает усатый. Аня выходит, садится в коридоре на стул.

Сотрудник звонит по телефону.

— Капитан Грибанов. Да. Задержали Анну Килим. Она перед отъездом, за трое суток контактировала. Ясно. Слушаюсь, товарищ полковник.

Грибанов зовет Аню из коридора, стучит пальцами по столу и говорит ей доверительно:

— Знаете что, девушка, у вашего мужа кое-какие осложнения, вам придется побыть тут у нас полчасика.

— Что с ним? — встревоженно дергается Анечка.

— Все, что будет вам нужно знать, вы узнаете в свое время. А пока просто нужно подождать. Посидите здесь, в этой комнате...

— Но я могу его увидеть? — несколько даже тупо повторяет Анечка, хотя уже ясно, что нельзя.

— Нет. Это исключено. Но уверяю вас, если вы будете слишком настойчивы, это только осложнит вашу жизнь. Вы меня поняли? — улыбаясь загадочно, сказал усатый.

Вышел, заперев за собой дверь.

...Анечка осталась одна в комнате, звонит по телефону.

— Лора Ивановна! Это я, Аня. Я приехала сегодня, не могу Рудика разыскать. Что с ним? Звонил, когда приехал? А потом он не звонил? Я из гостиницы. Меня тут задержали, сказали, чтобы ждала. Я вам по-

звоню попозже. Придем, конечно. Успенский переулок? Ну, Рудик-то знает. Да, да. Хорошо.

...Секретарша входит в кабинет к ответственному лицу в форме, Федору Васильевичу.

— Федор Васильевич, к вам эта Журкина... Ну, звонили по поводу нее. Просили принять.

Федор Васильевич кивает и просит секретаршу:

— Галь, посмотри Журкина, в каком списке...

Галя просматривает бумаги:

— Второй, Федор Васильевич.

— Хорошо, пригласи, — кивнул ответственный, и вошла строевая, бледная, с тенями под блестящими глазами Ида Журкина. Она держится твердо, открыто и с достоинством.

— Добрый день. Моя фамилия Журкина. По мужу. Мой отец, — поверьте, я никогда еще в жизни этим не козыряла, — мой отец Абрам Солжос. Вам знакома эта фамилия?

Брови у ответственного полезли вверх. Он вскочил, улыбнулся:

— Имя вашего отца не только хорошо мне известно, я прекрасно помню его. Помню его похороны. Как же, как же... На Новодевичьем кладбище... Простите, ваше имя-отчество?

— Ида Абрамовна Журкина. Я прошу вашей помощи, — без подобострастия, достойно говорит Ида, и делается как-то бледнее и красивее.

— Всё, что мы можем сделать, всё, что в наших силах, Ида Абрамовна, конечно, — искренне ответил Федор Васильевич.

— Сегодня ночью ваши сотрудники забрали моего мужа, Алексея Ивановича Журкина, — почти торжественно сообщила Ида.

— Мне известно об этом, — мягко вставил Федор Васильевич.

— Я была совершенно ошеломлена. Сначала. Я была уверена, что произошла какая-то ошибка, недоразумение...

— Ида Абрамовна! — перебивает ее Федор Васильевич, но Ида несется дальше.

— Алексея Ивановича увели, а я осталась одна, и по минутам стала перебирать нашу жизнь — мою и его.

— Ида Абрамовна, — снова прерывает ее Федор Васильевич. — Давайте нашу встречу перенесем на несколько дней. Сегодня я очень занят.

Но Иду не остановить.

— Нет, это важно! Это очень важно. Я, понимаете, не снимаю с себя ответственности, я это подчеркиваю! Не снимаю! Но вот так, пересмотрев всю нашу жизнь, я поняла, что это не ошибка!

— Ида Абрамовна, — пытается остановить ее Федор Васильевич, но это невозможно.

— Я поняла, что он, прикрываясь профессиональными интересами, по сути дела, игнорировал жизнь партии, стоял особняком и, что самое ужасное, оказался в одном стане с врагами партии. И теперь поняла, как это могло произойти, как это началось.

— Ида Абрамовна! — опять перебил ее Федор Васильевич. — Вы сейчас слишком взволнованы после бессонной ночи. Я хочу вам предложить отдохнуть несколько дней, подумать и потом уж встретиться со мной.

— Нет, Федор Васильевич, это невозможно, я просто не могу этого держать в себе. Все рассказать вам, и немедленно, — это мой прямой партийный долг.

— Хорошо, — вздохнул он и нажал кнопку.

Входит секретарша.

— Галя, постенаграфируй, пожалуйста, — просит он. Та кивает и садится за маленький столик у двери. Ида Абрамовна взволнованно продолжает свой рассказ:

— Я познакомилась с Алексеем Ивановичем Журкиным в тысяча девятьсот двадцать восьмом году. Он происходил из кулацкой семьи, но тщательно скрывал это от всех, и, конечно, я тоже этого не знала...

...По гостиничному коридору идут двое в противочумных костюмах. Третий указывает им на дверь, они входят. Анечка вскакивает. Визжит.

— Тихо, тихо. Не пугайтесь. Ничего страшного. Вам придется пройти с нами.

— В чем дело? Что происходит? Где Рудольф Иванович? — прижимая руки к груди, почти плачет Анечка. — Вы меня арестуете? За что? Да я ни в чем не виновата...

Ее ведут по коридору.

Сорин вынимает из шкафа пальто, бросает на пол рядом с письменным столом и ложится на него, скрючив ноги. Он кашляет, лицо его изменившееся, измененное... На топчане, покрытый простыней с головой, лежит мертвый Майер.

Петровские ворота, Екатерининская больница. Заснеженные решетки больничной ограды. Тощий зимний парк, заваленный снегом. Горят несколько костров. Возле костров приплясывающие люди. Въезжает машина, из нее высыпает несколько человек в противочумных костюмах, они подбегают к костру. Все контуры предметов смазаны сугробами снега,

огонь горит в некотором углублении, вытопив под собой снег.

Из двери морга выбегает замерзший парень с бутылкой в руках и кружкой.

Мужики галдят:

— Ну, что, выдали? Выдали! Ну давай тогда, грамм по сто пятьдесят для сугреву! А кто считал-то? Кружка-то есть?

Мужики сгрудились, двое сняли маски, столпились около бутылки. Стоят спинами, но ясно, что идет раздача.

Парень в противочумном костюме берет пустую бутылку, бросает в нее зажженную спичку и поднимает рукавицей над головой. Бутылка вспыхивает изнутри, парень машет ею над головой и поет частушку. Из толпы отзывается второй. Начинается пляска, мелькают нелепые противочумные костюмы, мелькают противогазы. Костер.

Соколиная Гора. Оцепленная карантинная больница. Боксы, выходящие в коридор. Две няньки везут тележку с котлом каши, нарезанными кубиками сливочного масла и большой стопкой алюминиевых мисок. Они подают кашу в окошечки боксов, шваркают сверху масло и, расплескивая, ставят стаканы с большим кофе.

Знакомые лица: члены коллегии, от председателя до Журкина, все поездные спутники Майера, горничная из гостиницы, жильцы из номеров. Старуха, укравшая унты, с аппетитом ест кашу. Вид у нее, единственной из всех, вполне довольный.

...Провинциальная больница. Звонит телефон главного врача. Он снимает трубку.

— Слушаю! — встает, изменившись в лице. — Главврач Казимов. Как? Анадурдыева? Вас понял! Ждите на проводе. — Казимов пулей вылетает из кабинета.

— Егорова! Где Егорова? Немедленно старшую сестру ко мне! — кричит он, и через мгновение вбегает тощая старуха со строгим красивым лицом.

Казимов бросается к ней.

— Елена Адриановна! Срочно! Больная Анадурдыева — что с ней?

— Больная Анадурдыева поступила в три часа ночи по скорой с почечной коликой. Ей сделали обезболивание, через два часа ей стало лучше, и она потребовала, чтобы ее отпустили. Я взяла с нее расписку. Всё с ней в порядке, Николай Хамидович.

Но Казимов уже бежит к телефонной трубке, бросив по дороге:

— Со мной!

Сестра стоит за его спиной.

— Больная Анадурдыева вышла под расписку. В котором часу?

— В шесть утра, — шепнула сестра.

— В шесть утра, — повторил Казимов. — Хорошо. Дезинфекцию сделаем. А что, собственно, с ней происходит, с этой Анадурдыевой? Ясно. Будет сделано.

Вспотевший Казимов падает на стул, вытирает лоб и обращается к Егоровой.

— Елена Адриановна! Звонили из НКВД. Требовали немедленно изолировать Анадурдыеву и сделать дезинфекцию помещения. У нее, — он поджимает губы и пристально смотрит на сестру, — инфлюэнца. Ну? Вы что-нибудь можете в этом понять?

Умная Елена Адриановна качает головой и говорит доверительно:

— И не пытаюсь.

...Федор Васильевич сидит в своем кабинете, секретарша отвечает в приемной на телефонный звонок, заглядывает в кабинет:

— Федор Васильевич! Поднимите трубочку! Казанская линия вызывает!

Федор Васильевич снял трубку. Оттуда донеслась трескотня. Федор Васильевич наливается яростью.

— Вы что там, шутки шутите? Под трибунал пойдешь! Да ты понимаешь, понимаешь, куда она ее везет? В Среднюю Азию, черт тебя дери! В Среднюю Азию! — смотрит на часы. — Даю четыре часа! Понял! Чтoб через четыре часа она была изолирована! Всё!

...Окошечко Лефортовской тюрьмы. Очередь. В основном — женщины. В руках — сумки, авоськи. От окошечка отходит радостная старуха.

Она улыбается стоящей за ней Есинской:

— Приняли! Всё приняли! Здесь он! — и отходит.

Есинскую трудно узнать. Вся ее молодость вдруг оставила ее, и она превратилась разом из привлекательной женщины в безвозрастное, суровое и бесполое существо.

Тянется к окошку.

— Посмотрите, пожалуйста: Есинский Константин Алексеевич.

— Нет. Следующий.

Есинская отходит от окошка. Старуха, которая так удачно передала свою посылку, дождавшись ее, утешает:

— Так сразу-то не найдешь. Это время должно пройти. Найдешь еще! Мы-то своего, пока разыскали, так полгода прошло, а ты хочешь — сразу!

...Коридор в больнице. На полу сидит Тоня Сорина. Возле нее на корточках — Лев Александрович Сикорский.

— Антонина Платоновна, ну что вы здесь на лестнице сидите! Пойдемте в кабинет, я соединю вас с Александром Матвеевичем. Нельзя вам здесь сидеть. Идемте.

Тоня смотрит остановившимися глазами в одну точку, не видя, казалось, ничего, но все-таки отвечает пустым голосом:

— Я его убила. Это я его убила.

— Глупости, Антонина Платоновна! Не говорите глупости! Александр Матвеевич ведет себя так, как должен себя вести настоящий врач. Это единственно возможное поведение врача. Вы понимаете?

— Я его убила, — повторяет Тоня.

— Идемте, идемте, Тонечка! Ну что же вы сидите здесь на холодном полу? — Он пытается поднять ее, но она его отталкивает:

— Уйдите все!

К Сикорскому подходит молоденькая санитарка, отводит в сторону.

— Нет, она не встанет. Мы ее уж силком хотели поднять. Дерется. Видно, немного того. — И она делает известный жест рукой.

Очередь в магазине. Старухи, женщины помоложе, один средних лет мужчина с утиным лицом.

— Он из колодца вылезал, и тут его повязали, — сообщает старуха.

— О! Где ж он колодец-то взял? У нас на Масловке ни одного колодца нет, всё колонки! — возражает ей другая.

— Да не такой колодец, а энтот, водопроводный, которых в железах, — объясняет первая.

— А, энтот, ну, другое дело, — соглашается собеседница.

— Ну вот, его взяли, и при нем — отравы, яд, значитца. И увезли. Машина прям тут же подъехала.

— Шпион, — твердо заявляет третья. — Белофинский.

— Чичас всяких много, время такое, — подтверждает еще одна, в клетчатом платке.

— И вредителей, — добавляет старуха.

— То большая разница, одно дело шпиёны, другое — вредители. Разница есть, — внушительно произносит мужчина. Его со вниманием выслушали.

— Это что! У Савеловского вокзала, в пятиэтажках, третьего, что ли, дня, ночью объявились... Такие черные, в личинах, навроде ряженных, страшны-ые, одно слово, черти... Но в машине приехали! И одного с четвертого этажа забрали. Вот так, — сообщает еще одна женщина, в платке поверх вязаной шапочки.

— Тьфу, эка невидаль, забрали, — вставляет мужчина. — Так и надо. За дело, значит. Жена моя тоже говорила, что ее подружка сама видела, как выскочили из машины все в черном, или в зеленом, не помню, и бегом, и тоже в масках все. Говорят, чума, вот что! — важно говорит мужчина.

Женщины заволновались.

— Ну уж ты сказал, чума! Это когда было-то, чтоб чума! При царе горохе!

— Холера, небось!

— О, тебе холера больно нужна!

— Не нужна, но холера бывает теперь. Сестра у меня померла от холеры.

— Да не холера, чума, говорю, — настаивает мужчина.

Неизвестно откуда взявшийся мужчина берет его за рукав и легонько тянет за собой.

— Ты чего? — удивляется мужчина.

— Отойдем на минуту, — просит тот вполне миролюбиво, но мужчина артачится.

— Не пойду, ишь, отойдем! У меня очередь тут!

Но возникает второй, покрепче, берет мужчину за плечо и просит уже вовсе не миролюбиво:

— Пройдемте, гражданин.

...В казенном месте, напротив начальника, сидит мужчина. Шапку мнет в руках. Пальто рядом, на стуле. Он в поношенном френче.

— ...В данном случае нам важен источник распространения слухов. Поэтому, гражданин Квасников, вам необходимо вспомнить фамилию этой самой подружки. Желательно поскорее, иначе нам придется послать сейчас машину за вашей супругой, Марией Ефимовной Квасниковой, — ровным голосом объясняет Квасникову начальник, и, похоже, Квасников воспринял всё правильно.

— Токарева она. Токарева Нина Николаевна, — вспомнил он.

— А работает где? — мягко спросил начальник.

— В столовой работает. В общепитовской. На Каретном, — мрачно раскололся Квасников.

— Ну вот, а говорили — не знаете. Всё вспомнили, — хвалит его начальник.

Анадурдыева идет по городу к вокзалу. На вокзальной площади — рынок. Она приостанавливается у ворот, покупает пирожок и, поискав глазами укромное место, отходит. У прилавка замечает двух туркменов, немолодых, в толстых чапанах и папахах. Они торгуют курагой и гранатами. Анадурдыева, улыбаясь, идет к ним. Встреча радостная. Мужчина постарше пожимает ей официально руку, второй, помоло-

же, улыбается приветливо. Говорят по-туркменски. Старший мужчина делает ей знак идти за ним следом и ведет в весовую. В весовой — немолодая женщина в грязном белом халате, к ней и обращается мужчина.

— Лина!

— Чего тебе, Довран? — отзывается женщина.

— Родня приехала. Ночевать пусти один ночь, — просит он.

Женщина поднимает глаза на Анадурдыеву. Но Анадурдыева и сама может за себя просить.

— Помогите, пожалуйста, я еду из Москвы, домой. Приступ случился, колика, в больницу взяли. А теперь все прошло, нет никакой болезни, домой надо. А завтра дядя мой домой едет. Мне с ним хорошо бы поехать. Одну ночь только, — улыбается она.

— Места у меня нет, я тебя к сестре отведу, рядом, хорошо? — спрашивает женщина. Анадурдыева кивает.

...Коридор районного отделения милиции. Сидит несколько женщин и мужчина. Из комнаты выходит женщина, заплаканная.

— Ну, что? — спрашивает ее сидящая на лавке.

— Заявление взял. Говорит, придите через три дня, наведем справки.

— Ой, три дня, много-то как! — посочувствовала вторая. — Но ведь, может, и хорошо. Если б бандиты убили или трамваем зарезало, сразу бы сказали.

В приемную начальника милиции входит мужчина, здоровается.

— Товарищ начальник, у меня пропала дочь, хочу заявку сделать, — хмуро говорит вошедший.

— Черт-те что! — буркнул милиционер. — Второй день идут не переставая. Ну, кто там у вас пропал?

— Дочь. Созонова Таня, двадцать один год, — сказал мужчина.

— Таня, Таня, полностью говорите, — поправил милиционер.

— Татьяна Дмитриевна Созонова, девятнадцатого года рождения, — уточнил мужчина.

— Когда пропала?

— Третьего дня с работы не вернулась. Вот с тех пор и нет, — объяснил мужчина.

— На работу звонил? — спросил милиционер.

— Обязательно. Нет ее там, по телефону говорят, — нет.

— Работает где?

— В гостинице “Москва”, горничной.

Милиционер хмыкает.

— Интересное место это, гостиница “Москва”. Люди пропадают. Слушай, а дочка твоя, — может, она с кавалером куда закатилась, а ты ее ищешь? Может, ее в другом месте искать надо, а? — подозрительно вопрошает милиционер.

— Нет, она девушка у меня хорошая. Мать шесть лет как померла, живем вдвоем. Она у меня не балуется. Да и нет у нее кавалеров, — вздыхает отец.

— Ну ладно, пиши вот тут заявление, — приказывает милиционер и указывает на стул. Подходит к двери и спрашивает:

— Ну, есть кто на прием?

Вошла заплаканная женщина. Губы ее прыгали, и вид был такой, будто плакала она вторую неделю.

— Садитесь, гражданка, — предложил милиционер, но она стояла. — Ну, что у вас там, — спросил он усталым голосом.

— Муж пропал, — сказала женщина, и слезы потекли по щеке.

— Н-да, — сказал милиционер. — За последние два дня четвертый случай. — Да вы садитесь. И не волнуйтесь. Мужья, они чаще всего находятся...

...В коридоре милиции — новая пара посетителей прибавилась к прежним. Пожилая женщина и молодая, беременная. Обе встревожены.

...Есинская стоит в очереди к окошечку. Это Таганская тюрьма. Перед ней — человек десять, позади — хвост. Озабоченные женщины с узелкам, с сумками. Есинская в толстом платке, совсем слилась с толпой, следа не осталось от бывшей красавицы.

...Курилка в мединституте. Молодые врачи, студенты старшего курса. Курят.

— Ясно, что особо опасная...

— Ты что, в двадцатом веке, в Москве? Зимой?

— Между прочим, есть такие эпидемии, которые именно зимой... Чума, например, чумные возбудители при высокой температуре гибнут. Как раз зимой эпидемии сильнее...

— Да откуда чума, болтовня какая-то...

— Две больницы в карантине — Екатерининская и Соколиная Гора...

— А Екатерининская при чем? Ну, Соколинка, понятно, она инфекционная...

— Откуда, откуда? Вредительство, вот откуда! По секрету могу сказать, что Григорьева забрали!

— Тише!

— Ты что?

— А кто такой Григорьев?

— Ты что? Это главный инфекционист наш...

А чуть поодаль, у стены, двое делятся какими-то сообщениями интимного характера:

— Ну, я тогда ей говорю, пожалуйста, здесь вам будет удобнее. И так смотрю, там точно удобнее: кушетка, то-сё...

...Запечатанное снаружи приемное отделение Екатерининской больницы. Рука в резиновой перчатке снимает с двери бумагу с печатью. Трое в противочумных костюмах входят в приемный покой. Один из троих выше других ростом, высокий, крупный — это патологоанатом Гольдин, но лица его не видно под маской. Двое других следуют за ним, вкатывают в помещение секционный стол для вскрытий. Оглядываются. В раковине — посуда. На столе — горка пустых ампул, письмо, на котором написано “Товарищу Сталину”, и второе, начатое, из которого видны только два слова: “Дорогая Тонечка!..” Рядом со столом на полу, уткнувшись лицом в пальто, лежит доктор Сорин. Он мертв.

— В прозекторскую везем? — спрашивает один.

— Нет, конечно. Вскрытия будут проводится здесь.

Стол приготовьте.

Гольдин открывает чемоданчик с инструментами:

— В сестринской есть еще один нормальный стол?

Один из сопровождающих выходит. Возвращается:

— Такой же.

Стол накрывают рулонной бумагой, двое в противочумных костюмах перекадывают тело Сорина на стол. Тело Майера остается лежать на кушетке.

— Где третий?

— В сестринской.

— На носилки и сюда.

Гольдин начинает свою страшную работу: срезает с тела Сорина одежду, затем проводит скальпелем вдоль грудины...

... Через несколько часов Гольдин и его ассистенты выходят из приемного отделения в предбанник, где их встречают сестра и санитар. Их начинают раздевать, снимая поочередно фартуки, перчатки, маски и опускающая всё это в раствор. Процедура длительная, тщательная. Наконец, Гольдин выходит в коридор, где его встречает врач из наркомата, который держит в руках бумаги. Это диагнозы, которые Гольдин должен подписать.

— Ну как, Илья Михайлович? — спрашивает наркоматский врач.

— Классическая картина легочной чумы. Абсолютная летальность. Форма молниеносная. Что довольно нехарактерно для нашей ситуации. Обычно такие формы появляются в разгар эпидемии.

— Пожалуйста, здесь, — сунул врач бумаги Гольдину на подпись. Гольдин черкнул. От стены отделились двое скромных людей и пошли за Гольдиным по коридору. Когда Гольдин проходил мимо двери с надписью "Перевязочная", один из скромных заскочил вперед, открыл дверь, а второй ловким движением плеча вдавил Гольдина в полуоткрытую дверь. И тут же ее запер.

Мгновенное недоумение на лице Гольдина.

— Откройте! — Он грохнул кулаком в дверь. — Откройте, черт подери!

Разъяренный Гольдин двинул по двери ногой, дверь дрогнула. Он отошел к окну — заснеженные деревья близко придвинулись к стеклу. В эту минуту дверь приоткрылась, чья-то рука просунула стакан чаю. Гольдин обернулся — и засмеялся.

— Ну, сволочи!

Взял стакан, поставил его на стол и, подойдя к двери, сказал:

— Эй, кто там есть? Откройте дверь!

И неожиданно раздается голос:

— Есть распоряжение вас изолировать.

— Понятно, — ответил Гольдин. — Понятно. Имейте в виду, я сейчас буду выбивать дверь, так что отойдите немного.

Гольдин подобрал в шкафчике какой-то инструмент, которым поддел дверной замок.

А Тоня Сорина все еще сидит на лестнице. Возле нее медсестра, ее приятельница.

— Тонь, да ты съешь что-нибудь. Тонь, ну чего сидеть? Идем, уложу тебя, укольчик сделаю — и уснешь. Поспишь немного, а, Тонь?

Окаменевшая Тоня молчит.

Летучка у Высокого Лица. Докладывает Федор Васильевич, ответственный.

— Таким образом, за трое суток было задержано по намеченной операции ООИ восемьдесят три человека: тринадцать по поезду, тридцать восемь по гостинице и сорок два — по коллегии...

— Всех задержали? — спросило Высокое Лицо.

— Одну женщину еще не нашли.

— Я считал, что вы лучше работаете, — заметило Высокое Лицо. — Плохая работа нам не нужна.

Звонят телефоны, крутятся ручки, отстукивают буквы пишущие машинки. Взлетают самолеты, люди работают, работают. На столе — гора фотографий. Это увеличенная до больших размеров фотография с угол-

ком с какого-то документа. Анадурдыева. Ее портреты раздают, раскладывают по служебным столам.

...Медсестра подходит к Сикорскому и что-то шепчет ему на ухо.

— Что?! — изумляется Сикорский. — Не может быть!

Сикорский бежит по коридору. Двое стоят у двери, ожидая, по-видимому, пока дверь грохнется к ним в руки. Раздаются удары, скрежет.

— Что здесь происходит? — гаркнул Сикорский на стражей у двери.

— Спецраспоряжение, — вяло ответил один из стражников.

— Какое еще спецраспоряжение?! — взорвался Сикорский.

— Звоните в управление, — сказал один.

— Отойдите от двери! Где ключи? — приказал Сикорский.

— Мы вам не подчиняемся! — сказал страж.

— Здесь я хозяин! Я! — заорал Сикорский. — Извольте отойти от двери!

Двое, потоптавшись, отошли. Дверь, качнувшись, стала падать на Сикорского, он придержал ее.

— Илья Михайлович! Дорогой! Извините, бога ради! Не знал, что здесь такое безобразие! Прошу вас! Прошу! — Сикорский прислонил выбитую дверь к стене, взял Гольдина под руку и повел к себе в кабинет.

В кабинете.

— За эти трое суток, Илья Михайлович, люди показали себя чрезвычайно разнообразно... Да, разнообразно... но персонал хороший...

— Вы разрешите мне соединиться с наркомом? — спросил Гольдин.

— Пожалуйста, пожалуйста! — Сикорский указывает на телефон. Гольдин набирает номер.

— Здравствуйте, Яков Степанович. Я сделал три вскрытия. Диагноз подтвержден. Микробиологический анализ будет готов через несколько часов. Яков Степанович! После вскрытия меня задержали и пытались посадить в карантин. Разве слово наркома здравоохранения ничего не стоит?

...Нарком смущен:

— Поверьте, Илья Михайлович, это не мое распоряжение. Это ко мне не имеет ни малейшего отношения. Видите ли, проблемы соблюдения карантинных мер мы поручили другой организации...

На столе секретарши наркома звонит телефон, она влетает в кабинет наркома и делает ему знак, чтоб он срочно взял другую трубку.

— Простите, Илья Михайлович, одну минуту! — Нарком берет трубку.

— Так. Так. Ну, ну. Хорошо. Ждите. — И нарком снова говорит с Гольдиным.

— Илья Михайлович! Мне звонят из Первой Градской. Там больной скончался час назад. Подозревают чуму. Клиническая картина неопределенная. Я очень прошу вас, произведите еще одно вскрытие. К сожалению, если чума подтвердится, придется закрывать и Первую Градскую... Машину высылаю.

...Два сотрудника НКВД, один туркмен, другой русский, у дувала глинобитного дома. Входят. Навстречу выходит милая, почти взрослая девушка. Туркмен спрашивает ее о матери. Девушка качает головой.

— Мать в Москве, — отвечает она по-туркменски.

Туркмен переводит русскому: “Не приехала еще”.

— Спроси, когда приедет? — попросил русский.

Но девушка прекрасно понимает по-русски.

— Сегодня-завтра, скоро приедет. Мы ждем ее, — отвечает она.

Мужчины выходят.

— Я поеду на станцию, свяжусь с Ашхабадом, а ты, Фазил, оставайся здесь. Пост установи. Как приедет — немедленно на станцию, звонить. Машину я вышлю. Через сутки смену пришлю. Раньше не жди, — разъяснил русский, старший по чину, положение своему подчиненному.

— Петр Борисыч, может, я у них в доме поселюсь? У нас никто не удивится. Гость из города, — предложил туркмен.

— Нет, Фазил, не надо. Лучше пост установи. Она приедет, испугается, уйдет в бега, будем с тобой по пустыням бегать, бабу искать...

...Гольдин в кабинете главврача Первой Градской. Он крайне раздражен.

— Чума?! Какая чума?! Кому это пришло в голову?! Типичный послеоперационный сепсис, он и дает пятна. Ну, и точечная геморрагическая сыпь... Руки надо хирургам лучше мыть и инструменты стерилизовать, будет патологоанатомам меньше работы. В середине двадцатого века сепсис, извините, это медицинский брак! — раздраженно говорит Гольдин.

Главврач нервно барабанит пальцами по столу и хмурится.

...Заседание у наркома. Выступает инфекционист.

— Сегодня начались пятые сутки карантина. Если через восемнадцать часов среди изолированных не бу-

дет обнаружено признаков заболевания, мы можем считать, что опасность эпидемии миновала.

Нарком задает вопрос:

— А мне поступил звонок, что в Первой Градской больнице еще один случай. Вы ничего не знаете? Вас не информировали?

— Нет, нет! Не подтвердился. Больной умер от двусторонней пневмонии. Уже вскрытие проведено... — растерянно говорит инфекционист.

— Ну, ну, — хмурит брови нарком.

...Настя подает обед. Гольдин входит в столовую. Жена смотрит на него внимательно:

— Илья, на тебе нет лица, — качает головой.

— Старею, Соня, — он ухмыльнулся, — не сплю вторые сутки и падаю с ног. Должен тебе сказать, что раньше я-таки был крепче.

— Скажите, пожалуйста, а мне казалось, что ты еще хоть куда! — усмехнулась Софья Исаковна.

Звонит телефон, она встает и выходит ответить. Гольдин вслед ей говорит тихо:

— Соня, ты меня не зови.

Он сидит в кресле. Глаза полузакрыты. Рука с зажатой в ней ложкой опускается рядом с тарелкой. Двухдневная щетина на лице.

В коридоре Софья Исаковна отстает мужа:

— Нет, нет, об этом не может быть речи. Он двое суток работал, он только что пришел и сейчас спит. Нет, я не буду его будить. Как хотите. Но хотя бы через три часа!

Разгневанная Софья Исаковна вошла в столовую со словами:

— Нет, ты только подумай! — увидела, что муж заснул за столом, и покачала головой.

...Федору Васильевичу докладывают по радиосвязи:

— Нет, нет, пока не обнаружена. На железной дороге ее нет.

— Что значит — нет?

— Гарантирую. Нет. Я лично прошел оба состава, на которые она могла сесть. Каждому пассажиру в глаза заглядывал. Нет ее на поезде.

— Так. А в Раздольске?

— После выхода из больницы в гостиницу местную она не заходила. На вокзале не была. Ее видели на базаре последний раз. И всё. Как сквозь землю провалилась.

— А что в ауле?

— Нету. Не вернулась из Москвы, говорят.

Помрачневший Федор Васильевич, хлопнув ребром ладони по столу, сказал:

— Ты, Бородачев, помни одно: если мы ее из-под земли не выгтащим, это наше дело — последнее. Понял?

Федор Васильевич уронил голову на руки, потом вздохнул, еще раз глубоко вздохнул и начал хватать воздух ртом. Откинулся на спинку стула, схватился двумя руками за левое плечо...

В тесной кухоньке сидят Анадурдыева, хозяйка дома, двое мужчин... Застолье трогательное: квашеная капуста, соленые огурцы, картошка, гранаты, курага, сушеное мясо, туркменские лепешки.

— Я в России год жила, училась в институте, но потом бросила. Замуж выдали меня. В Москве четыре раза была. Всё там знаю. Кремль знаю, Мавзолей... — продолжает разговор Анадурдыева.

— А я — ни разу не была, вот дура, ехать-то чуть больше суток, всё не соберусь, — позавидовала хозяйка.

— Сына пошлю учиться в Москву, пусть ученым будет, — сказала гостья.

— А сколько у тебя ребят? — поинтересовалась хозяйка.

— Шесть уже, — улыбнулась гостья.

— Ой, на кого же ты их оставила дома-то? — удивилась хозяйка.

— Мама есть, дочь большая есть, — ответила Анадурдыева.

— Сколько дочери-то?

— Двенадцать.

— Ну надо же! У меня двое, а я домой с работы несусь сломя голову, думаю, натворили бог знает что! А ты такая спокойная — шестерых оставляешь! На двенадцатилетнюю! — удивилась хозяйка.

— Не всех. Маленького с собой взяла. — И Анадурдыева сложила руки на животе.

Морг. Сторож в противочумном костюме. Гольдин выходит из прозекторской. С Гольдина снимают противочумный костюм. Он моется, вытирает руки. Набирает номер телефона.

— Да, Гольдин. Прошу передать наркому, что это была обычная пневмония. Никаких признаков...

Звонят телефоны, бегут люди с бумагами с этажа на этаж. Перед Высоким Лицом склоняется его референт:

— Ваше задание выполнено. Новых больных нет. Можно доложить Генеральному Секретарю, что эпидемия предотвращена. Карантин можно снимать.

Высокое Лицо кивает:

— Снимайте!

...Распахиваются ворота больницы на Соколиной Горе. Десятки людей высыпают за ворота. Солнечный

день. Из ворот выходят пассажиры поезда. Не узнав друг друга в толпе, в разные стороны расходятся старуха в унтах, Людмила Игнатьевна, Скособоченный и Гусятник. Идут члены коллегии. Григорьев разговаривает с Есинским. Есинский говорит ему:

— Понимаете... Меня взяли с Московского вокзала, в Ленинграде. Боюсь, что жена моя бог знает что подумала.

— А меня из дома забрали. Но... Тоже подумала, наверное.

Идут горничные из гостиницы, жильцы гостиницы, люди незнакомые между собой и знакомые...

...У ворот больницы стоит одинокий воронок. Мы уже перестали испытывать неприятное чувство при виде этих мрачных машин. Но... двое выходят из воронка, врезаются в толпу и оттесняют человека в пальто с барашковым воротником.

— Алексей Иванович Журкин?

— Я вас слушаю, — спокойно отвечает Журкин.

— Будьте добры, — ласково приглашает Журкина сотрудник, — мы хотели бы с вами побеседовать...

Толпа как-то рассеивается вокруг Журкина, и он по опустевшему вдруг проходу идет к машине в сопровождении двоих...

...Время поцелуев, встреч. Нашлась пропавшая дочка, Есинский гладит поседевшую голову жены, Анечка выходит из ворот, навстречу ей бежит Лора Ивановна Майер, и они, обнявшись, плачут... Рудик! Рудик! Григорьевы целуются. Множество радостных лиц.

Все герои этой истории, знакомые и незнакомые, вместе выходят из ворот больницы. Бодрая советская музыка — широка страна моя родная! И все прочее...

У Коссея дома. В кресле сидит жена Коссея. Перед ней лежит на столе портрет сына. Рукой она закрывает лицо.

— Сережа? Я думала, что ты тоже не вернешься. Что это было, Сережа? — Впервые внимательно и сосредоточенно смотрят ее глаза.

— Дина, это была чума. Всего лишь чума! — улыбувшись и взяв сухую руку жены в свои ладони, ответил Коссель.

— Просто чума? — переспрашивает Дина.

Он кивает.

— А я-то думала...

...Марш набрал полную силу. И день такой прекрасный, солнечный. Праздничный. И правда ведь — праздник. Из храма в Брюсовом переулке выходят старухи, поздравляя друг друга.

— С праздником!

— С Рождеством Христовым!

Из распахнутых дверей храма слышится: “Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия миру свет разума...”

Все перекрывает славный, бодрый марш.

КОНЕЦ

ЭПИЛОГ

Чтение как подвиг: интеллигенция и неподцензурная литература

Вопрос, что такое русская интеллигенция и какое ей можно дать определение, кажется, существует дольше, чем сама эта интеллигенция. И не перестает занимать умы. Несколько лет тому назад меня вызвали к умирающей подруге на Кипр. Она была процветающим юристом-международником, обслуживала многих известных богачей, писала к тому же стихи, и вообще — Царствие Небесное! Я прилетела с пятью пересадками, вошла в палату, она всех выставила, потому что ей надо было задать мне важный вопрос. Я просто затрепетала... о чем? О делёжке наследства? О месте захоронения? О каких-то особых посмертных поручениях? Все вышли, и она спросила у меня: Люсь, как ты думаешь, что такое интеллигенция? Я была ошарашена, но ответила: пожалуй, интеллигенция — это образованные люди, деятельность которых не мотивируется корыстью...

Она покачала головой: нет... В ту же ночь умерла... оставив меня в недоумении — почему в последний час жизни ей был важен ответ на этот вопрос.

Я не отвечаю, но попытаюсь. Характеристики этого исчезающего вида расплывчаты: интеллигенты бывали либералами и консерваторами, с устремлением к Европе и тягой на Восток, верующие и атеисты, трудоголики и бездельники, всегда — гуманистами, и всех их мы встречаем на страницах нашей великой классической... Одна из самых общих черт интеллигентного человека, как мне представляется, это его насущная потребность в чтении. Характер чтения определялся временем, местом и личными склонностями. Несколько лет тому назад я прочитала письма и дневники моего деда с 1911 до 1937 года, там были и постоянные записи о прочитанных книгах, и списки книг, которые надо прочитать немедленно, в этом месяце и в этом году. И это заставило меня вспомнить о моем собственном чтении, начавшемся полвека спустя, уже после смерти деда.

У каждого поколения есть свои определенные черты. Я принадлежу к поколению, которое задним числом назвали поколением бэби-бумеров, — 1943–1963 годов рождения. Этот термин придумали в 1991 году, когда вообще разглядели эту проблему. До этого времени, от самой седой древности, со времен Сократа, который, кажется, первым пожаловался на невежество молодого поколения, старики жаловались на молодежь. На папирусе, на бумаге, даже на глиняных табличках есть эти жалобы. То есть в глазах старшего поколения новые всегда по своим качествам уступают старикам.

В обобщениях всегда есть большое удобство и еще большая приблизительность. Обычно поколению бэби-бумеров приписывались следующие свойства: заинтересованность в личном росте, коллективизм, командный дух и прочее. Все эти определения придуманы западными исследователями для западной молодежи. Для российской молодежи того времени, по крайней мере, той маргинальной ее части, которой я принадлежала, основной ценностью было чтение. Именно так — не книги, а само чтение. Страстное, напряженное, умное и трудное чтение. К тому же и опасное, потому что за чтение могли выгнать из института, с работы, даже посадить в тюрьму. Чтение было связано с риском, требовало смелости и, уж во всяком случае, преодоления страха.

Когда я обдумывала эту тему, я набрела на замечательную статью Аверинцева в сборнике, посвященном памяти Мандельштама. Называлась она “Страх как инициация — одна тематическая константа поэзии Мандельштама”. Там приведена цитата из “Египетской марки” Мандельштама: “Страх берет меня за руку и ведет... Я люблю, я уважаю страх. Чуть не сказал: «С ним мне не страшно!» Математики должны были построить для страха шатер, потому что он координата времени и пространства: они, как скатанный войлок в киргизской кибитке, участвуют в нем. Страх распрягает лошадей, когда нужно ехать, и посылает нам сны с беспричинно низкими потолками”.

Я ахнула, когда прочитала эту фразу: мы прежде не догадывались, что у Мандельштама страх был так тесно связан с его творчеством. И тень этого страха легла и на нас, читателей советского времени. Но,

правду сказать, наше чтение тоже было творчеством своего рода. И связано это было с тем, что мы жили в мире, где некоторая неопределенная часть книг считалась запрещенными. И чтение таких книг каралось законом. Существовала статья 190 Уголовного кодекса, позже статья 70, в соответствии с которыми можно было получить от трех до семи лет тюремного срока за хранение и распространение антисоветской литературы. Из этого следовало, что была литература разрешенная и запрещенная.

Никто из моих знакомых никогда не видел списков запрещенных книг. Если такие списки и существовали, то хранились где-то в столах гбэшного начальства. Прошло много лет, прежде чем пришло понимание этой границы — разрешенного и запрещенного. Это был старинный российский вопрос, и мы были не первым поколением, которое с ним столкнулось. А были ли разрешены эпиграммы Пушкина, ходившие по рукам в начале XIX века? Лицейские шалости, матерные вирши, “Гавриилиада”, в конце концов? Они были неподцензурными... Российская цензура всегда хорошо работала. Достаточно вспомнить историю Чаадаева с его “Философическими письмами”, за которые он был объявлен сумасшедшим в те года, когда термин “карательная психиатрия” еще не был изобретен. А история Радищева, издавшего свое “Путешествие из Петербурга в Москву” в 1790 году и получившего смертный приговор за это сочинение? Милосердием Екатерины Второй этот приговор заменили десятилетней ссылкой в монастырь, но книга эта была впервые напечатана в 1905 году, после первой русской революции, спустя сто с лишним лет после ее написания. До той поры книга Радищева ходила “в списках”. Специа-

листы считают, что таких списков было около сотни. Александр Сергеевич Пушкин читал и комментировал купленный им для личной библиотеки экземпляр, который прежде хранился в Тайной канцелярии... Сегодня в музеях можно найти и списки книги Радищева, который отпечатал ее в собственной типографии в количестве двадцати экземпляров, и списки эпиграмм Пушкина, остроумных, “неполиткорректных”, как мы сейчас сказали бы... то, что ходило по рукам. Это был самиздат, господа! Кажется, Россия родина не только слонов, но и самиздата...

Многие книги, которые попадали в руки во времена нашей молодости, надо было быстро прочитать, вернуть хозяину или передать товарищу, но чужим не показывать. Вообще, почти любая книга — ценность, и это доказывали также огромные очереди, которые выстраивались, когда объявляли подписку на невинных классиков. Впрочем, так ли они невинны? И Толстой, и Достоевский, и Лесков имели неприятности с цензурой и при жизни, и даже после смерти. История российской цензуры уже написана, и она чрезвычайно интересна. Непрерывная логическая нить приводит нас к позднесоветскому времени, когда для моего поколения (шестидесятые–восьмидесятые годы прошлого века) начался период “большого чтения”.

Историю каждого человека можно описать разными способами: через его генетику, то есть унаследованные им от родителей свойства и черты, через образование — где, чему и сколько человек учился, через общение — с кем общался, дружил, соседствовал, а можно и через последовательность прочитанных книг. Попытаюсь восстановить свою...

Как это ни смешно, даже мои первые детские книги, скорее всего, не находящиеся в списке запрещенных, тем не менее были давно уже изъяты из библиотек, содержались в спецхране и выдавались по специальному разрешению. И, уж во всяком случае, не переиздавались. Это были книги из книжного шкафа моей бабушки Елены Марковны, которая успела закончить гимназию в 1917 году и сохранила девчачьи романы Чарской, чудесную книгу Луизы Олкотт “Маленькие женщины” — и они же, ставшие взрослыми; там же была и книжка о маленьких японцах и маленьких голландцах и подшивка журнала “Задушевное слово”. В этом же шкафу я нашла и первую настоящую книгу “Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский” неизвестного мне автора Мигеля де Сервантеса Сааведры, академическое издание... Другой книжный шкаф, который пополнил мое образование немного позже, принадлежал второй бабушке, Марии Петровне. Он был поинтереснее и поопаснее, но до него еще надо было дорасти: “Камень” Мандельштама и “Четки” Ахматовой, “Котик Летаев” Андрея Белого, “Образы Италии” Муратова и “Толкование сновидений” Фрейда, даже, прости господи, томик Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” с насмешливыми пометками покойного деда. Кстати, там же я нашла книжку, которая у меня сейчас хранится дома (кое-какие документы бабушки и дедушки я отдала в архив, а эту не отдала), — “Восстание ангелов” Анатоля Франса. Это одна из моих семейных драгоценностей, и имеет она очень странный вид: в самодельном переплете, который короче, чем формат страниц, так что страницы вылезают снизу из-под переплета приблизительно на палец. На последней странице написано: “Этот переплет я сделал из краденой папки, старых носков и хле-

ба в самые тяжелые дни пребывания моего в камере № 3 в Сталинградской тюрьме”. Дальше дата — март 1934 года. И подпись моего деда.

В шкафу бабушки Маруси обнаружилась и русская Библия, интерес к которой проснулся у меня позже. Это была домашняя книга, читаная, даже зачитанная, с подчеркиваниями. Была и вторая Библия, у прадеда с материнской стороны, на иврите с параллельным переводом на русский язык. Но это была Тора, без Нового завета. Еще одна семейная драгоценность.

Библия в годы моего детства была книгой редкой, после революции издавалась она только в издательстве Патриархии, можно сказать, для служебного пользования, как какая-нибудь внутренняя инструкция ЦК или КГБ. Купить ту Библию было почти невозможно. Но я прекрасно помню Евангелие, переписанное церковной старушкой от руки, как в догугтенбергские времена. Самиздат, между прочим!

Первое Евангелие, которое я купила в подарок моей подруге году в 1960-м, было приобретено у таможенника, который конфисковал эти издания в аэропорту, когда их пытались ввезти в нашу слабо евангелизированную иностранные миссионеры. Свою благотворительную миссию они таким образом выполняли, и таможенники участвовали в этом процессе. С таможенником свела меня красавица, живущая в нашем дворе. Она была валютная проститутка, но слов таких мы еще не знали. Евангелие было новенькое, изданное на русском языке бельгийским издательством “Жизнь с Богом”, стоило 25 рублей. Моя университетская стипендия составляла 35 рублей. Это для размерности суммы — Евангелие было дорогой книгой. Таможенник неплохо зарабатывал, но покупатели не были в претензии.

Моими воспитателями были два шкафа моих бабушек и еще один, третий, в квартире моей подруги-одноклассницы Лары. Интеллигентная русско-еврейская семья из Тбилиси, шкаф большой. Все книги стояли корешком вперед, а некоторые — позади, припрятанные. Оттуда мы с Ларочкой однажды вытащили две книжки. Одна была “Декамерон” с иллюстрациями. Я узнала тогда, что такое гульфик, и, кажется, именно тогда проявила к нему интерес. Книжка была очень увлекательной, мы ее долго разглядывали. Прочитали, но она не показалась нам особенно смешной. Наверное, только современники могли здорово смеяться над этими довольно тривиальными историями.

Вторая книжка был сборник стихотворений Бориса Пастернака, “Избранное” 1934 года издания. Там было стихотворение, которое я не могу не привести — оно было чрезвычайно важно для меня. Думаю, что оно важно для всех — там есть важная формула взаимоотношений человека с поэзией:

Так начинают. Года в два
От мамки рвутся в тьму мелодий,
Щебечут, свищут — а слова
Являются о третьем годе.
Так начинают понимать.
И в шуме пущенной турбины
Мерещится, что мать — не мать,
Что ты — не ты, что дом — чужбина.
Что делать страшной красоте,
Присевшей на скамью сирени,
Когда и впрямь не красть детей?
Так возникают подозренья.
Так зреют страхи. Как он даст
Звезде превысить досяганье,

- Когда он — Фауст, когда — фантаст?
• Так начинаются цыгане.
Так открываются, паря
Поверх плетней, где быть домам бы,
Внезапные, как вздох, моря.
Так будут начинаться ямбы.
Так ночи летние, ничком
Упав в овсы с мольбой: исполнься,
Грозят заре твоим зрачком,
Так затевают ссоры с солнцем.
Так начинают жить стихом.

Для девочки 12–13 лет текст вполне невнятный, но тем не менее с этого момента или около него началась моя жизнь с поэзией. К этому времени в школе мы уже прошли стихи Пушкина и Лермонтова — про крестьянина, который торжествует, и про белый парус... Может, это и странно, что для меня чтение началось с поэзии. А может, не так уж и странно: заложенное в человеке стремление ритмизировать и рифмизировать текст связано с его глубинным свойством — постоянной борьбой в его душе хаоса и космоса, бессруктурности и порядка. Потребность в поэтическом слове живет в человеке с древности. С какого именно времени — проверить невозможно, но доказательство тому — древние колдовские заговоры, шаманские действия, молитвы и народные песни...

Пути моего чтения прихотливы, на них печать случайности, но случайности эти все-таки я выбирала сама. Отношения с писателями складывались по законам любовного романа: первое прикосновение, жар и пыл, потом либо охлаждение, либо пожизненная любовная связь, со взлетами и падениями. Классе

в пятом-шестом, уже после поэтической прививки, полученной от Пастернака, произошел роман с О. Генри. Тронули меня лаконизм рассказов и элегантность финала. На каждой странице коричневого лохматого томика (до сих пор жив!) засохшие капли супа и компота. Наизусть. И вовсе не Чехов. Нисколько не Чехов! А потом начинался Толстой. “Хаджи Мурат”. На всю жизнь. Но нисколько не Достоевский. И не Диккенс, а Томас Манн... Продолжается Пастернак, появляется Мандельштам.

В год окончания школы — 1960-й — меняется ландшафт, у меня появляется новая подруга, Наталья Горбаневская. Настоящий живой поэт. В те времена Наташа издавала свои стихи сама. Поэт Николай Глазков еще в сороковых годах запустил термин “самсебяиздат”, но к тому времени мы уже знали, что это называется “самиздат”. — Наташа делала маленькие сборники, печатала их на папиросной бумаге, поэтому, наверное, ей удавалось печатать по семь экземпляров. Очень красиво и элегантно их брошпоровала. Книжечки были тоненькие. Все эти книжечки я передала лет пятнадцать тому назад в архив “Мемориала” — они ездят по всему миру с выставками, посвященными тому времени.

Таким образом, первый настоящий самиздат, с которым я встретилась, — книги Натальи Горбаневской. Три года тому назад я ехала в электричке из Шереметьево домой, откуда-то прилетевши из-за границы, бросила взгляд за окно — там было дивно прекрасно: только что выпавший снег, согнувшиеся в три погибели березы, а ехала я из жарких стран, где никакого снега нет. Глаз очень радовался. Всякий раз, когда у меня радуется глаз красоте природы, я вспо-

минаю, как мантру, одно стихотворение Наташи Горбаневской:

Я в лампу долью керосина.
Земля моя, как ты красива,
в мерцающих высях вися,
плетомая мною корзина,
в корзине Вселенная вся.

Земля моя, как ты красива,
как та, что стоит у залива,
отдавшая прутья свои,
почти что безумная ива
из тысячелетней любви.

Земля моя, свет мой и сила,
судьба моя, как ты красива,
звезда моя, как ты темна,
туманное имя Россия
твое я носить рождена.

Когда я приехала домой, все еще бормоча про себя это стихотворение, мне позвонили и сказали, что Наташа умерла. И совершенно нерасторжимым образом слилось для меня это стихотворение и сообщение о ее смерти, и это чувство красоты ее жизни — “судьба моя, как ты красива”.

Благодаря Наташе я очень рано познакомилась с питерской поэзией начала шестидесятых годов. В те годы еще было неизвестно, какой из четверых молодых питерских поэтов совершит своего рода поэтическую революцию: Рейн, Найман, Бобьшев или Бродский. Первой это поняла Анна Андреевна Ахматова. Хотя надо сказать, что и остальные трое облада-

ют большими дарованиями. Но масштаб! Первые стихотворения Бродского пришли от Наташи.

Вот стихотворение раннего Бродского, написанное уже в 1969 году. Я не могу отказать себе в удовольствии его привести, тем более что сегодня, когда я пишу этот текст, на дворе как раз второе января, вторник... И тысячелетие уже не то, о котором помнил Пастернак...

Так долго вместе прожили, что вновь
второе января пришлось на вторник,
что удивленно поднятая бровь,
как со стекла автомобиля — дворник,
с лица стоняла смутную печаль,
незамутненной оставляя даль.

Так долго вместе прожили, что снег
коль выпадет, то думалось — навеки,
что, дабы не зажмуривать ей век,
я прикрывал ладонью их, и веки,
не веря, что их пробуют спасти,
метались там, как бабочки в горсти.

Так чужды были всякой новизне,
что тесные объятия во сне
бесчестили любой психоанализ;
что губы, припадавшие к плечу,
с моими, задувавшими свечу,
не видя дел иных, соединялись.

Так долго вместе прожили, что роз
семейство на обшарпанных обоях
сменилось целой рощею берез,

- и деньги появились у обоих,
и тридцать дней над морем, языкат,
грозил пожаром Турции закат.

Так долго вместе прожили без книг,
без мебели, без утвари, на старом
диванчике, что прежде чем возник
был треугольник перпендикуляром,
восставленным знакомыми стоймя
над слившимися точками двумя.

Так долго вместе прожили мы с ней,
что сделали из собственных теней
мы дверь себе — работаешь ли, спишь ли,
но створки не распахивались врозь,
и мы прошли их, видимо, насквозь
и черным ходом в будущее вышли.

Прошло около шестидесяти лет с тех пор, как я начала свое опасное чтение, и я могу с уверенностью сказать, что, с шестидесятих годов начиная, была выстроена целая индустрия подпольного чтения. Существовали три принципиально разных источника.

1. Дореволюционные и довоенные книги, которые оказались под запретом. Это главным образом “религиозка”: Василий Розанов, Бердяев, Флоренский, Владимир Соловьев. Русский литературный авангард начала века пришел позднее.
2. Написанные в России, не изданные официально или уничтоженные после издания, изготовленные одним из домашних способов — фотокопированием, перепечаткой на машинке,

в редких (и более поздних) случаях — всерокопированием: начиная от Василия Гроссмана до Солженицына, Шаламова, Евгении Гинзбург, Надежды Мандельштам, Венички Ерофеева.

3. Привезенные или присланные из-за границы издания на русском языке. Кроме уже упомянутого издательства “Жизнь с Богом”, к нам попадали через приезжих иностранцев и дипломатов книги на русском языке, изданные в ИМКА-пресс, РСХД, наконец, в издательстве “Ардис”. Это был первый “тамиздат”.

Для меня лично самиздат начинался как поэтический. Кроме перепечатанных на машинке стихотворений Цветаевой, Гумилева, Ахматовой и Мандельштама, существовали и поэтические самиздатские журналы: “Синтаксис”, собранный Александром Гинзбургом, несколько ленинградских поэтических журналов. Но главное, что необходимо понять, — самиздат был чрезвычайно разнообразен, и он не исчерпывался поэзией. Кроме поэтического и уже упомянутого религиозного, существовал самый опасный вид самиздата — политический. Он был ошеломляющий по воздействию: это в первую очередь Оруэлл с его “Скотской фермой” (более известной как “Скотный двор”) и романом “1984”, и некоторое количество чисто политических исследований, не поднимающихся на такой высокий художественный уровень, — “Технология власти” Авторханова, “Большой террор” Конквеста, “Новый класс” Джиласа... Существовал самиздат художественный переводной, научный, националистический, неомарксистский и даже музыкальный.

Мы читали днями и ночами, читали годами и росли вместе с чтением. Репрессии за изготовление самиз-

дата ужесточались, редко какое регулярное издание выдерживало больше трех номеров; редакторов, составителей и машинисток ловили и сажали. В 1965 году прошел процесс над Синявским и Даниэлем, опубликовавшими свои книги за рубежом, и после этого процесса посажены были десятки людей. Кстати, посадили и Александра Гинзбурга, составившего “Белую книгу”, посвященную именно этому процессу над двумя писателями. Несколько позже, в 1968 году, стали выпускать “Хронику текущих событий” — два десятка смельчаков собирали по всей стране материалы о репрессиях, о тех политических процессах, которые шли в те годы. Это издание поставило рекорд долгожительства. Это был подвиг Наташи Горбаневской.

Вернусь к моему личному чтению. 1965 год стал для меня годом, когда я открыла сразу двух великих русских писателей, которые стоят как пограничные столбы русской литературы, — Платонова и Набокова.

Так случилось, что их книги почти одновременно попали ко мне в руки. Надо сказать, это было очень тяжелое испытание. Две такие, не хочу сказать — взаимоуничтожающие, но во многом очень противоположные, вскипающие друг от друга стихии. Платонова тогда напечатали — одно из первых посмертных изданий. С Набоковым интереснее: один студент с другого факультета, канадец русского происхождения, дал прочитать “Приглашение на казнь”. Это был абсолютный переворот для меня: я поняла, что есть другая русская литература, помимо русской классической и русской советской, в которой я заметила одного Платонова... Советскую я не читала из внутреннего протеста. Какой может быть Павка Кор-

чагин, Павлик Морозов и Зоя-Таня Космодемьянская, когда “уже написан Вертер”! Даже хорошую “сов. литературу” не читала — это был мой личный снобизм. Морщила нос. Никакого Трифонова, Нагибина — они потом, очень запоздало были прочитаны, и было уже не так интересно. И зачем мне было читать “Зубра”, когда я слушала лекции Тимофеева-Ресовского? И я всё читала книжки из шкафов, уже не бабушкиных, а других людей. Один такой владделец шкафа — Анатолий Васильевич Ведерников, в те годы — заместитель редактора ЖМП, журнала Московской Патриархии. У него была прекрасная домашняя библиотека, от Розанова до Мережковского. Вторая библиотека того времени — отца Александра Меня. Обоим благодарна по сегодняшний день. Жизнь советская была плоская и довольно безвоздушная, и найти какую-то вертикаль — острая потребность времени. Довольно прихотливые путешествия я в те годы совершила по разным эзотерическим маршрутам — от Блаватской и доктора Штейнера до Сведенборга и каббалы... Вот такие были мои религиозно-философские чтения.

И в то самое время попал в руки роман неизвестного писателя Набокова “Приглашение на казнь”, и все перевернулось. Это было абсолютным потрясением. Последние страницы романа содержали такой художественный прорыв, на который никакая философия не была способна. А дальше маршрут мой прорисовывался следующим образом: поскольку меня интересовала в мои университетские годы не только философия и биология, но и мануфактура, с которой было точно так же плохо, как и с книгами, я пришла как-то в корпус “Л” высотного здания на Воробьевых горах купить у знакомой фарцовщицы какую-то тряп-

ку. У нее водилось всё: туфли, юбки, кофточка, колготки и трусики. Книгами она вообще-то не занималась. Пришла — полно барахла выложено на кровати, а в кресле лежит книжка. Называется “Дар”, и автор ее — уже известный мне Набоков. Глаз мой загорелся таким пламенем, что она, как опытный продавец, сказала, что книга не продается. Это было сильное заявление, но ответ мой был еще сильнее: я сняла с руки бриллиантовое бабушкино кольцо, положила на стол и взяла книгу. Надо сказать, что ни одной минуты я не пожалела об этом кольце. Книга оказалась настоящим бриллиантом. Она читана-перечитана мной, всеми моими друзьями. Она даже после “Приглашения на казнь” была ошеломляющей. Это еще одна драгоценная книга в моей библиотеке.

В 1968 году я закончила университет, попала в Институт общей генетики Академии наук, что было лучшим распределением. Время большого чтения продолжалось. Книжки приходили, прибегали, прискакивали сами. В конце шестидесятых — начале семидесятых годов возникло движение евреев за выезд, за эмиграцию. Ворота страны то слегка приоткрывались, то закрывались, и в это время стали выходить периодические журналы “Евреи в СССР”, “Таргут”. У меня не было намерения уезжать в Израиль, но все с этим связанное было дико интересно: про историю образования этой страны мы ничего не знали или знали очень мало. В те времена я даже не знала чрезвычайно важного семейного факта, что мой дед Яков получил свой десятилетний срок в 1948 году за то, что работал в Еврейском антифашистском комитете (ЕАК), большая часть которого была расстреляна. Его посадили потому, что он, владе-

ющий несколькими иностранными языками, составлял политические обзоры для Михоэлса, председателя ЕАК, на основании иностранных газет: что происходит в Израиле, что говорят об этом арабы, какие там есть партии и что об этом пишут англичане, немцы, французы.

Именно в те годы в руки мне попала книжка “Исход” писателя Леона Юриса. Конечно, этот роман был из числа запрещенных — как сионистский... Роман, честно говоря, довольно посредственный, но действие в нем происходит поначалу в российских местечках, потом в Палестине во времена образования государства Израиль, и там было очень много фактического материала. Я роман прочитала бегло, потому что дали на короткое время, но мне очень захотелось его иметь. У меня была пишущая машинка “Эрика”, мне ее подарила мама к окончанию университета. Печатала я плохо, до сих пор печатаю медленно. Мы нашли машинистку, выдали мою машинку, потому что своей у нее не было, и она взялась за перепечатку “Исхода”. Ждали, ждали, а потом выяснилось, что машинку вместе с перепечаткой и книжкой забрали в КГБ. Кто-то стукнул. Не буду рассказывать о деталях этой истории, но на этом закончилась биологическая карьера не только моя, но и еще нескольких людей, с которыми мы вместе работали, — закрыли всю лабораторию. Книга Уриса “Исход” произвела мой исход из генетики и подтолкнула к другой профессии...

Собственно, на этом можно было бы и закончить. В 1990 году в России был принят закон о запрещении цензуры. В течение двух лет почти все те книги, которые были опасным чтением, появились на прилавках книжных магазинов. Кажется, издательства

не сделали на этих книгах большого бизнеса. У меня даже было такое впечатление, что все, кому это рискованное чтение было интересно, прочитали эти книги раньше. Может быть, самый яркий пример — “Архипелаг ГУЛАГ”, за который более всего сажали и трепали. Он лежал в начале девяностых не только на прилавках магазинов, но и во всех переходах в метро, но никто его не расхватывал. Парадоксально, но эта великая книга-подвиг оказалась гораздо важнее на Западе, чем на родине. Коммунистическое движение во Франции и в Италии пошло на спад после того, как западные коммунисты узнали о Большом терроре, о роли ЧК-НКВД-КГБ в жизни страны и отшатнулись от коммунистического режима, от сталинизма. Но как раз в России этого не произошло. Книга, по-видимому, так и осталась непрочитанной, потому что через несколько лет после крушения советской власти народ дружно проголосовал за человека, воспитанного в старых традициях КГБ. Здесь же и корень возрождающегося в нашей стране сталинизма.

Эпоха чтения началась для человечества за шесть-пять тысячелетий до нашей эры, когда оформилась письменность и информацию стали передавать от человека к человеку с помощью алфавитов, изобретенных гениями человечества. Первые расшифрованные записи носят финансовый характер — это долговые книги и “проводки”, как сказали бы современные бухгалтеры. Похоже, что сакральные тексты моложе финансовых.

В начале XV века произошло еще одно событие, изменившее путь цивилизации, — было изобретено книгопечатание, началась новая эра, эра Гутенберга.

Сегодня мы находимся на пороге следующего этапа в жизни человечества: информационная революция уже отменяет книги, а рвущиеся вперед наука и современные технологии, по всей вероятности, скоро изменят и самого человека таким образом, что информация будет считываться мозгом напрямую с носителей, минуя механизм привычного нам чтения. Для получения информации не надо будет совершать никаких подвигов, достаточно сделать один клик. За книгу сегодня не арестовывают.

Но есть одна загадка: если подвиг чтения больше никому не нужен, то почему мы снова чего-то боимся? Почему остается страх? Кажется, загадка невелика, но об этом стоит подумать.

Если бы моя покойная подруга задала свой предсмертный вопрос “Что такое интеллигенция?” сегодня, я бы, пожалуй, ответила несколько иначе: это образованные люди, обладающие интеллектуальным бесстрашием, деятельность которых не мотивируется корыстью... Но, к сожалению, этого “тайного ордена” больше не существует.

Интеллигент, как бы ни определять его свойства, представляется большинству сограждан по преимуществу фигурой комической. Более того, я позволю себе смелость сказать, что российская интеллигенция покончила свое существование самоубийством. Произошло это в двадцатых–тридцатых годах прошлого столетия. Под напором власти интеллигенция предпочла “развоплотиться”, и этому послужили выдающиеся писатели своего времени, создав целую портретную галерею героев, которых можно узнать и в “Хулио Хуренито” Эренбурга, и в “Двенадцати стульях” и “Золотом теленке” Ильфа и Петрова, и во мно-

гих других литературных героях, обещающих само явление “русской интеллигенции”. В заключение приведу отчаянное и убедительное высказывание Юрия Олеши, тоже бросившего свой камень на могилу “русского интеллигента”, сделанное им в 1930 году:

Мы, писатели-интеллигенты, должны писать о самих себе, должны разоблачать самих себя, свою “интеллигентность”... Взгляд мой на положение интеллигенции крайне мрачен. Надо раз навсегда сказать следующее: пролетариату совершенно не нужно то, что мы называем интеллигентностью... Я хочу перестроиться. Конечно, мне очень противно, чрезвычайно противно быть интеллигентом. Вы не поверите, быть может, до чего это противно. Это — слабость, от которой я хочу отказаться.

Нам, сегодняшним потомкам тех, кого называли интеллигенцией, досталась от предков одна общая слабость — любовь к чтению.

Людмила Улицкая Бумажный театр

НЕПРОЗА I

Содержит нецензурную брань

Главный редактор ЕЛЕНА ШУБИНА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Ведущий редактор ВЕРОНИКА ДМИТРИЕВА

Младший редактор НАДЕЖДА ТОЛСТОУХОВА

Корректоры НАДЕЖДА ВЛАСЕНКО, ЛАРИСА ВОЛКОВА

Компьютерная верстка ЕЛЕНА ИЛЮШИНОЙ

<http://facebook.com/shubinabooks>

<http://vk.com/shubinabooks>

Подписано в печать 30.09.2020. Формат 84×108/32.

Усл. печ. л. 28,56. Тираж 15 000 экз. Заказ 8681

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2020 г.

ООО “Издательство АСТ”
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. 1, 7 этаж
Наш электронный адрес: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.ru

“Баспа Аста” деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, 1 жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дукен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО “РДЦ-Алматы”.
Қазақстан Республиксындағы импорттаушы “РДЦ-Алматы” ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в Республике Казахстан: ТОО “РДЦ-Алматы”

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім
бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі
“РДЦ-Алматы” ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3 “а”, литер Б, офис 1.
Тел.: +8(727) 2515989, 90, 91, 92, факс: +8(727) 2515812, доб. 107
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Реальность ускользает. Мы вступили
в мир, полный неизвестного.
Но память о нашем прошлом
необходимо сохранять.

А оно слагается не только из культуры,
которая создавалась тысячелетиями.
Вдруг обнаруживается, как важны детали
личного прошлого, того круга жизни,
в котором было столько маленьких
и больших мыслей, поступков,
движений, так много было всего дано —
и радостей, и страданий, и знания.

Ценность отдельно взятой жизни
не должна утонуть в океане
миллиардов человеческих судеб.

И после прожитой жизни
человека остается его текст —
как свидетельство личного присутствия
на этой прекрасной и временами
очень страшной земле...

Людмила Улицкая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

9 785171 326159